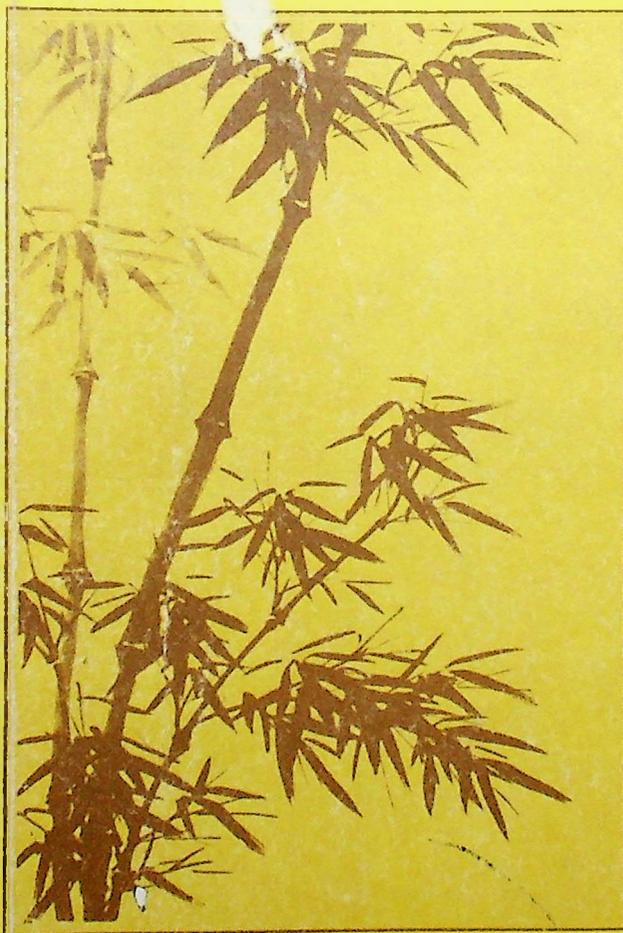

ISSN 0131 - 2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/93

Сотрудничество в зоне
Японского моря

*

Итоги и перспективы
развития китайской
экономики

*

Вьетнам модифицирует
внешнеэкономические связи

*

Из донесений архимандрита
Палладия о тайпинах

*

Ким Хан Гю - Почетный
доктор ИДВ

*

Культ предков в Китае

1005 203

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

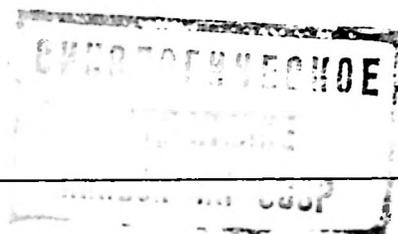

4/93

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 г.

РЕГИОН

К.Огава. Перспективы развития экономического
сотрудничества в зоне Японского моря 3

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

В.Портяков. Экономика КНР: итоги развития в 1992 г. и
задачи на 1993 г. (окончание) 8
Л.Гирич. Китайская программа "Факел" - прорыв на
рынок высоких технологий 17
В.Хлынов. Японский опыт макроэкономического
планирования 26
В.Стефашин. Военно-экономические проблемы Китая 34
О.Борех. "Сто цветов" в китайской экономической науке 41
В.Данилов. Реформы на государственных промышленных
предприятиях 58
Л.Аносова. Модификация внешнеэкономических связей
Вьетнама 64

БИЗНЕС-КЛУБ

Д.Воронцов. РОТОБО - советчик и посредник деловых
людей 77

КУЛЬТУРА

Н.Боревская. Модернизация или вестернизация? 82
С.Торопцев. Экология литературного героя 93
О.Городецкая. Портретная идеализация в культурах
Востока и Запада 99

1665 2023

ПРОФИЛИ

- В. Молодяков. "Свет ночника в полдень" (Загадка адмирала Енаи) 107
Е. Таскина. Дороги жизни Е.Е. Яшнова 114

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ

- В. Сидихменов. О культе предков в Китае 116
Э. Молодякова. Мингэй - народные промыслы японцев 123
А. Воскресенский. Феномен рыцарства в китайской литературе 128

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- А. Ипатов. "Именем Неба восстановим справедливость!" (Русские архивные материалы о начале тайпинского восстания в Китае) 135
Л. Двойных. История Дальнего Востока в фондах военного архива 146

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- Ю. Георгиев. Москва, 1938 г. Комментарий к свидетельству очевидца (Сандзо Носака) 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Присуждение звания "Почетный доктор ИДВ РАН"
Ким Хан Гю 158
П. Кожин. Китайская цивилизация: общее и особенное 164
Л. Волкова. Проблемы аграрного сектора на российско-украинско-китайской конференции 174
К. Асмолов. Первая ступень к тайнам Востока 181

РЕЦЕНЗИИ

- В. Мясников. Е.Б. Поршнева. "Религиозные движения позднесредневекового Китая" 183
Д. Воронцов. К. Огава. "Последняя целина (экономическая зона Японского моря)" 185
Б. Бородин. Б.В. Поспелов. "Отношения Японии со странами АТР: социально-идеологические аспекты" 187

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Академику С.Л. Тихвинскому - 75 лет 189

Редакционная коллегия:

А.М. Григорьев (главный редактор), Я.М. Бергер (замглавного редактора), Ю.М. Гарушянц, В.И. Глуниц, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Н. Кашин, В.В. Малявин, С.А. Манежев, П.А. Минакер, В.С. Мясников, Л.С. Переломов, Д.В. Петров, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, Б.Л. Рифтин, Б.Н. Славинский (замглавного редактора), Н.Н. Соловьев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, Г.Д. Сухарчук, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-04

Перспективы развития экономического сотрудничества в зоне Японского моря

© 1993

Кадзуо Огава

Позитивные политические перемены - база развития региона

Шаг за шагом, с переменами в международной обстановке, контакты и многостороннее сотрудничество в рамках экономического региона "Японское море" вступают в стадию принятия "Программы действий". Концепция экономического региона "Японское море" начала выдвигаться отдельными учеными со второй половины 1980-х годов. В Японии в общем виде признание она получила лишь в начале 1990-х годов. Тем не менее, в настоящее время контакты и международное сотрудничество в рамках экономического региона "Японское море" уже вышли из стадии научных дискуссий и составления концепций. Сейчас вопрос в том, как их конкретно осуществлять.

Экономический регион "Японское море" - это хозяйственный регион, включающий страны и районы, для которых Японское море является внутренним морем, а именно Японию, Россию (район Дальнего Востока), Китай (три северо-восточные провинции: Хэйлунцзян, Гири и Ляонин), Южную Корею, Корейскую Народно-Демократическую Республику (Северную Корею). В Америке этот регион классифицируется как "Северо-Восточная Азия".

До недавнего прошлого, всего лишь несколько лет назад, Северо-Восточная Азия была районом с самой высокой в мире международной политической напряженностью, противостоянием в "холодной войне" между странами капиталистической системы - Японией и Южной Кореей во главе с США и великими державами социалистической системы - Китаем и Советским Союзом, и их союзницей - КНДР.

В марте 1985 г. в Советском Союзе к руководству пришла администрация Горбачева, которая осуществила резкий поворот в политике, взяла курс на перестройку и гласность, на развитие мирной дипломатии в отношении всех стран мира.

Сегодня установлены дипломатические отношения между Россией и Южной Кореей, Китаем и Южной Кореей, полностью нормализованы отношения между Китаем и Россией. Десять лет назад почти никто не смог бы предсказать нынешний поворот событий в Северо-Восточной Азии. Действительно, картина полностью изменилась. Пришло время, когда стало возможным надеяться на успех усилий, направленных на то, чтобы ввести Северную Корею в международное сообщество, преодолеть тенденции к еще большей ее изоляции.

На фоне этих позитивных перемен в международной политической обстановке активизировались разнообразные экономические и научно-технические связи в Северо-Восточной Азии между странами, районами, городами и предприятиями, открываются возможности для еще большего расширения их в будущем, и уже начали реально обсуждаться проекты экономического сотрудничества на многостороннем уровне. И в этом смысле многостороннее сотрудничество в рамках экономического региона "Японское

Кадзуо Огава, профессор экономического факультета Университета Ниигата, Управляющий директор Общества торговли с Россией и странами Восточной Европы (РОТОВЕ), заместитель директора НИИ Экономики России и стран Восточной Европы. Автор многочисленных публикаций и монографий по проблемам японо-российских экономических отношений.

море" вступило в стадию конкретизации.

Подъем японской экономики после второй мировой войны опирался на связи с США - самым крупным союзником и торговым партнером Японии. Впоследствии обширным рынком сбыта для нее стали страны Юго-Восточной Азии. Поэтому в первую очередь районы Тихоокеанского побережья, как говорят в Японии, всегда "купались в лучах солнца", т.е. бурно развивались экономически, а префектуры на побережье Японского моря долгое время были в невыгодном положении. Сейчас с учетом изменения ситуации в Северо-Восточной Азии префектуры Японского моря получили большие возможности использовать расширение экономических связей со странами и районами побережья Японского моря для содействия подъему местной промышленности, и это можно считать естественным.

Вертикальное разделение труда и перспективы взаимовыгодного экономического сотрудничества

Экономический регион "Японское море" представляет собой крупный хозяйственный регион (см. табл. N 1), в котором сконцентрирован большой потенциал: 20% континентальной площади всей Азии, 10% населения (около 290 млн.чел.), 70% ВВП (примерно 3 трлн.долл.). При этом в регионе имеются большие возможности для осуществления конкретных проектов взаимовыгодного экономического сотрудничества и крупномасштабного разделения труда, поскольку входящие в этот регион страны и районы отличаются друг от друга по условиям и факторам производства.

Таблица 1

Экономический регион "Японское море":
Территория, население, ВВП

Страна (Район)	Территория (тыс.км2)	Население (тыс.чел.)	ВВП (млрд.дол.)
1. Япония	378	12.361	2.576,5
2. Дальний Восток России	6.216	797	48,5
Приморский край	166	266	...
Хабаровский край	825	182	...
Сахалинская область	87	71	...
Амурская область	364	109	...
Республика Саха-Якутия	3.103	108	...
Магаданская область	1.199	54	...
Камчатская область	472	47	...
3. Северо-восток Китая	787	9.993	44,6
Пров.Хэйлунцзян	454	3.543	...
Пров.Гирин	187	2.483	...
Пров.Ляонин	146	3.967	...
4. Южная Корея	99	4.238	150,3
5. КНДР	121	2.242	15,6
И Т О Г О	7.601	29.631	2.835,5

Примечание. ВВП Дальнего Востока России оценивается в 4% от ВВП бывшего СССР, данные по его территории и населению - за 1989 г., по ВВП - за 1988 г.

Источник: "Тири токэй сран 1992" и др.

Для каждой из стран характерны специфические особенности экономики: в Японии это - капитал и высокие технологии, в Южной Корее - капитал и промежуточные технологии (высокая эффективность производства для развивающейся страны), на Дальнем Востоке России - богатые природные ресурсы (природный газ, уголь, нефть, цветные металлы, лес, морские продукты), на северо-востоке Китая - рабочая сила и продукты сельского хозяйства и легкой промышленности, в Северной Корее - рабочая сила и минеральные ресурсы (цветные металлы). Вертикальное разделение труда на базе взаимного использования этих ресурсов может дать большие выгоды.

Экономический регион "Японское море" не может считаться закрытым. Восточно-Китайское и Желтое моря, а также Тихий океан открывают доступ не только к региональным экономическим группировкам в Азии, но и к странам Океании и Северной Америки. Многие факты говорят о том, что надежды на укрупнение в перспективе масштабов внешних хозяйственных связей экономического региона "Японское море" достаточно обоснованны.

Формируется разделение труда на местном, районном уровне в отношениях между Россией и Китаем, и в этой связи обращает на себя внимание процесс укрепления самостоятельности местных административных органов и предприятий на Дальнем Востоке России и в трех северо-восточных провинциях Китая. В обеих странах идет процесс экономической автономизации районов, что в увязке с заметной и в Японии тенденцией к регионализму становится существенным фактором, способствующим укреплению хозяйственных отношений между районами. И здесь наибольшую роль начинают играть связи в рамках экономического региона "Японское море".

Возможности и преимущества экономических контактов на региональном уровне велики, особенно если они, как можно надеяться, будут развиваться независимо от сложившихся структур, определяющих отношения на межгосударственном и межправительственном уровнях. Если такая возможность будет предоставлена, то они легко преодолеют возникающие частные препятствия и принесут выгоды регионам на взаимной основе.

От частных контактов к реализации многообещающих проектов

В экономическом регионе "Японское море", находящемся в стадии принятия "Программы действий", в развитии контактов и сотрудничества наблюдается парадокс. Несмотря на активное соперничество между наблюдателями таких связей, особенно между выходящими на Японское море префектурами, городами и отдельными заинтересованными лицами; это стремление к сотрудничеству опережает жизнь, и на практике масштабы реализованного экономического сотрудничества и контактов оказываются небольшими, а при подходе к многостороннему и межрегиональному сотрудничеству встают горы трудноразрешимых проблем.

В течение трех лет - с 1990 по 1992 г. - практически не проходило и месяца, чтобы в какой-либо из префектур или в каком-либо из городов Японии - от Хоккайдо на севере до Кюсю на юге, включая Осака и Нагоя, - а также на Дальнем Востоке России или в одной из трех северо-восточных провинций Китая не проводилась бы международная конференция, посвященная расширению региональных экономических связей и сотрудничества, не проходили бы взаимные визиты делегаций по изучению положений на местах. Если их все перечислить, то получилась бы солидная таблица на несколько страниц.

Во многих префектурах побережья Японского моря предусмотрено увеличение ассигнований из местных бюджетов на цели развития не только экономических, но и иных международных связей в регионе Японского моря. В частности, довольно крупные по размеру средства выделяют округ Хоккайдо, префектуры Нингата, Тоёма, Исикава, Фукуи. Все уже давно поняли, что региональные экономические связи и сотрудничество открывают большие возможности для многопланового развития всего региона. В противном случае

была бы бессмысленна конкуренция между префектурами и городами Японского моря в проведении симпозиумов по одним и тем же проблемам, в командировании делегаций по обследованию ситуации на местах. В настоящее время разрабатываются многообещающие проекты многостороннего сотрудничества в регионе, например по созданию свободной экономической зоны в дельте реки Туманган на стыке границ России, КНР и КНДР, или по освоению ресурсов природного газа в Якутии. (См. перечень в приложении 1). Однако в подходах к их конкретному осуществлению проявляются осторожность и опасения. Для их реализации сегодня требуются высокий дух предпринимательства, активная позиция деловых кругов. Нужно, чтобы проявила инициативу каждая японская префектура или город.

Нужен союз между правительством Японии и частными кругами

В развитии контактов и сотрудничества в экономическом регионе "Японское море" Япония должна взять на себя функцию главной движущей силы, так как в ее руках сосредоточена подавляющая часть экономического потенциала этого региона - из почти 3 млрд.долл. ВВП региона более 90% приходится на Японию. С другой стороны, Дальневосточные районы России, три северо-восточные провинции Китая, а также Северная Корея заметно отстали по уровню развития промышленности, всех видов инфраструктуры, жизненному уровню и многим другим показателям.

С учетом вышеизложенного японское правительство, местные органы самоуправления, деловые круги в центре и на периферии, научные круги, каждое предприятие - все должны выдвигать инициативы. Отрадно, что официальные и деловые круги в центре начали рассматривать экономический регион "Японское море" в более широком ракурсе - с точки зрения экономики страны в целом. В 1991-92 гг. уже были проведены исследовательские работы и изучены ситуации на местах на основе средств, выделенных рядом министерств, управлений и экономических организаций из центра. Как раз в это время начались дискуссии по поводу формирования новой структуры японской территории, в которых обсуждались прогнозы развития страны после завершения "Четвертого сводного общенационального плана развития". Появилась так называемая "Концепция Японского моря как оси национальной территории", в основу которой положено формирование экономического региона "Японское море". В этом исследовании прогнозируется, что в 21 веке наряду с экономической осью японской территории вдоль районов Тихоокеанского побережья встанет задача создания подобной оси на базе районов побережья Японского моря.

И еще один фактор, на который хотелось бы обратить внимание. В случае реализации на практике системы Региональной ODA (Официальной Помощи Развитию), роль местных органов власти в деле развития контактов и сотрудничества в рамках экономического региона "Японское море" могла бы чрезвычайно вырасти. При этом важно, чтобы выходящие на Японское море префектуры и города Японии избегали чрезмерного соперничества, и спокойно взвешивали, как им вести дело в согласии. Наряду с этим требуется, чтобы крупнейшие города объединили усилия с районами побережья Японского моря и оказали помощь в формировании экономического региона "Японское море". Особенно была бы желательна такая помощь в плане сбора информации и создания базовых пунктов для связи и контактов.

Таким образом, сегодня от Японии остро требуется проявление инициативы в деле развития экономического региона "Японское море".

Перечень крупномасштабных проектов по развитию Дальнего Востока (включая находящиеся в стадии концепции)

1. **Развитие дельты реки Туманган**
 Место реализации: на границе Китая, КНДР, России
 Участники: Китай, КНДР, Россия, Южная Корея, Япония
 Содержание проекта: хозяйственное развитие районов, прилегающих к устью реки Туманган. Проект находится в фокусе всеобщего внимания после опубликования плана строительства Китаем грузового порта пропускной способностью 5 тыс. т в год, который будет ядром свободной экономической зоны под управлением трех стран - Китая, КНДР и России.
2. **Развитие зоны морского порта Далянь**
 Место реализации: Китай, пров. Ляонин, г. Далянь
 Содержание проекта: обустройство промышленной зоны и расширение мощностей морского порта Далянь. В 1984 г. начато строительство первой очереди Зоны (20 км²) для размещения предприятий около 100 компаний, в 1990 г. начаты работы в рамках второй очереди для размещения 500 компаний. Наряду с развитием старого Далянского порта в заливе Даяо идет реконструкция гавани пропускной мощностью 840 тыс. т грузов в год и способной принимать до 80 судов. В итоге потенциал переработки грузов в шести портах составит 140 млн.т. Прибыль китайских и зарубежных предприятий, закрепившихся в промышленной зоне, будет использоваться и на ее развитие.
3. **Развитие долины Саньцзяньпин**
 Место реализации: Китай, пров. Хэйлуцзян
 Содержание проекта: По принятому в 1988 г. решению, территория площадью 103 тыс.км² утверждена в качестве общенационального проекта - зоны всеобщего развития сельского хозяйства, объем инвестиций в которую до 2000 г. должен составить 3,4 млрд.юаней. Она должна стать базой выращивания преимущественно зерновых - риса, кукурузы и др. Уже освоено 120 участков площадью 35 тыс.км², на которых производится 3,15 млн.т риса и других зерновых культур.
4. **Своеные ресурсы якутского природного газа**
 Место реализации: Республика Саха-Якутия
 Участники: Япония, США, Россия
 Содержание проекта: в результате совместной геологической разведки, проводившейся Японией, США и Россией, подтверждены запасы 800 млрд.м³ природного газа в Лена-Вилюйском и Ботуобинском нефтегазоносных пластах. Месторождения ждут разработки.
5. **Разработка ресурсов природного газа на шельфе о.Сахалин**
 Место реализации: Россия, Сахалинская область
 Участники: Япония, Россия
 Содержание проекта: уже завершены проводившиеся Японией и Россией геологоразведочные работы структур Чайво и Одопту, идет подготовка ТЭО. Подтверждены запасы газа в месторождении Луньское - 350 млрд.м³. Они ждут своего освоения.
6. **Четвертое генеральное соглашение по разработке лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.**
 Место реализации: районы Сибири и Дальнего Востока России
 Участники: Япония и Россия
 Содержание проекта: в течение 5 лет, начиная с 1992 г., Япония экспортирует машины и оборудование, в обмен на которые импортирует 6 млн.м³ круглого леса и 400 тыс.м³ пиломатериалов.

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Экономика КНР: итоги развития в 1992 г. и задачи на 1993 г.

© 1993

В.Портяков

Окончание. Начало см. "ПДВ", N 2-1993г.

2.4. Событием года в сфере реформы деятельности предприятий стала подготовка и введение в действие с 25 июля 1992 г. "Положения об изменении механизма хозяйствования на промышленных предприятиях общенародной собственности". Документ, призванный обеспечить реальный поворот к рынку и повышение уровня хозяйствования на 105 тысячах государственных промышленных предприятиях, представляет собой наиболее целостную и серьезную - со времени принятия "Закона о предприятии" - программу превращения предприятий в "самостоятельно ведущих хозяйство, самостоятельно отвечающих за прибыли и убытки, саморазвивающихся и самоограничивающихся в соответствии с потребностями рынка" независимых товаропроизводителей. В нем суммированы и обобщены наработки последних лет по улучшению внешней среды и внутреннего механизма хозяйствования на предприятиях, детально проговорены права предприятий, вопросы их перепрофилирования и прекращения деятельности, взаимоотношений с органами административного управления.

Декларируя расширение прав предприятий в управлении трудом и кадрами, ценообразовании, во внешнеэкономической и инвестиционной деятельности, в распоряжении имуществом, данное положение поставило перед предприятиями ряд достаточно жестких макроэкономических ограничений, способных заставить их "играть по правилам", единообразно устанавливаемых государством, а не действовать кому как заблагорассудится. Так, предприятиям предписано в обязательном порядке отчислять 10% прироста фонда заработной платы в резервный фонд, компенсировать из прибыли или залоговых средств невыполнение подрядных заданий по отчислению прибыли государству, обеспечивать меньший по сравнению с ростом производительности труда (по чистой продукции) прирост доходов рабочих и служащих.

Задача реализации "Положения об изменении механизма хозяйствования на государственных предприятиях" сохраняется и на 1993 г., а, возможно, и на более длительный срок. Проверка ситуации на местах показывает, что большинство предприятий по-прежнему лишено самостоятельности в найме и увольнении работников, внешнеэкономических операциях, ведении даже минимальной инвестиционной деятельности. Корень проблемы, по-видимому, в том, что трансформация механизма хозяйствования на предприятиях не является более или менее изолированной сферой реформы, напротив, ее успех и доведение до логического конца прямо зависят от формирования развитого рынка факторов производства, включая рынок рабочей силы, от создания эффективно действующих систем макроконтроля и социального обеспечения, наконец, от подлинного, а не формального изменения функций органов административного управления.

2.5. 1992 год ознаменовался активизацией процесса акционирования в КНР, поставленного с принятием пакета из 17 регламентирующих его

документов на более прочную юридическую основу. В утвержденных Госсоветом КНР 15 мая 1992 г. "Правилах эксперимента с пассивными предприятиями" целями акционирования были провозглашены содействие рациональному обращению факторов производства и смене хозяйственного механизма на предприятиях, поиск новых путей аккумуляции средств, повышение эффективности использования государственного имущества. В числе принципов акционирования особо оговаривалось нанесение ущерба общественной собственности, в связи с чем не допускалась передача государственного имущества в виде пая коллективам или отдельным лицам, а коллективного имущества - отдельным лицам. Претендующему на акционирование предприятию предписывалось пройти всестороннюю проверку имущества и бухгалтерско-финансовой деятельности, погасить долги, ограничить имущество права. Создание пассивных предприятий допускается в двух формах - пассивных компаний с ограниченной ответственностью, имеющих право после соответствующего утверждения выпускать предназначенные для публичной продажи акции, и компаний с ограниченной ответственностью, не выпускающих акции. Запретными зонами для акционирования были объявлены оборонные высокотехнологичные предприятия и объекты разработки редкоземельных металлов стратегического значения. В высокомонополизированных, особо важных для государственной структурной политики, отраслях - энергетике, транспорте, связи - контрольный пай должен оставаться за государством.

Предусматривается учреждение четырех видов пая: государственного, юридических лиц, индивидуального и пая иностранного капитала. Это положение отражало реально сложившуюся в КНР практику акционирования: на 89 созданных в стране к началу 1992 г. акционерных предприятиях, акции которых были предназначены для открытой продажи (их доля составила всего 2% от общего числа пассивных предприятий - 3220), пай государства составил 47%, пай других предприятий, выступающих в качестве юридических лиц, 29%, пай индивидуальных владельцев 14% и пай иностранных инвесторов 9%².

Типовое положение о пассивных обществах с ограниченной ответственностью предусматривало нижний лимит уставного капитала в 10 млн. юаней, а при участии иностранных инвесторов - в 30 млн. юаней. Десятью-двадцатью процентами общего пая, в зависимости от избираемого способа аккумуляции средств, ограничивалась величина пая рабочих и служащих данной компании, к тому же в течение трех лет запрещалась их перепродажа³.

Типовое положение о компаниях с ограниченной ответственностью определяло допустимое число пайщиков в пределах от 2 до 30. Нижний лимит уставного капитала был установлен в 500 тысяч юаней для компаний производственного назначения и оптовой торговли, в 300 тысяч - для компаний розничной торговли и в 100 тысяч юаней - для научно-технических, консалтинговых компаний и сферы услуг⁴.

Как правило, государственным предприятиям разрешалось претендовать на участие в акционировании в случае их слияния или необходимости привлечения новых инвестиций на расширение или реконструкцию.

В общей сложности в 1992 г. было утверждено создание около 400 пассивных предприятий (по данным журнала "Гайгэ", - 363, в том числе 224 пассивных компаний и 139 компаний с ограниченной ответственностью)⁵. Несколько десятков предприятий эмитировали акции, поступившие в торговый оборот на биржах ценных бумаг в Шанхае (номинальной стоимостью 4,4 млрд. юаней) и Шэньчжэне (номинальной стоимостью 2,5 млрд. юаней)⁶. Для сравнения укажем, что в 1991 г. суммарное поступление новых акций на свободный рынок составило лишь 400 млн. юаней⁷.

2.6. Резкое расширение предложения акций на биржах в Шанхае (до 38 видов вместо 8 в 1991 г.) и Шэньчжэне (до 34 видов вместо 6) обусловило кардинальные сдвиги в структуре и особенностях функционирования рынка ценных бумаг в КНР. Если раньше на нем доминировали облигации, особенно государственные казначейские обязательства, при небольшой доле торговли акциями в общем объеме продаж (в 1991 г., например, 4,51 из 55,47

млрд.юаней, или 8,1%), то в 1992 г. произошел скачкообразный рост объема сделок на вторичном рынке акций - до 42,1 млрд.юаней в Шэньчжэне (рост в 12 раз) и примерно до 50 млрд.юаней в Шанхае*. По оценке, в целом за год на акции пришлось около половины объема сделок на рынке ценных бумаг, хотя их доля в общей эмиссии ценных бумаг в 1992 г. (120 млрд.юаней по сравнению с 62,4 млрд.юаней в 1991 г.º) составила порядка 10%. Несомненно, это связано с ажиотажным спросом на рынке акций в КНР (рыночные цены некоторых видов акций в 1992 г. оказались в десятки раз выше номинальной стоимости.)

1992 г. продемонстрировал и теснейшую связь положения на рынке акций КНР с колебаниями политической конъюнктуры. Так, в Шэньчжэне сводный индекс котировки акций, составлявший 110 пунктов в начале года, начал быстро расти только после одобрения более смелых экспериментов с акционированием на сессии ВСНП в конце марта и, достигнув пика в 312 пунктов 10 августа на волне ажиотажного спроса, начал резко падать после нарушения общественного порядка, вызванного непомерным притоком в город иногородних граждан, жаждавших приобрести акции. Низшая точка в 164 пункта была достигнута 23 ноября, но после известий о посещении Цзян Цзэминем Шанхайской биржи курс вновь стал расти и достиг в конце года 241 пункта. Сходная картина имела место и на Шанхайской бирже, где сводный индекс котировки акции с пиковых 1420 пунктов 26 мая (следствие "отпуска цен" на акции) "рухнул" 12 августа до 782 (реакция на события в Шэньчжэне) и до 390 пунктов в начале ноября, а затем, после визита Цзян Цзэминя на биржу, выправился до 780 пунктов в конце года.

Стремительная "экспансия" акций на рынке ценных бумаг привела к трудностям с реализацией государственных казначейских обязательств, объем эмиссии которых на 1992 г. был запланирован в размере 31 млрд.юаней, и даже падению их котировки ниже номинала¹⁰. Между тем именно государственные казначейские обязательства остаются наиболее значимой для центра разновидностью ценных бумаг, коль скоро именно через их эмиссию осуществляется покрытие значительной части дефицита госбюджета и перевод внутреннего государственного долга в "цивилизованную" облигационную форму.

В китайской печати появились весьма негативные оценки ситуации на рынке акций. Она, например, сравнивалась с попыткой "поставить на ноги и даже заставить бежать малыша, еще не научившегося ползать, который не может не свалиться", с игрой в мяч, "когда играть уже начали, а правил игры еще нет"¹¹.

В конце года были предприняты конкретные меры по наведению порядка на рынке ценных бумаг. В уведомлении Госсовета КНР от 17 декабря 1992 г. "О дальнейшем усилении макроуправления рынком ценных бумаг" функции по руководству, координации и контролю всей работы с ценными бумагами возлагались на Комитет Госсовета по ценным бумагам и его исполнительный орган - Китайский комитет по контролю и управлению ценными бумагами. Был четко оговорен порядок выхода акций на рынок ценных бумаг и масштабы эксперимента с эмиссией акций для публичной продажи в 1993 г. - по 1-2 акционируемых предприятия в провинциях и городах, имеющих статус единого объекта планирования, за исключением Гуандуна, Фуцзяни, Хайнаня, где сфера эксперимента может быть расширена. Предписано провести проверку всех случаев эмиссии акций в 1992 г. без санкций государства или сверх установленных лимитов. Декларированное единство политики процентной ставки по облигациям и пресечение не утвержденной "наверху" эмиссии облигаций предприятий было подкреплено указанием Госсовета о том, что доходность любых облигаций не должна быть выше, чем по государственным казначейским обязательствам.

В уведомлении сообщалось также, что в целях юридического обеспечения здорового развития рынка ценных бумаг в Китае в настоящее время ведется работа над базовым "Законом о ценных бумагах", а в ближайшее время должны вступить в силу "Временный регламент эмиссии акций и торговли ими", "Положение об управлении организациями, ведущими операции с ценными

бумагами", "Правила деятельности лиц, осуществляющих операции с ценными бумагами"¹².

Решено также не открывать в ближайшее время третью биржу ценных бумаг. Упорядочению ситуации на рынке ценных бумаг должно содействовать и создание трех общекитайских компаний ценных бумаг - Хуася в Пекине, Готай в Шанхае и Наньфан в Гуанчжоу. В целом в КНР настроены на пусть более упорядоченную, чем в 1992 г., но все равно высокую динамику развития рынка ценных бумаг в стране в 1993 г. Объем сделок на Шэньчжэньской бирже прогнозируется в 60 млрд. юаней, а на Шанхайской - в 200 млрд. юаней¹³.

2.7. Динамично развивались в 1992 г. и *другие виды рынков*.

Объем сделок на рынке валютного регулирования, куда ныне допущены и физические лица, вырос на 4,65 млрд.долл. по сравнению с 1991 г. и достиг 25,1 млрд.долл.¹⁴

Объем сделок на рынке научно-технических достижений и технологий возрос на 60% и достиг 15,8 млрд.юаней¹⁵.

В январе 1992 г. была официально открыта Шэньчжэньская биржа цветных металлов, а в мае - Шанхайская биржа цветных металлов, ставшая первым в Китае фьючерсным рынком международного класса. Через нее было реализовано 2,2 млн. т цветных металлов шести видов (медь, алюминий, свинец, цинк, олово, никель) на 36 млрд. юаней¹⁶.

Особые надежды в Китае связывают с развитием рынка недвижимого имущества, функционирующего ныне главным образом в виде рынка товарного жилья и рынка прав пользования землей (как правило, участки сдаются в долгосрочную, на 50-70 лет, аренду иностранным инвесторам под комплексную застройку). В настоящее время в стране действует 4 тысячи компаний, ведущих операции с недвижимым имуществом. По прогнозу Министерства строительства КНР, доля операций с недвижимостью в ВВП страны с нынешних 2,7 должна возрасти до 3,7 в 1995 и 5,5% к концу десятилетия, суммарная площадь земельных участков, поступающих в рыночный оборот, соответственно до 15 и 25 тысяч гектаров (в 1992 г. на рынок поступило 2000 участков суммарной площадью 2500 га), а долю товарного жилья к 2000 г. предстоит довести до 50%. Вместе с тем в данной сфере существует огромное количество злоупотреблений, наносящих заметный ущерб государству. Фактически сформировался "черный рынок" земли, права пользования которой перераспределяются административным порядком; для привлечения иностранных инвестиций цена на сдаваемые в аренду участки сильно занижается; нет четкого разграничения ответственности и компетенций Министерства строительства, ведающего недвижимостью, с Земельным управлением, курирующим вопросы землепользования. Постоятельно требуется разработка эффективных юридических актов по вопросам управления недвижимым имуществом и рыночных операций с ним¹⁷.

В 1993 г. усилия по созданию общегосударственной единой открытой рыночной сети с центром в виде оптовых рынков товаров, рынков средств производства и рынков факторов производства будут продолжены.

Подкрепить их призвана явно ускоряющаяся реформа цен. Здесь акцент с преобладавшего ранее "урегулирования" цен, то есть их административного изменения при сохранении самого порядка установления цен государством, переносится на постепенное "освобождение", то есть самостоятельное определение цен субъектами рынка. Более ощутимой становится и увязка внутренних цен с ценами мирового рынка. Однако здесь Китай хотел бы, во избежание "шоковых последствий", и впредь действовать сугубо постепенно и дифференцированно. Например, как считает один из крупнейших китайских специалистов по ценам Чжан Чжоюань, если по нефти и нефтепродуктам можно пойти на полную увязку в конечном счете внутренних цен с ценами мирового рынка, то внутренние цены на уголь в целях обеспечения международной конкурентоспособности обрабатывающей промышленности КНР целесообразно и в будущем поддерживать несколько ниже уровня цен мирового рынка¹⁸.

Все более настойчиво ставится и вопрос о переходе к рыночному принципу формирования цен на факторы производства, в том числе процента по

кредитам и другие привлекаемые средства, валютного курса юаня и даже оплаты труда.

2.8. Похоже, *начинает обретать более четкие контуры концепция реформы системы макроэкономического регулирования.*

Центральное место в ней занимает изменение функций планирования в направлении приведения его в соответствие с требованиями "социалистической рыночной экономики". Приоритетными для плановых органов должны стать не задачи прямого управления хозяйственной деятельностью на микроуровне, а выработка стратегии развития, экономической политики, балансирование макроэкономической ситуации, содействие развитию и нормальному функционированию рынка. По сути дела, речь идет о замене централизованного планирования как такового макроэкономическим управлением в полном смысле этого слова. Соответственно, меняется содержание и форма годовых планов, в которых главное место займут не натуральные показатели производства, как раньше, а прогноз совокупного спроса и предложения в обществе и показатели, позволяющие контролировать и отслеживать макроэкономическую ситуацию - прирост ВВП, масштаб инвестиций в основные фонды, финансовые доходы и расходы государства, масштабы кредитной и денежной эмиссии, объем выпуска ценных бумаг, государственный платежный баланс, прирост населения и т.п.¹⁹

Сокращается сфера директивного планирования - до 7% валового промышленного производства в 1993 г. Например, в производстве цветных металлов доля директивного плана снижается с недавних ста процентов до 3%; в Шанхае число директивно планируемых видов продукции с 33 в 1992 г. снижается в 1993 г. до 10²⁰. По ряду видов продукции директивный план заменяется госзаказом (каучук, джипы, алюминий, медь, чугун). Отменяется директивный план закупок хлопка и шерсти, а план закупок растительного масла, свиной, сахароносных культур преобразуется в направляющий.

Главными задачами реформы финансово-налоговой системы провозглашены отлаживание "распределения интересов" между государством и предприятиями, центром и местами, создание благоприятных внешних условий для формирования рынка и поощрения справедливой конкуренции между предприятиями, усовершенствование макроконтролирующих функций финансов и налогов. Продолжаются эксперименты по разграничению видов налогов между центром и местами, внедрению на предприятиях системы "разграничения налогов и прибыли, возврата кредитов после уплаты налогов" в ближайшее время планируется учредить единый индивидуальный подоходный налог и единообразный подоходный налог для предприятий без участия иностранного капитала (в настоящее время ставки и порядок взимания подоходного налога различны для государственных, коллективных и частных предприятий). В сфере производства и обращения товаров вводится налог на добавленную стоимость (раньше его сфера ограничивалась производством и импортом продукции машиностроения)²¹.

После ряда лет неопределенности наметились некоторые конкретные направления реформы в денежно-кредитной сфере. В частности, поставлена задача планомерного преобразования специализированных банков в конкурентные коммерческие банки. Для начала в специализированных банках вводится раздельное управление "политическими" и коммерческими кредитами.

Другое новшество состоит в предстоящем внедрении в Шанхайском Транспортном банке Китая, первом коммерческом банке КНР, воссозданном в 1986 г., "системы управления пропорцией между активами и пассивами". Суть ее в том, что банковское кредитование будет осуществляться не в соответствии с государственным кредитным планом - по объемам и направлениям, а в определенных пропорциях к привлекаемым депозитам и собственным средствам банка. Например, предлагается, чтобы максимальный прирост объема кредитов за год не превышал 85% прироста депозитов (за исключением отчисляемых в резервный фонд центрального банка) и собственных средств банка в данном году, чтобы долгосрочные кредиты на срок более года не превышали 30% прироста депозитов, чтобы средства, выделяемые для межфилиального краткосрочного кредитования, не превышали 30%, и т.д.²².

Активизировалась деятельность коммерческих банков Китая. Их общее количество пока невелико - всего 8, однако имущество коммерческих банков уже составляет примерно десятую часть общего имущества банков Китая - 210 млрд. юаней²³.

2.9. Курс на ускорение темпов реформы намечено сохранить и в 1993 г. Основные направления преобразований, сформулированные на совещании по реформе хозяйственной системы в январе 1993 г. и закрепленные на 1-ой сессии ВСНП 8-го созыва, полностью совпадают с теми приоритетами, которые фактически сформировались в предыдущем году. А основная задача реформы на 1993 г. состоит, как декларируется, в том, чтобы, исходя из цели создания экономической системы социалистического рынка, ориентируясь на ускорение урегулирования структуры, повышения эффективности и решения глубинных противоречий народного хозяйства, добиться практического продвижения вперед в трансформации хозяйственного механизма на предприятиях и смене функций правительственных органов, в отлаживании имущественных отношений, в реформе цен, развитии рынка и реформе системы макроконтроля²⁴.

3. "Открытость"

3.1. В 1992 г. китайская политика открытости по отношению к внешнему миру обрела новое качество. И дело не столько в существенном наращивании объема внешней торговли и привлеченного иностранного капитала, провозглашении открытости целого ряда внутренних районов страны, сколько прежде всего в декларируемом и впервые столь ясно демонстрируемом намерении сделать внутренний рынок Китая полноценной составной частью мирового рынка. Можно сказать, что именно в 1992 г., через 14 лет после начала реформ, Китай по-настоящему начинает открывать не отдельные ограниченные по размерам территории, а весь свой внутренний рынок внешнему миру - чего, собственно, и ждали все эти годы и в расчете на что закреплялись в КНР иностранные предприниматели. Следует оттенить и другой аспект: открытость уже превратилась из формы стимулирования тех или иных видов производства в способ существования практически всего народного хозяйства КНР, по крайней мере, той его части, которую можно сейчас или в потенции отнести к современной экономике.

3.2. КНР сделала в 1992 г. еще один шаг на пути к реализации провозглашенной цели войти в десятку ведущих торговых стран мира, переместившись по объему *внешней торговли* с 13-го места в 1991 г. (165,63 млрд. долл.) на 11-ое. Экспорт возрос на 18,2% и составил 85 млрд. долл., а импорт увеличился на 26,4% и достиг 80,63 млрд. долл.²⁵

В структуре экспорта доля готовой продукции продолжала расти и достигла 80%, в том числе экспорт продукции машиностроения и электротехники вырос на 37% и достиг 19,55 млрд. долл., а его доля в суммарном экспорте составила 23%. В импорте доля машин и оборудования по-прежнему остается заметно более высокой - 43,3%, а его абсолютная величина составила 34,9 млрд. долл. Россия занимает 6-ое место среди ведущих поставщиков машин и оборудования в КНР - 1,62 млрд. долл.²⁶

Внешняя торговля, реализуемая через "старые" специальные экономические зоны, составила 24,3 млрд. долл. - 14,7% внешнеторгового оборота КНР, в том числе экспорт из СЭЗ достиг 12,4 и импорт - 11,9 млрд. долл. При этом 11,65 млрд. долл., или 48% внешнеторгового оборота СЭЗ, дали предприятия с участием иностранного капитала. Лидирующие позиции по-прежнему занимает Шэньчжэнь, экспорт которого составил 6, а импорт - 5 млрд. долл.²⁷

В 1993 г. объем внешней торговли планируется довести до 185, а в 1995 г. - до 200 млрд. долл.

3.3. Одним из наиболее убедительных показателей *перехода КНР к политике "открытости по всем азимутам"* стало официальное объявление в 1992 г. об открытии для привлечения иностранного капитала 18 провинциальных

центров, 5 городов по течению Янцзы, 13 приграничных городов, а также 34 новых таможенных пунктов. Кроме того, в дополнение к 27 учрежденным в начале 1991 г. районам освоения производства на базе новых и высоких технологий (технопарков) государственного уровня в 1992 г. было учреждено еще 25 таких районов.

Расширение масштабов открытости стимулировало *дополнительный приток иностранного капитала* в страну. За год было учреждено 47891 предприятие с участием иностранного капитала (более 33 тысяч совместных, 6 тысяч контрактных и свыше 8,5 тысяч основанных полностью на иностранном капитале) - больше, чем за предыдущие годы реформы. Объем прямых зарубежных инвестиций, использованных в 1992 г., составил 11,16 млрд.долл. - в 2,6 раза больше, чем в 1991 г. В итоге в КНР на конец 1992 г. в общей сложности было утверждено создание 84371 предприятия с участием иностранного капитала²⁸.

Еще одним важным аспектом наращивания масштабов открытости Китая внешнему миру стало допущение иностранного капитала в банковскую и страховую сферы и розничную торговлю.

Вместе с тем столь резкое расширение степени открытости страны породило и ряд проблем. Особое беспокойство вызывает соперничество между различными районами за льготы иностранному капиталу. Складывается ситуация, когда уже не Китай выбирает иностранных инвесторов, а инвесторы выбирают наиболее льготный для них регион. Есть недостатки и в отраслевой структуре привлекаемых зарубежных инвестиций: чрезмерная, с точки зрения интересов страны, их доля концентрируется в легкой промышленности, сфере туризма, недвижимости. Географическое распределение иностранных инвестиций сохраняет прежний "уклон" к приморским районам. Хотя в 1992 г. масштабы создания совместных предприятий во внутренних районах заметно возросли, однако по абсолютным величинам разрыв не только не сократился, но продолжал увеличиваться. Например, в Шэньси было учреждено 381 совместное предприятие, в Хунани - 867, а в Тяньцзине - 1702, Шанхае - 2012, Ляонине - 2148 и в Гуандуне - около 12 тысяч.

В Китае надеются и в 1993 г. сохранить привлечение прямых иностранных инвестиций на высоком уровне 1992 г.

3.4. Новым моментом в китайской политике открытости стало более *активное создание предприятий с участием китайского капитала за рубежом и даже прямое приобретение предприятий за границей*. Так, металлургический комбинат "Шоуду", поставивший перед собой цель войти в число пятисот крупнейших компаний мира, приобрел металлургический завод в Калифорнии и железорудные разработки в Перу.

Активно изучаются и возможности вложения китайских капиталов в Россию, страны СНГ.

3.5. И все же главным, стержневым процессом в сфере внешнеэкономической открытости КНР в 1992 г. явилась *всесторонняя активизация усилий по восстановлению членства страны в ГАТТ* - Генеральном соглашении по тарифам и торговле. Китай, бывший одним из государств-учредителей ГАТТ, выбыл из этой организации в 1950 г. Работа по восстановлению членства КНР в ГАТТ началась в 1986 г. и сейчас близка к завершению.

Понимая необходимость перехода "к игре по общепринятым правилам" для полнообъемного включения в систему мирохозяйственных связей, Китай предпринял в последние годы целый ряд весьма серьезных и достаточно непростых для себя шагов, призванных привести его внешнеэкономический механизм в соответствие с требованиями ГАТТ. Среди них:

- * отмена дотаций на экспорт, внедрение принципа самостоятельной ответственности внешнеэкономических предприятий за прибыли и убытки;
- * улучшение инвестиционного климата, законодательная защита интересов иностранных инвесторов в соответствии с общепринятой мировой практикой;

- сокращение таможенных тарифов с целью постепенного доведения их до уровня в 13-14%, допускаемого ГАТТ для развивающихся стран. Вслед за сокращением в начале 1992 г. тарифов по 225 товарным позициям объявлено о снижении с 1 января 1993 г. таможенных пошлин еще по 3371 позиции, что уменьшит уровень таможенных пошлин в Китае на 7,3 процентных пункта;
- сокращение нетаможенных ограничений на импорт и экспорт. В течение трех лет будет на две трети сокращено лицензирование импорта, охватывающее ныне 53 позиции. С 1 января 1993 г. наполовину сокращается число товаров, экспортируемых по лицензиям, их доля в общем количестве экспортируемых Китаем товаров снизится с 66 до 30,5%.

Китай также взял на себя обязательство опубликовать в течение года все административные документы по импорту и экспорту и руководствоваться в будущем только опубликованными документами, отказаться от директивного планирования импорта и экспорта, улучшить работу по повышению уровня стандартизации²⁹.

Присоединение к ГАТТ, несомненно, сделает, пусть не сразу, внутренний рынок КНР более открытым по отношению к сдерживавшейся ранее "импортной экспансии". В настоящее время в стране тщательно анализируют возможные последствия этого, определяют наиболее уязвимые места (как правило, те отрасли и виды продукции, где сложившийся уровень цен выше цен мирового рынка, например, прокат черных металлов, легковые автомобили), вырабатывают возможные контрмеры и "амортизирующие" шаги. Однако в целом превалирует мнение, что конкуренция мирового рынка окажется действенным стимулом, способствующим росту качества, технологического уровня продукции, повышению уровня управления на производстве. В конечном счете открытость внешнему миру, как считает министр внешнеэкономических связей КНР Ли Ланьцин, ведет не к подавлению национальной промышленности, а к ее процветанию³⁰. Одним словом, Китай демонстрирует готовность встретить жесткий вызов мирового рынка и обратить его себе во благо.

1992 год явился немаловажной вехой в экономическом развитии КНР. Была заметно переосмыслена общая стратегия социально-экономического развития страны в 90-е годы. Более четкие контуры обрела целевая модель реформы экономической системы, ускорился реальный ход преобразований, ориентированных на создание в стране "социалистической рыночной экономики". Расширилось взаимодействие экономики КНР с мировым хозяйством.

Наряду с очевидными плюсами, форсированный экономический рост сопровождался и рядом неизбежных издержек, опасным приближением народного хозяйства к состоянию "перегрева". В этой ситуации на рубеже 1992-1993 гг. наметились, как и можно было предположить заранее, вполне конкретные признаки некоторой корректировки инициированного Дэн Сяопином "ускорения". Их суть - в известном снижении планируемых темпов роста в 1993 г. по сравнению с достигнутыми в 1992 г., в переносе акцентов в экономической работе на объективно стоящие перед страной задачи совершенствования структуры и повышения эффективности народного хозяйства, подтягивание слабых звеньев и расширивание "узких мест".

Вместе с тем реализация именно этих акцентов не представляется однозначно гарантированной, поскольку паллиативная, дуалистическая формулировка экономических задач на 1993 г., когда улучшения качества роста пытаются добиться при сохранении весьма высоких темпов роста - чревата продолжением и даже усилением искусственного подстегивания народного хозяйства.

- 1 См.: Жэньминь жибао. - 1992, 26 и 27 июля.
- 2 Жэньминь жибао. - 1992, 23 июля.
- 3 Жэньминь жибао. - 1992, 19 июля.
- 4 Жэньминь жибао. - 1992, 22 июля.
- 5 Гайго. - 1993. - N 1. - С. 68.
- 6 Жэньминь жибао. - 1992, 24 декабря. Синьхуа мэйжи даньсюнь. - 1993, 22 января. В целом по стране эмиссия акций за 9 месяцев составила 11,4 млрд. юаней - Жэньминь жибао. - 1992, 30 декабря. Эта величина близка, по-видимому, к итоговой эмиссии акций за год, т.к. в IV квартале их выпуск был заметно "приторможен".
- 7 Жэньминь жибао. - 1992, 23 июля.
- 8 Цзиньжун шибао. - 1993, 7 февраля. Жэньминь жибао. - 1992, 24 декабря и 23 июля.
- 9 Цзинцзи жибао. - 1993, 2 февраля.
- 10 Цзинцзи жибао. - 1993, 14 января.
- 11 Цзинцзи жибао. - 1993, 2 февраля.
- 12 Цзинцзи жибао. - 1993, 16 января.
- 13 Цзинцзи цанькао бао. - 1993, 1 февраля, Цзиньжун шибао. - 1993, 7 февраля.
- 14 Жэньминь жибао. - 1993, 16 февраля.
- 15 Агентство Синьхуа. - 1993, 28 января.
- 16 Цзинцзи жибао. - 1992, 15 января.
- 17 Гайго. - 1993. - N 1. - С. 69-71; Цзинцзи жибао. - 1993, 1 февраля.
- 18 Цюши. - 1992. - N 24. - С. 23.
- 19 Чайна дэйли. - 1992, 26 сентября; Ляован. - 1992. - N 49. - С. 4-5.
- 20 Агентство Синьхуа. - 1993, 13 января; Бэйцзин ревью. - 1993. - N 6. - С. 24; Цзинцзи цанькао бао. - 1993, 3 февраля.
- 21 Жэньминь жибао. - 1992, 31 декабря, Цзинцзи жибао. - 1993, 13 января.
- 22 Цзинцзи жибао. - 1993, 13 января; Гайго. - 1993. - N 1. - С. 116-119.
- 23 Цзинцзи жибао. - 1993, 12 января.
- 24 Цзинцзи жибао. - 1993, 13 января.
- 25 Бэйцзин ревью. - 1993. - N 3-4. - С. 7.
- 26 Жэньминь жибао. - 1993, 4 марта.
- 27 Жэньминь жибао. - 1993, 18 февраля.
- 28 Агентство Синьхуа. - 1993, 2 февраля.
- 29 Бэйцзин ревью. - 1993. - N 1. - С. 35; N 6. - С. 13-14; Жэньминь жибао. - 1992, 31 декабря.
- 30 Цзинцзи жибао. - 1993, 6 февраля.

Китайская программа "Факел" - прорыв на рынок высоких технологий

© 1993

Л. Гирич

Четыре года тому назад в Советском Союзе разрабатывались и начинали осуществляться приоритетные государственные научно-технические программы, предусматривавшие решение важнейших для общества научно-технических проблем на небольшом фронте "прорывных" направлений. В пакет из 15 программ входили такие программы, как "Физика высоких энергий", "Высокотемпературная сверхпроводимость", "Геном человека", "Борьба с наиболее распространенными заболеваниями", "Марс", "Перспективные информационные технологии", "Экологически чистая энергетика" и др. Сейчас по известным причинам работа по ряду программ прекращена, по другим резко сокращена.

В 60 - 70-х годах в СССР строились особые города - наукограды - для производства интеллектуальной продукции. Возникли города-спутники: Жуковский, Калининград, Пушкино, Климовск, Обнинск, Дубна, Троицк и др. Еще в начале 80-х годов шло их становление и расширение, но уже к концу десятилетия большинство из них оказалось в стагнирующем состоянии. Начавшиеся экономические преобразования и конверсия только усугубили их положение. Сейчас они находятся на грани выживания.

И вот уже Китай, который еще совсем недавно считался далеко отставшим от нас в научном и технологическом отношении, поставляет и успешно реализует на российском рынке и на рынках других стран не только яблоки, термосы, одежду и сырье, но и персональные ЭВМ, видеомагнитофоны, малогабаритные цветные телевизоры на интегральных схемах, микроавтобусы, стиральные машины со сложным программным управлением. А ведь 10-15 лет назад он сам не имел всего этого. На протяжении последних 7 лет китайский экспорт высокой технологии и новой техники непрерывно растет. В 1992 г. его объем достиг 3996 млн. американских долларов, что примерно на 1176 млн. долл. больше, чем в 1991 г. и в 7,7 раза больше, чем в 1985 г.¹ В конце прошлого года бывший министр внешних экономических связей и внешней торговли КНР Ли Ланьцин заявил, что Китай намерен потеснить основных мировых экспортеров высоких технологий, чтобы войти в десятку ведущих торговых держав мира. "Нарастившая продажу за рубеж этой дорогостоящей продукции, мы надеемся уже к концу 1992 г. увеличить объем внешней торговли до 150 млрд. долларов (в 1991 г. - 135,7 млрд. долл.) и до 2000 млрд. долларов - к 1996 г."² По таможенным статистическим данным, фактический общий объем внешнеторгового оборота Китая в 1992 г. составил 165,6 млрд. долларов³. Около 5% общего объема экспорта - продукция высокой технологии. Среди этой продукции 80,2% приходилось на ЭВМ, аппаратуру связи, биотехнологию и аэрокосмическое оборудование². "Китай стремится занять пустующие ниши на мировом космическом рынке, которые образуются в результате кризиса космической промышленности СССР", - писала "Жэньминь жибао" в июле 1992 года⁴. Что же произошло? Каким образом китайцы этого достигли?

С августа 1988 г. в КНР осуществляется государственная научно-техническая программа под названием "Факел", направленная на коммерциализацию достижений в области новой техники и высокой технологии и их промышленное освоение. Обоснование программы сводится к следующему⁵.

Современный мир вступил в эпоху высоких технологий. Наука и техника стремительно развиваются. В недалеком будущем успех в мировой конкуренции

Гирич Лев Михайлович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

будет определяться уровнем развития науки, техники и наличием специалистов. Без овладения высокими технологиями и современными знаниями в области управления Китай не в состоянии будет решить свои экономические и социальные проблемы и не сможет догнать развитые капиталистические страны в области экономики, науки, техники и культуры и вследствие этого может оказаться в зависимом от них положении. Чтобы этого не допустить, в ходе экономической реформы и проведения политики открытости требуется быстрее перейти на новый технологический уровень производства, ускорить развитие науки и техники и за полвека или несколько более длительный срок догнать индустриально развитые страны. К этому следует идти двумя путями: всемерно изучать, заимствовать и осваивать зарубежную передовую технику и технологию и активно развивать отечественную науку, максимально сближая науку с производством и последовательно занимая одну за другой ниши на мировом рынке высоких технологий.

Продвижению по первому пути способствует создание районов технико-экономического развития (РТЭР) в специальных экономических зонах, в открытых приморских зонах и городах. Основными задачами РТЭР являются: всемерное привлечение в Китай зарубежной передовой техники и технологии; концентрация в одном месте совместных, чисто иностранных и кооперационных предприятий, оснащенных передовой техникой, сотрудничество в проектировании и разработке новой техники и высококачественной продукции; создание совместных организаций, занимающихся опытно-конструкторскими разработками, проектированием, обслуживанием. Всего к настоящему времени в Китае уже создано около двух десятков РТЭР, в которых установлен преференциальный режим, формируемый посредством ряда экономических льгот (налоговых, таможенных, валютных, арендных и др.), способствующий привлечению иностранного капитала, промышленного оборудования и техники, активизации совместной научно-технической и торговой деятельности.

Второй путь реализуется через ряд государственных научно-технических программ, в том числе через программу "Факел".

Программа утверждена Госсоветом КНР в августе 1988 г. Ответственным за ее реализацию является Государственный комитет по науке и технике КНР. Основные задачи программы "Факел": коммерциализация, индустриализация и интернационализация разработок в области новой техники и высокой технологии⁷.

Задача коммерциализации заключается в создании благоприятных условий для превращения в товар и поступления на технический рынок результатов научно-технической деятельности институтов, конструкторских бюро и вузов, отдельных лиц и творческих коллективов, а также изобретений и патентов. Эта задача решается в основном принятием соответствующих законодательных актов в области охраны интеллектуальной собственности и ее коммерциализации, которых к настоящему времени в КНР разработано более 40. Наиболее важными среди них являются "Закон Китайской Народной Республики о патентах" и "Закон о технических контрактах".

По всей стране организовано несколько десятков крупных центров для проведения выставок и организации маркетинга. Одним из них, имеющим непосредственное отношение к России, является Всеитайский северный центр выставки и маркетинга новой техники и продукции в г. Харбин. Он занимается организацией выставок и реализацией новой техники и наукоемкой продукции, обменом технической и коммерческой информацией как внутри страны, так и за рубежом, способствует усилению связи науки и техники с производством и превращению научно-технических достижений в товар. В своей деятельности центр ориентирован на торговлю главным образом с Россией и с восточно-европейскими государствами. Он организует в Харбине ежегодные международные выставки новой техники и высокой технологии и китайские выставки в городах России и восточно-европейских стран.

Вторая задача - индустриализация - заключается в создании благоприятных условий для ускорения промышленного освоения новой техники и высокой технологии. Здесь имеются в виду разработка среднесрочных и

долгосрочных научно-технических планов, разработка преференциальной политики и соответствующих законодательных актов; формирование различных каналов финансирования и создание механизма рискованного инвестирования; создание информационной сети и обеспечение заинтересованных лиц и организаций отечественной и зарубежной научно-технической информацией; использование радио, телевидения и прессы для пропаганды научно-технических достижений и получаемых экономических эффектов от их внедрения в производство, а также для мобилизации общественности на поддержку и участие в мероприятиях программы "Факел".

Третья задача - интернационализация - заключается в развитии различных форм широкого международного сотрудничества в интересах сбыта китайских научно-технических товаров на мировом рынке и завоевании там устойчивых позиций, а также сотрудничества в деле освоения новых разработок. Среди других задач программы "Факел" важное место занимает подготовка торгово-административных кадров с глубокими техническими и хорошими языковыми знаниями, а также знанием международного маркетинга.

Программа "Факел" охватывает следующие области: новые материалы, биотехнология, электроника и информатика, робототехника, новые источники энергии, высокоэффективная энергосберегающая и экологически чистая технология, другие области высокой технологии (волоконно-оптическая связь, лазерная техника, высокотемпературная сверхпроводимость и др.). Продукция должна отвечать следующим требованиям: иметь высокий технический уровень, давать большой экономический эффект, быть конкурентоспособной, особенно на мировом рынке, или быть импортозамещающей. Развертывание ее производства, как правило, должно занимать не более 2-3 лет, соотношение затрат на производство к доходу должно составлять 1:5, чистая прибыль (прибыль с уплаченными налогами) - 25% от валового дохода.

Центральное место в программе "Факел" отводится созданию новых территориальных организационных структур, действующих в условиях рынка и интегрирующих научные учреждения и высшую школу с производством. Такие структуры позволяют полнее использовать имеющийся научный потенциал высших учебных заведений, научно-исследовательских и конструкторских организаций, ориентировать исследования и разработки на потребительский спрос, сокращать путь новым разработкам от лабораторий до производства. В мировой практике подобные территориальные образования называются научно-технологическими парками, технопарками, научными парками и т.п. Но во всех случаях имеется в виду создание вокруг какого-то центра (типа университета) определенной зоны с особой инфраструктурой, обеспечивающей процесс ускоренной передачи новой технологии в промышленность¹⁰.

Основным направлением работы таких парков является инновационная деятельность, направленная на реализацию мелкими инновационными (венчурными) компаниями результатов научных исследований и разработок, выполненных научными коллективами вузов и других научных организаций, производство новой продукции мелкими сериями, оказание широкого спектра научно-производственных услуг как в рамках парка, так и вне его.

Большое внимание в работе уделяется внешнеэкономической деятельности компаний парка, в первую очередь проведению регулярных международных выставок с продажей зарубежным партнерам научно-технической продукции, экспонируемой на выставке, поиску новых зарубежных партнеров, организации совместных предприятий с иностранными фирмами, заинтересованными в постоянном сотрудничестве. В этих же целях проводятся различные семинары и курсы по вопросам, связанным с реализацией на зарубежном рынке разработок, выполненных в парке.

Следует отметить, что инновационные компании технопарков не являются и не могут являться конкурентами крупных промышленных компаний и концернов. Они выдвигают идеи, разрабатывают пионерные конструкции, выходят с готовой продукцией на рынок. Именно поэтому в большинстве парков широко поставлена информационно-рекламная деятельность о разработках,

представленных для реализации, о результатах научно-исследовательских работ с технологической направленностью.

Продукция инновационных фирм и компаний еще не массовая продукция. Это лишь, образно говоря, "рассада". Если рынок покажет, что на эту продукцию имеется достаточный и устойчивый спрос, то крупные компании, возможности которых многократно превосходят возможности инновационных компаний технопарка, на "большом поле" могут развернуть массовое производство новой продукции. Таким образом научно-технические компании парка, с одной стороны, берут на себя риск крупных компаний, а с другой - дают возможность ускорить процесс "опробования" выдвигаемых наукой идей. Они служат своеобразным мостом, соединяющим носителей фундаментальных идей (университетов, НИИ) и большую промышленность. По этому мосту от первых ко вторым передвигаются новая технология и техника новых поколений. Деятельность технопарка направляется, как правило, рынком.

Технопарки стали весьма эффективной формой интеграции образования, науки и производства и широко распространились во многих странах. Сейчас их в мире насчитывается свыше 500, из них 3/4 в промышленно развитых странах".

Первый китайский технопарк был создан Академией наук Китая и правительством г.Шэньчжэнь в июле 1985 г. в специальной экономической зоне Шэньчжэнь. В последующем они стали создаваться в других городах.

Следует отметить, что в этом деле (как, впрочем, и во многих других вопросах экономического строительства) Китай не пошел по пути копирования зарубежного опыта, хотя все лучшее и разумное из него извлёк. Так, он не стал, по примеру Японии и СССР, создавать специальные технополисы или наукограды, на строительство которых требовалось слишком много средств и времени. Ни того, ни другого у Китая не было. Он не стал по примеру европейских стран и США создавать инкубаторы идей и научные парки при отдельных крупных университетах и вузах. Это не давало того эффекта, который хотелось бы получить. Китай смог достичь впечатляющих успехов за сравнительно короткое время, умело используя свои специфические особенности.

Во многих крупных городах Китая вузы располагаются недалеко друг от друга в каком-то определенном районе. Тут же, как правило, находятся академические и отраслевые НИИ. В таких местах с середины 80-х годов начали создаваться районы развития новой техники и высокой технологии. Здесь на площади в 10 кв.км и более размещались мелкие и средние инновационные компании, которые создавались институтами, университетами или бывшими преподавателями вузов и научными сотрудниками НИИ. Тут же размещались небольшие промышленные предприятия, торговые центры, фирмы и другие организации, обслуживающие науку и производство. Местные власти за счет собственных средств или получаемых от ГКНТ кредитов обеспечивали создание необходимой инфраструктуры, а все остальное строилось, создавалось и развивалось за счет средств предпринимателей и получаемых ими банковских кредитов.

Конечно, всему этому предшествовал определенный подготовительный период. С конца 1984 г. Госсовет КНР принял ряд постановлений, расширяющих права научных организаций и позволяющих им самостоятельно выбирать заказчиков, заключать с ними договоры на разработку новой техники, самостоятельно распоряжаться своей научно-технической продукцией. Начался перевод организаций НИОКР, в первую очередь занятых разработками, на хозрасчет и снижение до минимума доли ассигнований им из госбюджета. В этих условиях при академических институтах и ведущих вузах Пекина и Шанхая, а затем и в других городах начали создаваться, как правило, на кооперативной основе научно-технические компании за счет средств учредителей или заемных средств. Производительность труда и прибыль на одного занятого в таких компаниях в 10 и более раз превосходила эти показатели в государственных НИИ. К началу 1987 г. по всему Китаю уже действовало 10 тыс. научно-технических компаний (200 тыс. человек), а к концу 1988 г. число компаний возросло до 18 тыс., число специалистов - до 150

тыс. В большинстве случаев их учредителями являлись государственные НИИ и вузы. С 1988 г. активно поощряется работа по совместительству научных сотрудников и преподавателей вузов.

Создаваемые компании брали у государственных НИИ и вузов результаты исследований или разработок, доводили их до коммерческого уровня, поставляли на внутренний или внешний рынок, оказывали содействие внедрению в производство. Из получаемой прибыли расплачивались с НИИ или вузами.

В мае 1988 г. в северо-западном районе г.Пекин, где располагалось более сотни различных НИИ и 30 вузов, официально был открыт экспериментальный район развития новой техники и высокой технологии - Чжунгуаньцунь. В последующем такие районы были созданы в ряде приморских городов (Далянь, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу, Сямэнь, Циндао и др.), а также в городах внутренних районов страны, располагающих сравнительно большими научно-исследовательскими, конструкторскими и производственными возможностями (Ухань, Сиань, Шэньян, Чэнду, Чанчунь, Харбин, Ханчжоу, Нанкин, Гуйлинь, Чунцин, Ланьчжоу, Шицзячжуан и др.). В целом к концу 1991 г. было создано 38 районов развития новой техники и высокой технологии. При этом 27 районов созданы на основе постановлений Госсовета КНР и имели статус государственных. Остальные 11 районов были учреждены в соответствии с решением местных органов. Среди 27 государственных районов 12 располагались в приморских районах Китая, 5 - вблизи этих районов и остальные 10 - во внутренних районах страны. Планировалось, что территория этих 27 районов в целом составит 550 кв.км. К концу 1992 г. в Китае насчитывалось уже 120 районов новой техники и высокой технологии, из них 52 государственных. Их валовой доход от научно-технической, производственной и коммерческой деятельности составил 20 млрд. юаней, валовая промышленная продукция - 15 млрд. юаней.

Когда создавались первые районы развития новой техники и высокой технологии - технопарки - интерес к ним со стороны местных органов власти и общественности был небольшой. Сейчас положение изменилось.

Общность интересов вузов, НИИ, крупной промышленности и местной администрации стимулирует их сотрудничество в создании и развитии технопарков. Вузы и НИИ получают возможность обеспечить своим научным коллективам и отдельным авторам нововведений условия для завершения исследований и создания на их основе новой техники, технологии, материалов. Профессорско-преподавательский состав и студенты привлекаются для работы в компаниях. Общаясь непосредственно с производством и занимаясь коммерческой деятельностью, профессорско-преподавательский состав приобретает необходимые практические знания и получает возможность выступать в роли консультантов. Работа студентов в парке позволяет им не только освоить технологию создания новшеств, но и проявить себя в качестве кандидатов для поступления на работу в престижную компанию, что немаловажно для китайца в условиях избытка в стране рабочей силы. Вузовские коллективы на практике овладевают навыками менеджмента, активной предпринимательской деятельности, которая ведется в жестких условиях конкуренции в области производства наукоемкой продукции. Парк повышает престиж вуза, его роль в развитии города, региона. Он дает вузу доход в виде отчислений от прибыли компаний, который идет на расширение научных исследований, развитие научно-технической базы.

Технопарки предоставляют малым компаниям необходимые условия для их эффективной деятельности: производственные и служебные помещения, информационное и техническое обслуживание, консультации в области маркетинга, финансов, рыночных отношений и т.п. Они создают и развивают среду для успешной работы инновационных компаний, помогают им быстрее встать на ноги как самостоятельным фирмам, но не управляют ими, не контролируют их научную и производственную деятельность. Им предоставлена полная самостоятельность в наборе сотрудников, в оплате их труда, в выборе направлений работы и инвестиций, в распоряжении своей прибылью.

Промышленные компании получают возможность использовать в полной мере высокий научно-технический потенциал вузов и НИИ для повышения конкурентоспособности своих изделий, ускорения внедрения в производство новых технологий, использования в своих интересах научной базы НИИ и вузов, привлечения научного и профессорско-преподавательского состава к совместным исследованиям и разработкам, проводить целевой отбор выпускников учебных заведений, прошедших хорошую школу малых предприятий и рискованных фирм.

Ярко выраженная у технопарков региональная ориентация делает эти структуры незаменимым инструментом экономической и прежде всего инновационной политики на определенной территории, поэтому местные органы власти, финансовые и экономические организации принимают активное участие в их создании и развитии в надежде на то, что новые рентабельные и конкурентоспособные компании косвенно компенсируют затраченные изначально средства за счет налогов в местные бюджеты, а также создания новых рабочих мест. Кроме того, организуя в районах развития новой техники и высокой технологии различные сервисные службы (технические услуги, консультации), местные власти получают дополнительный источник доходов.

В табл.1 представлены характеристики 19 наиболее крупных государственных районов развития новой техники и технологии

Таблица 1

Основные характеристики 19 государственных районов¹⁾

NN п/п	Районы и места их расположения	Занимае- мая пло- щадь, км ²	Кол-во предпр. ед.	Кол-во рабо- чих и служ.	Валовая продук- ция, чел.	Валовой доход, млн.ю.
1.	Район г.Пекин	100,0	387	15588	1303,4	2748,7
2.	Район г.Шэньян	15,0	203	3263	110,9	236,7
3.	Дунху г.Ухань	400,0	101	4160	275,8	283,1
4.	Пром.парк г.Чанчунь	32,0	89	3094	81,9	119,4
5.	Цаохэцзин г.Шанхай	17,0	49	37342	1969,6	2185,7
6.	Район г.Харбин	43,0	43	2174	50,2	38,6
7.	Промышленный парк ОЭЗ Шэньчжэнь	3,2	24	2031	216,3	203,2
8.	Район г.Гуйлинь	15,0	24	1530	97,4	76,7
9.	Район г.Чэнду	24,6	19	12858	138,1	110,9
10.	Пукоу г.Нанкин	27,0	16	912	43,9	32,0
11.	Район г.Цзинань	15,9	11	1435	218,6	213,8
12.	Научно-технический парк г.Яньтай	2,0	11	1254	18,3	11,0
13.	Район г.Циндао	0,8	9	216	30,5	25,6
14.	Район г.Нанкин	26,0	7	1131	40,8	24,3
15.	Район г.Чжэнчжу	0,2	7	903	67,7	62,0
16.	Район г.Чжучжу	10,0	6	124	11,4	6,9
17.	Район г.Нанчун	2,5	4	149	9,2	4,5
18.	Район г.Цзаочжуан	1,5	1	2231	59,5	39,4
19.	Район г.Чжуншань	22,0	1	47	3,2	2,4

Из приведенных данных видно, что районы различаются по размерам занимаемой территории, по количеству предприятий и числу занятых на них рабочих и служащих. Многие районы находятся еще в начальной стадии развития. На выделенной им территории пока действуют лишь несколько

предприятий (компаний). Наиболее крупными государственными районами развития новой техники и высокой технологии являются Чжунгуаньцунь г.Пекин, Цаохэцин г.Шанхай и Дунху г.Ухань, а также города Шэньян, Чанчунь и Чэнду.

Быстрый рост числа технопарков и действующих в них компаний обусловлен помимо перечисленных причин поддержкой государственных и местных органов власти и льготным режимом, установленным в этих районах.

Финансирование проектов в рамках программы "Факел" осуществляется из различных источников - государственных, местных и организаций (или лиц), берущих на себя ответственность за реализацию проекта. Активно привлекаются средства населения и зарубежный капитал.

Государственное финансирование осуществляется в основном в форме банковских кредитов. Заявки на получение кредита рассматриваются экспертной комиссией, созданной при Государственном комитете по науке и технике КНР, а на местном уровне - экспертными комиссиями региональных комитетов по науке и технике.

Получаемый кредит может быть израсходован на разработку проекта, приобретение оборудования, технологии, материалов, проведение эксперимента. Но он не может быть использован просто на расширение производства или проведение строительных работ. На эти цели можно получить специальные кредиты.

Финансовое обеспечение определяет и организационно-управленческую форму предприятий технопарка. Обычно они учреждаются как различные типы обществ (компаний) с ограниченной ответственностью. Компания является владельцем и распорядителем имущества, зданий и сооружений своего предприятия. Земельный участок предоставляется ей местными властями в длительную аренду с минимальными ставками арендной платы.

Компания - это, как правило, самостоятельное предприятие с собственным балансом и относительно небольшим штатным персоналом. Иногда фирма представляет собой автономное подразделение вуза или НИИ. Однако такая форма организации встречается редко: самостоятельные компании обладают большей свободой действия, большими возможностями предпринимательской деятельности и более высокой конкурентоспособностью. Они выпускают как "нормальные", не требующие субсидирования субъекты рынка, ориентированными на получение высокой прибыли.

Учредителями компаний могут быть частные лица, различные организации: вузы, научно-исследовательские институты, академии, промышленные компании, фонды рискованного капитала, иностранные компании.

Для предприятий новой техники и высокой технологии, действующих в районе, существует система льгот, стимулирующая их создание и привлечение иностранного капитала. Так, предприятия в пекинском районе Чжунгуаньцунь имеют следующие льготы¹⁴:

1. Подоходный налог взимается по сниженной ставке, равной 15%. В целях поощрения производства продукции, идущей на экспорт, в зависимости от ее доли в общем объеме производства (40% и более, в других районах - 70% и более) ставка подоходного налога может быть снижена до 10%.
2. Предприятия освобождаются от уплаты подоходного налога в течение 3 лет со времени их создания. В течение последующих 3 лет их налоговая ставка после утверждения отделом Народного городского совета Пекина может быть снижена наполовину, т.е. до 7,5%.
3. Предприятие, построившее производственные здания за счет собственных фондов с целью проведения технических исследований и разработок,

---

Такие предприятия должны отвечать следующим требованиям: а) ежегодно затрачивать не менее 3% своего валового дохода на научные исследования и разработки в области новой техники и высокой технологии. б) прибыль от их технической деятельности должна составлять не менее 20% от их валового дохода в течение первого года деятельности и 25% - во второй и последующие годы.

- освобождается от строительного налога на 5 лет.
4. Предприятия новой техники и высокой технологии освобождаются от таможенной пошлины на ввоз сырья, полуфабрикатов, запчастей и вспомогательных материалов, необходимых для производства товаров на экспорт, а также на ввоз измерительных приборов, инструмента и оборудования, которые не производятся в стране, но необходимы для производства новой техники.
  5. Иностранному инвестору, реинвестирующему полученную прибыль в Китае, может быть возвращено 40% уплаченного подоходного налога с реинвестируемой суммы.
  6. Предприятие новой техники, годовая прибыль которого в иностранной валюте составляет 1 млн. амер.долл. и более, получает от Пекинского городского управления внешних экономических связей и торговли разрешение самостоятельно заниматься внешнеторговыми операциями, неся полную ответственность за прибыль и убытки. Оно может открывать свои представительства и филиалы за рубежом.

Преференциальный режим, установленный в районах развития новой техники и высокой технологии, привлекает сюда различных предпринимателей, хотя не все районы отвечают предъявляемым к ним требованиям. Это можно видеть из данных, приведенных в таблице 2. В ней районы расположены по убывающей доле дохода от технической деятельности в валовом доходе за год. Под технической деятельностью понимается: исследования и разработки, консультации и передача технологии, оказание услуг по освоению новой техники и технологии, выполнение технических проектов и заключение контрактов на их выполнение, оказание услуг по освоению импортированной техники и технологии, экспорт технологии и оказание услуг по ее освоению, подготовка кадров.

Как видно из приведенных данных, лишь у семи районов удельный вес доходов от технической деятельности составляет около 20% и более. У остальных он от 19 до 0,04% (Цаохэцзин г.Шанхай). Районы городов Шанхай, Хэфэй, Нанкин, Чэнду, Наньнин, Харбин и ряда других в основном заняты производством новой техники. В ряде случаев это сборка готовых изделий из импортных деталей и узлов.

В связи с этим в Китае в настоящее время проводится серия мероприятий по улучшению работы технопарков, включающая оценку и сертификацию предприятий, проверку районов на соответствие требований к ним.

Китайское руководство надеется, что районы развития новой техники и высокой технологии и районы технико-экономического развития станут тем локомотивом, который вывезет китайскую промышленность на новый технологический уровень, являясь школой подготовки бизнесменов в научно-технической сфере. Как заявил заместитель председателя Государственного комитета по науке и технике КНР Ли Сюе на третьем всекитайском рабочем совещании по программе "Факел" (29.12 - 31.12.92 г., г.Пекин), в результате осуществления мероприятий программы к концу нынешнего столетия валовой доход от научно-технической, производственной и коммерческой деятельности районов развития новой техники и высокой технологии составит 500 млрд.юаней (т.е. возрастет в 25 раз по сравнению с 1992 г.), в том числе стоимость промышленной продукции (новой техники и высокой технологии) - 400 млрд.юаней и составит 10% валовой промышленной продукции страны (в 1992 г. - 1,4%), годовой чистый доход (прибыль и оплаченный налог) - 100 млрд.юаней, доход от экспорта - 20% валового дохода¹⁶.

Таблица 2

**Результаты хозяйственной деятельности государственных районов развития
новой техники и высокой технологии¹**

Районы и места их расположения	Валовой доход за год, млн. юаней	Доход от реализа- ции промышленной продукции		Доход от технической деятельности		Доход от коммерческой деятельности	
		млн. юаней	Уд.вес. %	млн. юаней	Уд.вес. %	млн. юаней	Уд.вес. %
Район г.Чжучжоу	6,98	3,0	43,00	3,90	55,00	0,02	0,29
Район г.Шинцзячжуан	148,60	78,5	52,80	53,40	35,94	15,70	10,56
Район г.Пекин	2748,70	716,9	26,08	824,70	1060,60	1034,60	38,7
Пром.парк г.Чанчунь	119,40	23,1	19,26	34,20	28,64	61,50	51,5
Район г.Шэньян	236,70	33,8	14,28	50,90	21,50	148,40	62,69
Район г.Далынь	200,70	111,9	55,75	39,40	19,63	42,50	21,2
Пром.парк г.Хэфэй	23,80	18,6	78,15	4,60	19,32	0,23	0,97
Район г.Уйцзинь	76,70	27,4	35,72	14,50	18,90	34,00	44,33
Район г.Чунцин	61,70	24,3	39,38	11,34	18,38	24,90	40,4
Район г.Синьань	49,30	12,3	24,95	8,60	17,40	27,50	55,78
Район г.Чэнду	110,90	80,9	72,95	19,00	17,10	3,60	3,25
Нинцзочжуан г.Лань- чжоу	73,04	26,2	35,90	11,80	16,15	31,50	43,13
Пукоу г.Накин	32,00	24,7	77,19	4,87	15,20	1,50	4,69
Район г.Тяньцзинь	298,80	163,7	54,77	43,70	14,62	88,40	29,58
Район г.Ханчжоу	29,00	17,3	59,60	4,17	14,38	3,90	13,45
Район г.Чанша	82,00	51,5	62,80	11,70	14,28	12,50	15,2
Район г.Наньнин	24,35	16,3	67,00	3,00	12,30	5,00	20,5
Дунху г.Ухань	283,10	122,0	43,10	33,70	11,90	120,70	42,63
Район г.Харбин	38,60	25,8	66,84	4,00	10,40	5,10	13,21
Цаохэцзин г.Шан- хай	2185,70	2122,6	97,11	0,37	0,04	2,80	0,13

И если вернуться к России с учётом происходящих изменений в Китае и в мировом хозяйстве, то следует еще раз сказать, что жизненно важным для России в настоящее время является скорейший выход из технологического кризиса. Огромная ответственность за это лежит на наших правительственных структурах. Ведь недаром в русской пословице говорится: "И слепая лошадь везет, коли зрячий на возу сидит".

1. Гуанминь жибао. - 1993. - 17 апреля.
2. Чжунго жибао. - 1992. - 9 ноября.
3. Жэньминь жибао. - 1993. - 19 февраля.
4. Жэньминь жибао. - 1992. - 6 июля.
5. Цюши. - 1991. - N 19. - С. 4.
6. Жэньминь жибао. - 1992. - 1 июля.
7. Хоцзюй цинхуа гуанли шуоцз. Пекин, 1991. - С. 1.
8. Там же. - С. 2-3.
9. Там же. - С. 2.
10. Инновационная политика развитых капиталистических государств // Сб. трудов - М.: ВНИИСИ. - 1990. - С. 62.
11. Гонци маош. - 1991. - N 2. - С. 17.
12. Кэцзи жибао. - 1992. - 29 декабря.
13. Составлены по Докладу ГКНП КНР "Районы развития новой техники и высокой технологии" (Чжунго гасинь цингу чанье кайфацун фачжань баогэ), - Пекин, 1992. - С. 33.
14. Там же. - С. 34.
15. Постановление городского совета г.Пекин о создании экспериментального района развития новой техники и высокой технологии от 20.05.1988 г. - Пекин. - С. 4-5.
16. Кэцзи жибао. - 1992. - 29 декабря.

Японский опыт макроэкономического планирования

© 1993

В.Хлынов

С точки зрения представления о стихийности рыночного хозяйства встает вполне закономерный вопрос: для чего нужно общегосударственное планирование социально-экономического развития страны и возможно ли оно вообще. Опыт Японии свидетельствует о том, что оно не только возможно, но и эффективно.

Отмечая стремительные темпы развития японской экономики в послевоенные годы и, в частности, в последние 30 лет, когда Япония вышла на второе место по экономической мощи среди капиталистических держав, исследователи выделяют несколько "секретов" этого успеха. Немаловажное место в их иерархии, можно сразу сказать, занимает умело осуществляемое в Японии в эти годы общегосударственное планирование социально-экономического развития страны, отдельные элементы которого, кстати сказать, заимствованы из опыта планирования социалистической, советской, экономики.

Все это представляет определенный интерес как с научной, так и с практической точки зрения. Исходя из этого, попытаемся непредвзято и объективно рассмотреть характер и механизм общегосударственного планирования японской экономики, а также основные положения последнего, завершившегося в 1992 г., "Нового экономического плана" Японии (1988-1992 гг.).

1. Индикативный характер экономических планов

В отличие от социалистического планирования, при котором утвержденный план экономического развития страны приобретает силу закона и становится, таким образом, обязательным для всех звеньев экономики, общегосударственное экономическое планирование в Японии носит индикативный характер. Иначе говоря, разрабатываемые в стране планы социально-экономического развития формально не являются законами, а представляют собой государственные программы, ориентирующие и мобилизующие отдельные звенья экономической структуры на выполнение этих программ в общенациональных интересах.

К выводу о полезности и эффективности таких программ в условиях рыночной экономики японские специалисты пришли еще в 50-х годах. Когда было положено начало общегосударственному экономическому планированию в Японии. Обосновывая необходимость и важность принятия первого японского общегосударственного плана, известного как "Пятилетний план экономического самообеспечения" (1956-1960 фин.годы), его разработчики, в частности, подчеркивали, что хотя экономическое планирование, родившееся в Советском Союзе, присуще прежде всего социалистической системе хозяйства, оно может довольно эффективно осуществляться и в условиях рыночной экономики. "Впервые в истории, - констатировали они, - появление того, что представляет собой долгосрочный экономический план, было зафиксировано в виде Первого пятилетнего плана СССР, принятого в условиях плановой коммунистической экономики... Однако неправильно считать, что экономические планы как таковые противоречат сущности рыночной экономики и присущи только социализму... Осуществление экономических планов возможно и в условиях свободной, рыночной экономики"¹. При этом составители указанного плана, естественно, исходили из того, что основу японской экономики составляют частные предприятия. Более того, их не смущало и существование серьезных трудностей в экономическом развитии Японии тех лет, включая общую

Хлынов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Японии и Кореи ИДВ РАН.

послевоенную дезорганизацию, инфляцию, дефицит платежного баланса, наличие массовой безработицы и т.п. И тем не менее они пришли к выводу о том, что все эти проблемы могут быть решены именно путем разработки и осуществления общегосударственных средне- и долгосрочных программ экономического развития. Непосредственным результатом этого вывода и явилась разработка первого общегосударственного плана развития японской экономики, поставившего две основные цели - добиться экономического самообеспечения страны и полной занятости.

Жизнь показала, что, хотя указанные цели не были, да и вряд ли могли быть полностью достигнуты в столь короткий период времени, мобилизующий фактор плана сыграл свою позитивную роль в обеспечении форсированного общего роста экономики. Уже в первые 2 года действия плана (1956-1957 фин. годы) запланированные показатели экономического развития, включая как рост промышленного производства, так и экономики в целом, были значительно превзойдены. Аналогичные результаты были достигнуты и при осуществлении большинства последующих общегосударственных планов социально-экономического развития страны.

Приводимые ниже сводные данные дают общее представление как об основных целях, так и о результатах осуществления общегосударственных планов социально-экономического развития Японии в послевоенные годы. (См. таблицу).

Общегосударственные планы социально-экономического развития Японии в послевоенные годы²

План и срок его действия (финансовые годы)	Цели	Результаты (среднегодовые темпы роста в реальном выражении, %)			
		Промышленность		Экономика в целом (ВВП)	
		план	фактически	план	фактически
1	2	3	4	5	6
1. Пятилетний план экономического самообеспечения (1956-1960 гг.)	Достижение экономической независимости страны, обеспечение полной занятости	7,4	15,6	5,0	8,7
2. Новый долгосрочный экономический план (1958-1962 гг.)	Максимизация экономического роста, повышение уровня жизни нации, полная занятость	8,2	13,5	6,5	9,9
3. План удвоения национального дохода (1961-1970 гг.)	Максимизация роста экономики, повышение уровня жизни народа, полная занятость	10,5	13,8	7,2	10,7
4. Среднесрочный экономический план (1964-1968 гг.)	Ликвидация диспропорции развития	9,9	13,6	8,1	10,6
5. План экономического и социального развития (1967-1971 гг.)	Достижение сбалансированного и устойчивого экономического и социального развития	10,2	13,2	8,2	10,2
6. Новый план экономического и социального развития (1970-1975 гг.)	Создание благоприятных условий жизни нации путем сбалансированного и устойчивого экономического развития	12,4	3,6	10,6	5,9

1	2	3	4	5	6
7. Базовый экономический и социальный план (1973-1978 гг.)	Улучшение благосостояния нации, расширение международного сотрудничества	10,0 (1973-1977 гг.)	2,1	9,4	4,2
8. Экономический план на вторую половину 70-х годов (1976-1980 гг.)	Устойчивое развитие экономики страны и достижение полнокровной жизни нации	-	6,9 (1976-1978 гг.)	6,0	5,7
9. Новый семилетний экономический и социальный план (1979-1985 гг.)	Постепенный переход на путь стабильного роста, улучшение качества жизни нации, увеличение вклада в развитие международного экономического сообщества	5,6	5,2 (1982-1985 гг.)	5,7	5,2
10. Экономические и социальные перспективы и ориентиры на 80-е годы (1983-1990 гг.)	Обеспечение полной занятости, стабилизация цен и внешне-торгового баланса в условиях соответствующих темпов роста. Осуществление административно-финансовой реформы	-	-	4,0 (1982-1986 гг.)	3,8
11. Новый экономический план (1988-1992 гг.)	Стимулирование внутреннего спроса и сокращение значительного платежного баланса, продвижение к самому высокому мировому уровню жизни, сбалансированное развитие японской провинции	-	-	3,75 (1988-1991 гг.)	4,8

Из таблицы прежде всего видно, что с начала экономического планирования в Японии, не считая ныне действующего плана (1993-1996 гг.), было разработано одиннадцать общегосударственных программ социально-экономического развития страны. Уже одно это говорит о том, что такие программы дают определенные плоды. Иначе правящие круги Японии с присущим для них прагматическим подходом к решению стоящих перед страной проблем не уделяли бы общегосударственному экономическому планированию столь большого внимания и не тратили бы на это времени.

Таблица позволяет также сделать вывод о том, что планы были направлены на решение самых насущных и нестолжных проблем, стоявших перед Японией в тот или иной конкретный период ее социально-экономического развития. Разумеется, в условиях стихийности рыночной экономики стопроцентное достижение поставленных целей, особенно для такой страны, как Япония, которая в значительной степени зависит от внешнего рынка, сопряжено с серьезными, часто непредсказуемыми, трудностями. Поэтому цели плана, особенно в социальной области, могут быть в лучшем случае достигнуты лишь частично. Однако сам факт выдвижения таких целей не мог не оказать и явно оказал позитивное воздействие на общее развитие японской экономики и, в частности, на форсирование ее экономического роста. Как это видно из таблицы, из всех общегосударственных планов социально-экономического развития страны только два потерпели, хотя и не полный, но определенный провал. Это "Новый план экономического и социального развития (1970-1975 фин. годы)" и "Базовый экономический и социальный план (1973-1978 фин. год)", которые совпали с годами серьезных экономических трудностей в мировой капиталистической экономике и, в частности, с общемировыми "нефтяными кризисами". Однако, по мнению японских специалистов, даже эти два плана в конечном итоге сыграли определенную положительную роль в дальнейшем развитии японской экономики, так как на их основе с учетом изменившейся

внутри- и внешнеэкономической ситуации были оперативно разработаны сменявшие их новые планы экономического развития страны. Что касается остальных планов, то первые пять из них по показателям экономического роста были значительно превзойдены, а последние четыре практически выполнены.

В планировании рыночной экономики в Японии есть и серьезные трудности, и просчеты, и ошибки, и подчас политическая окраска, но отрицать на этом основании его позитивное влияние на общее поступательное развитие японской экономики, утверждать, что оно носит бессмысленный и декоративный характер, как это делают сейчас некоторые российские экономисты, значит в угоду непонятым целям выдавать желаемое за действительное. Жизнь и, в частности, само развитие японской экономики, опровергают такие утверждения.

2. Механизм планирования

Процесс разработки общегосударственных планов социально-экономического развития в Японии носит довольно рутинный характер. В нем так или иначе принимают участие все правительственные учреждения, имеющие отношение к экономике, и прежде всего Министерство финансов и Министерство внешней торговли и промышленности. К составлению планов привлекаются также многие научно-исследовательские организации, значительный круг наиболее опытных специалистов и экспертов. Однако главную - координирующую и совещательно-исполнительскую - роль в их разработке играют Управление экономического планирования (УЭП) и Экономический совет.

Управление экономического планирования - важная составная часть японского кабинета министров, его возглавляет генеральный директор в ранге государственного министра. Наряду с другими подразделениями в структуре УЭП существует Бюро планирования, основная функция которого заключается в организации разработок долгосрочных экономических планов. Наряду с этим оно осуществляет координацию действий всех административных подразделений правительства при осуществлении наиболее важных мероприятий, предусмотренных экономическим планом: анализирует и оценивает общий потенциал нации, планирует и координирует основные мероприятия и программы, относящиеся к развитию энергетики, курирует Национальный институт прогнозных исследований⁴.

Экономический совет, созданный в 1952 г., формально придан Управлению экономического планирования, но фактически подчиняется непосредственно премьер-министру. Его основные функции сводятся к тому, чтобы по просьбе премьер-министра изучать положение дел в экономике и формулировать свое мнение о ее развитии, а также готовить материалы по вопросам разработки долгосрочных экономических планов и по другим важнейшим вопросам экономической политики, связанным с экономическим планированием. Другими словами, указанный Совет является совещательным органом при премьер-министре, непосредственно разрабатывающим общегосударственные планы социально-экономического развития страны. Он состоит не более чем из тридцати назначаемых сроком на 2 года опытных в области экономики представителей крупного бизнеса, академических кругов, исследовательских и потребительских организаций, общественных корпораций и профсоюзов, т.е. формально носит довольно представительный и демократический характер. Более того, для разработки каждого отдельного плана в помощь Совету, как правило создается целый ряд комитетов, которые включают в себя несколько сотен представителей самых различных слоев общества⁵.

На этом основании некоторые японские плановики утверждают, что разрабатываемые в Японии общегосударственные экономические планы отражают интересы всех слоев японского народа, так как разрабатываются на основе "общенационального согласия". Так, один из ведущих японских плановиков К.Тани констатирует по этому поводу следующее: "Правительство создало такую систему принятия стратегических решений, которая позволяет

выразителям самых различных интересов участвовать в формировании экономической политики. Деятельность Экономического совета обеспечивает всем заинтересованным сторонам, включая и различные правительственные учреждения, широкую возможность для координации действий и консультаций в процессе принятия решений. Другими словами, Экономический совет является важным форумом, где представители различных мнений собираются вместе не только для переговоров и дискуссий, но и с целью поиска общих интересов в рамках экономической политики, разработанной его секретариатом"⁶.

С этим можно было бы согласиться, если бы не одна немаловажная деталь. После многочисленных консультаций, тщательного обдумывания и взвешивания различных точек зрения в комитетах, что действительно имеет место, непосредственными разработчиками окончательного варианта плана все же остаются постоянные члены Экономического совета, большинство из которых являются представителями крупного бизнеса. Это, естественно, не может не сказываться на характере плана и его приоритетах. Не случайно поэтому наряду с утверждениями о том, что общегосударственное экономическое планирование в Японии осуществляется на основе "всеобщего согласия", существует и другая точка зрения. Выражая ее, проф. К.Хайтани подчеркивает: "Основа и ориентация плана неизбежно окрашены желаниями и ценностями тех членов Экономического совета, которые представляют в нем мощный промышленно-финансовый мир - дзайкай"⁷.

Разработка плана начинается с просьбы премьер-министра к Управлению экономического планирования заняться подготовкой новой общегосударственной программы развития экономики. Формально эта просьба обращена к УЭП, но фактически - непосредственно к Экономическому совету, который немедленно приступает к работе над составлением плана. Для того чтобы не сковывать инициативу и создать условия для творческой деятельности Совета, просьба премьера, как правило, заранее сформулированная УЭП, носит весьма общий характер. В ней не содержится каких-либо конкретных указаний, как и какими рамками ограничить будущий план. Сформулированы лишь общие цели, которые желательно достичь в результате его осуществления.

Вместе с тем с начала 60-х годов Совет учитывает и те цели, которые поставлены всеохватывающими долгосрочными государственными программами, известными как "комплексные планы национального развития". Они разрабатываются Советом по вопросам национальной территории при правительственном Управлении по делам национальной территории по мере возникновения серьезных сдвигов и изменений во внутренних и внешних условиях развития Японии. В отличие от рассматриваемых экономических планов они утверждаются кабинетом министров не просто на основе сложившейся традиции, а согласно "Закону о комплексном развитии территории страны" от 1950 г. и поэтому носят законодательный характер. Всего в послевоенные годы в Японии было принято четыре таких плана, в том числе в 1962, 1969, 1977 и 1987 гг. Их основная цель заключается в том, чтобы "обеспечить основу сбалансированного развития нации".

Для того чтобы понять значение этих всеохватывающих государственно-законодательных программ для составления общегосударственных планов социально-экономического развития страны, обратимся к ныне действующему "Четвертому комплексному плану национального развития", утвержденному японским кабинетом министров 30 июня 1987 г. и рассчитанному на весь оставшийся до конца текущего столетия период. Как и в трех предыдущих "комплексных планах", в нем в общих чертах сформулированы цели развития нации с учетом изменений внутренней и международной обстановки. "Главная цель настоящего плана, содержащего основные ориентиры развития национальной территории в преддверии XXI века и рассчитанного примерно до 2000 года - подчеркивается в нем, - заключается в том, чтобы, исходя из существующих проблем планового развития государственной территории и необходимости обеспечения ее безопасности, добиться многостороннего использования ее специфических возможностей, а также путем ликвидации чрезмерной концентрации населения, экономики и административных функций

государства в основных районах страны достичь мультиполярности развития ее территории во имя углубления связей между отдельными районами и взаимопонимания в международном масштабе".

Небезынтересно отметить тот факт, что одной из главных причин разработки и принятия "Четвертого комплексного плана национального развития" явился продолжающийся и сегодня головокружительный рост цен на землю.

На разработку экономического плана уходит несколько месяцев, после чего Экономический совет представляет его в виде доклада на рассмотрение премьер-министра. Как правило, план одобряется им без особых изменений. Однако при необходимости в него вносятся определенные поправки и уточнения. После этого окончательный вариант плана, по сложившейся традиции, утверждается кабинетом министров как общегосударственный экономический план. Затем он доводится до сведения всех правительственных учреждений и публикуется в печати. При этом практика показывает, что большинство крупных японских компаний и предприятий планируют свою деятельность, исходя из его наметок и ориентиров. Более того, они в значительной степени способствуют осуществлению одобренного плана.

Наконец, следует обратить особое внимание на такую специфическую черту японского общегосударственного экономического планирования, как его заведомо продуманная и заранее предусмотренная гибкость. Как это видно из вышеприведенной таблицы, практически ни один из действовавших экономических планов не дождал по срокам до своего первоначально запланированного окончания и был досрочно заменен очередным, новым планом. Как было показано выше, большинство действовавших экономических планов, несмотря на их досрочную замену новыми, по основным показателям роста экономики были значительно превзойдены или почти выполнены в более короткий период времени. Досрочная замена действующего плана новым объясняется именно этим обстоятельством, а следовательно, и необходимостью разработки новых ориентиров, отвечающих изменившимся условиям внутри- и внешнеэкономического развития страны.

3. "Новый экономический план (1988-1992 гг.)"

Завершившийся в 1992 г. одиннадцатый по счету общегосударственный пятилетний план социально-экономического развития Японии, получивший при утверждении название "Новый экономический план", вступил в силу с 1 апреля 1988 г. Он досрочно сменил собой предыдущую общегосударственную программу "Экономические и социальные перспективы и ориентиры на 80-е годы".

Главная цель "Нового экономического плана" заключалась в переориентировании развития японской экономики с нестабильной экспортной основы на устойчивый внутренний спрос. Для этого планом было предусмотрено решение трех важнейших проблем: ликвидация крупнейшего дисбаланса в торговле Японии с ее внешнеторговыми партнерами, повышение уровня жизни народа, равномерное рассредоточение экономического развития по всей территории страны путем деконцентрации экономики столичного токийского мегаполиса. Впервые в истории японского общегосударственного экономического планирования в план было включено также положение о том, что развитие экономики должно сопровождаться адекватным "улучшением оборонной мощи Японии". Ежегодный реальный рост экономики, согласно плану, должен был составлять в среднем 3,75%. При этом, по расчетам Экономического совета, внутренний спрос должен был ежегодно возрастать на 4,25%, а экспорт - сокращаться на 0,5%.

Непосредственная работа над планом началась в ноябре 1987 г. В конце января 1988 г. Экономический совет, состоявший из 27 человек и возглавлявшийся президентом электроэнергетической компании "Токио дэнреку" Г.Хираива, представил премьер-министру так называемый промежуточный доклад, наметивший основные направления и ориентиры социально-экономического развития страны на пятилетие. В докладе прежде

всего подчеркивалось, что при разработке плана Экономический совет исходил из следующих принципиальных соображений.

Первое. Учитывая усиливающуюся неустойчивость развития мировой экономики, в течение планового периода необходимо осуществить структурную перестройку японской экономики таким образом, чтобы привести ее в соответствие с новыми условиями.

Второе. Японская экономика может развиваться лишь в условиях мира и стабильности мировой экономики. Отсюда при решении всех стоящих перед страной задач необходимо исходить из того, что "Япония - неотделимая часть мира".

Третье. Важнейшей и неотложной задачей является достижение сбалансированного и гармоничного развития международных экономических отношений. Отсюда, усиливая сотрудничество со всеми основными странами мира, необходимо форсировать перестройку структуры японской экономики с ориентацией на расширение внутреннего спроса.

Четвертое. На основе успехов экономического развития необходимо улучшить качество жизни народа и добиться более эффективного использования национальной территории. При этом следует исходить из того, что гармоничное развитие международных экономических отношений невозможно без перестройки структуры японской экономики в направлении расширения внутреннего спроса.

Пятое. Для ускорения структурной перестройки японской экономики в указанном направлении, а также для того, чтобы Япония как один из членов международного сообщества могла внести свой вклад в его развитие, необходимо осуществить значительные изменения в социально-экономической и административной областях. Этот процесс будет сопровождаться болезненными трудностями, однако для будущего развития Японии такой путь представляется единственным возможным и правильным¹⁰.

Исходя из этих принципиальных положений, авторы доклада, положенного в основу плана, наметили общие задачи и пути их решения в наиболее важных областях социально-экономического развития страны, включая повышение уровня жизни народа, урегулирование промышленной структуры и достижение сбалансированного развития экономики отдельных районов страны, дальнейшую либерализацию внутреннего рынка Японии, ее вклад в развитие мирового экономического сообщества, финансово-экономические и другие проблемы¹¹.

Для достижения главной цели - переключения экономики страны с экспортной ориентации на внутренний спрос, а также для решения всех других социально-экономических задач авторы доклада предложили осуществить целый ряд конкретных мер, направленных на выполнение плана. К числу наиболее важных из них относятся следующие: 1) дальнейшая либерализация внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции, рынка строительных работ в общественном секторе экономики, а также рынка капиталов и финансов; 2) дерегуляция транспорта и телекоммуникационных отраслей промышленности; 3) децентрализация населения и административных функций государственных учреждений, сосредоточенных в Токио, путем более эффективного использования всей территории страны; 4) сокращение рабочего времени всех работающих и введение пятидневной рабочей недели в государственных и финансовых учреждениях; 5) оказание более широкой помощи развивающимся странам и прежде всего так называемой "помощи на нужды развития"¹².

Успехи, достигнутые Японией в истекшее пятилетие, и, в частности, превышение планировавшихся темпов роста ВВП (4,8% вместо 3,75%) говорят о том, что "Новый экономический план 1988-1992 гг.", как и предыдущие планы, сыграл довольно заметную позитивную роль в дальнейшем социально-экономическом развитии страны. Более того, несмотря на то что поставленные в нем задачи были решены далеко не полностью, он создал прочную основу для разработки очередного плана развития японской экономики.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в условиях рыночной системы хозяйства общегосударственное экономическое планирование представляет собой особую, весьма гибкую форму государственно-монополистического регулирования экономики страны. Более того, тридцатилетний опыт Японии в этой области говорит о том, что такая форма экономического регулирования в большинстве случаев довольно эффективна и дает свои позитивные результаты.

1. Кайдзай дзиринцу го-ка-нэн кэйкаку (Пятилетний план экономического самообеспечения). Кайдзай кэйкаку те. - Токио, 1956. - С. 3-4.
2. "2000 нэн-но родо" ("Труд в 2000 году"). - Токио, 1987. - С. 2-3; "Япония сегодня". - 1993. - N 2 (14). - С. 3.
3. Наряду с экономическими планами, начиная с 1962 г. в стране периодически разрабатываются также более долгосрочные всеохватывающие программы - "комплексные планы национального развития", о роли которых будет сказано ниже при рассмотрении механизма экономического планирования.
4. Organization of the government of Japan 1987. - Tokyo, 1987. - P. 42.
5. Сингикай соран (Сборник о деятельности совещательных Советов). Управление по административным вопросам. - Токио, 1975. - С. 116.
6. Konishi Tani. "Japan: Planning Through National Consensus" in "Work in Business", United Nations University. - Tokyo. - V. 10. - N 2. - May 1987. - P. 7.
7. Kanji Haitani. "The Japanese Economic System". - N.York, 1976. - P. 70-71.
8. "Дай си дай дзэнкоку сэн кэйкацу кэйкаку" (Четвертый комплексный план национального развития). Кокудог. - Токио, 1987. - С. 5.
9. Син кайдзай кэйкаку ("Новый экономический план"). Кайдзай кэйкакутэ. - Токио, 1988. - С. 45.
10. "Син кайдзай кэйкаку-но кихонзэки кангэката то кэнто-но хоко" ("Основные соображения о новом экономическом плане и направлении его разработки"), Кайдзай сингикай. - Токио, 1988. - С. 1.
11. Там же. - С. 2-8.
12. Там же. - С. 9.

В последние годы в Китае активизировались исследования по решению сложных теоретических и практических вопросов в области военной экономики, многие из которых по проблемности и актуальности аналогичны российским, что обусловило определенный интерес наших отечественных экономистов к китайскому опыту. Характерной особенностью этих работ состоит в том, что они ведутся в КНР совместными усилиями военных и гражданских специалистов, а их тематика объединена структурным контуром самостоятельной области военных знаний - военно-экономической науки, которая, по мнению китайских теоретиков, должна вести исследования таких проблем, как выработка предложений по военно-экономической политике государства и оценка военно-экономических потенциалов противоборствующих сторон, развитие военной промышленности и создание материально-технической базы на театре военных действий (ТВД), подготовка экономики к войне и мобилизация народного хозяйства, конверсия оборонной (военной) промышленности и производственная деятельность вооруженных сил. При их разрешении китайские военные экономисты опираются на два главных концептуальных положения о военной экономике, гласящих, что "превращение экономической мощи в военную составляет важное звено готовности экономики к отражению агрессии", и "военная доктрина, принятая в государстве, непосредственно влияет на экономику страны и развитие военно-экономических идей"¹.

Достигнутые результаты в области теории военной экономики легли в основу современной военно-экономической политики КНР - обеспечение единства задач военного и экономического развития при определяющей роли последнего. В соответствии с концепцией приоритетного развития национальной экономики по отношению к оборонному строительству китайскими теоретиками подготовлены рекомендации по дальнейшему укреплению военно-экономического потенциала в контексте с наращиванием общих экономических возможностей государства. Сформулирован принципиальный курс в области развития военной экономики - "строительство национальной обороны в режиме экономии при сочетании интересов армии и народа, интересов мирного и военного времени, подчинении оборонного строительства общей обстановке в экономическом строительстве, оказание армией всемерной поддержки развитию национальной экономики"².

Интересы теоретического обеспечения реализации этого курса как и общей практики экономического развития страны, потребовали дальнейшего развития китайской экономической науки. В ходе экономических дискуссий, в которых активное участие принимают и военные экономисты, обсуждаются результаты исследований различных зарубежных экономических теорий. Большое внимание уделяется трудам ученых Запада, возрос интерес к "азиатской модели", опыту экономического развития стран конфуцианского культурного региона, ведутся исследования акционерной экономики, практически перестали привлекать внимание концепции ученых стран Восточной Европы, отрицающих возможность реформирования социализма. Обсуждая пути дальнейших преобразований в экономике, китайские ученые не ограничиваются рамками "упорядочения", а высказываются о необходимости перестройки соотношений различных форм собственности, формирования рыночной среды, реформы цен.

Продолжается совершенствование концепции планового перехода от монопольно-государственной (командной) системы к рыночно-ориентированной, сочетающей план и рынок. Китайские экономисты считают, что в переходный

Стефашин Виктор Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центрального института военно-технической информации.

период государством должны быть надежно защищены базовые отрасли (сырьевые, энергетические, металлургические) и военная промышленность с тем, чтобы обеспечить другим сферам и отраслям плавный переход к рыночной экономике, а национальному военно-промышленному комплексу сохранить свой потенциал. В центре внимания последних конференций по вопросам экономической теории остаются проблемы уравниловки, несправедливого распределения доходов и их несоответствие трудовому вкладу, нерационального соотношения в оплате работников умственного и физического труда, большого разрыва в заработках в различных секторах экономики, конверсии военной экономики и направлений развития оборонной промышленности.

В ходе решения задач "четырёх модернизаций" военные экономисты КНР столкнулись с острой необходимостью разрешения таких сложных теоретических и практических вопросов, как оптимальное согласование темпов развития оборонной экономики и народного хозяйства, интеграция оборонной промышленности с гражданской, безболезненное сокращение масштабов военного производства до минимально необходимого уровня, оптимальное перенацеливание освобождающихся мощностей военной промышленности на выпуск гражданской продукции, рациональное расходование ограниченных ассигнований, выделяемых на оборону, для удовлетворения все возрастающих в них потребностей, связанных с модернизацией и заменой станочного парка, освоением новых технологий, обеспечением надежного функционирования и живучести военных промышленных объектов и экономических структур (см. схему). В то же время на директивном уровне определено, что разрешение этих, хотя и очень важных вопросов, современного этапа развития страны должно соответствовать выполнению главной задачи военно-экономических исследований - теоретическому обеспечению экономической готовности страны к ведению войны. Уровень такой готовности, по мнению китайских ученых, определяется степенью обеспеченности мобилизационного развертывания вооруженных сил материальными и людскими ресурсами, подготовленностью базовых отраслей экономики и оборонной промышленности к функционированию в военное время, живучестью всей инфраструктуры народного хозяйства и готовностью объектов оперативного оборудования ТВД к использованию в ходе ведения военных действий.

Основу военной промышленности Китая составляют около 300 сборочных предприятий центрального подчинения, на которых выпускается военная техника основных видов. Кроме этого, на ряде крупных гражданских заводов центрального подчинения, небольших военных заводах, ремонтных базах и мастерских, находящихся в ведении военных округов, а также гражданских предприятий местного подчинения, выполняются отдельные заказы по производству и ремонту легкого вооружения, боеприпасов, запасных частей, некоторых образцов техники, обмундирования и т.д. Наличие четырех категорий предприятий (военные центрального подчинения, военные окружного подчинения, гражданские центрального подчинения, гражданские местного подчинения), занятых в военном производстве, хотя и затрудняет в определенной степени организацию их согласованного функционирования, но главное, по мнению китайских экономистов-теоретиков, способствует повышению устойчивости военной промышленности в условиях войны и укреплению связей с гражданским сектором экономики.

Сделанные китайскими аналитиками выводы о крайне разрушительном характере современных даже локальных войн вновь поставили перед китайской экономической теорией проблему определения соотношения между заблаговременно созданными стратегическими резервами и мобилизационными запасами с одной стороны, и текущим производством и развитием мобилизационных возможностей промышленности страны с другой. По оценкам специалистов, для наращивания производства оружия и военной техники (О и ВТ) в мобилизационный период, китайское руководство за счет жесткого режима экономии может заблаговременно создать 2-3-месячные запасы стратегического сырья и материалов. Китай обладает значительными производственными мощностями по выпуску оружия и военной техники, но

полное мобилизационное развертывание военного производства Китая (без учета ограничений по сырью, топливно-энергетическим ресурсам и рабочей силе) может быть осуществлено в основном в течение 1 года для обычных видов вооружения сухопутных войск и в течение 1,5-3 лет для ракетных комплексов стратегического и оперативно-тактического назначения, бомбардировщиков, подводных лодок, эсминцев и фрегатов управления ракетного оружия (УРО). Для конверсии производства гражданских предприятий эти сроки, видимо, составят около 2 лет. Темпы наращивания военного производства в первые 2-3 месяца будут невысокими, поэтому военные экономисты Китая рекомендуют и впредь внимательно относиться к накоплению мобилизационных запасов, которые станут основой материальной базы развертывания НОАК в короткие сроки и главным источником восполнения безвозвратных потерь и расходов материальных средств в начальном периоде войны. Еще большую значимость неприкосновенные запасы будут играть при ведении скоротечных локальных войн.

В мирное время загруженность большинства отраслей военной промышленности по прямому назначению составляет от 3 до 50%. Остальные мощности законсервированы или задействованы частично, или используются для изготовления гражданской продукции. Доля последней в общем объеме валовой продукции военной промышленности составляла в 1992 г. около 70%. Это, по мнению китайских экономистов, обеспечивает определенное сокращение сроков мобилизационного развертывания военной промышленности за счет поддержания в мирное время в рабочем состоянии большей части резервного оборудования и наличия необходимой квалифицированной рабочей силы. Кроме того, прибыль от реализации гражданской продукции используется предприятиями для модернизации основного производства, внедрения современных технологий, что в конечном итоге ведет к повышению качества изготавливаемой военной техники. Сами же предприятия постепенно усваивают законы рыночной экономики и становятся органически необходимыми элементами гражданского сектора³.

Активная научная работа китайских экономистов идет и в области выработки рекомендаций по модернизации старых и строительству новых заводов. Здесь китайская военно-экономическая мысль в первую очередь исследует проблемы несбалансированности производственных мощностей в ряде отраслей военного производства и "расширки" его узких мест. Для ликвидации этих недостатков вырабатываются конкретные предложения по расширению и переоснащению уже имеющихся заводов современным технологическим оборудованием, а в других случаях (например, наличия только уникальных, единственных предприятий, вывод из строя которых может привести к полному прекращению выпуска техники) рекомендуется строительство новых. В интересах достижения максимально возможной органичности в развитии меж- и внутриотраслевых кооперационных связей китайская военно-экономическая мысль исследует вопросы, связанные с выявлением и устранением узких и уязвимых мест в транспортной сети Китая в условиях ее функционирования в мирное и военное время.

После тщательного изучения опыта боевых действий в зоне Персидского залива перед китайскими исследователями с новой остротой встала проблема живучести экономики и защиты населения. Китайскими экономистами подготовлен план мероприятий по расщеплению военно-экономических объектов и их дублированию, созданию гибкой системы производственных связей, резервов производственных мощностей, в том числе в гражданском секторе промышленности, подготовке и накоплению средств для восстановления разрушенных хозяйственных объектов, проведению работ в сфере гражданской обороны. Была вновь подтверждена правильность принятого ранее курса на создание самостоятельных в военно-экономическом отношении районов страны, выделение которых территориально во многом стало теперь совпадать с театрами военных действий.

Маоистская концепция на самообеспечение и принятый курс на "расщепление крупного и концентрацию мелкого производства" стали

основополагающими не только на уровне провинций, но и провинциальных городов и уездов. От провинций требуется создание целостных промышленных систем. Решению этой проблемы способствует осуществляемый по рекомендациям китайских экономистов курс на приоритетное строительство средних и мелких предприятий, обеспечения их работы за счет местного сырья и ресурсов и создание на их базе так называемых "самообеспечивающихся комплексов" административно-хозяйственных районов, которые в чрезвычайных условиях должны стать базами по производству отдельных видов легкого вооружения, боеприпасов, запасных частей и для выполнения других задач в интересах обеспечения военных действий НОАК на отдельном стратегическом или даже оперативном направлении. Уже в настоящее время в каждой провинции, автономном районе (за исключением Тибета), городе центрального подчинения созданы металлургические предприятия (хотя в 16 провинциях собственной рудной базы было недостаточно). В стране в целях самообеспечения построено повсеместно большое количество универсальных машиностроительных предприятий, типичных для мелкого производства. Почти все они имеют свои литейные и кузнечные цеха. По литью самообеспеченность районов достигает примерно 80%, а по кузнечным заготовкам - более 90%, что превышает аналогичные показатели в США и Японии в 2-6 раз⁴. Такая система, хотя и не отвечает требованиям крупного обобщественного производства (повсеместное дублирование, нерационально большие затраты труда и средств, невысокая эффективность), в условиях войны становится достаточно живучей.

Еще одним направлением повышения живучести экономики стало рассредоточение, начиная с 1965 г., оборонных мощностей в глубине страны (на территории провинций Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шаньси, Ганьсу и западных районов провинций Хэнань, Хубэй, Хунань) по программе создания так называемой "третьей линии обороны". Изначально она предусматривала широкое промышленное строительство, в том числе военного характера, и создание на его основе мощной стратегической тыловой базы страны. По рекомендациям китайских экономистов предполагалось создание независимых промышленных систем, ориентированных на военное производство по принципу "осажденных крепостей". На зону "третьей линии обороны" в настоящее время приходится около 1/3 производственных мощностей страны, в ней функционируют около 600 оборонных промышленных предприятий и научно-исследовательских организаций (из 2600 крупных и средних предприятий и учреждений, построенных здесь за последние 25 лет); оборудование которых относится к наиболее современному в национальной экономике⁵.

Предприятия, включенные в "третью линию обороны", строились рассредоточенно, в горах и пещерах, в отдаленных районах с неудобными коммуникациями, крайне трудными условиями для расширения производства, в условиях спешки и отсутствия какой-либо объединяющей концепции. Это привело к иррациональной структуре капиталовложений и чрезмерной разобщенности заводов и НИИ, трудностям в специализации, кооперации и снабжении и как следствие - к значительному удорожанию выпускаемой продукции и проблемам с ее сбытом. У построенных в этой зоне предприятий до 30-50% мощностей простаивают или используются лишь частично. Многие из них функционируют благодаря дотациям центральных и местных властей, что является тяжелым бременем для государства.

В этой связи остро встала проблема конверсии оборонной промышленности страны и прежде всего в зоне "третьей линии обороны". Активизация использования этого крупного военно-промышленного комплекса стала важнейшей задачей китайской военно-экономической мысли. По результатам исследований руководством страны принято решение о судьбе каждого предприятия - его закрытии, репрофилировании или передислокации. Основная часть предприятий, по мнению авторов проекта, должна развиваться на месте, но, исходя из потребностей рынка, изменить структуру производства, которая позволит выпускать военную и гражданскую продукцию (а в случае войны быстро перейти на обслуживание потребностей ВС), взаимодействовать с

другими промышленными системами страны и максимально способствовать их взаимному развитию.

При этом считается, что конверсия военного производства должна иметь четко установленные пределы, которые определяются требованиями национальной безопасности. В соответствии с этой установкой в Китае была разработана система классификации предприятий, исходя из которой все заводы и НИИ оборонного комплекса были разбиты на три группы с различной степенью конверсии оборонного производства*. В первую группу вошли заводы и НИИ с главной для них задачей - разработка и выпуск военной продукции. Для этих предприятий уровень задействования производственных мощностей для гражданской продукцию не должен превышать 30%. Ко второй группе относят заводы и НИИ, занимающиеся преимущественно гражданским производством (70% производственных мощностей), но выполняющие и задачи оборонного комплекса. В третью группу вошли заводы и НИИ, полностью переключившиеся на выпуск гражданской продукции. Но ко всем трем группам предприятий выдвинуто требование по овладению гибкими технологиями, которые позволили бы им осуществлять быстрый переход к производству военной продукции в соответствии с руководящей концепцией "в мирное время поворот к гражданскому, во время войны - к военному"⁷. В целом считается, что для удовлетворения нужд оборонного производства в КНР достаточно задействовать 15% имеющихся мощностей военной промышленности, а остальные 85% можно перевести на выпуск гражданских товаров.

Основное препятствие на пути проведения военно-экономической реформы - нехватка финансовых средств. Для разрешения этого вопроса китайские исследователи предложили в первую очередь улучшить инвестиционную среду, создать благоприятные условия для привлечения возможно большего числа источников финансирования*. Этим целям должны служить отказ от нынешнего чрезмерно закрытого характера работы оборонных предприятий, расширение их хозяйственной самостоятельности, предоставление им права заниматься внешнеторговой деятельностью, устанавливать экономическое и техническое сотрудничество с зарубежными организациями. Перестройка оборонной промышленности направлена на выпуск либо пользующихся повышенным спросом высококачественных потребительских товаров, либо продукции и средств производства, которые в настоящее время страна закупает по импорту, либо конкурентоспособной военной техники⁸.

Причем, рассматривая первые два направления, каждому предприятию рекомендуется организовать производство нескольких видов альтернативной гражданской продукции. Касаясь же третьего направления, утверждается, что и оно может быть весьма перспективным и всячески поощряется правительством⁹.

Это связано с тем, что осуществление политики "конверсии через продажу военной техники" позволяет КНР, с одной стороны, широко использовать приобретение гражданской продукции за счет постоянно увеличивающегося объема военного экспорта, а с другой - поддерживать часть мощностей оборонных отраслей в высокой мобилизационной готовности к развертыванию крупномасштабного производства оружия и военной техники. Кроме того, острая конкуренция на международном рынке вооружений требует внедрения в производство самых современных технологий, что резко активизирует военно-техническую и военно-экономическую мысль и проведение модернизации оборонных предприятий в условиях крупных отчислений (от 40 до 85%) полученной таким образом валюты Министерству обороны НОАК и непосредственно самим заводам и НИИ.¹⁰

Характерной особенностью в области современного управления оборонной промышленностью стало создание системы торговых и промышленных компаний

* Объем экспорта оружия и военной техники Китаем составили в 1981 г. - 400 млн долл., 1982 г. - 1300 млн долл., 1983 г. - 1600 млн долл., 1984 г. - 2000 млн долл., 1985 г. - 680 млн долл., 1986 г. - 1200 млн долл., 1987 г. - 2300 млн долл., 1988 г. - 3100 млн долл., 1989 г. - 1500 млн долл., 1990 г. - 1500 млн долл., 1991 г. - 2000 млн долл., 1992 г. - 2200 млн долл.

и объединений, которые можно разделить на две группы: первые занимаются посредничеством между промышленными фирмами и потребителями (включая зарубежных), вторые сочетают ту же функцию с управлением производством. Для координации деятельности торгово-промышленных компаний на внешнем рынке в системе КОНТОП создано объединение "Синьшидай". Это привело к заимствованию оборонной промышленностью в широких масштабах различных современных методов хозяйствования, принятых в гражданском секторе, где уже накоплен значительный опыт работы на принципах хозрасчетных отношений и рыночного регулирования. В оборонных отраслях активизировался также переход к работе на основе контрактов в условиях сохранения государственного планирования. В свою очередь, в народном хозяйстве облегчился доступ к множеству ранее засекреченных оборудования, технологий, научно-технических разработок.

Исследования, проведенные китайскими учеными в области транспортной системы КНР, позволили им выявить в ней множество узких и уязвимых мест. Для их устранения рекомендовано увеличить пропускную способность некоторых магистралей за счет их модернизации или прокладки вторых путей, ускорить строительство стратегических железных и автомобильных дорог, обеспечить обходными путями крупные радиальные транспортные узлы, разместить подразделения инженерных войск НОАК (или соответствующие формирования народного ополчения) и создать необходимые запасы материальных средств вблизи важных инженерно-дорожных сооружений для их оперативного восстановления в случае разрушения.

В китайской военной печати продолжают дискуссии по проблемам гражданской обороны, способах защиты экономики и населения. Из их анализа следует, что важнейшую роль в обеспечении поставок людских и материальных ресурсов будут играть средние и малые города. При этом с учетом невозможности надежного прикрытия с воздуха всех объектов предлагается основные усилия сосредоточить на отработке действий местных формирований гражданской обороны, организации укрытия, а в некоторых случаях и эвакуации (главным образом в крупных городах) населения, маскировке объектов. На отдельных крупных военных заводах рекомендуется строительство важных цехов осуществлять под землей. Большинство военных предприятий должно иметь дополнительно к основным автономные системы энерго- и водоснабжения. Программа развития гражданской обороны предусматривает совершенствование имеющихся объектов на новом, более высоком технологическом уровне, проектирование и создание новых с учетом возможности их использования в мирное время в качестве объектов "двойного назначения".

Еще одной из проблем, вошедшей в круг задач, решаемых в ходе военно-экономических исследований, была разработка мер по использованию вооруженных сил для поддержки экономического строительства и самофинансирования, которые охватывали такие направления, как участие НОАК в строительстве гражданских объектов, предоставление в различных формах части военных объектов для гражданских организаций, оказание технической помощи и консультаций, развитие в воинских частях подсобного хозяйства. При этом было определено, что оказание большинства услуг и оплата строительных работ должны осуществляться по договорам, в которых должны быть предусмотрены все финансовые вопросы. Заработанные средства после выплаты государственного налога перечисляются в фонд воинской части и используются ею для улучшения социально-бытовых условий военнослужащих. Предоставление военных объектов (аэродромы, самолеты, склады, гарнизонные охраняемые территории, военно-транспортные суда и др.) для гражданского использования осуществляется в форме аренды или продажи. Организация так называемого "третьего производства" подразумевает коммерческую деятельность вооруженных сил, и прежде всего их тыловых органов. Она предполагает развертывание торговых лавок, столовых, гостиниц, ремонтных мастерских и др. Оказание технической помощи и предоставление консультаций осуществляется в формах платного обучения местных специалистов, взятия подряда на

проектирование, создания консультационных фирм. Развитие подсобного хозяйства предусматривает создание многоотраслевого товарного производства, внедрение экономической ответственности, возможность привлечения дополнительных материально-финансовых, людских и других ресурсов со стороны. Разрешается реализация пищевых и промышленных продуктов собственного производства на местных рынках. Допускается совместно с гражданскими организациями выполнение подрядных работ с разделением прибыли пропорционально доле участия (затратам). Но главным в производственно-хозяйственной деятельности войск считается ее ориентация на занятие подсобным сельскохозяйственным производством, развитие коллективных и семейных предприятий, обслуживающих военнослужащих. В частности, в "Директиве о поддержании стабильного развития сельскохозяйственного производства в войсках", изданной в 1989 г. Главным управлением тыла НОАК, ставится задача в течение текущих 10 лет добиться полного самообеспечения зерновыми и в основном - мясными продуктами.

Для предотвращения же использования в корыстных целях средств из военного бюджета в гражданских отраслях, контрабанды, спекуляции, неуплаты налогов, мошенничества и других злоупотреблений в НОАК активно действует комплект достаточного суровых по содержанию законодательных актов о материальной и уголовной ответственности лиц, их нарушивших.

Таким образом, анализ вышеназванного позволяет отметить значительную активизацию китайской военно-экономической мысли за последнее десятилетие. Выработанные в ходе исследований научно обоснованные практические рекомендации позволили руководству страны сформулировать принципиально новую военно-экономическую политику, уточнить задачи военной промышленности, выработать требования к мобилизационной готовности народного хозяйства. Сделанные теоретические разработки облегчили осуществление перевода оборонной промышленности в единую общегосударственную систему экономического строительства и позволили существенно сэкономить финансовые средства на этот процесс, а войсковое хозяйство НОАК получило дополнительные источники своего развития.

1. Ли Шэньсин. Место военно-экономических исследований в военной науке: Сборник статей по военной экономике. - Пекин, 1986. - С. 73-83.
2. Цзефанцзюнь бао. - 1987. - 11 декабря.
3. Ли Вэйчжэн. Некоторые взгляды по военной экономике: Сборник статей по военной экономике. - Пекин, 1986. - С. 406-410.
4. Структура экономики Китая. - Москва: "Прогресс", 1982. - С. 243.
5. Жэньминь жибао. - 1990. - 24 мая.
6. Чжунгун яньцзю. - 1988. - № 6. - С. 47.
7. Ляован. - 1989. - № 48. - С. 20.
8. Стратегические исследования развития военной экономики Китая. - Пекин, 1990.
9. Цзи Бин. Необходимо развивать экспорт военной продукции. - 1989. - № 10. - С. 13-17.
10. Лун Чжифэй. Источники военных ресурсов. Там же. - 1988. - № 3. - С. 46-50.
11. Ван Мэн. К вопросу о производственно-хозяйственной деятельности войск. Цзяньши цзинцзи яньцзю. - 1989. - № 10. - С. 59-62.

"Сто цветов" в китайской экономической науке

"Мои экономические взгляды. Сто современных китайских экономистов о себе".

© 1993

О.Н. Борох

С начала 80-х годов в КНР наблюдается повышенный интерес к научным трудам и деятельности китайских экономистов.

За годы реформы были изданы монографии ведущих ученых КНР Дун Фужэна, Лю Гогуана, Ма Хуна, Сунь Ефана, Сунь Шанцина, Сюэ Муцяо, У Цзинляня, Цзян Сюэмо, Юй Гуаньюэня, Ян Цзяньбая и др., сборники статей по проблемам экономической теории, хозяйственной реформы, стратегии развития. Начала публиковаться многотомная серия "Известные современные экономисты Китая", вышли в свет избранные произведения крупнейших китайских экономистов Сунь Ефана, Сюэ Муцяо, Чжоу Шуляня и др. Появились крупные работы обобщающего характера, специальные монографии, в которых систематизировались материалы проходивших в КНР дискуссий по экономическим проблемам.

С середины 80-х годов регулярно выпускается "Ежегодник китайской экономической науки". Публикуется справочная литература о китайских экономистах. Так, например, в Шанхае был издан "Словарь ученых-экономистов современного Китая", знакомящий научную общественность с биографиями и основными трудами китайских исследователей. Жизни и творчеству экономистов посвящаются статьи в центральных и местных газетах. В специальных экономических журналах публикуются многочисленные материалы, в которых анализируются и систематизируются экономические взгляды китайских ученых.

Почему в Китае об ученых-экономистах написано так много? В чем причина устойчивого интереса к их научным трудам? Чем вызвано повышенное внимание не только к теоретическим воззрениям, но и к личностям экономистов?

Активное участие китайских исследователей в выработке экономического курса - характерная особенность проводимой в КНР политики реформ. Уже во второй половине 70-х годов в поисках выхода из кризисного состояния, в котором страна оказалась в результате "10-летнего хаоса культурной революции", руководство КНР стало привлекать ученых к разработке экономической политики. По его инициативе были организованы экономические дискуссии, в которых обсуждался широкий круг проблем политической экономии, исследовался зарубежный опыт экономического развития, обобщались итоги строительства социализма в КНР. Со своими концепциями выступили видные ученые-экономисты Ло Гэнмо, Сунь Ефан, Сюэ Муцяо, Ян Цзяньбай, лишенные в предшествующее десятилетие права голоса. В обсуждение включились ученые среднего поколения: Дун Фужэн, Ли Инин, Лю Гогуан, Ма Хун, Сунь Шанцин, У Цзинлянь, Чжан Чжоюань, Чжоу Шулянь, молодые

* Воле изидци гуань. Дачай Чжунго бай мин цинцискоцзя цышу (Мои экономические взгляды. Сто современных китайских экономистов о себе). Цзинсу жэньминь чубаньшэ. 1991-1992 гг. В 5-ти томах.

Институт Дальнего Востока РАН и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" выражают глубокую признательность профессору Юань Эньчжэню, подарившему институту это ценное издание.

Борох Ольга Николаевна кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

экономисты. Основные положения, выработанные в ходе дискуссий, учитывались при формировании экономической политики китайского руководства и находили отражение на программном уровне.

Анализируя итоги 14 лет хозяйственной реформы в КНР, многие исследователи современного Китая видят главную причину успеха реформы в том, что в КНР был избран путь эксперимента, проб и ошибок, получивший название "перехода через реку, нащупывая камни". На наш взгляд, экономический прогресс в КНР был также связан с умелым использованием в ходе строительства "социализма со спецификой Китая" достижений экономической науки. Своими теоретическими выводами и практическими рекомендациями китайские ученые внесли существенный вклад в разработку концепции реформы. Именно этим, по нашему мнению, можно объяснить особое отношение в Китае к экономистам, высокую оценку китайской научной общественностью результатов их деятельности.

Интерес к жизни и идеям китайских экономистов связан также и с тем, что ведущие ученые КНР - это яркие индивидуальности. Их отличает преданность своему делу, верность убеждениям. Судьбы экономистов складывались под влиянием сложных событий второй половины XX века. Многие ученые старшего и среднего поколения в период "культурной революции" подвергались репрессиям, были заключены в тюрьму или направлены на перевоспитание в деревню, однако не отказались от своих взглядов. Особое место в истории китайской экономической мысли принадлежит "патриарху" реформы Сунь Ефану, теоретическому наследию которого посвящены многочисленные статьи и монографии ученых КНР. В китайской экономической литературе часто цитируется высказывание Сунь Ефана, свидетельствующее о его научной смелости и бескомпромиссности: в период развернутых против Сунь Ефана кампаний критики ученый открыто заявлял, что, "во-первых, не изменит своих убеждений, во-вторых, не изменит своих поступков, в-третьих, не изменит своих идей". Заложенные Сунь Ефаном традиции научного творчества были продолжены в период проведения реформы. В 80-е годы ведущими учеными КНР были созданы относительно целостные экономические теории, которые они последовательно отстаивали. Некоторым видным экономистам в научных кругах КНР были даже присвоены "вторые имена", отражающие существо их теоретических воззрений. Так, например, сторонника рыночных реформ У Цзиняня коллеги-экономисты называли У Шичан (У Рынок), а пропагандиста акционерной системы Ли Инна - Ли Гуфэнь (Ли Акция). Как отмечает сегодня китайская печать, после событий мая-июня 1989 г. эти "вторые имена" приобрели "отрицательный оттенок", стали считаться синонимом "буржуазной либерализации", однако ученые по-прежнему оставались верны своим взглядам (Чжунго цинняньбао. 09.02.1993). Цельность характеров и независимость суждений ученых КНР обусловили особое уважение к ним научной общественности. Популярность теорий китайских экономистов была связана также и с тем, что выдвинутые ведущими учеными КНР концепции содержали систематизированное исследование экономических проблем современного Китая. Свообразные подходы ученых к решению этих проблем и оригинальные предложения, которые могли быть использованы в ходе реформы, вызвали интерес в научных кругах КНР.

Среди многочисленных работ о китайских экономистах заметно выделяется пятитомное собрание "Мои экономические взгляды. Сто современных китайских экономистов о себе", выпущенное в 1991-1992 гг. издательством Цзянсу жэньминь чубаньшэ. Впечатляет объем работы - она состоит из пяти томов, каждый из которых насчитывает около 1000 страниц емкого китайского текста, т. е. примерно 6 млн. 500 тыс. иероглифов. Жанр работы также весьма своеобразен: ведущим ученым КНР было предложено высказаться по интересующим их экономическим проблемам. Как отмечается в предисловии к работе, экономисты "должны были сами выбрать тему статьи, написать о том, что, по их мнению, заслуживает наибольшего внимания, сказать то, что они хотят сказать, выдвинуть наилучшие, с их точки зрения, рекомендации и предложения" (С. 4). Другими словами, ученым была

предоставлена полная самостоятельность в определении темы исследования и формы подачи материала. Благодаря такой постановке задачи китайские экономисты получили возможность свободно выразить свои взгляды, обобщить их, полнее раскрыть свою индивидуальность, "реализовать свое "малое Я" в "большом Я" - деле строительства социализма со спецификой Китая" (с. 5). Подобный подход имеет очевидные преимущества и для читателя, который получает информацию "из первых рук" и может сам делать выводы о характере и направленности экономических дискуссий. На наш взгляд, главный недостаток большинства работ китайских авторов, посвященных проходящим в КНР теоретическим дискуссиям, заключается в том, что они не дают возможности заключить, насколько репрезентативна та или иная точка зрения, высказанная в ходе обсуждения, кем она была представлена, в какой период она получила наибольшее распространение. Форма, избранная составителями книги "Моя экономические взгляды", позволила преодолеть этот недостаток и дать достаточно объективную картину дискуссий.

К числу достоинств работы "Мои экономические взгляды" относится также и то, что в научный оборот вводятся новые материалы, представляющие интерес для исследователей теории и практики экономической реформы в КНР. В статьях китайских экономистов содержатся ценные биографические сведения, освещаются малоизвестные ранее вехи научной деятельности ученых КНР. Полемическая заостренность статей позволяет углубить представления о разногласиях, существующих среди китайских экономистов по вопросам о путях и методах экономического развития страны. В работе приводятся многочисленные конкретные факты, свидетельствующие об участии китайских ученых в разработке экономической политики. Статьи китайских экономистов дают возможность проследить, какие предложения ученых КНР были учтены при подготовке официальных решений, а какие были отклонены. В работе содержится богатый статистический и фактический материал, позволяющий составить более полное представление о положении в народном хозяйстве страны и о сложных процессах, происходящих в экономике КНР и в китайском обществе.

Неоспоримое достоинство работы состоит в том, что в ней дается целостная картина китайской реформы. В статьях ученых КНР анализируются стратегия и тактика реформы, ее этапы, основные направления, главные проблемы возникающие в ходе преобразований. Реформа рассматривается под различными углами зрения: исследуются меры по перестройке хозяйственного механизма, предпринимаемые на уровне государства, отдельных провинций и предприятий, анализируется ход реформы в различных регионах, раскрывается содержание ее основных звеньев. В написании работы участвовали преподаватели высших учебных заведений, сотрудники научно-исследовательских институтов экономического профиля, редакторы партийных и научных журналов, работники практических организаций. Они подходили к анализу мероприятий реформы с различных позиций, их взгляды на реформу имели свои отличительные особенности, поэтому данная в работе характеристика реформы представляется достаточно полной и всесторонней.

Как отмечалось ранее, пятитомник "Мои экономические взгляды" вышел в свет в 1991-1992 гг. Это означает, что подготовка работы к изданию велась в период после июньских событий 1989 г. Процессы, происходившие в политической жизни страны, наложили отпечаток на позиции китайских ученых. Статьи были написаны экономистами в то время, когда в Китае велась борьба против идейного течения буржуазной либерализации, основное внимание уделялось пропаганде "четырех основных принципов" (социалистический путь развития, демократическая диктатура народа, руководство КПК, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна). Соблюдение "четырех основных принципов" стало одним из критериев отбора статей, включенных в пятитомник. Именно поэтому в пятитомнике не представлены взгляды экономистов, которые активно выступали в китайской печати в 1988-1989 гг. (Чэнь Ицзы, Хуа Шэн и др.), а после июньских событий были квалифицированы как "сторонники буржуазной либерализации". Имена этих ученых упоминаются в пятитомнике только в

связи с критикой их представлений: так, например, в статье редактора экономического отдела журнала "Цюши" Чжэн Цзунхана китайский ученый-обществовед Су Шаочжи характеризуется как "постоянно преклонявшийся перед капитализмом и в конечном счете продавшийся Западу" (Т.3. С. 646). Следует отметить, что влияние политических установок руководства КНР наиболее четко прослеживается в статьях редакторов партийных журналов, авторы статей выражают скорее официальную точку зрения на происходящие события, нежели свою собственную. Воздействие официальных установок проявилось также и в том, что некоторые темы исследования оказались "запретными". Прежде всего это относится к пропаганде приватизации, которая считалась главным проявлением буржуазной либерализации в экономической сфере. Не случайно, что отдельные экономисты, стремясь отойти от обсуждения острых сюжетов, посвящали свои статьи политически нейтральным проблемам. Так, например, в статье Ли Инина, главной сферой научных интересов которого являются реформа собственности и акционерная система, рассматриваются проблемы охраны окружающей среды.

Знакомство с пятитомником "Мои экономические взгляды" позволяет заключить, что официальные установки руководителей КНР существенно ограничивали исследовательские возможности китайских экономистов. С другой стороны, в сложных политических условиях ученые КНР должны были четко определить свою позицию и объяснить, какой смысл они вкладывают в понятие "реформа". В этой ситуации выявились различные подходы ученых КНР к реформе: взгляды одних экономистов совпадали с официальной точкой зрения, концепции других сохраняли индивидуальность. На основании статей, представленных в пятитомнике, можно установить, кто из экономистов высказывался за развитие в Китае рыночных отношений, а кто предлагал усилить роль плана, кто видел главный путь реформы общественной собственности в совершенствовании подряда, а кто - в акционировании, кто и как оценивал значение для Китая зарубежного опыта. Сегодня, когда в КНР активно обсуждается вопрос о том, кому из ученых принадлежит приоритет в разработке той или иной проблемы, материалы пятитомника приобретают особую актуальность. Как справедливо указывается в предисловии к работе, материалы пятитомника имеют ценность для изучения истории китайской экономической мысли (С.2).

Работа "Мои экономические взгляды" представляет интерес также и потому, что в статьях китайских ученых поднимаются проблемы, которые являются предметом острых дискуссий в нашей стране. Опыт Китая в решении этих проблем имеет особое значение для России, где осуществляется переход к рыночной экономике.

Каждый из пяти томов работы "Мои экономические взгляды" включает в себя от 18 до 20 статей китайских экономистов. Статьям предпосланы краткие предисловия, в которых в тезисной форме излагаются основные положения статей. После каждой статьи дается краткая биографическая справка о ее авторе, где содержатся следующие основные сведения: год и место рождения, национальность, образование, место работы. Как указывают составители пятитомника, статьи каждого тома делятся на три группы - в первой части рассматриваются общие экономические проблемы, во второй - специальные, в третьей - вопросы развития китайской экономической науки (С.5). На наш взгляд, такое деление представляется весьма условным, четкая структура у работы отсутствует.

Обобщить и систематизировать материалы пятитомника чрезвычайно сложно. Статьи китайских экономистов принципиально отличаются друг от друга. Ученые по-разному подошли к поставленной перед ними задаче. Некоторые экономисты (У Цзинлянь, Цзян Сюэмо, Су Син, Сю Чжоцзи) рассказали о том, как формировались их экономические воззрения, проследили эволюцию своих взглядов. Статьи этих ученых не являются строго академическими, они написаны эмоционально, авторская позиция выражена очень четко. Не может рассматриваться как строго научная и статья Юй Гуаньюаня, который сам определил жанр своей работы как "Заметки" (Т.2,

С.490). Часть экономистов (Сюн Ину, У Цзинлянь) попытались обобщить выдвинутые ими идеи и предложения и оценить свой личный вклад в развитие китайской экономической теории. Статьи других авторов (Ю Линя, Чжэн Цзунхана) не выходят за рамки официальных установок, в них содержатся многочисленные цитаты из выступлений руководителей КНР, партийных и правительственных решений. Некоторые ученые (Цзян Ивэй, Лю Гогуан), ссылаясь на занятость или болезнь, поручили обобщить свои взгляды коллегам. Так, например, идеи Цзян Ивэя даются в изложении Тан Фэнъи, а концепция Лю Гогуана - в изложении Шэнь Лижэня. В примечании Лю Гогуан указывает, что содержащиеся в статье выводы отражают не только точку зрения самого Лю Гогуана, но и взгляды его коллег из Академии общественных наук Китая, а также общие положения, выработанные в экономических кругах КНР в процессе реформы (Т.2, С.3).

Представленные в пятитомнике статьи отличаются не только по жанру, но и по проблематике. Круг вопросов, рассматриваемых китайскими учеными, весьма широк - от общих проблем политической экономии социализма, рассматриваемых в статьях Су Сина, Ян Цзяньбая, Цзян Сюэмо, до конкретных аспектов хозяйственной реформы в КНР. В качестве примера можно, в частности, привести глубокий анализ реформы цен, проведенный Чжан Чжоюанем, и проблем распределения, данный в статье Дай Юаньчэня. Статьи ученых КНР в различной степени связаны с практикой реформы: в одних обобщается обширный статистический и фактический материал, в то время как другие носят абстрактно-теоретический характер. Неодинаково участие экономистов в разработке официальной концепции преобразований: предложения одних ученых, занимающих ключевые позиции в экономических организациях и ведомствах (например, Гао Шанцюаня, Ма Хуна) принимаются во внимание при принятии решений, а рекомендации других не оказывают влияния на эти решения. В особую группу можно выделить статьи, посвященные вопросам методологии экономической науки, в частности работы Фань Гана, Ху Дайгуана.

Хронологические рамки исследований также существенно различаются. Одни авторы (Чжан Чжоюань, Сунь Шанцин) сосредоточивают внимание на изучении процессов, происходящих в китайской экономике в конце 80-х - начале 90-х годов; другие (Дун Фужэн, Сунь Сяолян) ограничивают исследование периодом реформы; третьи (Гао Шанцюань, Чэнь Цзюань, Цзян Сюэмо) анализируют положение в народном хозяйстве Китая начиная с 1949 года; четвертые (Лю Шибай) обращаются ко времени создания марксистской теории; пятые видят истоки современных концепций в теориях древнего Китая. Так, например, Лю Шибай относит появление идеи об использовании рыночного механизма для регулирования экономических процессов к эпохе Чжаньбо и отмечает, что упоминание об этом содержится уже в трактате "Гуань-цзы" (Т.1, С.47), а Чэнь Дуншэн считает, что первые исследования вопроса о размещении производительных сил появились в эпоху Чуньцю (Т.1, С.560).

Неодинаковы и географические рамки исследований. Так, например, Фан Шэн пишет о Китае в широком смысле слова, т. е. включает в сферу исследования Гонконг и Тайвань. В большинстве статей анализируются реформы в масштабе Китая. Некоторые авторы рассматривают опыт проведения реформы в отдельных провинциях. Например, в интересной статье Цзэн Муе освещается опыт преобразований в провинции Гуандун. Чэнь Цзюань изучает проблему соотношения плана и рынка на примере конкретного уезда Шэугуан провинции Шаньдун. Китайская экономика рассматривается учеными КНР под различными углами зрения. К примеру, в статье Чэнь Дуншэна, специально посвященной проблемам "пространственной экономики", исследуются разные срезы народного хозяйства КНР (горизонтальный, вертикальный) и дается целостная картина размещения производительных сил современного Китая.

Несмотря на то что статьи, представленные в работе "Мои экономические взгляды", существенно различаются, анализ материалов пятитомника позволяет выделить темы, общие для всех исследований.

Работам китайских экономистов присуща одна характерная черта: особую роль в их концепциях играет национальный фактор. Хотя взгляды ученых КНР на многие проблемы экономического развития страны не совпадают, исходным моментом теоретических построений большинства китайских экономистов является идея создания богатого и могущественного Китая. В статьях ученых КНР предлагаются различные варианты ответов на вопросы "как возродить экономику Китая" (Т.3, С.535), как сделать богатыми государство и народ страны (Т.2, С.406), как создать в КНР строй, имеющий наибольшую привлекательность (Т.4, С.435). Цзян Сюэмо, директор Института экономики социализма при Фуданьском университете, представляющий старшее поколение экономистов, в своей статье вспоминает, что эти проблемы волновали его с детства: в возрасте 12-13 лет, возвращаясь из школы, он часто думал над тем, почему великие державы угнетают Китай, а иностранцы притесняют китайцев. По словам Цзян Сюэмо, уже тогда у него появилось желание, чтобы Китай избавился от национального гнета и унижения, стал мощным независимым государством (т.1, с.406-407). Вопрос о том, как поднять экономику Китая, - главная тема статьи У Цзинляня. Ученый также прослеживает эволюцию своих взглядов на пути возрождения Китая: в молодости У Цзинлянь считал, что спасти Китай можно с помощью науки, после образования КНР возлагал надежды на новый общественный строй, а в 80-е годы пришел к выводу о необходимости углубления реформы, ориентированной на развитие рыночных отношений 1 (Т.3, С. 538-589). Мысль о том, что от результатов реформы зависит будущее Китая, проводится во многих статьях. В качестве примера можно привести мнение Шэнь Лижэня, по словам которого "реформа определяет судьбы китайской нации и дела социализма" (Т.4, С.381).

Как свидетельствуют материалы пятитомника, свою главную задачу ученые КНР видели в том, чтобы внести посильный вклад в дело реформы и тем самым способствовать процветанию Китая. Формулируя цели своей научной деятельности, У Цзинлянь обращается к первоначальному значению бинома "цзинци", который используется сегодня в Китае как адекватный понятию "экономика". Раскрывая смысл термина, У Цзинлянь напоминает, что в средневековом Китае наука "цзинци" была наукой об "управлении миром (государством) и вспомоществовании народу" ("цзин ши цзи минь", "цзин го цзи минь"), системой знаний о том, "как добиться богатства и могущества страны, счастья народа" (Т.3, С.588). По мнению У Цзинляня, в настоящее время силы и знания китайской интеллигенции также должны быть мобилизованы для выполнения этой задачи (Т.3, С. 588-589).

Созданию "Теории обогащения китайского государства" предполагает посвятить оставшуюся жизнь другой экономист - Сюн Ину. Ученый задается вопросом, почему Китай, который долгое время был центром мировой цивилизации, в новое время превратился в отсталую страну, почему другие государства дали миру великих экономистов (Адама Смита, Давида Рикардо, Карла Маркса), а Китай, страна с древнейшей историей, - нет (Т.2, С. 404-405). По мнению Сюн Ину, объяснение пассивной позиции китайских экономистов следует искать в конфуцианской традиции, в преклонении перед авторитетным мнением (Т.2, С.405). Сюн Ину считает, что ученые КНР должны быть более активными, проявлять независимость в суждениях, и призывает китайских экономистов сосредоточить усилия на исследовании путей обогащения страны. Задачу своей творческой деятельности ученый видит в написании задуманной работы и надеется, что "верховный владыка даст ему время для ее завершения" (Т.2, С. 404-409).

В статьях ученых КНР утверждается тезис, что Китай не только должен, но и может превратиться в богатую и могущественную страну. Аргументируя свою позицию, китайские экономисты указывают, что китайцы являются великой нацией. В этой связи представляют интерес рассуждения Фан Шэна о "большом Китае". Фан Шэн выражает несогласие с термином "большой Китай", который употребляется некоторыми зарубежными исследователями для обозначения Китая, Гонконга и Тайваня. По мнению ученого, общеизвестно, что Китай - великая страна, поэтому добавление определения "большой"

представляется совершенно излишним: это, как говорится, "нарисовав змею, дорисовывать ей ножки" (Т.1. С.350). В материалах пятитомника часто встречается мысль об особых способностях китайцев. Так, например, по мнению Сюн Ину, Китай может дать миру известных экономистов (Т.2. С.408), а с точки зрения Лю Шибая, "китайская нация обладает выдающимися способностями к теоретическому мышлению" (Т.1. С.31). Общий вывод, к которому приходят ученые КНР, состоит в том, что "китайский народ несомненно внесет вклад в дело прогресса мировой цивилизации" (Т.1. С.355). Таким образом, в работе "Мои экономические взгляды" очень четко прослеживается национальная идея: она используется, чтобы обосновать необходимость преобразований, с ней связывается уверенность ученых КНР в успехе реформ.

В качестве одного из главных условий успешного осуществления реформы ученые КНР рассматривают уяснение конкретно-исторических черт национальной специфики страны - "гоцин". Под термином "специфические особенности страны" ("гоцин") китайские ученые понимают совокупность факторов, связанных с объективной действительностью страны и влияющих на ее развитие. Исследование специфических особенностей Китая занимает важное место в пятитомнике. Учеными КНР рассматриваются различные аспекты проблемы: многонаселенность страны, достигнутый уровень экономического и научно-технического развития, состояние и размещение производительных сил, исторические традиции, существующий общественный строй, а также те изменения, которые произошли со времени образования КНР, накопленный за эти годы опыт экономического развития. В ряде статей пятитомника проблемы специфики исследуются в связи с новой ситуацией, сложившейся в экономике КНР к началу 90-х годов: специфические особенности страны анализируются под новым углом зрения. Так, например, главный тезис Хун Инсина состоит в том, что китайская экономика является неравновесной экономикой. По мнению Хун Инсина, учет неравновесного характера экономики КНР должен стать исходным моментом при разработке мероприятий реформы и определении темпов преобразований (Т.3. С.385-401). Согласно концепции Юань Эньчжэня, главная специфическая черта китайской экономики заключается в том, что она не представлена "в чистом виде": экономику КНР нельзя считать чисто товарной, поскольку она содержит в себе факторы нетоварной, продуктовой экономики; она характеризуется сосуществованием различных форм собственности, которые также не представлены "в чистом виде"; механизм функционирования отличается двойственностью, в нем сочетаются элементы двух хозяйственных систем - старой и новой. Юань Эньчжэнь считает, что, только уяснив и приняв во внимание эту особенность китайской экономики, можно перейти к определению конкретных мер политики реформ и открытости (Т.3. С.338, 375-378).

Важнейшим аспектом проблемы "специфических особенностей Китая" является структура народного хозяйства КНР. В работе "Мои экономические взгляды" данный вопрос получил достаточно всестороннее освещение. Внимание ученых КНР к проблемам структуры китайской экономики вполне понятно: подготовка пятитомника велась в период проведения курса на "оздоровление экономической среды и наведение порядка в экономике", одна из основных задач которого заключалась в смягчении народнохозяйственных диспропорций, обострившихся в конце 80-х годов. Среди материалов, посвященных исследованию структуры китайской экономики, следует выделить статьи наиболее авторитетных специалистов по данной проблематике - Сунь Шанцина, Чжоу Шуляня и Ван Цзие. Отмечая позитивные изменения, которые произошли в отраслевой структуре народного хозяйства Китая за годы реформы, ученые КНР сосредоточивают основное внимание на проблемах, существующих в этой сфере. К их числу относятся структурные диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, связанные с замедленным развитием сельского хозяйства в период после 1984 г., между быстрым развитием отраслей легкой промышленности и тяжелой промышленностью, между обрабатывающей промышленностью и базовыми отраслями, а также тенденция к унификации

региональной отраслевой структуры, возникшая как результата политики административного разделения прав (Т.1. С.415, 426-434; Т.3. С.684-685). Анализируя причины обострения народнохозяйственных диспропорций, ведущие ученые КНР частично объясняют их просчетами в экономической политике: например, на основании успехов, достигнутых в сельском хозяйстве в начале 80-х годов, были переоценены возможности его роста в последующий период; допущен уклон в сторону преимущественного развития легкой промышленности и т.д. Основную же причину диспропорций китайские исследователи видят в существующей экономической системе, прежде всего в сохранении прежних методов распределения ресурсов, основанных главным образом на использовании планового механизма. Исходя из специфики структурных проблем современного Китая ученые КНР определяют пути ликвидации диспропорций, предлагая сделать упор на углубление реформы хозяйственной системы и переход к распределению ресурсов преимущественно с помощью рыночного механизма. На этот тезис ведущих ученых-экономистов следует обратить особое внимание, поскольку впоследствии он нашел отражение в официальных китайских документах. Материалы пятитомника, посвященные исследованию структурных проблем, представляют интерес также и потому, что в них намечаются основные направления структурной политики в 90-е годы, выявляются приоритетные отрасли народного хозяйства - ставятся задачи подъема сельского хозяйства, транспорта, энергетики, рационализации структуры обрабатывающей промышленности и повышения ее технического уровня, развития отраслей, ориентированных на экспорт. В статье Чжоу Шуляня сопоставляются разные точки зрения, существующие в КНР по данному вопросу, выявляются содержащиеся в различных концепциях рациональные элементы (Т.3. С.692-704). Заслуживают внимания предложения Сунь Шанцина, касающиеся рационализации региональной структуры. Особенность позиции Сунь Шанцина состоит в том, что ученый, с одной стороны, критикует негативную тенденцию к унификации региональной отраслевой структуры, а с другой - выступает за комплексное развитие центральных и западных районов. По мнению Сунь Шанцина, между этими двумя направлениями региональной политики нет непримиримых противоречий, они могут быть совмещены.

В статьях ученых КНР структурные проблемы, как правило, рассматриваются в связи с вопросом о темпах развития китайской экономики. В материалах пятитомника последовательно проводится мысль о том, что китайская экономика должна развиваться умеренными темпами, поскольку, как следует из опыта экономического развития страны в предшествующий период, высокие темпы роста приводят к структурным диспропорциям (Т.2. С.271-286; Т.3. С.13-17; Т.4. С.473-488). Обращаясь к вопросу о выборе стратегии развития, ученые КНР также приходят к выводу, что специфическим особенностям страны в наибольшей степени соответствует стратегия поступательного, скоординированного развития умеренными темпами (Т.2. С.271-278; Т.3. С.13-17). Данное положение, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, поскольку впоследствии, после поездки Дэн Сяопина на юг Китая в начале 1992 г. и принятия курса на ускорение реформы, представления о стратегии и темпах развития китайской экономики были скорректированы.

Другой важнейший сюжет, который наряду со "специфическими особенностями Китая" в той или иной мере затрагивается во всех статьях пятитомника, - это проблема социализма. Хотя тезис о социалистической направленности проводимых в КНР преобразований присутствует практически во всех исследованиях, представления китайских ученых о социализме существенно различаются. Анализ статей пятитомника позволяет выделить два неодинаковых подхода к проблеме: одни исследователи сосредоточивают усилия на доказательстве преимуществ социалистического строя, в то время как другие посвящают свои статьи путям его совершенствования. На наш взгляд, первый подход нашел наиболее полное отражение в статье Цзян Сюэмо. Для того чтобы "укрепить веру народа в социалистический путь развития" (Т.1. С.370), Цзян Сюэмо сопоставляет дореволюционный Китай с социалистическим, сравнивает темпы экономического развития Китая, с одной стороны, и развитых

капиталистических стран - с другой. Сопоставления темпов экономического роста Китая и "четырех маленьких драконов", и прежде всего Тайваня, оцениваются Цзян Сюэмо как ненаучные, поскольку, как указывает ученый, условия новых индустриальных стран принципиальным образом отличаются от ситуации в континентальном Китае. На основании проведенных сопоставлений Цзян Сюэмо делает вывод о неоспоримых преимуществах социализма и неприемлемости для Китая капиталистического пути развития. В статье делается упор на требование соблюдения "четырех основных принципов", а все, что не соответствует этим принципам, квалифицируется как проявление буржуазной либерализации. Основное внимание акцентируется на противопоставлении социализма и приватизации, социализма и всестороннего развития рыночных отношений (Т.1. С.384-390). Как отмечает Цзян Сюэмо, чтобы сделать свои доказательства более убедительными, в лекциях студентам Фуданьского университета он говорит: "Я видел капитализм: и китайский капитализм в старое время, и современный капитализм развитых стран Запада, капитализм как общественный строй является последним в истории эксплуататорским строем, этот строй выгоден эксплуататорам и невыгоден трудящимся" (Т.1. С.408). Следует отметить, что взгляды, изложенные в статье Цзян Сюэмо, получили достаточно широкое распространение в Китае после июньских событий. Их придерживались и другие авторы работы "Моя экономические взгляды". Так, например, в статье Ян Цзяньбаю также поднимается вопрос о преимуществах социализма и критикуются враги социализма, которые пытаются очернить его и повернуть Китай к капитализму, используя методы "мирной эволюции" (Т.2. С.60-61). В то же время в КНР имелся и другой подход к проблемам социализма. Его сторонники, взгляды которых также представлены в пятитомнике, видят главный путь совершенствования социализма в углублении реформы, в развитии рыночных отношений, связывают судьбы социализма в КНР с успешным осуществлением реформы (Т.1. С. 91-93; Т.1. С.193). Общая черта, свойственная всем статьям пятитомника, состоит в том, что их авторы выступают за реформы в рамках социализма, вопрос о смене общественного строя никем из ученых не поднимается. Отличительной особенностью статей является также и то, что китайские ученые придерживаются не представлений о социализме, получивших распространение в КНР до реформы, а концепции "начального этапа социализма", которая допускает сосуществование в экономике страны различных форм собственности при господствующей роли общественной собственности, применение разных форм распределения при сохранении ведущего места за распределением по труду, признает товарный характер экономики.

Центральное место в работе "Мои экономические взгляды" занимают проблемы хозяйственной реформы. Тема реформы присутствует во всех без исключения статьях пятитомника. Ученые КНР исследуют ее теоретические аспекты, обобщают практический опыт, выдвигают конкретные предложения и рекомендации. Анализ материалов пятитомника позволяет заключить, что наибольшее внимание экономисты уделяют вопросам реформы собственности и соотношения плана и рынка в хозяйственном механизме современного Китая.

Вопросы собственности рассматриваются учеными КНР под различными углами зрения. В теоретических исследованиях приоритет отдается изучению проблем "прав собственности" и приватизации. Авторы пятитомника высказывают противоположные мнения о правомерности постановки вопроса о "правах собственности" применительно к китайской экономике. Согласно концепции Чжэн Цзунханя, положения о том, что в условиях общественной собственности "место собственника вакантно", "права собственности неясны", "собственность является собственностью абстрактных "всех", не будучи при этом собственностью кого-либо конкретно", не имеют перед собой оснований. Чжэн Цзунхань считает, что в рамках общественной собственности вопрос о принадлежности средств производства решается "очень четко": общенародная собственность принадлежит всему народу, а коллективная - коллективам трудящихся (Т.3. С.636). Аргументируя свою позицию, Чжэн Цзунхань ссылается на положения "Конституции КНР", где, по его мнению, все

определенно "предельно четко, нет ничего неясного" (Т.3. С.636). Противоположная точка зрения высказывается, в частности, в статье Тан Фэнъи. В результате обобщения более чем десятилетнего опыта реформы ученый приходит к выводу, что отсутствие четких прав собственности является главной проблемой китайской экономики. По мнению Тан Фэнъи, не создав новой системы прав собственности, нельзя коренным образом изменить положение на государственных предприятиях. Создание новой системы прав собственности Тан Фэнъи считает "краеугольным камнем экономической реформы", а разработку теории прав собственности - перспективным направлением теоретических исследований (Т.1. С.456-462). Если по вопросу о правах собственности авторами пятитомника высказывались различные точки зрения, то в отношении приватизации все экономисты придерживались единого мнения: "голоса в защиту приватизации в Китае нельзя было услышать" (Т.1. С.387). Это вполне объяснимо, поскольку после июньских событий проблема приватизации стала "запретной зоной" в китайской экономической науке. В статьях пятитомника о приватизации ярко выражены политические мотивы. Пропаганда приватизации рассматривается учеными КНР как отклонение от социалистического направления реформы, как стремление повернуть Китай к капитализму. Подчеркивается, что переход к частной собственности не позволяет решить проблем, стоящих перед экономикой страны, а наоборот, приведет к усилению дифференциации и коррупции, появлению эксплуатации (Т.1. С.388-391; Т.2. С.807-808; Т.3. С.645; Т.4. С.315). Подвергаются критике взгляды зарубежных экономистов, отстаивающих идеи приватизации, в особенности Милтона Фридмана (Т.1.. С.387-388; Т.2. С.796-797).

При изучении практических аспектов реформы собственности основное внимание уделяется двум проблемам: перестройке отношений собственности на государственных предприятиях и развитию негосударственных секторов экономики.

Вопросам реформы на государственных предприятиях посвящены статьи Дун Фужэна и Цзян Ивэя. Этим ученым принадлежит особое место в истории китайской экономической мысли, поскольку они одними из первых обратили внимание на необходимость коренных преобразований государственной собственности. В статье Цзян Ивэя подробно излагаются основные положения разработанной им теории "центрального места предприятия", согласно которой усиление жизнедеятельности государственных предприятий является основным звеном экономической реформы (Т.4. С.3-22). Статья Дун Фужэна написана на более конкретную тему - в ней рассматриваются проблемы перехода к рынку государственных предприятий в условиях сосуществования двух хозяйственных систем. Дун Фужэн считает, что на современном этапе хозяйственной реформы к рынку должны переходить не все государственные предприятия, а только конкурентоспособные, этот переход следует осуществлять поэтапно. Ученый исследует причины неполной самостоятельности государственных предприятий, связанные с сохранением элементов старой экономической системы, анализирует мотивы поведения руководителей предприятий, не желающих отказаться от помощи со стороны государства. Чтобы создать условия для перехода конкурентоспособных предприятий к рынку, предлагается провести комплексную реформу, включающую в себя реформу на предприятиях, создание системы рынков, совершенствование макроконтроля. В соответствии с концепцией Дун Фужэна, реформа на предприятиях должна состоять в изменении системы прав собственности, а наилучшей формой организации прав собственности на предприятии является акционерная система (Т.4. С.43-70).

Несмотря на то что в исследуемый период в официальных публикациях проблема акционирования не получила необходимого освещения, в пятитомнике этой теме посвящены многочисленные статьи. По мнению одного из авторов работы "Мои экономические взгляды" Чжу Гуанхуа, в условиях хозяйственной реформы в КНР "теория и практика акционерной системы являются темой первостепенной важности" (Т.1. С.556). Большое внимание ученые КНР уделяют сопоставлению системы подрядной ответственности на государственных предприятиях и акционерной формы. Китайские экономисты признают, что

подрядная система в определенной степени способствовала расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, их повороту к рынку. В то же время ее возможности представляются ученым КНР ограниченными. Так, например, Ван Юй указывает на серьезные недостатки, свойственные подрядной системе: базовые ставки подряда определяются произвольно, при подрядной системе предприятия заботятся только о ближайших интересах и пренебрегают долгосрочными целями развития, консервируется сложившаяся отраслевая структура (Т.4. С.163). Он справедливо отмечает, что акционерная форма позволяет преодолеть эти недостатки. Значение акционерной системы видится ученым КНР прежде всего в том, что она дает возможность повысить эффективность производства, способствует формированию нового механизма размещения ресурсов, создает новую систему прав собственности на предприятии, позволяет мобилизовать свободные денежные средства, с переходом к акционерной системе повышаются способности населения перенести последствия реформы, формируется новая рыночная психология (Т.1. С.163-164; Т.4. С.252-253). Вместе с тем, как подчеркивают Ван Юй, Сю Чжоцзи, Чжу Гуанхуа, масштабы внедрения акционерной системы должны быть ограниченными, вводить ее следует осторожно, поэтапно, в тесной увязке с развитием рыночных отношений, учитывая при проведении мероприятий по акционированию специфические особенности страны (Т.1. С.518-521, 533-538; Т.4. С.165-169, 256). Проблема рынка акций затрагивается в статье Дун Фужэна, который высоко оценивает эксперимент по свободной продаже акций, проводимый в Шэньчжэне (Т.4. С.62-63).

Наряду с вопросами реформы на государственных предприятиях важное место в пятитомнике отводится проблемам развития коллективного сектора. Этой теме посвящена статья Ян Цзяньбая, который критикует проводившуюся в Китае политику "внимания к развитию государственных предприятий и недооценки коллективного сектора", доказывает жизнеспособность коллективных предприятий, которые, по образному выражению ученого, за годы существования КНР "не были выжжены пожаром и вновь возродились с приходом весны" (Т.2. С.69,77). Согласно концепции Ян Цзяньбая, именно коллективные предприятия являются "главной силой" в развитии народного хозяйства Китая (Т.2. С.77). Глубокий анализ деятельности волостных и поселковых предприятий дается в статье Шэнь Лижэня. Шэнь Лижэнь считает, что их положительный опыт заслуживает серьезного изучения. С точки зрения ученого, волостно-поселковые предприятия и предприятия с участием иностранного капитала являются "двумя зеркалами", в которые необходимо смотреть при проведении реформы в государственном секторе экономики (Т.4. С.388-394). В работе "Мои экономические взгляды" не только исследуются особенности развития различных по формам собственности типов хозяйств, но и анализируется структура отношений собственности современного Китая. Попытка представить целостную структуру собственности и проследить тенденции ее изменения предпринимается, в частности, в статье У Чжэнкуня, главная тема которой - основные направления углубления реформы собственности в КНР (Т.2. С.437-483).

Без преувеличения можно сказать, что наибольшее число статей пятитомника посвящено проблеме плана и рынка. При разработке этого вопроса ученые КНР исходят из принципиальных положений о плане и рынке, выработанных в ходе экономических дискуссий 80-х годов. Все авторы работы "Мои экономические взгляды" выступают с критикой традиционной высокоцентрализованной экономической системы, считают несостоятельными прежние, дореформенные представления о плане и рынке, согласно которым план и рынок рассматривались как несовместимые. Во многих статьях говорится о негативных последствиях ограничения сферы рыночных отношений на практике, о "горьких плодах", которые пришлось вкусить китайскому народу в результате отрицания роли рынка (Т.1. С.31). Приводятся конкретные факты, свидетельствующие о том, как традиционная экономическая система затрудняла решение самых элементарных вопросов. Гао Шанцюань вспоминает, как жарким летом 1956 г. в Шанхае предприятия не могли установить вентиляционное

оборудование, поскольку для этого требовалось согласие одиннадцати вышестоящих организаций (Т.1. С.88). Чтобы продемонстрировать нерациональность прежней экономической системы, Гао Шанцюань также приводит пример двух заводов города Шэньян: Шэньянский плавильный завод производит медь и поставляет ее в другие районы Китая, в то время как Шэньянский кабельный завод получает необходимую ему медь из провинции Юньнань (Т.1. С.91-92). Авторы работы "Мои экономические взгляды" сходятся во мнении, что регулирующую роль рынка нельзя недооценивать и что в хозяйственном механизме современного Китая должны сочетаться как плановые, так и рыночные методы управления. Общим для всех статей пятитомника является также и то, что в них отстаивается выдвинутая III пленумом ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.) концепция "планового товарного хозяйства" и подтверждается вывод о товарном характере социалистической экономики (Т.1. С.26-36; Т.4. С.234-238).

Вместе с тем по целому ряду принципиальных вопросов точки зрения китайских экономистов существенно различаются. К числу остродискуссионных прежде всего следует отнести вопрос о рыночной экономике. В связи с тем что после событий мая-июня 1989 г. в официальных китайских материалах был зафиксирован тезис о неприемлемости для Китая рыночной экономики и признана ошибочной теория "всемогушества рынка", в некоторых статьях пятитомника критикуются предложения перевести экономику КНР на рельсы рынка. Мысль о том, что рынок нельзя считать главным регулятором социалистической экономики, проводится, в частности, в статье Лю Шибая, который осуждает концепции, получившие распространение в КНР до июньских событий, выражает несогласие с представлениями о рынке как о "волшебном средстве" решения проблем китайской экономики и предлагает обратить особое внимание на усиление планового руководства (Т.1. С.40-41, 81). Против "обожествления рынка" выступает также Ху Дайгуан, который рассматривает рыночную экономику как синоним капитализма (Т.2. С.82). В статье Сюй И критикуются предложения считать "рыночную экономику" моделью китайской экономики и называется ошибочной ориентация реформы на развитие рыночных отношений (Т.2.С С.187-188). В ряде материалов пятитомника утверждается, что рыночная экономика ведет к хаосу и анархии, порождает спекуляцию. Таким образом, как, на наш взгляд, справедливо указывает Сяо Чжоцзи, если "болезнь боязни товарной экономики" в КНР была вылечена, то "болезнь боязни рыночной экономики" - нет (Т.4. С.234).

Наряду с представлениями, согласно которым развитие рыночных отношений рассматривается как проявление буржуазной либерализации, в пятитомнике нашли отражение и взгляды сторонников рыночных реформ. Вывод о том, что развитие рыночных отношений должно стать целевой моделью экономической реформы в КНР, содержится в статьях У Цзинляня, Чжан Чжоюаня, Шэнь Лижэня, Сяо Чжоцзи и др. (Т.1, С.214-216; Т.3. С.555-563; Т.4. С.256; Т.4. С.382-384). Сравнивая три модели реформы - с ориентацией на усиление плана, на развитие рынка и на сочетание плана и рынка, - ведущие ученые КНР приходят к заключению, что потребностям экономического развития страны в наибольшей степени соответствует вторая модель (Т.1. С.214-216; Т.4. С.383-384). По мнению У Цзинляня и Чжан Чжоюаня, главная причина успеха экономической реформы в КНР заключается в расширении сферы рынка. Сложная ситуация, в которой оказалась китайская экономика в конце 80-х годов, связывается ведущими учеными КНР не с развитием в стране рыночных отношений, а с отступлением от этого курса (Т.1. С.216; С.3, С.535). В статьях У Цзинляня, Чжан Чжоюаня, Сяо Чжоцзи последовательно проводится мысль о необходимости перехода к более радикальным преобразованиям, "усиления рыночной направленности реформ" (Т.4. С.256). Эти ученые не противопоставляют рыночную экономику товарной, а рассматривают ее как более высокую степень развития товарного хозяйства (Т.4. С.256). Цзэн Муе, вице-президент Академии общественных наук провинции Гуандун, даже выдвигает тезис о "социалистической рыночной экономике". Впоследствии вывод о необходимости создания в Китае системы

социалистической рыночной экономики стал важнейшей теоретической установкой XIV съезда КПК, состоявшегося в октябре 1992 г.. Как указывает Цзэн Мусе, в провинции Гуандун, где реформа продвигалась вперед значительно быстрее, чем в других районах страны, первые исследования этой проблемы были начаты еще в 1988 г. Т.2. С.147). В соответствии с концепциями ученых КНР, ориентация на развитие в стране рыночных отношений не означает отказа от использования планового механизма. Отличительная особенность подхода ведущих китайских экономистов к проблеме плана и рынка состоит в том, что плановая экономика не отождествляется ими с социализмом, а рыночная - с капитализмом, план и рынок рассматриваются как два различных способа размещения ресурсов. Эта мысль особенно четко прослеживается в статьях Гао Шанцюаня, У Цзинляня, Ван Юя (Т.1. С.98-100; Т.3. С.552-562; Т.4. С.136). Данное положение заслуживает особого внимания, поскольку впоследствии оно также нашло отражение на программном уровне.

Придерживаясь общего мнения о необходимости использовать в условиях социалистической экономики как плановый, так и рыночный механизм <по образному выражению Гао Шанцюаня, "без плана социалистическая экономика будет подобна кораблю без руля, а без рынка - кораблю без двигателя" (Т.1. С.100-101)>, ученые КНР высказывают различные точки зрения по вопросу о способах их сочетания. В пятитомнике содержатся неодинаковые оценки выдвинутой на XIII съезде КПК формулы "государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия". Несмотря на то что после июньских событий эта формулировка была подвергнута критике, некоторые ученые (Ван Юй, Цзэн Мусе) поддерживают или, как, например, Шэнь Лижэнь, с учетом практического опыта реформы уточняют и развивают ее (Т.2 С.147; Т.4 С.118; Т.4. С.401). Предлагая сочетать план и рынок, ученые КНР по-разному подходят к проблеме их соотношения в хозяйственном механизме современного Китая: одни экономисты (например, Гу Шутан) поддерживают официальную формулировку конца 80-х - начала 90-х годов "сочетание плановой экономики и рыночного регулирования" и делают упор на направляющую роль плана (Т.1, с.145-146, 189), а другие (У Цзинлянь) обращают внимание на регулиющую роль рынка и выступают за распределение ресурсов главным образом через рыночный механизм (Т.3, С.587). Многие ученые стремятся отойти от обсуждения официальной формулировки, отдавая приоритет изучению конкретных способов сочетания плановых и рыночных инструментов управления. Так, например, Вэй Цзе исследует, как реализуется принцип сочетания плана и рынка в системе распределения доходов, в механизме ценообразования, в инвестиционной деятельности (Т.3, С.475-533), а Чэнь Циюань анализирует способы соединения плана и рынка в сельском хозяйстве (Т.3. С.458-464).

Характерная особенность представленных в пятитомнике статей состоит в том, что их авторы считают важнейшим условием эффективного функционирования нового хозяйственного механизма совершенствование макроэкономического контроля. Данная мысль проводится, в частности, в статье У Цзинляня, который выступает за создание "рыночной экономики, контролируемой на макроуровне" (Т.3, С.562). Аргументируя свою точку зрения, ученый исходит из того, что при использовании рыночного механизма возникают так называемые "провалы рынка" ("market failure"), для преодоления которых необходимо усилить вмешательство государства в экономику, усовершенствовать макроконтроль (Т.3. С.582-588). Проблема макроконтроля также поднимается Ма Хуном (Т.1. С.12-15), Гао Шанцюанем (Т.1. С.135), ее изучению посвящена специальная статья Ху Найу "Мои взгляды по вопросу о макроэкономическом контроле в Китае" (Т.4. С.437-491).

Большинство авторов работы "Мои экономические взгляды" придерживаются единого мнения о том, что основные задачи реформы состоят в оживлении деятельности предприятий, развитии рынка и совершенствовании макроконтроля. Вместе с тем учеными КНР высказываются различные точки зрения относительно "ключевых звеньев" реформы, ее приоритетных направлений. Так, например, Чжан Чжоюань выступает за первоочередное проведение реформы цен и считает, что от ее успеха зависит успех всех

преобразований (Т.1. С.218, 222-224). Излагая свои взгляды, Чжан Чжоюань полемизирует с Ли Инном, согласно концепции которого приоритетным направлением реформы в КНР должна стать перестройка отношений собственности (Т.1. С.218-220). В пятитомнике широко представлена точка зрения, сторонники которой выступают за комплексный подход к реформе, за взаимосвязанное осуществление ее мероприятий. На необходимость скоординированного проведения реформ обращают внимание У Цзинлянь (Т.3, С.562-573), Лю Гогуан (Т.2. С.35-39) и другие ведущие ученые. Среди материалов пятитомника, посвященных проблеме комплексной реформы, наибольший интерес, на наш взгляд, представляет статья Сунь Сяоляна "Систематизированная теория экономической реформы" (Т.2. С.411-434). Главный урок более чем десятилетнего опыта хозяйственной реформы в КНР Сунь Сяолян видит в том, что различные мероприятия реформы не были связаны между собой, отсутствовала логика преобразований, это приводило к нарушению сбалансированности экономики, усилению противоречий между двумя хозяйственными системами - старой и новой. В статье критикуется метод проб и ошибок, характерный для начального этапа осуществления реформы, представления о реформе как о "соломенных сандалиях без фасона, которые принимают форму постепенно, по мере того, как их плетут" (Т.2. С.416). Предлагаемая Сунь Сяоляном тактика преобразований основывается на максимальном учете реальной ситуации в китайской экономике и заключается в "последовательном продвижении вперед по различным направлениям, в скоординированности мероприятий реформы на каждом ее этапе" (Т.2. С.421).

Серьезное внимание в материалах пятитомника "Мои экономические взгляды" уделяется анализу отдельных направлений хозяйственной реформы в КНР. Глубокое исследование реформы цен содержится в статье Чжан Чжоюаня. Ученый аргументированно обосновывает необходимость реформы цен, обобщает опыт преобразований в этой области в 80-е годы, анализирует допущенные ошибки, критикует представления, согласно которым инфляция может стимулировать экономический рост (Т.1. С.199-209, 221-226). Статья Чжан Чжоюаня представляет интерес также и потому, что ученый пытается оценить свой вклад в разработку проблемы и формулирует основные закономерности реформы цен (Т.1. С. 227-243). Заслуживает специального упоминания статья Дай Юаньчэня о реформе в сфере распределения. На основании большого фактического и статистического материала Дай Юаньчэнь прослеживает новые тенденции, наметившиеся в распределении доходов в течение последнего десятилетия, исследует практические проблемы, существующие в этой области (Т.4. С.782-796). Привлекает своей новизной глубокий анализ Дай Юаньчэнем остродискуссионной проблемы "второй занятости", чрезвычайно актуальной не только для Китая, но и для России, а также широко распространенного в КНР явления, получившего название "завистливого соперничества" (Т.4. С.796-805, 806-827).

Наряду с проблемами реформы важное место в материалах пятитомника занимают вопросы открытой экономической политики. Этой теме, в частности, посвящена статья Фан Шэна, в которой формулируется цель открытой политики - "повышение способности опираться на собственные силы" (Т.1. С.318), прослеживается связь политики открытости с оживлением экономики внутри страны, анализируются два направления открытой политики - расширение связей с внешним миром и развитие отношений Китая с Гонконгом и Тайванем (Т.1. С.313-317, 338-355). Проблема привлечения средств зарубежных китайцев - "хуацяо" - рассматривается в статье Цзэн Муе о реформе в провинции Гуандун (Т.2. С.183-185). Вопросы открытой политики подробно анализируются в специальном исследовании профессора университета Цзинань, директора института экономики Гуанчжоуского университета Чэнь Чжаобиня (Т.4. С.639-728), ее отдельные аспекты затрагиваются Лю Гогуаном (Т.2. С.45-50) и Сяо Чжоэци (Т.4. С.275-277). С темой открытости также непосредственно связана статья Чэнь Бяожу, в которой исследуются проблемы реформы валютного курса юаня (Т.3. С.763-788).

Один из центральных сюжетов, к которому обращаются почти все авторы работы "Мои экономические взгляды" - это отношение к зарубежному опыту экономического развития и зарубежной экономической мысли. Характерная черта представленных в пятомнике статей состоит в том, что все ученые признают наличие в зарубежной экономической теории рациональных элементов, предлагают критически относиться к иностранному опыту и использовать его с учетом специфических особенностей страны (Т.1. С.327-338; 462; 752; 896-897; Т.2. С.796; Т.3. С.547-555). Вместе с тем, как свидетельствует анализ статей пятомника, подходы ученых КНР к проблеме заимствования иностранного опыта принципиальным образом различаются.

В статьях Ху Дайгуана, Чжэн Цзунхана, Цзян Сюэмо четко прослеживается влияние официальных установок руководства КНР. Работы этих ученых крайне идеологизированны, они написаны в русле кампаний борьбы с "буржуазной либерализацией" и "всеобщей вестернизацией", развернувшихся в КНР после июньских событий. Так, например, Ху Дайгуан обращает внимание на принципиальные различия между капитализмом и социализмом, подчеркивает, что при осуществлении политики реформ необходимо строго придерживаться социалистического направления, и критикует сторонников буржуазной либерализации, которые под флагом реформы отрицали "четыре основных принципа" и выступали за развитие Китая по капиталистическому пути (Т.2. С.795). Ху Дайгуан считает ошибочными представления, согласно которым "рыночная экономика" рассматривается как "нейтральное понятие", и отождествляет ее с капитализмом (Т.2. С.792, 820-821). В статье подвергаются критике концепции монетаристской школы, которые оцениваются как неприемлемые для Китая (Т.2. С.797). Ху Дайгуан, Чжэн Цзунхань, Цзян Сюэмо осуждают взгляды китайских и зарубежных ученых, связывавших успех реформы в КНР с переходом к частной собственности и западную-теорию прав собственности, которая использовалась ими для обоснования приватизации. Особое внимание уделяется критике воззрений основоположника теории прав собственности Р.Коуза и прежде всего его важнейшего научного достижения - "теоремы Коуза". Ху Дайгуан и Чжэн Цзунхань указывают, что "теорему Коуза" нельзя рассматривать как теоретическую основу реформы собственности в Китае, поскольку, согласно концепции Р.Коуза, все имущество должно принадлежать частным лицам, т. е. существование общественной собственности полностью отрицается (Т.2. С.815; Т.3. С.642-645). Неприемлемость теории прав собственности для Китая ученые КНР объясняют также и тем, что ее использование на практике может привести к беспорядку в экономике, к "хаосу в Поднебесной" (Т.2. С.815-816). Ссылки ряда китайских экономистов на "теорему Коуза" для обоснования своих концепций рассматриваются Ху Дайгуаном как "классический пример некритического отношения к зарубежному опыту" (Т.2. С.815). В статьях Ху Дайгуана, Чжэн Цзунхана и некоторых других авторов преобладают негативные оценки зарубежных экономических теорий, упор делается на необходимости отказа от копирования иностранного опыта. Согласно представлениям этих ученых, если некритически заимствовать западные теории в ходе китайской реформы, она может отклониться от правильного социалистического направления (Т.3. С.645).

Сторонники другого подхода, выступая против слепого копирования зарубежного опыта, акцентируют внимание на необходимости использования в КНР передовых методов хозяйствования и достижений мировой экономической мысли. Эта идея в разных вариантах встречается в статьях У Цзинляня, Гао Шанцюаня, Чжан Чжоюаня, Фань Гана, Тань Чунтая, Фань Шэна. Особенность статьи У Цзинляня состоит в том, что ученый прослеживает эволюцию своих воззрений и исследует роль зарубежных экономических концепций в их формировании. У Цзинлянь вспоминает, как в начале 80-х годов, когда Китай посетили В.Брус и О.Шик, он впервые познакомился с концепциями реформ в странах Восточной Европы, как знакомство с этими теориями стимулировало его интерес к сравнительным исследованиям. Важнейшим этапом формирования своих экономических взглядов У Цзинлянь считает стажировку в Йельском университете, где он получил возможность прослушать курсы по макро- и

микроэкономике и углубить свои представления о западной экономической теории. Как пишет У Цзинлянь, в ходе стажировки он понял важность изучения вопроса о способах распределения ресурсов - темы, которая впоследствии стала одним из главных направлений научных исследований экономиста. По словам ученого, именно благодаря знакомству с западными теориями он глубже осознал закономерности реформ в Китае и других социалистических странах: "Многие проблемы, которые выделялись недостаточно четко, стали ясными и понятными" (Т.3. С.546-555). Хотя при изложении своей концепции реформы ученый не ссылается на достижения западной экономической мысли, анализ статьи У Цзинляня позволяет заключить, что они оказали серьезное воздействие на характер выдвинутых им предложений по перестройке хозяйственного механизма.

Вывод о том, что освоение зарубежной экономической мысли способствует формированию более полных представлений о китайской действительности, также содержится в статье Фань Гана. Проблема использования в Китае идей зарубежных ученых-экономистов рассматривается Фань Ганом на примере неоклассических концепций. С точки зрения Фань Гана, несмотря на то что они разработаны применительно к условиям капиталистических стран Запада, изучение этих концепций может способствовать развитию китайской экономической теории (Т.1. С.896-897). Аналогичная мысль проводится в статье Тань Чунтай, посвященной зарубежным теориям развития. По мнению ученого, хотя теории развития и являются буржуазными, однако они исследуют проблемы развивающихся стран, поэтому вполне применимы для анализа китайской ситуации. Тань Чунтай считает, что взгляды теоретиков развития заслуживают серьезного изучения, содержащиеся в их концепциях рациональные элементы должны быть восприняты китайской экономической наукой: "иностранные должны быть поставлены на службу Китаю" (Т.1. С.741-782). На важность изучения в КНР зарубежного теоретического и практического опыта обращают внимание и другие ведущие китайские экономисты. Так, например, Гао Шанцюань предлагает внимательно анализировать опыт соединения плана и рынка в экономике зарубежных стран и использовать его при разработке мероприятий реформы в КНР (Т.1. С.114), а Чжан Чжоюань ссылается на итоги хозяйственного развития зарубежных стран, чтобы обосновать свою позицию по вопросам реформы цен и инфляции (Т.1. С.207).

Под несколько иным углом зрения рассматривает проблему исследования иностранного опыта Фан Шэн. Необходимость изучения хозяйственного законодательства и экономической политики зарубежных стран, освоения западной экономической теории Фан Шэн объясняет прежде всего вовлечением Китая в мирохозяйственные связи. В статье критикуется получившая распространение в КНР "болезнь боязни капитализма", предлагается использовать в ходе экономической реформы некоторые капиталистические методы хозяйствования. Ученый считает неправильной постановку вопроса "под каким именем выступают реформы - социализма или капитализма" и рассматривает в качестве главного условия заимствования зарубежных методов управления их соответствие специфике страны (Т.1. С.322-338).

Как отмечалось ранее, особенность работы "Мои экономические взгляды" состоит в том, что представленные в пятитомнике статьи чрезвычайно разнообразны по тематике, в них охвачен широкий круг теоретических и практических проблем китайской экономической реформы. В рамках рецензии нет возможности осветить все вопросы, поднятые в пятитомнике, поэтому многие из них остались вне нашего поля зрения. В задачу не входило и систематическое изложение концепций ведущих ученых-экономистов, которые, на наш взгляд, заслуживают специального изучения. Цель работы состояла прежде всего в том, чтобы дать общее представление о пятитомнике, помочь ориентироваться в нем, показать широкий диапазон мнений ученых КНР по вопросам реформы.

Знакомство с материалами пятитомника позволяет заключить, что в центре внимания китайских исследователей находились реальные проблемы

социально-экономического развития Китая. Концепции ученых были тесно связаны с практикой хозяйственной реформы в КНР и отражали сложные процессы, происходившие в экономической жизни страны. Подходы ученых КНР к оценке современного этапа экономического развития Китая были неодинаковы, серьезное влияние на формирование концепций экономистов оказывал их индивидуальный опыт, отсутствие единства мнений исследователей в определенной степени объяснялось различным уровнем их теоретической и специальной подготовки. Однако, как следует из материалов пятитомника, главная причина расхождений во мнениях, существовавших между учеными КНР, была связана с их различными политическими установками. Взгляды китайских экономистов могут быть оценены только в контексте ситуации, сложившейся в КНР после событий мая-июня 1989 г. Статьи, вошедшие в пятитомник, позволяют говорить о том, что не все китайские исследователи строго придерживались официальной точки зрения и ограничивались комментариями партийных решений. Ведущие китайские экономисты выступили со своими предложениями и рекомендациями, которые в то время не встречали широкой поддержки и даже подвергались критике. Впоследствии практика хозяйственной реформы в КНР подтвердила правильность многих идей, высказанных известными китайскими учеными в конце 80-х - начале 90-х годов. В новых условиях реформы и особенно, после поездки Дэн Сяопина на юг Китая в начале 1992 г. принципиальные положения, выдвинутые в ходе дискуссий последних лет, оказались востребованными и стали находить отражение в официальных документах и решениях. Все это убедительно свидетельствует об активном участии ведущих ученых КНР в разработке экономического курса и об использовании в ходе реформы достижений китайской экономической мысли.

Реформы на государственных промышленных предприятиях КНР

© 1993

В. Данилов

Наиболее пристальное внимание среди преобразований, осуществляемых в промышленности КНР, привлекают изменения в практике хозяйственной деятельности государственных предприятий, хотя на их долю приходится всего 16,7% всей численности промышленных предприятий в стране. Интерес к ним обусловлен их долей в размере основных производственных фондов промышленности, составляющей 80%, величиной прибавочного продукта в размере 72%, 68,4% рабочих, что составляет 74% наиболее квалифицированной рабочей силы, занятой в промышленном производстве страны.

Наличие больших потенциальных возможностей контрастирует с тем, что их доля в валовой промышленной продукции снизилась с 80,3% в 1978 г. до 62% в 1990 г. (при расчете ВПП в сопоставимых ценах 1980 г.)².

В то же время в течение 80-х годов на этих предприятиях наметились существенные изменения в источниках обеспечения экономического роста: до 1978 г. рост производства на них в среднем на 64,2% обеспечивался за счет прироста численности занятых, но к началу 90-х уже почти на 70% - за счет повышения производительности труда. Хотя при этом и не произошло кардинального перехода на интенсивные источники роста, все же явно снизились среднегодовые темпы прироста численности занятых - с 6,9% в 1978 г. до 3,1% в 1991 г.

В соотношении живого и овеществленного труда произошло резкое нарастание доли овеществленного труда в совокупных затратах: с 69,8% в 1978 г. до 79% в 1991 г. - т.е. если для обеспечения эффективной деятельности в 1978 г. этим предприятиям на 1% дополнительных затрат прошлого труда требовалась экономия живого труда в размере 2,3%, то к 1991 г. - почти 4% - в основном за счет повышения производительности труда.

Достаточно резкое нарастание доли овеществленного труда в совокупных затратах свидетельствует о том, что промышленность страны вступила в полосу обновления факторов промышленного производства на фондоемкой основе.

Усиление интенсивных факторов повышения эффективности производства на уровне государственных промышленных предприятий оказалось явно недостаточным, чтобы можно было говорить о переходе всего промышленного производства КНР к обеспечению роста на преимущественно интенсивной основе, избежав тенденции нарастания фондоемкости. Но проявившаяся тенденция нарастания фондоемкости промышленного производства все больше ориентирует на то, чтобы дальнейший рост эффективной деятельности государственных предприятий обеспечивался в основном за счет повышения производительности труда.

В условиях нарастающей фондоемкости промышленного производства Китая возможности повышения производства на преимущественно интенсивной основе в первую очередь зависят от соотношения темпов прироста производительности труда и его фондовооруженности, где опережающий прирост производительности труда позволял бы снижать фондоемкость производства.

Рассмотрение соотношения между приростом производительности труда и его фондовооруженностью в 80-е годы в сопоставлении с коллективными предприятиями и предприятиями с участием иностранного капитала (последние демонстрируют наиболее высокие темпы прироста производительности труда) свидетельствует, что разрыв в этом соотношении, когда темпы прироста фондовооруженности опережают прирост производительности труда, составляет: по государственным предприятиям 7-10 процентных пункта, по коллективным -

---

Данилов Владимир Евстафьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

15-18 пунктов, по предприятиям с участием иностранного (или чисто иностранного) капитала - до 20-25 пунктов. полученные расчетные данные позволяют нам отстаивать тезис о тенденциозности точек зрения, настаивающих на том, что самый неэффективный сектор промышленности Китая - это государственный сектор.

Мероприятия экономической реформы на государственных предприятиях КНР реализуются главным образом в рамках расширения их прав по оперативно-хозяйственной самостоятельности при сохранении за государством, в лице Госсовета КНР, права собственности на имущество, передаваемое в пользование, владение и распоряжение предприятий. Данная позиция зафиксирована и в Законе КНР о промышленном предприятии общенародной собственности (статья 2, действует с 1 августа 1988 г.), и в Правилах изменения механизма хозяйствования промышленных предприятий КНР общенародной собственности (статья 41, действуют с 25 июля 1992 года).

Реализацию от имени народа права собственности Госсовет КНР в лице органов правительства осуществляет через установление форм имущественно-хозяйственной деятельности, в рамках которых предприятия реализуют свое право на самостоятельную хозяйственную деятельность в соответствии с потребностями рынка.

На текущий момент основной, законодательно и нормативно отработанной имущественно-хозяйственной формой является система подрядно-хозяйственной ответственности предприятий, где наряду с прежней практикой отчисления прибыли постепенно отрабатываются механизм осуществления перехода к ее налогообложению при единой ставке подоходного налога, а также практика возврата кредитов после уплаты налогов.

Параллельно с этим создаются условия апробирования акционерной системы как следующей формы имущественно-хозяйственной ответственности предприятий, используемой ими на практике по мере отработки и накопления опыта самостоятельной хозяйственной деятельности в качестве основных субъектов рыночных отношений.

Реализуя принцип, что "у одной вещи не может быть двух хозяев" (т.е. оставляя за государством окончательное право собственности на имущество предприятий (статья 41), государство в качестве перспективной формы организационной трансформации государственных предприятий рассматривает акционерную форму. Однако, реализуя право собственника и гаранта стабильности общества, государство в лице Госсовета требует, чтобы в регистрируемом уставном фонде новых акционерных образований в качестве юридических лиц доля материальных факторов производства (здания, сооружения, производственные площади, оборудование и т.д.) была не менее 80%, а доля нематериальных факторов (право собственности, право интеллектуальной собственности, без права пользования землей, патенты, вносимые капиталы) была не более 20% ("Временные положения по управлению финансами предприятий, апробирующих акционерную форму деятельности" действуют с 1 января 1992 г.).

Подобный подход, усиливая производственную направленность деятельности государственных предприятий в ходе их трансформации в рамках мероприятий по экономической реформе, позволяет сохранить накопленный за предыдущие годы производственный потенциал, а также избежать растаскивания этого потенциала по мере вовлечения государственных предприятий в рыночные отношения и привлечения в Китай производственного потенциала технически передовых предприятий из-за рубежа.

Определены также степень и границы акционирования с учетом народнохозяйственной значимости предприятий и отраслей:

- в базовых отраслях (транспорт, энергетика, связь, добывающие отрасли, куда частный инвестор не стремится вкладывать средства из-за длительности оборота средств), в качестве ответственного пайщика остается государство;

- значительная часть крупных и средних предприятий преобразовывается в компании (типа корпораций) с ограниченной ответственностью, где держателями акций могут быть только пайщики со статусом юридического лица;

- часть предприятий также может быть преобразована в акционерные общества с ограниченной ответственностью закрытого типа, где держателями акций могут быть рабочие и служащие с сохранением контрольного пакета акций за субъектом со статусом юридического лица; они создаются на базе одной из форм общенародной собственности (государственной или коллективной);

- небольшая часть предприятий может быть преобразована в акционерные общества с ограниченной ответственностью открытого типа, где контрольный пакет акций также принадлежит субъекту со статусом юридического лица, создаются на базе одной из форм общенародной собственности⁷.

Признавая право предприятий как товаропроизводителей на полную хозяйственную самостоятельность ("Правила изменения механизма хозяйствования предприятий" статьи с 6 по 22), из двух сценариев - разового или постепенно-поэтапного изменения действующего механизма хозяйствования предприятий - правила отдадут предпочтение постепенно-поэтапному, учитывая степень созревания целостной рыночной системы внутри страны с выходом на внешние рынки. Подобный подход обусловлен тем, что не все предприятия готовы выступать в качестве товаропроизводителей с законченным циклом и брать на себя полную хозяйственную ответственность. Данное обстоятельство как раз и определяет то, что на текущий момент главной формой реализации права на самостоятельную хозяйственную деятельность предприятий остается подрядно-хозяйственная форма ответственности.

Отличительной особенностью системы подрядно-хозяйственной ответственности является оформление всех взаимоотношений предприятий - как с органами управления, так и с другими предприятиями - на основе договоров. В форме договора также оформляются директивные плановые задания, доводимые до предприятия правительством. В этом случае предприятия имеют право требовать заключения прямого договора как с предприятиями, оформившими свой спрос в форме директивного плана через правительство, так и с органами правительства, ответственными за реализацию государственной отраслевой политики⁸.

В случае незаключения договора, предприятия могут не распределять по производству задания директивного плана. Более того, они могут отказаться от его исполнения, если он не обеспечен гарантированным снабжением энергоресурсов, основных материальных ресурсов, транспортными условиями, а также при изменении спроса на продукцию на рынке.

Подобная законодательно оформленная практика договорных отношений уже в рамках действующей системы подрядно-хозяйственной ответственности позволяет предприятиям апробировать и накапливать опыт становления и функционирования в качестве основных субъектов рыночных отношений, выступая в качестве юридических лиц. В связи с этим в текущей нормативно-правовой системе уже сформулированы контуры хозяйственной практики, когда предприятия, являясь "самостоятельными юридическими лицами, обладающими гражданскими правами и гражданской ответственностью, в соответствии с потребностями рынка и на основе закона будут вести самостоятельную хозяйственную деятельность, отвечать за доходы и убытки, самостоятельно развивать и ограничивать свою деятельность в качестве товаропроизводителей и хозяйственных единиц"⁹.

Главным моментом подобной практики функционирования предприятий в соответствии с потребностями рынка является их регистрация как юридических лиц, способных не только пользоваться правами, но и брать на себя ответственность; поэтому основным субъектом рынка признается предприятие как товаропроизводитель со статусом юридического лица. В отличие от российского понимания основного субъекта рынка как приватизированного (или только частного) предприятия, в принципе не обязанного что-либо производить,

китайское понимание законодательно ориентирует на производство товара. Получение статуса юридического лица на основании статей 2 и 7 "Правил регистрации предприятий как юридических лиц" (действующая редакция опубликована с 1 июля 1988 г.) оговаривается условием, когда его могут получить предприятия со сложившейся сферой производственной деятельности и при наличии спроса на выпускаемую продукцию, не нарушающие ситуацию сбалансированности на рынке¹⁰.

Для реализации права на самостоятельную хозяйственную деятельность предприятиям законодательно уже предоставлены права принимать производственно-хозяйственные решения, устанавливать цены на продукцию и трудовые услуги, сбывать готовую продукцию, закупать материальные ресурсы, проводить экспортно-импортные операции, принимать инвестиционные решения, распоряжаться остающимися денежными средствами, излишками имущества на возвратной основе, создавать объединения и слияния, использовать труд, хозяйственные и инженерно-технические кадры, распределять заработную плату и премии, устанавливать собственную организационную структуру, отказываться от всевозможных разнарядок по выделению людских, материальных и финансовых ресурсов.

С точки зрения становления предприятий как самостоятельных товаропроизводителей, выступающих в качестве основных субъектов рыночных отношений, существенным фактором выступает предоставление им прав по объединению и слиянию для формирования новых самостоятельных юридических лиц. В этом смысле государство берет на себя обязательства по формированию единого всекитайского рынка, устранению региональных и ведомственных барьеров, направляя изменения организационных структур предприятий, имея в виду только потребности структурной политики, сложившиеся масштабы экономической деятельности и рациональность размещения ресурсов.

Принципиально в таком подходе отсутствие приоритетной ориентации государства на поддержку либо только мелких, либо только крупных предприятий. Основным критерием выступает рациональность размещения ресурсов.

В то же время следует отметить, что ограничение имущественно-хозяйственных форм деятельности на текущий момент системой подрядно-хозяйственной ответственности ставит определенные ограничения развитию объединительных процессов между предприятиями. Однако, учитывая негативные явления, выявившиеся в промышленности КНР со второй половины 80-х годов, эта система пока еще остается наиболее приемлемой формой реализации права хозяйственной самостоятельности предприятий КНР.

Во второй половине 80-х годов для промышленности был характерен существенный отрыв среднегодовых темпов роста средств по фонду оплаты от показателя роста производительности труда более чем в 2 раза. В то же время доля фонда заработной платы в себестоимости предприятий оставалась в пределах 8,5%. Основными источниками чрезмерных выплат по фонду оплаты стали выплаты за счет средств, остающихся у предприятий. И если доля государства в чистом доходе предприятий понизилась с 78% в начале 80-х годов до 51% к началу 90-х годов, то из 49% средств, остающихся у предприятий, 35% приходится на выплаты в виде премий, дотаций к расходам на питание, компенсации роста цен¹¹.

В результате доля фонда оплаты в величине товарной продукции промышленности достигла 26%, в то время как с точки зрения экономической эффективности предприятия приемлемой считается доля фонда оплаты в размере 17-19%. Сложившаяся во второй половине 80-х практика больше свидетельствовала не об умысленности подобных действий предприятий, а об их вынужденности: государство фактически переложило на них груз решения социальных задач общества, сняв с себя ответственность по решению проблем занятости, переобучения высвобождаемых из производства работников.

Остальных 14%, остающихся у предприятия, оказалось явно недостаточно, чтобы предприятия могли самостоятельно вести воспроизводство

в соответствии с потребностями рынка. Преимущественное расходование оставляемых средств по фондам оплаты ограничивало их возможности аккумуляции средств для обновления продукции и технической реконструкции основных фондов. Потребности подобного расходования средств диктуются тем, что до 60% промышленного оборудования КНР находится в эксплуатации более 20 лет, а с точки зрения производства, промышленность страны в 80-е годы вступила в фазу нарастающего фондоемкого производства: так, в 1980 г. индекс фондоемкости составлял 0,79, а в 1990 г. уже 1,11¹².

В этих условиях преимущественное использование в качестве основной формы имущественно-хозяйственной деятельности предприятий системы подрядно-хозяйственной ответственности, в договорной форме пока еще фиксирующей направления расходования остающихся средств, оправдано стоящими перед предприятиями КНР производственными задачами.

Кроме того, рост неконтролируемых выплат по фонду оплаты за счет средств, остающихся у предприятий при невозможности их целенаправленного использования на воспроизводство, привел к резкой разбалансированности между наличной денежной массой и ее товарным покрытием, что стало одной из причин усиления инфляционных процессов.

Поиск наиболее действенной формы регулирования динамики этих показателей привел к выводу о формировании единого фонда оплаты труда в зависимости от величины чистого продукта, создаваемого на предприятии. Показатель чистого продукта стал основным оценочным показателем деятельности предприятий, выступающих в качестве субъектов рыночных отношений¹³.

Учитывая отсутствие механизма рыночного ценообразования, предприятия сами должны ограничивать темпы прироста средней заработной платы, возрастающей ниже темпов прироста производительности труда, исчисленных по чистому продукту. В то же время предприятия могут формировать у себя резервный фонд оплаты в размере не более 10% суммы ежегодного прироста фонда оплаты, с прекращением начисления средств при уравнивании сумм, накопившихся по резервному фонду, с фондом заработной платы, включенным в себестоимость¹⁴. Доля фонда заработной платы в себестоимости не превышает 8,5%, поэтому в случае уравнивания резервного фонда с ним, вся доля фонда оплаты труда в себестоимости по промышленности не превысит 19%. С точки зрения китайских экономистов, подобный уровень позволит избежать давления роста доходов в промышленности на периодичность изменения цен только на сторону их повышения¹⁵.

Ориентация на включение и исчисление заработной платы по себестоимости имеет, на наш взгляд, принципиальное значение. До сих пор до 33% заработной платы дотировалось государством путем перераспределения¹⁶. И это обстоятельство достаточно точно подметил Джон Росс, когда писал, что "ключевое решение, которое принял Китай, заключалось в полной компенсации населению повышения цен на продукты питания за счет субсидий и увеличения заработной платы"¹⁷. Переход к исчислению заработной платы по себестоимости усилит давление в сторону однозначного задействования в качестве источника экономического роста интенсивных факторов за счет повышения производительности труда. И то, что подобный подход нашел законодательное оформление, свидетельствует о решимости страны более широко задействовать интенсивные факторы роста именно на государственных предприятиях при ориентации их на развитие товарного производства, но без обвальной приватизации¹⁸.

Однако подобный подход резко обостряет проблему создания системы социального страхования, включающей и страхование по безработице с переобучением в первую очередь, в случае высвобождения излишних работников из сферы материального производства. В практическом плане этот путь рассматривается как коренное условие, гарантирующее реальное становление предприятий как основных субъектов рынка в качестве товаропроизводителей и юридических лиц. Это условие определено однозначной ориентацией на задействование интенсивных факторов экономического роста в виде

законодательного оформления в статье 24 "Правил изменения механизма хозяйствования промышленных предприятий общенародной собственности" (действующая редакция опубликована 25 июня 1992 г.) основного экономического требования, когда амплитуда роста фонда заработной платы повышалась бы менее, чем фактический рост массы прибыли по предприятию, а средняя заработная плата - менее, чем производительность труда, исчисляемая по показателю чистого продукта¹⁹.

Установление зависимости фонда оплаты от величины чистого продукта, в целом ориентированное на усиление значения конечных показателей эффективности производственно-хозяйственной деятельности государственных предприятий КНР, учитывает необходимость экономии как живого, так и овеществленного труда. Использование в хозяйственной практике государственных предприятий КНР подобной зависимости при остроте проблемы занятости в стране имеет принципиальное значение. Учитывая остроту данной проблемы для предприятий, в последних нормативных документах правительство КНР берет на себя груз решения этих социальных проблем через создание на государственном уровне механизмов социального страхования, обучения, переквалификации высвобождаемых работников²⁰.

На наш взгляд, создание и усовершенствование функционирования подобных механизмов явятся основой и предпосылкой дальнейшего законодательного, более широкого допущения государством как собственником иных имущественно-хозяйственных форм реализации прав государственных предприятий на самостоятельную хозяйственную деятельность в качестве товаропроизводителей и субъектов рыночных отношений.

1. Статистический ежегодник Китая. 1991. - Пекин, 1991. - С. 115, 441.
2. Статистический ежегодник по экономике промышленности Китая. 1988. - Пекин, 1989. - С. 55; Статистический ежегодник Китая. - Пекин, 1991. - С. 423.
3. Рассчитано по: Статистические материалы по экономике промышленности Китая. - Пекин, 1987. - С. 27; Статистический ежегодник Китая. 1991. - Пекин, 1991. - С. 442;
4. Рассчитано по "Статистические материалы по экономике промышленности Китая". 1949-1984. - Пекин, 1985. - С. 31-32; Статистический ежегодник по экономике промышленности. 1988. - Пекин, 1989. - С. 50; Статистический ежегодник Китая. 1991. - Пекин, 1991. - С. 444; Лю Гоуан. Реформа и развитие экономики Китая в 80-е годы. - Пекин, 1991. - С. 303-304, 307.
5. Законодательство КНР по компаниям. - Пекин, 1991. - С. 25; Жэньминь жибао. - 1992. - 25 июня.
6. Вестник Госсовета КНР. - 1992. - N 18. - С. 695.
7. Ляован. - 1993. - N 15. - С. 11; Фасюе. - 1993. - N 3. - С. 47.
8. Жэньминь жибао. - 1992. - 25 июня.
9. Там же.
10. Законодательство КНР по компаниям. - Пекин, 1991. - С. 91-92.
11. Цзинцзи яньцяо. - 1992. - N 3, 36.
12. Рассчитано по "Статистический ежегодник Китая". - Пекин, 1990. - С. 440; 1991 - С. 423.
13. Лю Шанси. О циркуляции и распределении доходов. - Пекин, 1992. - С. 83, 221.
14. Жэньминь жибао. - 1992. - 25 июня.
15. Цзинцзи яньцяо. - 1992. - N 3. - С. 35.
16. там же. С. 34.
17. Экономика и математические методы. - 1993. - Т. 29. - N 2. - С. 194.
18. Чайна дэйли. - 1993. - 07 мая.
19. Жэньминь жибао. - 1992. - 25 июня.
20. Синьхуа мэйжи дьяньсюнь. - 1993. - 24 апреля; 10 мая.

Модификация внешнеэкономических связей Вьетнама

© 1993

Л.Аносова

К середине 80-х годов Вьетнам все еще продолжал оставаться одной из немногих стран мира, официально сохранивших веру в идеалы социализма и формально не отказавшихся от следования по пути, избранному несколько десятилетий тому назад. Тем не менее жизнь требовала радикального обновления и модернизации производительных сил, изменения отношения к различным социально-экономическим укладам, выхода на мировой рынок. К этому республику побудили причины, схожие или очень близкие к тем, которые породили перестроечные процессы в других, бывших социалистических государствах, - застой и резкое падение темпов производства, расбалансирование народного хозяйства, падение уровня жизни населения. Важно, однако, то, что СРВ удалось избежать возникновения разного рода политических коллизий и социальных противостояний, а у власти по-прежнему остается Коммунистическая партия Вьетнама, руководящая сила вьетнамского общества.

Приступив в конце 80-х годов к проведению радикальной экономической реформы, СРВ начала формировать новую внешнеэкономическую стратегию, направленную на вовлечение страны в мирохозяйственные связи, прежде всего с азиатско-тихоокеанским регионом, с государствами Юго-Восточной Азии.

Основным содержанием новой стратегии стали ориентация на максимальное расширение внешнеэкономических связей, преодоление прежних узких рамок сотрудничества почти исключительно со странами социализма, что, несомненно, явилось откликом на мировую тенденцию углубления международного разделения и кооперации труда и готовности подавляющего большинства государств к большей открытости своих экономик.

К перемене стратегии внешнеэкономических связей СРВ подводили также важные изменения в международной обстановке. Известно, что кризисное состояние народного хозяйства в Советском Союзе (а затем в России, странах СНГ, в бывших соцстранах Восточной Европы) вынудили их временно сократить масштабы помощи и экономического сотрудничества с менее развитыми странами. С другой стороны, в связи с тем, что лидерство на мировом рынке в области машиностроения и высоких технологий стало переходить к капиталистическим странам, сотрудничество с ними открывало более надежные перспективы.

Можно привести немало фактов из новейшей истории развивающихся государств, когда они, получив от Советского Союза крупную материальную помощь, выгодные кредиты, часто как безвозвратные, и удовлетворив таким образом самые первоначальные жизненные потребности, самым решительным образом переориентируются затем на сотрудничество с более высокоразвитыми странами. Особенно это заметно по географии вьетнамского экспорта, который с середины 80-х годов начал перераспределяться в пользу развитых капиталистических и развивающихся стран.

Следует отметить, что к диверсификации экономических связей Вьетнам приступил не в самый благоприятный для этого момент. Так, в 80-е годы ведущие страны капитализма начали длительную структурную перестройку своих экономик, которую отличал переход от индустриальной системы производительных сил к научно-индустриальной, базирующейся на достижениях научно-технической революции. В результате формирования новых производительных сил в этих странах снизилась материалоемкость производств, широкое распространение получила безотходная технология, структура потребительского спроса изменилась в пользу товаров длительного пользования. Государственная поддержка западных фермеров привела к сокращению импорта

Аносова Людмила Александровна, кандидат экономических наук, ученый секретарь Отделения экономики РАН.

продовольствия и сельскохозяйственного сырья - традиционных предметов экспорта слаборазвитых стран.

К примеру, в 1980-1988-х годах на 33 вида таких товаров упали в среднем на 40%, и, по расчету международных экспертов, вряд ли следует ожидать их подъема даже к 1995 г.

Все это серьезно осложняло поиски путей выхода на мировой рынок, хотя оставались расчеты на увеличение экспорта отдельных видов минерального сырья: нефти, каменного угля, бокситов, фосфоритов, редкоземельных металлов, так как спрос мирового рынка на них повысился. Тем не менее ограничение экспорта аграрно-сырьевой и минерально-сырьевой направленностью (именно сырье и продовольствие занимали в середине 80-х годов свыше половины вьетнамского вывоза в несоциалистические страны) мало отзывалось на подъеме отечественных производительных сил. Кроме того, экспорт в СРВ до недавнего времени серьезно не рассматривался в качестве главного фактора создания прогрессивной хозяйственной структуры, модернизации производительных сил, поскольку прежде эти процессы происходили за счет безвозмездно импортируемых средств производства, и, следовательно, экспорт не выполнял своих главных народнохозяйственных функций. Неудивительно поэтому, что к концу 80-х годов внешняя торговля играла весьма незначительную роль в создании национального дохода (6%), в то время как адекватный показатель в новых индустриальных странах АТР колебался от 20 до 40%¹.

Оздоровление международного климата, усиление тенденций к диалогу в Юго-Восточной Азии сделали реальным быстрое расширение торгово-экономического и других видов сотрудничества СРВ с другими странами Индокитая, а также с государствами, расположенными в самой динамичной зоне мирового хозяйства - в западной части Тихого океана: с КНР, Японией, странами АСЕАН, а также с новыми индустриальными странами восточной Азии. К началу 90-х годов одна только Япония, к примеру, производила почти 10% мирового ВВП, а Китай и новые индустриальные страны Азии вместе взятые - 7%. Выдающимися были среднегодовые темпы роста ВВП за 1975-1987 гг. в новых индустриальных странах - 8,25%.

Со странами Индокитая и некоторыми другими странами Азии Вьетнам сближает общность исторических судеб, сходство климата, а также почти одновременное вступление на путь реформ, связанное с внедрением новых хозяйственных систем, интенсивным поиском дополнительных источников накопления. Они схожи в своем современном понимании задач социально-экономического развития и средств их достижения, в стремлении поддерживать многоукладное товарно-рыночное производство и новые рыночные механизмы. Об этом свидетельствуют, к примеру, мероприятия, проводимые Вьетнамом в области правового признания многоукладности, многообразия форм собственности, открытости внешних связей. К радикальным изменениям в механизме управления процессами производства, к диверсификации внешнеэкономических связей начиная с 1986 г. прибегает Лаос. В 1988 г. в сторону такого рода преобразований началось движение Камбоджи.

Общность проблем, стоящих перед этими государствами, открывает перспективы для их экономической интеграции, объединения усилий в решении сложных практических проблем - создание таможенных, торгово-экономических и других свободных зон. Как пишет вьетнамский ученый Динь Куй До, Вьетнаму не только можно, но и нужно перенимать у соседних стран методы хозяйствования и развития экономики. Географическая близость, говорит он, традиционные связи, общие черты в культуре, взаимодополняемость некоторых элементов хозяйственных структур являются факторами, объективно способствующими развитию экономических отношений Вьетнама со странами Юго-Восточной Азии².

Помимо непосредственных соседей, в поле зрения Вьетнама постоянно остаются и другие, особенно высокоразвитые капиталистические страны Азии. Нельзя не учитывать также, что к концу нынешнего века, по всей вероятности, еще более возрастет и окрепнет экономический потенциал Китая. Равными с США оцениваются возможности Японии к дальнейшему экономическому росту.

Это указывает и на высокие импортно-экспортные возможности стран азиатского региона. На примере экономик этих стран СРВ уже сейчас стремится усмотреть кое-какие черты своего недалекого будущего.

Наводя пока еще хрупкие мосты экономического сотрудничества с более развитыми странами, СРВ начала добиваться положительных сдвигов уже в 80-е годы. Так, среднегодовые темпы прироста экспорта в 1980-1987 гг. составили почти 13%, в том числе экспорта в Советский Союз - 10,4%, в развитые капиталистические страны - 16,3%, в развивающиеся страны - 23,0%.

Приведенные выше данные отразили более высокие темпы роста экспорта СРВ в развитые капиталистические и развивающиеся страны, нежели в Советский Союз. Разница настолько значительна, что напрашивается вывод о том, что возникли определенные тенденции к переориентации внешнеэкономических связей Вьетнама на другие регионы и страны. В первые годы уменьшение масштабов внешней торговли с Советским Союзом принесло неблагоприятный эффект: доля экспорта в национальном доходе республики сократилась с 7,7% в 1980 г. до 7,6% в 1987 г. Зато в 1989 г. объем экспорта на 50% превзошел уровень предыдущего года при сокращении импорта на 13%. Такое скачкообразное развитие экспортно-импортных действий скорее всего явилось последствием попыток сбалансировать внешнюю торговлю, остановить рост задолженности Советскому Союзу. Свою роль, конечно, сыграло и сокращение сотрудничества с СССР и другими странами - членами Совета Экономической Взаимопомощи при одновременном росте экспорта в капиталистические и развивающиеся страны. Тенденции развития экспорта сохранились и в 1990 г. Об этом свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Вьетнамский экспорт в 1990 г.

	Единица измерения	Выполнение	Выполнение в 1990 г по отношению к плану экспорта (%)
Экспорт, всего	млн.руб. млн.долл.	2189,2	101,8
- в соцстраны	млн.руб.	1019,5	84,9
- в капстраны	млн.долл.	1169,7	123,1
Основные товары			
1. Арахис необрушенный			
- капстраны	тыс. т	89,4	52,6
2. Кофе	тыс. т	63,5	99,2
- капстраны	тыс. т	55,4	191,8
3. Чай	тыс. т	13,3	66,5
- капстраны	тыс. т	3,8	180,9
4. Каучук	тыс. т	59,0	140,5
- капстраны	тыс. т	34,8	158,2
5. Рис	тыс. т	1500,0	98,0
- капстраны	тыс. т	1352,6	116,8
6. Джут	тыс. т	4,3	25,1
- капстраны	тыс. т	1,5	-
7. Уголь	тыс. т	812,5	65,0
- капстраны	тыс. т	802,2	74,6
8. Фриза	тыс.куб.м	41,2	103,0
9. Швейные изделия	млн. штук	54,0	168,7

10. Олово	тонн	1506,0	230,0
11. Нефть	тыс. тонн	2500,0	100,0
- капстраны	тыс. тонн	250,0	100,0
12. Овощи-фрукты	млн. руб.	50,2	83,6
- капстраны	млн. долл.	1,2	15,0
13. Картон	тыс. тонн	13,2	110,0
упаковочный	тыс. тонн	13,2	110,0
14. Медикаменты	млн. руб.	24,8	82,7

Источник: Данные РСУ СРВ за 1990 г.

Очевидно, что крупными импортерами вьетнамских товаров, главным образом сырья, практически по всем позициям стали в 1990 г. капиталистические страны. Это особенно ярко проявляется, если рублевую оценку экспорта в соцстраны перевести на долларовую, - разница составит несколько порядков. Импорт же в 1990 г. превысил экспорт в стоимостном выражении и номенклатура его была гораздо шире, что и следует из табл. 2.

Таблица 2

Вьетнамский импорт в 1990 г.

	Единица измерения	Выполнение	Выполнение в 1990 г. по отношению к плану импорта (%)
Импорт, всего	млн. руб. млн. долл.	2595,4	102,1
в том числе			
- из соцстран	млн. руб.	1353,7	75,6
- из капстран	млн. долл.	1241,7	165,1
Основная номенклатура			
1. Тракторы	штук	400	83,3
2. Экскаваторы	"	13	61,9
3. Бульдозеры	"	50	100,0
4. Дизели судовые	"	150	100,0
5. Автомобили легковые	"	409	102,2
6. Автомобили грузовые	"	3581	179,0
7. Шины автомобильные, тракторные	тыс. комплектов	111,4	101,3
8. Электрооборудование и кабель	млн.руб.	6,0	75,0
9. нефтепродукты	тыс. тонн	289,0	100,7
10. Металлопрокат	тыс. тонн	321,5	86,9
11. Медь	тыс. тонн	1,6	78,4
12. Алюминий и прокат	тыс. тонн	3,2	91,6
13. Свинец	тыс. тонн	1,7	112,3
14. Чугун	тыс. тонн	9,9	24,7
15. Калийные удобрения	тыс. тонн	52,0	86,7
16. Азотные удобрения	тыс. тонн	1548,4	73,7
17. Хлопок	тыс. тонн	59,1	95,3
18. Ядохимикаты	млн. руб.	5,1	127,5

Источник: данные РСУ за 1990 г.

Кроме того, Вьетнам импортировал серный колчедан, пластмассы, соду каустическую и кальцинированную. Списочный состав вьетнамского импорта свидетельствует о том, что страна в основном покупает за рубежом предметы труда и средства производства и что импорт из капитран значительно превысил ввоз из стран социализма.

Таким образом, к началу 90-х годов отчетливо сформировалась тенденция выхода СРВ на рынки капиталистических стран. Если в 1989 г. она заявляла о себе в основном превышением объемов экспортных поставок товаров в капстраны, то в следующем году доля последних в суммарной стоимости внешней торговли СРВ возросла с 30 до 50,4%. По данным вьетнамской статистики, товарооборот Вьетнама в 1990 г. составил 2411,4 млн. долларов США - на 21,9% больше, чем в 1989 г., в том числе экспорт равнялся 1169,0 млн. долл. США (рост 102,8%), а импорт, соответственно - 1241 млн. долл. США (рост - 147,8%). Однако, по нашим расчетам, в действительности вьетнамский экспорт в капстраны был на 250 млн. долл. США больше и составлял 1419,7 млн. долл., поскольку Государственное статистическое управление СРВ не включило в свои отчеты об экспортных поставках сырой нефти в капстраны 1250 тыс. т этого сырья, добытого совместным вьетнамско-советским предприятием "Вьетсовпетро". Эта нефть была зачислена как экспорт в Советский Союз, хотя фактически была реализована в Японии и Сингапуре. С учетом этого факта товарооборот СРВ с капиталистическими странами в действительности составлял 2661,4 млрд. долл., превысив уровень 1989 г. на 34,5%, а экспорт увеличился на 24,7%³. Таким образом, торговый баланс с этой группой стран был сведен с положительным сальдо. Превышение экспорта над импортом составляло 178 млн. долл. США, что стало возможным благодаря увеличению добычи нефти в СРВ и поставок ее на рынки капиталистических стран за счет СП "Вьетсовпетро".

С 1989 г. представители делового мира капиталистических стран начали гораздо решительнее осваивать вьетнамский рынок. Значительно увеличилось количество посетивших СРВ западных бизнесменов. В г.Хошимине были открыты представительства и целые филиалы почти десятка крупнейших западных банков, в том числе четырех банков Франции.

К характеристике процесса развития экономического сотрудничества СРВ с развитыми капиталистическими государствами в указанные годы добавилось установление его на уровне отдельных предприятий, компаний и фирм. Установление дипломатических отношений СРВ с Европейским экономическим сообществом увеличило шансы страны на дальнейшее расширение своей внешнеэкономической деятельности в Западной Европе. Вопреки эмбарго Соединенных Штатов Америки на торговлю с Вьетнамом в торгово-экономические связи с СРВ включились почти все ведущие капиталистические страны мира. Этому в известной степени объективно содействовало осложнение международной обстановки в зоне Персидского залива - начался перелив деловой активности и капиталов Запада в перспективный район Юго-Восточной Азии. Вьетнам стал все сильнее привлекать к себе интерес капиталистического и развивающегося мира не только своими природными богатствами, запасами стратегического сырья, но и стабильной политической обстановкой и созданием весьма благоприятной среды, внутренних условий для налаживания связей.

Перестройка управления внешнеэкономическими связями. По времени она опередила общую радикальную реформу, став, таким образом, серьезной предпосылкой для ее успешного проведения. Перестройка началась (середина 80-х годов) с формирования правовых и организационных условий для активизации выхода на внешний рынок ведомств, организаций, отраслей, принятием Советом министров СРВ ряда постановлений (май-июнь 1985 г.) в которых были определены функции отраслевых министерств по управлению экспортно-импортными операциями, а также права низовых звеньев - предприятий и хозяйственных объединений. Развитие экспортного производства стало планироваться сверху. Для этого выделялись государственные фонды, составлялись годовые и пятилетние планы. В плановом порядке определялись централизованный экспорт в виде госзаказа и децентрализованный экспорт.

Были установлены льготы - премии, оставление части валютной выручки организации - экспортеру за перевыполнение плановых заданий по экспорту, за использование новых источников сырья и изготовление новых видов экспортных товаров. В 1985 г. был учрежден Фонд поддержки экспортных цен и принято положение о пошлинах на экспортную и импортную продукцию, о специальных тарифах. Законодательство того времени ограничивало число участников внешней торговли предприятиями государственного сектора. Другие хозяйственные секторы, особенно частный, к ней не допускались.

К концу 80-х годов в СРВ произошла широкая либерализация внешнеэкономической деятельности - в связи с вступлением в силу кардинальной экономической реформы, нацеленной на создание широких рыночных отношений. Право выхода на внешний рынок уже к середине 90-х годов получили около 500 предприятий⁴. Предприятия, которым было разрешено производить операции, связанные с внешней торговлей, перешли на полный хозяйственный расчет, а финансирование экспорта - импорта, отвлекавшего еще совсем недавно целую треть доходной части государственного бюджета, прекратилось. Поддержка таким предприятиям стала оказываться через кредиты банков, в том числе и через коммерческие, кредитующие базовые отрасли - энергетику, каменноугольную промышленность, горнорудное производство, добычу нефти, связь, транспорт. К внешней торговле был допущен частный и кооперативный секторы. В 1989 г. 2 млн. занятых в негосударственных секторах получили право производить экспортно-импортные сделки. В 1988 г. был образован Центральный совет кооперативов и негосударственных предприятий на правах неправительственной организации. Он приступил к экспорту товаров мелкого и кустарного производства, некоторых видов сельскохозяйственной продукции, вывоза за рубеж кофе, чай, консервы, текстиль, мебель, джутовые изделия. Уже в 1989 г. годовой объем экспортно-импортных сделок, проведенных через Совет, составил 170 млн. долл.

Однако широкая либерализация внешней торговли принесла и негативный эффект: неконтролируемый ввоз потребительских товаров, не облагаемых налогом, достиг в том же году 900 млрд. донгов. Не устанавливалась связь экспорта и импорта. Усилился поток контрабанды. Вместе с тем расширились роль теневой экономики в экспортно-импортных операциях, расхищение государственных экспортных ресурсов, коррупция и спекуляция. С лета 1989 г. это вновь привело к прямому вмешательству правительства, принявшего 10 июня постановление "Об управлении экспортно-импортной деятельностью". Оно предусматривало согласование объемов экспорта и импорта с Госпланом, установление запретительных списков товаров, ограничение объемов самостоятельно реализуемой сверхплановой продукции предприятий. Государство было вынуждено вновь устанавливать директивные задания по выполнению межправительственных соглашений - госзаказ, валютные экспортные коэффициенты. Было установлено также, что ввоз из стран АТР потребительских товаров не может превышать 30% экспорта из этих стран. Тем самым стимулировалось отечественное производство товаров широкого потребления, сокращались расходы экспортной выручки на приобретение товаров роскоши и т.п.

Вплоть до 1991 г. децентрализация касалась в основном торговли с не социалистическими государствами, а товарооборот с Советским Союзом и другими странами - членами СЭВ продолжал оставаться в рамках согласованных на правительственных уровнях ежегодных протоколов, расчеты велись в переводных рублях. С 1991 г. вся внешняя торговля Вьетнама стала вестись на условиях мировой торговли, а расчеты - в свободно конвертируемой валюте. Эти условия были распространены практически на все виды экономического и научно-технического сотрудничества со странами Запада и Востока, хотя важное место еще занимал и клиринг.

Для расширения и поощрения всего спектра внешнеэкономических связей в СРВ была предпринята разработка системы мероприятий государственного регулирования. Его цель состояла в согласовании внешнеторговой деятельности и других видов экономического сотрудничества с общегосударственными

интересами. Регулирование началось с определения таможенной политики, принятия специального законодательства, порядка создания различных форм смешанных предприятий (акционерных обществ, СП на условиях концессий, подряда), универсальных торговых фирм, торговых домов, палат, различных ассоциаций и т.д.

Таможенная политика. В декабре 1987 г. правительство СРВ приняло Закон о таможенных налогах на импорт и экспорт товаров. Вводились новые таможенные пошлины, которым был придан двойной характер: протекционистский и стимулирующий. Предполагалось, что таможенные поступления будут использоваться для поддержки прежде всего таких приоритетных отраслей вьетнамской экономики, как сельскохозяйственное производство, добывающая промышленность, рыбное хозяйство и некоторые другие. На продукцию горнодобывающего производства (полезные ископаемые), а также нефть ставки определялись в диапазоне от 5 до 50% их экспортной стоимости; на продукцию рыбного хозяйства они составляли 15%, а на технические сельскохозяйственные культуры (кофе, чай, черный перец) - 10%. Пошлины на экспорт устанавливались по 30 видам товаров и товарных групп. Сравнительно высокие ставки пошлинного обложения на полезные ископаемые были обусловлены растущими перспективами роста спроса на каменный уголь и нефть.

При определении уровней импортных пошлин государство руководствовалось необходимостью удовлетворить потребности развития производительных сил, прежде всего в сельском хозяйстве и добывающих отраслях, стремлением насытить и разнообразить внутренний рынок товаров широкого потребления.

Импортные пошлины были распространены на 95 разновидностей товарных позиций. Наиболее высокому обложению подверглись импортные товары, отнесенные к предметам роскоши - табачные и вино-водочные изделия, а также мотоциклы и видеокассеты. Налог на первые составлял 60%, на вторые - 50% от их таможенной стоимости. На отдельные категории товаров, спрос на которые не удовлетворялся за счет национального производства, пошлины понижались на 5-30%. По замыслу, ввоз таких товаров должен был стимулировать конкуренцию, побуждая местные предприятия повышать качество своей продукции.

Очень скоро выявилось, что принятие Закона о таможенных пошлинах на экспорт и импорт товаров было своевременным, хотя закон несколько забегал вперед: он не был увязан с реальным положением дел во вьетнамской экономике - производительность труда там росла еще очень медленно, многие отрасли, работавшие на экспорт, были убыточны, качество экспортной продукции оставалось низким, поэтому буквально первые же месяцы действия закона показали, что экспортеры не в состоянии уплатить высокие пошлины, и встал вопрос об их отмене или широком сокращении номенклатуры экспортных товаров, облагаемых налогом. Встал вопрос также об отмене или резком снижении импортных пошлин на ввозимые средства производства, о дифференциации таможенных сборов на импортные товары в зависимости от колебаний спроса на внутреннем рынке.

С учетом данных обстоятельств в декабре 1988 г. в текст Закона о таможенных пошлинах были внесены серьезные поправки и дополнения. В первую очередь подвергся сокращению список экспортных товаров, подлежащих обложению пошлиной, с 30 и 12 позиций. Самые высокие ставки были сохранены на цветные металлы - 50%, а самые низкие устанавливались на руды - 3%. При экспорте в страны, с которыми СРВ заключила специальные торговые соглашения, пошлинами стали облагаться только четыре вида импортных товаров: цветные металлы, вторичное сырье (металлолом), кожи первичной грубой выделки, алойное дерево. Причем пошлины были установлены в минимальных размерах.

Были изменены таможенные пошлины и на импортные товары. По девяти позициям они были повышены, по одиннадцати - понижены. Характерно, что пошлины на ввозимые в страну средства производства, необходимые для

развития и модернизации производительных сил, были сняты вообще. Этот шаг свидетельствовал о намерениях вьетнамского правительства привлечь из-за рубежа возможно большее количество необходимых машин, оборудования и другой техники, выпуск которых внутри страны не налажен. Одновременно до 100% были повышены пошлины на предметы роскоши.

Повторное снижение таможенных пошлин на экспорт и импорт было произведено в августе 1990 г. В зависимости от сорта и качества продуктов понижались пошлины на рис (3-10%), кукурузу (1-5%), кофе, чай, черный перец, орех-кешью (1-5%). Пошлины на импортное сырье, топливо и материалы упали до 15%, а на блоки и иные компоненты для сборки электронной техники - до 10% ⁵.

Несмотря на попытки усовершенствовать таможенную политику, сделать ее гибкой в зависимости от итогов развития экономики и предстоящих задач, она, по мнению специалистов, еще не стала по-настоящему действенным рычагом, по крайней мере для подъема производства в национальных экспортных отраслях, поэтому сейчас в стране принимаются меры для формирования действительно эффективной таможенной политики.

Лицензирование и квотирование. После децентрализации внешней торговли вьетнамские провинции стали проявлять интерес к торговле с несоциалистическими странами в то время, как весь внешнеторговый оборот со странами - членами СЭВ оставался в монопольном ведении центральных государственных органов. При таком положении провинции стали конкурировать с государственными торговыми организациями при закупке экспортной продукции. Провинциальные импортно-экспортные компании конкурировали и между собой. Это стало отражаться на ценах вьетнамского экспорта, так как они стали расти, а спрос на товары из СРВ на внешнем рынке стал падать. Чтобы покончить с неблагоприятными тенденциями, Совет министров СРВ в июле 1982 г. принял Постановление о лицензировании экспорта. На его основании был утвержден список товаров, право на вывоз которых предоставлялось только центральным экспортно-импортным компаниям. В список вошли практически все основные виды экспортной продукции. Это означало возврат государства к монополии внешней торговли. Конкуренты на местах фактически были устранены. Государство смогло короткое время, примерно 3 года, удерживать экспортные цены товаров на одном уровне, выполняя некоторые плановые поставки в страны СЭВ. Устраненные таким путем от участия во внешней торговле отраслевые ведомства и местные органы власти резко снизили активность в развитии экспортных производств и заготовки сельскохозяйственной продукции на экспорт. Потери оказались настолько ощутимыми, что в апреле 1985 г. правительство СРВ было вынуждено отменить лицензирование и издало указ о слиянии многочисленных мелкомасштабных импортно-экспортных компаний на местах в более крупные, региональные. Преследовалась двойная цель: с одной стороны, погасить конкурентную борьбу за сырье на местах, а с другой - не терять государственный контроль за внешнеторговой деятельностью региональных компаний. В 1988 г., переломном в отношении перемен во внешнеэкономической стратегии Вьетнама, система выдачи лицензий и установка квот на вывоз была восстановлена. Теперь Министерству внешних экономических связей СРВ было предложено согласовывать квоты на экспорт своей продукции с каждым министерством и провинцией в отдельности. Товары сверх квоты либо не подлежащие квотированию могли поступать на экспорт или быть ввезены в страну только после прохождения лицензирования в Министерстве. Однако поставки по межправительственным соглашениям от этой операции освобождались.

Нетрудно заметить, что восстановление лицензий и квотирования происходило в условиях искусственного подразделения внешнеторговых отношений СРВ на связи с несоциалистическим и некапиталистическим рынком. Вплоть до 1991 г. производители оказались незаинтересованными в поставках товаров в страны - члены СЭВ, и правительство оказывало на них административный нажим. В 1991 г. положение изменилось: Вьетнам перешел на принципы мировой торговли. Лицензирование и установление квот

применяется сейчас в первую очередь для защиты отечественного производства товаров массового потребления, так как его продукция пока не выдерживает конкуренции с более дешевыми и качественными импортными товарами. Оно направлено также на ограничение ввоза товаров первой необходимости и отдает предпочтение импорту средств производства.

Инвестирование иностранных капиталов. До середины 80-х годов международная экономическая ситуация не способствовала бурному притоку иностранного капитала в СРВ. Структурная перестройка в развитых капиталистических странах, кризисное состояние экономики в бывших социалистических государствах - вызвали у них резкий рост потребностей в крупных затратах на модернизацию собственного производства. Затем превращение России, других стран СНГ, а также Китая в крупных международных заемщиков также сузило объем финансовых средств, на которые могли бы рассчитывать развивающиеся страны. Кроме того, медленно преодолевалось недоверие к странам - заемщикам с низким уровнем развития производительных сил.

Вплоть до начала 90-х годов СРВ была вынуждена рассчитывать преимущественно на приток капиталов только из СССР и стран - членов СЭВ. Но вьетнамское правительство уже со второй половины 80-х годов стало предпринимать конкретные шаги, чтобы расширить круг инвесторов. Ряду зарубежных стран были сделаны конкретные предложения, и первые же деловые отклики на них побудили правительство к разработке и принятию специального законодательства, поощряющего прилив иностранных капиталов в национальную экономику и регламентирующего их деятельность на территории страны. Отправным моментом в этом деле стало утверждение Национальным собранием СРВ в декабре 1987 г. первого Закона об иностранных инвестициях. С этого момента начинается новый этап экономического сотрудничества СРВ со странами несоциалистического мира, активное проведение политики открытых дверей. И хотя этот закон не отличался законченностью и был далеко несовершенен (в нем не предусматривались правительственные гарантии на случай банкротства по вине принимающей стороны, не оговаривался порядок приобретения акций национальных предприятий иностранными предпринимателями и многое другое), тем не менее, и это главное, в законодательном порядке на территории вьетнамского государства разрешалась и поощрялась инвестиционная деятельность зарубежных держателей капиталов, определялась сфера приложения и схема инвестирования. Закон декларировал и права инвесторов.

В соответствии с Законом об иностранных инвестициях иностранные организации и отдельные граждане могут производить инвестиции во Вьетнаме в следующих формах: деловое сотрудничество на договорной основе, организация совместных предприятий или компаний, создание предприятий со стопроцентным иностранным участием. Последним, а также совместным предприятиям закон предоставлял статус юридического лица. Было разрешено создавать СП как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Примечательно, что в партнерство с иностранными вкладчиками было разрешено вступать также частным предпринимателям, хотя в сферах и на условиях, определяемых и контролируемых Советом министров СРВ.

Закон определил порядок формирования уставного фонда, в соответствии с которым зарубежный инвестор вносит в него иностранную валюту или делает вклад, поставляя оборудование, машины и разнообразную технику, узлы, детали, технологию "ноу хау", техническую документацию и предоставляя технические услуги. Срок действия предприятия с иностранным участием не должен превышать 20 лет, но для проектов по разработке природных ресурсов или сооружения крупных объектов, требующих крупных капиталовложений, длительного периода строительства или окупаемости, срок продлевается, но не может превышать 50 лет. Государство гарантирует при этом, что предприятие с иностранным участием не подлежит риску быть национализированным.

Для совместных предприятий или объектов, созданных полностью на средства иностранного капитала, государство предусматривает льготное

налогообложение, применяемое к проектам в приоритетных отраслях экономики (производство экспортных и импортзамещающих товаров, строительство объектов производственного назначения, услуги за иностранную валюту - туризм, обслуживание авиационной техники, ремонт судов, портовое обслуживание). Льготное налогообложение применяется также в случае, если инвестиции производятся в течение первых 5 лет после принятия закона. Получение льгот по налогам обуславливается целым рядом условий, выдвигание которых свидетельствует о стремлении вьетнамского государства как можно более рационально использовать иностранные инвестиции. В число непеременимых условий включены: наличие уставного фонда предприятия размером не менее 10 млн. долл. США, экспортирование не менее 80% оплат за услуги в иностранной валюте, осуществление инвестиций в районах с неблагоприятными природными и социально-экономическими условиями. Кроме того, в особых случаях, когда может потребоваться свежий приток инвестиций, налог на прибыль снижается до 14-10%, предприятие освобождается от налога на прибыль на срок до 4 лет или ему гарантируется снижение налога вдвое на тот же срок. Если полученная прибыль используется для рефинансирования, соответствующая часть оплаченного налога возвращается плательщикам.

После уплаты налога на прибыль СП вносит 5% от остатка прибыли в резервный фонд предприятия.

В соответствии с последним вьетнамским законодательством иностранные партнеры уплачивают специальный налог за пользование земельными, водными и морскими площадями, а в случае добычи полезных ископаемых - налог за использование природных ресурсов.

Прибыль иностранных хозяйственных организаций и частных лиц может быть переведена за границу при условии уплаты налога в размере 5%, если доля иностранных организаций и частных лиц превышает 50% уставного фонда или суммарная стоимость инвестиций составляет более 10 млн. долл. США. Во всех остальных случаях уплачивается 10% от переводимой за границу прибыли.

При Совете министров СРВ создан Государственный комитет по сотрудничеству и инвестициям, в функции которого вошли управление и контроль за иностранными инвестициями в СРВ и вьетнамскими инвестициями за рубежом. В него вошли заместители председателей Государственного комитета планирования, Госкомитета по науке и технике, Министерства торговли как правопреемника Министерства внешнеэкономических связей, Министерства финансов и Госбанка. Комитет рассматривает и утверждает договоры о деловом сотрудничестве, об учреждении совместных предприятий, утверждает уставы предприятий, созданных с иностранным участием, а также оказывает содействие и дает консультации в процессе переговоров, решает вопросы о льготах, контролирует выполнение договоров о деловом сотрудничестве и т.д. Кроме того, Комитет осуществляет анализ хозяйственной деятельности предприятий с иностранными инвестициями.

Закон об иностранных инвестициях в дальнейшем был дополнен инструкциями, восполняющими его отдельные пробелы и уточняющие порядок учреждения предприятий при участии иностранных капиталов. В соответствии с одной из них разрешительные санкции городских властей распространялись на иностранные капиталы, не превышающие каждый в отдельности 5 млн. долл. При более высокой сумме необходимо разрешение центральных органов государственной власти.

В 1988 г. властями различных инстанций было выдано 37 лицензий на сумму 357 млн. долл. на организацию смешанных и частных предприятий. В одном только г.Хошимине были подписаны контракты на создание совместных предприятий с десятью иностранными фирмами, преимущественно из стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, начались переговоры еще с 30 компаниями. Таким образом, меры по привлечению в экономику иностранных капиталов, оказание заметных льгот тем из них, которые могут внести заметный вклад в развитие производительных сил, начали действовать. Участились деловые поездки в СРВ западных бизнесменов, повысилась заинтересованность в такого рода сотрудничестве со стороны Японии и Южной Кореи.

Иностранный капитал, привлеченный гарантиями и выгодными условиями, устремился прежде всего в легкую промышленность, отрасль с коротким сроком окупаемости, сборочное производство радиоэлектронной аппаратуры. Потенциальные инвесторы заинтересовались добычей и экспортом вьетнамского газа и сырой нефти, переработкой сельскохозяйственного сырья и некоторыми другими направлениями производственной деятельности. Вьетнам, как и многие другие развивающиеся страны: Гонконг, Сингапур, Тайвань и даже Монголия, - стал успешно сотрудничать с иностранными компаниями в сборке радиоэлектронной аппаратуры из готовых блоков и деталей. Вьетнаму на первых порах это оказалось выгодно: в результате повышается занятость самодостаточного населения, поступает прибыль, рабочие приобретают навыки работы с техникой высокого уровня, идет пропаганда вьетнамских товаров на мировом рынке.

В 1991 г. на основании Закона об иностранных инвестициях в СРВ были выданы лицензии уже на 364 проекта, общей стоимостью превышающей 2,6 млрд. долл. США. 76% этих средств предполагалось вложить в совместные предприятия. Общий объем иностранных инвестиций только за первое полугодие 1991 г. был равен объему за весь предшествующий 1990 г. До 1991 г. новый иностранный капитал в основном финансировал небольшие проекты, стоимость которых не превышала 1 млн. долл. Подавляющая часть их направлялась в отрасли, перерабатывающие сельхозсырье, в рыбное хозяйство (разведение креветок), гостиничное дело и, как указывалось выше, в производство некоторых видов потребительских товаров. Уже в 1990 г. возросла численность крупных проектов стоимостью в десятки миллионов долларов США. Капиталы стали поступать в сферу промышленного производства: в строительство нефтеперерабатывающего завода, предприятия строительной индустрии, объекты по добыче железной руды и т.д.

Иностранный капитал стал также привлекаться для стимулирования внешнеторговой деятельности. В 1989 г. в г.Хошимине был организован смешанный банк "Индовина", учредителями которого стали Сайгонский торгово-промышленный акционерный банк и индонезийская компания "Сума", с уставным капиталом 10 млн. долл. Банк выдает кредиты в валюте национальным предприятиям, производящим экспортные операции. Для привлечения средств вьетнамских эмигрантов за рубежом банк открыл филиал во Франции⁷.

Среди иностранных партнеров появились крупные фирмы и транснациональные компании. Достижения впечатляют, однако приток инвестиций в экономику Вьетнама может стать гораздо шире, если стране удастся в короткий срок преодолеть излишнюю бюрократизацию государственного аппарата, централизацию экономики, отсталую инфраструктуру. Большую роль может сыграть снятие экономического эмбарго США на сотрудничество с СРВ.

Валютная проблема. Повышение эффективности внешнеэкономических связей Вьетнама напрямую зависит от смягчения и ликвидации таких ее уязвимых мест, как несбалансированность экспорта и импорта и, тесно связанная с ней валютная проблема. Хронический недостаток валюты вызывает в развивающихся странах пагубные социально-экономические последствия: сокращает возможности приобретения за рубежом передовой техники и технологии, усугубляет задолженность странам-кредиторам, углубляет и обостряет инфляцию, больно ударяющую по населению. В СРВ долгое время поддерживался искусственно завышенный курс донга по отношению к переводному рублю и доллару. В этом усматривалась возможность сохранять на стабильно низком уровне внутренние цены, что усугубило неэффективность экспорта, привело к неполноценному использованию импорта, к иждивенческим настроениям в обществе. Такое положение не могло не вызвать стихийного возникновения черного рынка валюты, где она покупалась и продавалась по курсу, многократно превышающему официальный. Хронический дефицит валюты в СРВ обострился в связи с ее выходом на мировые рынки. Последние годы во Вьетнаме неоднократно проводилась девальвация донга - в соответствии

с реальной рыночной и экономической ситуацией. Начиная проведение денежной реформы в 1985 г. с изменения масштабов основной денежной единицы в пропорции 1:10 (10 старых донгов обменивались на 1 новый), правительство Вьетнама одновременно девальвировало донг на 92% по отношению к доллару.

Сейчас в СРВ многое делается для того, чтобы расширить старые и изыскать новые источники получения валюты. Выше уже говорилось о привлечении иностранных капиталов в экономику страны. Часть валютной выручки от прибыли предприятий с иностранным участием поступает государству. В целях интенсификации экспортного производства и повышения хозяйственной заинтересованности производители экспортной продукции, получившие выход на внешний рынок, были наделены правом распоряжаться частью своей валютной выручки для закупки оборудования, сырья и материалов. Выполнение предприятием плановых заданий по экспорту и валютным поступлениям давало предприятию до 10% чистого валютного дохода.

С 1980 г. в СРВ функционирует централизованный валютный фонд, созданный отраслевыми министерствами, производственными организациями и местными органами власти, которые реализовывали на внешнем рынке продукцию, произведенную сверх плана и помимо него. 10-30% валюты, которую давала такая реализация, поступала в этот фонд.

Подобный порядок формирования фонда оказался недостаточно эффективным. Главная причина заключалась в том, что валютный курс был далек от реального соотношения внутренних и мировых цен, что превращало экспортное производство в убыточное предприятие. Отчисления в переводных рублях не давали возможности превратить их в твердую валюту. Переводной рубль не существовал как реальная денежная единица, а использовался лишь в межгосударственных расчетах. Обладание переводным рублем ничего не давало самому производителю.

В 1988 г. в СРВ было принято Положение об управлении иностранной валютой. Согласно новому порядку, все субъекты хозяйственно-производственной деятельности, имеющие валютную выручку, обязаны перечислять ее на банковские счета, а определенную часть ее продавать в централизованный фонд государства. Нормы продажи были установлены следующие: на полезные ископаемые - 10% от выручки, на продукцию сельского и лесного хозяйства, морепродукты, изделия художественных промыслов - 40%.

По валютным счетам предприятиям стали выплачиваться проценты по ставкам, устанавливаемым государственным Центральным банком. Владельцам банковских валютных счетов было разрешено использовать валюту для погашения кредитов, при оплате импортируемых товаров и услуг. Валюту можно продать банку по текущему курсу. Банк осуществляет также продажу валюты организациям и гражданам для хозяйственной и производственной деятельности.

Все эти меры преследуют усиление централизованного управления аккумуляцией валюты и ее движением. Но поскольку разрыв между официальным, плавающим курсом и курсом черного рынка продолжает увеличиваться, а государство не располагает резервами валюты для поддержания обменного курса экономическими методами, положение об управлении иностранной валютой реализуется только частично. По оценочным данным, до 50% имеющейся в стране валюты находится в обращении помимо государственного банка. Очевидно, что владельцы валюты стараются уклониться от ее сдачи. По последним неофициальным данным, в 1992 г. цена 1 доллара на черном рынке подскочила до 7500 донгов при государственном курсе, едва превышающем 5000.

Для стабилизации курса иностранной валюты правительство Вьетнама продолжает изыскивать и другие, более быстрые способы, нежели повышение экспортного потенциала на базе реконструкции и модернизации производительных сил. В 1989 г. по указу Председателя Совета министров СРВ всем государственным, кооперативным и частным предприятиям и организациям

была разрешена свободная купля-продажа золота, серебра, других драгоценных металлов и камней и изделий из них. Вьетнам закупил в Гонконге 40 т золота. Велись переговоры с иностранными фирмами об организации поисков золота и золотодобычи.

Зоны свободного предпринимательства. В настоящее время в мировой практике широко распространена организация зон свободного предпринимательства - зоны свободной торговли, торгово-промышленные зоны, свободные таможенные зоны. Обычно их создание приводит к опережающему развитию районов размещения, делает их местом притяжения иностранного капитала. Жизненный уровень населения в таких зонах растет более быстрыми темпами по сравнению с другими регионами. Они привлекают также немалый приток рабочей силы, особенно молодежи, что делает их перспективными в плане широкого хозяйственного освоения. Вьетнам с его огромной территорией и широкой хозяйственной самостоятельностью административных единиц, видимо, считает для себя перспективным создать такие зоны. Во всяком случае, несколько лет назад было запланировано создание зоны свободной торговли в устье р. Сайгон. Для знакомства с опытом вьетнамские специалисты были командированы в Сингапур и Южную Корею. Но создание свободных зон продолжают сдерживать финансово-экономические факторы: слабость инфраструктуры, недостаток стимулов для иностранных инвесторов, острая нехватка собственных ресурсов для обустройства зон.

Создание благоприятных внутренних условий для диверсификации внешнеэкономических связей, выработка новой стратегии в области международного экономического сотрудничества, дали СРВ возможность расширять деловые контакты со многими странами Востока и Запада, превращать внешний фактор в важный стимул развития и модернизации производительных сил, подъема жизненного уровня населения, укрепления международного авторитета своего государства.

---

¹ Статистические данные. 1986-1991. - Ханой, 1992 (на вьет.яз.).

² Динь Куй До. Внешнеэкономическая политика: проблемы нового этапа // Вьетнам: поиски путей обновления: Сб. ст. - М., 1990. - С. 156-157.

³ Рассчитано нами по источникам.

⁴ По данным Института экономики КОН СРВ.

⁵ "Нгьен кьу кьинь те" - Ханой, 1991. - N 1. С. 15.

⁶ "Нгьен кьу кьинь те". - Ханой, 1991. - N 5. - С. 23.

⁷ Шефол Н. Внешнеторговые связи с несоциалистическими странами. - Вьетнам: поиски путей обновления. - С. 172.

РОТОБО - советчик и посредник деловых людей

© 1993

Д. Воронцов

Четверть века назад, в конце 60-х - начале 70-х годов, отмечался бурный рост советско-японской торговли. Во многом он был обусловлен перспективными договоренностями на состоявшемся в Токио в 1966 году первом Совещании японо-советского и советско-японского комитетов по экономическому сотрудничеству, давших импульс двусторонним компенсационным соглашениям по разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Уже в следующем году по инициативе нескольких влиятельных руководителей деловых кругов Японии, в том числе и Федерации экономических организаций (КЭЙДАНРЭН), была создана Ассоциация по торговле с Советским Союзом и социалистическими странами Восточной Европы, или кратко - СОТОБО. Направленность ее деятельности после распада Советского Союза осталась прежней, хотя в соответствии с политическими переменами изменилось название. Ассоциация стала называться РОТОБО - Японская ассоциация по торговле с Россией и Восточной Европой.

Сейчас в РОТОБО входят более 230 членов, области и масштабы деятельности которых заметно различаются. Среди членов Ассоциации крупные универсальные торговые компании (согосёся), в том числе ведущие - "Мицубиси Сёдзи", "Мицуй Буссан", "Марубени"; промышленные корпорации, например широко известные "Мацусита Дэнки", "Исикавадзима-Харима дзюкогё", "Тоёта"; коммерческие банки, предприятия различных отраслей промышленности, страховые компании, промышленные ассоциации, транспортные фирмы, органы местного самоуправления, средства массовой информации. Безусловно, для промышленных и торговых гигантов, типа согосёся, российское направление - лишь одно из многих направлений торговой и производственной деятельности, но для множества средних мелких фирм - членов РОТОБО Россия является основным, а подчас и единственным партнером.

Страны - контрагенты РОТОБО, это Россия и все другие государства, возникшие на территории бывшего СССР, Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Венгрия, Югославия, Словения, Хорватия, Албания, Монголия.

Говоря о направлениях деятельности Ассоциации по торговле с Россией и Восточной Европой, следует отметить следующее: в названии Ассоциации как на японском, так и на русском языке присутствует слово "торговля", что в условиях нынешней коммерческой волны, захлестнувшей и государственные, и частные предприятия, зачастую приводит к непониманию основных задач РОТОБО. Основная контора в Токио и, особенно, московское представительство получает множество устных и письменных коммерческих предложений, связанных с куплей-продажей тех или иных товаров. К сожалению, единственное, чем может помочь РОТОБО, - это дать адрес или телефон тех японских компаний, которые потенциально (но далеко не наверняка!) могли бы заинтересоваться данной оффертой. Причем информация будет основана не на маркетинговых исследованиях, а на сведениях, взятых из фирменных справочников, в принципе доступных серьезным российским компаниям. В основном, как и ожидалось, запросы касаются возможностей продать в Японию цветные металлы, лекарственное сырье, продукцию народных промыслов,

---

Воронцов Дмитрий Владимирович, кандидат экономических наук, экономист московского представительства Японской ассоциации по торговле с Россией и Восточной Европой (РОТОБО).

оригинальные знания и купить японские автомобили и бытовую технику.

Все подобные "коммерческие предложения" строятся чаще всего по стандартной схеме: "найдите нам делового партнера в Японии и получите процент от сделки". Хотелось бы дать совет таким предпринимателям: ведение дел с японскими компаниями требует глубоких знаний японской деловой этики, нередко весьма специфичной и имеющей мало общего с европейскими представлениями о бизнесе. В любом случае, при подготовке офферты японскому партнеру необходимо знать, кого и чем она может заинтересовать; а это, в свою очередь, предполагает кропотливую предварительную маркетинговую работу. Никто не станет исходя из личного интереса искать контрагента в другой японской фирме только потому, что об этом просит неизвестная российская компания. Выходить на японские фирмы нужно напрямую и, желательно, не по телефону, а посредством личной встречи, с помощью письма или, что еще лучше, по рекомендации другого, знающего вас, японского партнера.

Нужно также помнить, что экономика Японии не испытывает сколь-нибудь серьезной зависимости от торгово-экономических связей с Россией; не стоит преувеличивать и значение импортной зависимости Японии по энергоносителям и металлам. Чтобы завоевать доверие японского партнера, необходимо, чтобы ваш товар соответствовал ряду требований по схеме "качество - новизна - оригинальность - послепродажное обслуживание - условия поставки - упаковка - экологическая чистота - цена"; причем фактор цены стоит далеко не на первом месте. В свою очередь сам российский партнер должен быть надежным и не торопливым; критерием же надежности может служить только время. Еще и поэтому среди контрагентов японских компаний в России большинство - старые внешнеторговые объединения, другие "союзные" структуры.

К особенностям японских коммерческих структур, в том числе и тех, что базируются в Москве в качестве представительств торговых и производственных компаний, стоит отнести и практическое отсутствие некоей координированной политики действий на российском рынке, да и вообще сведений о том, какова конкретно номенклатура товаров, которой занимается данная фирма. Известно, конечно, что "Хонда" продает автомобили, а "Сони" - бытовую технику, но и только; а чем конкретно может заинтересоваться и, уж тем более, интересы каких производственных фирм представляет, скажем, торговый гигант Итою, кратко не скажут нигде, в том числе и в московском представительстве этой компании.

Что в этой связи еще можно посоветовать российским "первопроходцам" на японском рынке? Изучить фирменные каталоги (они издаются на английском языке); их можно просмотреть, к примеру, в Научно-исследовательском конъюнктурном институте МВЭС. Можно обратиться с запросом в соответствующую отраслевую промышленную ассоциацию, каждая из которых имеет собственные печатные издания в Японии, в Торгово-промышленную палату Японии. Наконец, в Японии, как и везде, есть специализированные консалтинговые фирмы, правда, такая работа, естественно, потребует издержек. Первоначальные же сведения о вышеперечисленных организациях можно получить и в московском офисе РОТОБО.

Вернемся к непосредственным функциям РОТОБО.

- 1) Сбор, анализ, публикация и распространение среди членов Ассоциации и в правительственных кругах информации об общей социально-экономической и политической ситуации в странах-объектах исследования, состоянии их экономики и внешнеэкономических связей, изменениях в руководящих структурах, производителях товаров и услуг.
- 2) Содействие участию японских предприятий в торговых ярмарках и выставках, проводимых главным образом в России.

- 3) Отправка японских ученых-экономистов, представителей правительственных кругов, технических специалистов в Россию и другие страны для участия в работе различных симпозиумов, семинаров, осмотрах предприятий и т.д. В последнее время основная часть подобных делегаций, или исследовательских групп направляется в страны СНГ, в первую очередь в Россию и государства Средней Азии совместно под эгидой Министерства внешней торговли и промышленности Японии (МВТП) и РОТОБО; цель таких миссий - содействие реализации технической и гуманитарной помощи со стороны Японии.
- 4) Прием из России и других стран делегаций ученых-экономистов и организация с их участием лекций для японских деловых кругов; прием групп стажеров.
- 5) Выполнение функций секретариата комитетов по экономическому сотрудничеству Японии с рядом стран Восточной Европы.

Штат РОТОБО невелик - всего около 30 человек. Ассоциация состоит из 3-х отделов - экономического сотрудничества, стран Восточной Европы и общего, Института исследований экономики России и Восточной Европы, представительства в Москве и контор в Саппоро, а также в Хабаровске. Высший орган управления РОТОБО - общее собрание, избирающее Правление директоров, где в свою очередь утверждается Президент Ассоциации. В настоящее время Президентом является Т.Яхиро - советник компании Мицуи Буссан. Оперативное управление осуществляют управляющий директор и постоянные директора.

Отдельные направления деятельности РОТОБО хотелось бы осветить подробнее. Традиционная сфера деятельности - это организация выставок в Москве, городах Дальнего Востока, государствах Средней Азии. РОТОБО обеспечивает участие в выставках японских компаний и ведет организационную работу с партнерами в местах проведения выставок; сюда входит и транспортная, экспедиторская работа. Среди последних крупных выставок, в организации которых приняло участие РОТОБО, можно назвать "КОНСУМЭКСПО-92", "Японская торгово-промышленная выставка-92", "Связь-93" в Москве. В последнее время Ассоциация начала проводить торгово-промышленные выставки в Средней Азии.

РОТОБО в течение ряда лет выполняет функции секретариата двусторонних экономических комитетов со странами Восточной Европы, например, японо-болгарского экономического комитета, японо-румынского экономического комитета, японо-монгольского экономического комитета. Напомним, что функции секретариата японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству выполняет упоминавшийся выше КЭЙДАНРЭН. Подобные комитеты - неправительственные, неформальные органы, заседания проводятся, как правило, 1 раз в 2 года; на них собираются представители деловых структур и обсуждают текущие проблемы двусторонних торговых отношений, инвестиционные проекты.

В последние годы, особенно после распада СССР, активизировалась работа РОТОБО еще в одном направлении - отправка в Россию и другие страны СНГ делегаций по линии оказания технической и гуманитарной помощи, решения о предоставлении которой принимались японским правительством в 1991-93 гг. Специфика статуса РОТОБО (некоммерческая организация, "общественное юридическое лицо", поддерживающее тесные связи с правительственными органами, в первую очередь с МВТП) обязывает зачастую выступать в роли агента правительства. Под эгидой РОТОБО в последние годы множество делегаций технических специалистов, исследовательских миссий посетило страны СНГ. Порядок освоения технической помощи значительно сложнее, чем техника реализации гуманитарной помощи. Последняя выражается в простых поставках потребительских товаров и медикаментов в торговую сеть. Техническая же помощь начинается с исследования японскими специалистами ситуации на местах, на предприятиях. Результаты анализа доводятся до сведения соответствующих руководящих органов, которые и принимают решения

относительно конкретных направлений помощи: обучение российских технических специалистов в Японии, командирование японских экспертов для консультаций в Россию, проведение совместных семинаров и так далее.

Как известно, Япония не столь активна, как страны Запада, в оказании помощи России. В 1991-93 гг. предоставлялись лишь относительно небольшие суммы в рамках технической и гуманитарной помощи. Кроме того, правительственные круги Японии считают, и не без оснований, что наличные деньги, будь они фактически подарены, будут быстро потрачены, "проедены", и вскоре о них забудут. Пусть это и трудно уяснить на обыденном уровне в стране, переживающей кризис, но значительно более эффективны инвестиции в знания, технологию. Лучше научить, как производить хорошие товары, чем поставлять уже готовые. Поэтому японская помощь, пусть и не столь заметна, но, видимо, более эффективна. Этого часто не могут, к сожалению, понять руководители многих предприятий, в том числе так называемых конверсионных, на которых бывали японские делегации по линии технической помощи. Там от них сразу требуют конкретных инвестиционных или коммерческих проектов, короче говоря, реальных денег, забывая о традиционной осторожности японцев. Бывает и обратная реакция: японские делегации принимают в кабинете директора завода и не показывают самого производства, ссылаясь на соображения коммерческой тайны. Но ведь в данном случае речь идет не о коммерции, а о технической помощи. Необходимо отличать миссии торговых компаний, которые ставят перед собой в виде цели прибыль, от делегаций, направляемых по линии правительства, ищущих сферы приложения государственной помощи. В России РОТОВО находит поддержку в деле реализации технической помощи в лице Госкомитета по промышленной политике, Министерства топлива и энергетики.

С другой стороны, оказывая помощь государствам бывшего СССР, японское правительство не занимается благотворительностью, не действует в ущерб своим национальным интересам. Это проявляется, например, в вопросах о страховании экспортных кредитов, предоставляемых японским Экспортно-импортным банком правительствам России, Казахстана, Украины и Беларуси. Условие предоставления кредитов на закупку продукции топливно-энергетического комплекса России, к примеру, состоит в обязательном открытии в 3-ей стране оффшорного счета типа escrow-accout, на находящийся на котором средства могло бы быть обращено залоговое требование японского кредитора. Часть обязанностей по проведению такой работы также лежит на РОТОВО.

Другая область, в которой Япония оказывает ощутимую поддержку России, это - малое и среднее предпринимательство. Специалисты ряда японских организаций, связанных с малым бизнесом, в частности, Управления малых и средних предприятий МВТП, в течение 1992-93 гг. провели ряд мероприятий по поддержке малых предприятий в России. Среди них: проведенные совместно с Государственным антимонопольным комитетом России семинары для российских бизнесменов как в России, так и в Японии, консультации японских специалистов непосредственно на предприятиях и в центрах поддержки малого и среднего бизнеса. Ассоциация РОТОВО принимает участие в этой работе.

После распада Советского Союза большое внимание японских деловых и правительственных кругов стала привлекать Средняя Азия. Некоторые из Среднеазиатских государств автоматически попали в разряд развивающихся, на которые распространяется официальная помощь развитию (ODA). Японское правительство приняло принципиальное решение о предоставлении ODA странам Средней Азии. Подготовительная работа по выяснению приоритетных направлений реализации помощи в значительной мере ложится на РОТОВО.

Средняя Азия, с которой у Японии нет территориальных споров и политическое положение в которой за исключением Таджикистана стабильнее, чем в России, а также Дальний Восток России - вот, пожалуй, на сегодня два самых привлекательных для Японии региона бывшего СССР. Значительно меньший интерес проявляется к государствам на западе бывшего СССР,

Кавказу, да и к России в той ее части, которая расположена между Центральным районом и Дальним Востоком.

Как указывалось выше, в составе РОТОБО есть Институт исследований экономики России и Восточной Европы. Институт организован недавно - в 1989 г., небольшой по числу сотрудников - 15 человек. Директор Института - известный японский ученый, директор Центра экономических исследований Х.Канамори. Институт готовит ряд изданий, посвященных экономике исследуемых стран - еженедельный оперативный вестник, ежемесячник и множество аналитических ежегодников. Основная их тематика - анализ законодательного регулирования экономики и внешнеэкономических связей, знакомство с регионами бывшего СССР, подробная статистика торговли Японии со странами-объектами исследований, изменения властных структур и новые персоналии в органах власти и т.д. В ежегодниках публикуется более глубокая информация научно-аналитического плана о тенденциях экономического развития России, стран СНГ и государств Восточной Европы.

Одна из основных проблем в деятельности Института - своевременное получение базовой информации для анализа. Сохраняющаяся несопоставимость статистических баз, принятых, соответственно, в Японии и в России; большие опоздания в публикации оперативной статистической информации; известные трудности с получением самой информации в России - все это осложняет работу института. Ежегодно в июне Институт РОТОБО организует совещания японских и российских экономистов в Москве с участием крупных ученых, экономистов-практиков с обеих сторон.

Безусловно, серьезного ускорения развития российско-японских торгово-экономических отношений трудно ожидать до тех пор, пока не будет прогресса в решении территориального спора, однако уже в настоящее время по мере продвижения российской экономики на пути к рынку растет и деловой интерес, и внимание правительственных кругов Японии к контактам с нашей страной. Четверть века назад на волне бурного роста японо-советской торговли родилась РОТОБО. Окончание "холодной войны" и политической конфронтации позволяет надеяться на развитие экономических связей между Россией и Японией на качественно новой основе. Эту надежду помогает претворять в жизнь РОТОБО.

Модернизация или вестернизация? (Специфика китайской школы)

© 1993

Н.Боревская

Понятие "западные учения" (сисюэ) возникло в Китае в XVII в. с появлением первых европейских религиозных миссий. Более тесное соприкосновение в середине XIX в. с научно-техническими достижениями Запада, его религией, философией, политической системой привело, как справедливо отмечала М.Бастид, к тому, что у китайской интеллигенции сформировались два восприятия, последовательно менявшие друг друга в разные периоды взаимоотношений Китая с внешним миром: опасение, что чуждая цивилизация чревата моральной деградацией и политическим закабалением, и стремление различить элементы чуждой культуры, усваивать наиболее полезные из них, способные обогатить китайскую цивилизацию.

Проводниками идей "западного образования" в Китае в разные эпохи были как официальные круги, так и оппозиционная интеллигенция, обращавшиеся соответственно к разным пластам и ценностям западной цивилизации.

С конца прошлого века для Китая начался период эффективного оплодотворения его собственных педагогических поисков передовыми идеями Европы, Америки, Японии. Заимствования стали не только частью общекультурного взаимодействия, но и политики "открытых дверей". Кан Ювэй, Лян Цичао, Тань Сытун противопоставили традиционной отечественной школе целый комплекс новаторских идей, обобщенных в понятие "западное" (или "новое") образование. Взаимозаменяемость терминов наталкивает на вывод о том, что модернизация на том этапе идентифицировалась с "вестернизацией". Сторонникам "открытой политики" Запад представлялся символом военной мощи, социального и технического прогресса, иными словами, наиболее привлекательной казалась материальная культура. Для модернизации, суть которой состояла в вызревании капитализма в чреве китайского общества, Китаю требовалась школа "реальная", дающая естественно-научные знания - в отличие от традиционного штудирования конфуцианских канонов и основ арифметики. С конца XIX в. появились учебные заведения, специально предназначенные для усвоения "западных наук" (иностранных языков и предметов естественно-научного цикла - физики, химии); по меткому определению той же М.Бастид, они выглядели "как бы аппендиксом традиционной системы без попыток интегрировать их в эту систему либо заменить какие-либо из ее функций"².

Миссионерские школы с чуждым и претендующим на всеобщность христианством порождали у китайцев стремление оградить свою духовную цивилизацию. Первые китайские пропагандисты технического прогресса еще пытались жестко разграничить естественно-научный (западный) и социально-политический (национальный) циклы в учебном процессе, опасаясь интервенции иной системы ценностей. Выдающийся реформатор Чжан Чжидун так трактовал основной тезис "национальные науки - основа, западные - польза", предложенный прозападной "группировкой самоусиления": "Китайская школа - для изучения китайских наук, западная - иностранных, первые врачуют душу,

Боревская Нина Ефимовна - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

последние нужны для познания мира"³.

Буржуазные реформаторы знакомились с западной педагогикой уже не только с помощью миссионеров, но и через многочисленные публикации и переводы, а некоторые - обучаясь в Европе, как Янь Фу. Это в корне меняло подход. Они также придавали огромное значение усвоению достижений европейской науки и техники, но сделали дальнейший шаг - осознали необходимость знакомить китайскую молодежь и с духовной жизнью этих стран, ибо начали рассматривать "западное образование" как инструмент интеллектуального и морального формирования "современного китайца". Кан Ювэй в основанном им в 1891 г. учебном заведении "Зал тысячи растений" соединил доселе не сочетавшиеся в китайской школе дисциплины: наряду с физико-математическим циклом - западно-европейскую философию. Лян Цицао утверждал, что овладение новой техникой потребует и людей иного мышления, именно поэтому он отстаивал важность изучения политических доктрин Запада, подчеркивал, что китайская школа должна воспитывать людей реформаторского мышления, умеющих управлять⁴.

Но не только Европа воздействовала на модернизацию образования. Не раз на протяжении истории Китай обращался и к опыту Японии; так, реформа учебных заведений 1902-1904 гг. структурно и содержательно воспроизвела японскую модель. Чжан Чжидун, готовивший эту реформу, стремился к формированию единой системы обучения от начальной ступени к высшей, которая отвечала бы требованиям новых политических и социальных институтов, и авторитарная японская система в тот момент показалась наиболее подходящей по многим причинам, очевидно, прежде всего в силу общности государственной идеологии - конфуцианства.

После Синьхайской революции 1911 г. и провозглашения Республики понятие модернизации расширилось. На первый план выдвинулись массовость школы и ее связь с жизнью. Введению в китайской школе с 1912 г. практических курсов земледелия и коммерции, отлаживанию сети инженерных училищ содействовала немецкая система образования с ее профессиональными училищами, идеями трудового воспитания, разрабатывавшимися крупнейшими педагогами Кершенштайнером, Наторпом, Ферстером, Гаудигом и др.

С середины 10-х годов призывы сломать конфуцианскую систему образования были дополнены не менее страстными лозунгами во славу "нового образования", основу которого составят "наука" и "демократия". "Демократичность", толкуемая как равенство шансов и массовость образования, расширила понятие модернизации школы и лежала в основе реформы 1912 г. Педагоги-реформаторы в своих работах убеждали, что при растущем разделении труда и конкуренции в современном обществе необходимо преодолеть замкнутость, отрыв образования от производства, от практики. С удвоенной силой зазвучали требования развивать индивидуальность, а для этого - вводить новую методику преподавания, учитывать природные данные учащихся.

Лучшие представители китайской интеллигенции проникались просветительскими и гуманистическими идеями европейской культуры XIX в., что поддерживало их в борьбе за гуманизацию отечественного образования. Традиционную школу нельзя было высвободить из пут схоластики и догматизма, не раскрепостив личность ребенка, а к этому можно было прийти, лишь отринув конфуцианскую идею воспитания человека как части общины (семьи, государства) и сделав ставку на пробуждение активной личности. Огромный вклад в этот процесс внес крупнейший педагог XX в. Цай Юаньпэй, многие годы учившийся и работавший в Германии и Франции.

На мощной волне борьбы за демократизацию общества после движения "4 мая" 1919 г. китайская прогрессивная интеллигенция устремила свои взоры на Францию с ее революционными традициями, Америку с ее новаторским прагматизмом, а затем - на Россию. "Такое видение социализма, которое утверждало благородство физического труда и подчеркивало более широкие возможности для всех в получении образования, связывало Ли Шичэна, Цай Юаньпэя, У Юйчжана и других с французскими лидерами социалистов Э.Эррио и М.Мутэ в осуществлении целой серии культурных и образовательных

проектов, кульминацией которых явился Китайско-французский университет", - отмечает канадский исследователь Р.Хэйхоу⁵. Во Франции китайских реформаторов особенно привлекала автономность университетов, а также система гражданского воспитания.

Идеи "массовой школы", пропагандировавшиеся китайской интеллигенцией с конца XIX в., после 1919 г. стали понемногу воплощаться в жизнь. Введение в учебных заведениях разговорного языка вместо мертвого литературного языка "вэньянь", ранее принятого в качестве официального, развернутая под руководством замечательных педагогов Тао Синчжи, Чэнь Хэцина, Янь Янчу, Хуан Яньпя и других кампания по созданию школ и учебников для "простолюдинов" были составной частью демократизации образования. Заметим, что все эти педагоги учились в Америке. Они же стали авторами собственных педагогических теорий, ставших в центр учебного процесса ребенка, его личность, индивидуальность. На фоне этих потребностей, порожденных самой китайской действительностью, весьма созвучной оказалась американская педагогика прагматизма Дж.Дьюи. "Массовая школа", готовящая практических работников, отвечала требованиям крепнувшей китайской буржуазии.

В 1922 г. Китай провел крупную реформу системы образования, подготовленную педагогами-теоретиками, на десятилетия определившую структуру китайского образования, - это был второй опыт имитации иностранной модели. Но если сроки обучения и ступени американской школы на китайской почве прижились, то целый ряд новшеств, нацеленных на индивидуализацию обучения, - Дальтон-план, метод проектов, факультативы, система баллов и тестирования, - не дали всходов, так и оставшись на уровне теоретических разработок и отдельных экспериментов.

Важно подчеркнуть, что реформы 1902 и 1912 гг., хотя готовились в том числе и свободомыслящими интеллектуалами, в целом инициировались правительством. Однако к 20-м годам часть китайской интеллигенции далеко опережала реформаторские возможности правительства и общества в целом. Она стала требовать не больше, ни меньше как независимости системы образования от политики правительства, воспитания более свободной личности. Именно эти черты американской модели вызвали сильное противодействие в китайском обществе, и реформу 1922 г. интеллигенты-реформаторы протаскили вопреки намерениям правительства.

Заемствования иностранной модели в Китае всякий раз были направлены на то, чтобы облегчить внедрение принципиально новой системы образования, т. е. ее модернизацию, однако целостный организм национальной цивилизации отторгал инородные тела. Даже примеривание японской модели многие деятели просвещения 20-х годов расценили как "стремление надеть иностранный убор на китайскую голову"⁶. Копирование же американской модели вызвало возмущение тем, что якобы "современные китайские педагоги проявляют сильную склонность к тому, чтобы воспринять методы Запада, не думая о той опасности, которую влечет за собой полное и слепое подражание"⁷. В то же время верной представляется мысль о том, что реформы, скажем, первой четверти века "не были навязаны ... иностранными державами, ...скорее китайцы искали и востребовали их по собственной инициативе"⁸.

С 20-х годов педагогические эксперименты велись в двух направлениях: собственная прагматистская педагогика, вскормленная американскими образцами, и социалистические течения, питаемые советским опытом. Последние теоретически обобщил для Китая известный педагог Ян Сяньцзян. Практическое воплощение они нашли в первой половине 30-х годов в нескольких контролируемых коммунистами "советских районах", где, несмотря на блокадные условия, предпринимались попытки создать единую школу, осуществить бесплатное всеобщее десятилетнее обучение в тех масштабах, которые могли быть достигнуты в условиях гражданской войны. В противовес этому многие китайские деятели образования, в частности Сюй Тели, полагали, что Китаю не подходит модель индустриальных стран, например, СССР с его единой системой образования городского типа, ему необходимы разнообразные

по форме школы, в том числе и ориентированные на отсталые сельские районы. Эта концепция была тесно увязана с политической доктриной "новой демократии".

В 50-е годы, когда "модернизация" КНР прочитывалась как социалистическая индустриализация, в стране формировалась единая сеть государственных регулярных школ. В стране, разорванной войнами на клочки, роль цемента для школьной реформы 1951 года сыграла советская модель. Определенные ее моменты, по-моему, удачно вписались в китайскую действительность тех лет: это и централизация системы образования (как противовес послевоенному хаосу), и создание профилированных вузов, а в области педагогики - система дипломных проектов, производственная практика. В данном случае, как когда-то с Японией, заимствование модели облегчалось идеологической общностью, ориентацией обеих школ на масштабность, массовость. По сей день в Китае есть множество сторонников той точки зрения, что "слепое копирование советской модели" нанесло значительный урон, автору же ближе та позиция, что использование централизованной модели в образовании, как и в экономике, было жизненно необходимо на том отрезке истории. Советская модель школы использовалась как орудие против "вестернизации", опасность которой виделась в остатках миссионерских и просто частных учебных заведений.

60-70-е годы были в какой-то мере похожи на 30-40-е стремлением Китая явить миру собственную оригинальную систему образования, отличную от всех, действовавших в мире, но в отрезанной от мира "закрытой" стране, без серьезных теоретических разработок в области педагогики, а лишь в контексте идеологической борьбы эти попытки оказались неудачными.

Выдвинутый в 80-е годы лозунг "четырёх модернизаций" способствовал обращению китайских педагогов к общемировым ценностям современного образования в его интернациональном значении. Это немедленно вызвало бурную реакцию в обществе - дискуссии о том, насколько применим этот термин к Китаю, с какого периода вести его отсчет (рубеж XIX-XX вв., движение "4 мая" 1919 г., рождение КНР или 80-е годы), как "современное образование" соотносится с традиционным. В 80-е годы ряд положений "современного образования" довольно быстро получил поддержку руководства страны и внедрялся в практику официальными органами образования, начиная с Государственного комитета. Речь идет об опережающем развитии образования по отношению к экономическому росту, об "открытости" этой системы, расширении "непрерывного образования", новом сочетании обучения с производственным трудом (развитии профессионального образования), компьютеризации обучения.

Потенциальные возможности модернизации в последнее десятилетие значительно сдерживал классовый подход многих руководителей ведомств к вопросу о характере той или иной образовательной системы и соответственно о делении образования на этапы. Они не согласны с терминами "современное образование", "современное образование", так как считают, что, раз они не соотносятся с конкретным социальным строем, то тем самым стирается грань между капитализмом и социализмом. Достаточно типично мнение одного из руководителей Государственного комитета КНР по образованию о том, что характер образования определяется социальным строем и что все педагогические исследования периода социализма должны осуществляться только под руководством идей Мао Цзэдуна и марксизма-ленинизма⁹. Принципиально иная позиция у ряда известных педагогов-теоретиков, согласно которой тесные взаимоотношения между наукой, техникой, образованием и производством характерны и для социализма, и для капитализма (но не для традиционного общества), при том, что процесс отделения образования и от науки, техники и от производства продолжается. Иными словами, современное образование отличается ряд черт, независимых от социального строя¹⁰.

Изменилось и содержание термина "модернизация": если с 50-х годов модернизация образования, как и общества в целом, фактически измерялась показателями простого количественного роста, то с 80-х годов китайское

руководство взяло на вооружение понятие "наивысшей эффективности" как основного показателя модернизации. Оно, безусловно, было заимствовано у Запада. В частности, немецкий ученый Ю.Хензе, специалист по проблемам образования в Китае, подчеркивал, что в стране было много сторонников чисто технократического подхода к пониманию "эффективности", в то время как есть еще и моральный аспект. Эффективность - это и сбалансированность развития, принцип приоритетности. С 80-х годов в Китае критерии эффективности вводятся при оценке деятельности учебных заведений, они в значительной мере заимствованы и приближаются к критериям, разработанным ЮНЕСКО, и дополняются новыми показателями, рекомендуемыми Всемирным банком, в частности такими, как коэффициенты эффективности функционирования университетской системы (коэффициент использования педагогических кадров, учебных площадей, районирование вузов), а также жесткой системой оценок, дающих полную картину состояния системы образования. На 90-е годы Китай заметил повысить эффективность высшего образования, углубить дифференциацию вузов в зависимости от специализации и типа, выделить первую сотню вузов, которым предстоит выйти на мировые рубежи. Но это таит и определенную опасность, ибо если ранжирование вузов будет осуществляться на основе традиционных критериев, то приоритеты получат лишь престижные вузы развитых районов, и они, как доказывает Ю.Хензе, не всегда наиболее эффективны. Китай прислушивается к рекомендациям Всемирного банка о повышении эффективности образовательной системы (уменьшение распыления ресурсов, причиной которого может стать второгодничество и отсев учащихся), эффективности ее функционирования в обществе (больше соответствие продукции системы образования запросам рынка труда и т.п.). Соображениями эффективности продиктована и такая особенность китайской образовательной стратегии, как иерархия учебных заведений, формирование региональных моделей (ОЭЗ, относительно развитые и крайне отсталые районы).

Впервые в истории Китай приступил к выработке долгосрочной стратегии развития образования с учетом требований XXI в. На выбор стратегии образования в Китае 90-х годов оказало влияние несколько факторов: вызов, предъявленный научно-техническим прогрессом в мире; демографическое давление в стране; ориентация на демократизацию политической жизни; специфические факторы экономического развития (переход на рельсы рыночной экономики при преобладании ручного труда и мелкого промышленного производства, ограниченность финансовых средств, и т.д.). В политическом плане выбор стратегии образования должен стать гарантом политической стабильности общества, а в экономическом - рациональное использование ограниченных ресурсов будет способствовать достижению как немедленного, так и долгосрочного эффекта. Суть этой стратегии может быть сформулирована в нескольких постулатах: умеренные темпы развития, разнообразие форм и типов учебных заведений, выработка оптимальной структуры системы в целом. Принципиальное значение имеет новая формулировка цели образования: вместо обслуживания политики (классовой борьбы прежде всего), как в 50-70-е годы, или экономического строительства, как в 80-е, на первое место в 90-е годы вышло "повышение качественного уровня нации" - задача, которую ставил еще Ян Цичао в начале века. В нынешних условиях такая формулировка означает отказ от традиционной "погоны за продвижением по ступеням школы" в пользу модели всеобщего базового образования. Отсюда первостепенной становится задача повсеместного его распространения.

Особенность взаимодействия Китая с мировой педагогикой с 80-х годов состоит в том, что он, во-первых, не копирует школу какой-либо одной страны, а изучает и заимствует разные стороны мирового опыта. Во-вторых, использование зарубежного опыта, хотя и не обходится без ошибок, тем не менее вводится после предварительного анализа педагогами-теоретиками сначала как эксперимент. В-третьих, Китай, как правило, варьирует зарубежные идеи, приспособляя их к особенностям своего нынешнего этапа развития и традициям. Из ошибок прошлого Китай прочно усвоил, что система образования каждой страны тесно связана с ее политикой, экономикой,

культурой, поэтому произвольные "вливания" обычно лишь вредят. В 90-е годы предполагается перенять лишь то, что соответствует "социалистической системе образования начального периода социализма, имеющей китайскую специфику и обращенной к XXI веку". Отсюда достаточно осторожное отношение к педагогике индустриально развитых, а особенно капиталистических стран.

Заемствования в прошлом научили Китай необходимости учить стартонные возможности реформ. Если западные страны в 60-70-е годы проходили этап продления сроков обязательного образования, превращения среднего образования в массовое, даже всеобщее, то Китай, несмотря на многочисленные потуги предыдущих десятилетий, лишь в 1986 г. принял Закон о всеобщем обязательном девятилетнем образовании, которое будет вводиться по районам и растянется еще на несколько десятилетий XXI века. В 1992/93 учебном году в начальной школе КНР обучалось 97,9% детей школьного возраста, причем 82,5% всех учеников посещало сельскую школу.

Есть у китайских реформ и другие стартонные отличия от западноевропейских - если в Европе и Америке в 60-70-е годы ставились задачи сближения различных иерархических типов общеобразовательных школ, наблюдалось некоторое укрепление центростремительных тенденций, а в 80-е годы - стремление обеспечить всех единым достаточно высоким уровнем общеобразовательной подготовки, то Китай, решая одновременно задачи этих двух этапов, идет от школы единой, крайне централизованной - к разнотипной с более широкими правами на местах. Очевидно, этот шаг необходим и неизбежен перед последующей в более далеком будущем некой универсальностью школ, но уже на иной качественной основе.

У Китая есть сегодня то преимущество, что на основе зарубежного опыта он может учесть и негативные последствия децентрализации и разнотипности учебных заведений. Философы образования в КНР особенно озабочены углубляющимся разрывом между концепцией и теорией современной науки и соответствующими понятиями базового образования, что вызывает настоятельную необходимость систематизированно привести структуру учебных планов и содержания обучения в соответствие с требованиями науки.

В документах XIV съезда КПК перед образованием поставлена задача содействовать превращению научно-технических достижений в товар, в реальную производительную силу¹¹, что в свою очередь приведет к неизбежному пересмотру ряда педагогических концепций. В частности, новый импульс получила дискуссия о роли современного образования. Теперь его специфичность видится в том, что оно не только воспроизводит науку и технику, но и создает новые производительные силы, новую науку и технику. К такому выводу почти единодушно пришли участники дискуссии, развернувшейся на страницах журнала "Педагогические исследования"¹². Этот процесс касается прежде всего высшего образования. Поэтому превращение вуза в единый учебно-научно-производственный комплекс, выявление его научного потенциала вышли в 1992/93 гг. на первый план.

Предложенная ЦК КПК и Госсоветом КНР вскоре после XIV съезда КПК "Программа реформы и развития образования в Китае" подтвердила, что модернизация образования в 90-е годы предполагает серьезные структурные изменения внутри системы образования и вовне - во взаимоотношениях образования и общества. В документе говорится о необходимости "увеличивать открытость системы образования, международный обмен и сотрудничество, впитывать и заимствовать успешный опыт разных стран по развитию и управлению образованием"¹³. Речь идет о переходе от государственной к государственно-общественной системе, при которой общественные силы и организации наряду с правительством создают учебные заведения и участвуют в управлении ими. Меняются функции правительства по отношению к учебным заведениям - от непосредственного административного управления оно переходит к макроуправлению на основе законодательства, финансирования и планирования, информационного обеспечения, политического руководства и необходимых административных мер. Меняется система управления образованием и ответственности за создание школ и вузов: она становится

двухуровневой - центр и провинции (а также автономные районы и города центрального подчинения). Более широкие права по созданию, управлению, финансированию учебных заведений передаются в уезды и волости, что позволяет сделать систему образования более демократичной, гибкой и приспособленной к местным экономическим нуждам. Подобная децентрализация, безусловно, может содействовать прогрессу, если удастся избежать традиционного для Китая дублирования функций центра и периферии, выработать четкое законодательство, регулирующее их взаимоотношения. Если здесь китайские теоретики пытаются опереться на опыт антияпонской войны, то следующий необходимый шаг подлинной модернизации - автономия учебных заведений - представляется Китаю явным продуктом Запада и с трудом пробивает себе дорогу (можно вспомнить краткую и неудачную попытку Нанкинского правительства в 1927 г. создать университетские округа по французскому образцу). Тем не менее, несмотря на то что внедрение системы ответственности директоров (без контроля парткомов), приостановленное после 1989 г., вновь пробивает себе дорогу во всех учебных заведениях, кроме высших, есть надежда на то, что права вузов, постепенно расширяющиеся с 80-х годов, будут значительно увеличены - эта тенденция четко прослеживается особенно после XIV съезда КПК. В дополнение к полученным в 80-е годы правам (увеличивать на установленные квоты прием студентов сверх государственного плана - по контракту либо за свой счет) приоритетные вузы получают новые: корректировать планы приема; в рамках существующей номенклатуры специальностей самим определять узкую специализацию; если позволяют условия, на 5% увеличивать ежегодную квоту принимаемых по контракту либо за свой счет (как студентов, так и аспирантов); создавать свои научные подразделения и определять их штатное расписание, повышать плату за обучение, решать вопросы использования как бюджетных средств, так и внебюджетных поступлений и многое другое. В качестве основных путей реформы управления назывались следующие: создание и использование различных структур управления для разных подразделений - учебных, научных, хозяйственных.

Китай приходит к осознанию того, что только самостоятельность учебных заведений в принятии решений по ряду насущных вопросов их внутренней жизни (это особенно касается вузов) может обеспечить выявление их потенциала в учебной и научной деятельности. Но автономия университетов - это продукт западной цивилизации. Канадский ученый Р.Хэйхоу отмечает, что даже "традиционные "шюань" с их духом академической свободы в отличие от европейских университетов, не обладали групповой автономией". Тем не менее, несмотря на довольно жесткий идеологический контроль, для развития автономии китайского вуза сегодня есть и объективные предпосылки - в последние годы многие вузы КНР получают до трети средств через контракты с предприятиями и учреждениями и чисто коммерческую деятельность.

Выявить резервы, активизировать научный и творческий потенциал вузов невозможно без проведения реформы управления внутри вузов, это значит сочетать систему ответственности с системой контрактов, отменить уравниловку в зарплате преподавателей и сотрудников, дать право на свободное перемещение преподавательских кадров, что невозможно без осуществления реформы всей системы занятости и заработной платы.

Модернизация китайской системы образования в 80-90-е годы носит достаточно общий характер - это переход от системы жесткого государственного регулирования в условиях единой плановой экономики к обслуживанию различных секторов рыночной экономики. Этот процесс можно назвать "вестернизацией" только в том смысле, что системы образования ряда западных стран действуют в таком же режиме, и в этом смысле "модернизация" совпадает с "вестернизацией". Тем не менее нельзя отрицать, что конкретные воплощения тех или иных направлений реформ - будь то содержание взаимоотношений центра и периферии, система ответственности директоров и т.п. - осуществляется в достаточно традиционных формах. И самое трудное для Китая,

вероятно, модернизировать эти конкретные формы, не утратив национальных традиций.

Нельзя не согласиться с теми китайскими педагогами, которые видят необходимость сочетать модернизацию с национальными культурными традициями, но также несомненна и необходимость не механического повторения, а критического усвоения этих традиций. Интересны и плодотворны попытки ряда китайских ученых рассмотреть перемены в области образования не только в контексте экономических и социальных реформ, но и подойти к ним с позиций философии, психологии и других наук. Что касается психологии, то, скажем, при осуществлении в Китае такой общей для современного образования тенденции, как переход от предметного обучения к комплексному в новых учебных планах следует учитывать синкретичность китайского национального мышления. Усвоение современных научных знаний идет по пути "от анализа к синтезу", но если второй преобладает в китайской традиции, то первый является ее слабым местом⁵. Учитывая это, многие китайские педагоги советуют воспитывать у учащихся разносторонние интересы, закладывать основы различных дисциплин, расширять круг знаний, вводить, особенно в вузах, факультативы, сочетающие гуманитарные и естественные дисциплины, но при этом обращать серьезное внимание на систематизацию знаний, рационализацию их структуры. Например, сейчас во всех специальностях используется математический аппарат, прикладная математика, а китайскому мышлению как раз не хватает диалектики, систематизирования, строгой логики, возникают сложности с использованием системы доказательств и составных умозаключений, а пока ни средняя, ни высшая школа в Китае, по собственному признанию китайских педагогов, не учат, как сделать математику орудием, как использовать математические методы в других дисциплинах. Поэтому достаточно специфичная задача именно китайской школы - воспитание и развитие навыков абстрактного мышления, умения анализировать проблемы, преодолеть начетническое механическое заучивание.

Общая для современного образования проблема сочетания теории и практики в условиях, когда переход от первой ко второй становится все короче, также имеет в Китае национальную окраску, связанную с тем, что в Китае традиционно уважалась теория, книжные знания и не уделялось внимание воспитанию конкретных практических технических навыков. Сегодня в отличие от прошлых десятилетий в китайской школе делаются попытки придать трудовой деятельности творческий характер.

Современное образование в западных странах прошло несколько этапов - от акцентирования естественно-научных знаний к осознанию необходимости усвоения их в комплексе с гуманитарными дисциплинами. В Китае этот процесс также имеет некоторую национальную специфику в связи с тем, что в Китае традиционно почитались гуманитарные знания. Пытаясь в последние десятилетия сделать значительный акцент на естественно-научном цикле в учебных заведениях начальной и средней ступени, Китай еще не нашел эффективных методов сохранения традиционного воспитательного воздействия через гуманитарные дисциплины, хотя в новых учебных программах предполагаются и комплексные дисциплины, и "скрытые" программы.

В Китае до сих пор отсутствует целостная система подготовки кадров для передовых технологий. Это касается как техников и рабочих среднего звена, так и высококвалифицированных специалистов и техников. Их подготовка на технических факультетах не похожа ни на американскую систему, при которой общая широкая вузовская подготовка дополняется инженерными навыками на производстве, ни на немецкую, когда формирование инженера полностью завершается на этапе вуза. По мнению той же Р.Хэйхоу, Китай проявил заинтересованность в определенных моделях высшей школы: английских политехнических и открытых университетах; американских педагогических вузах, исследовательских институтах и колледжах для взрослых; немецких высших школах и технических училищах; французской высшей, особенно сельскохозяйственной, школе; японском высшем инженерном образовании⁶.

Китай сегодня осознает, что профессионально-техническое образование является важнейшей частью современного образования. Определенные тенденции развития образования США, ФРГ, Англии, Франции, Японии, а также бывшего СССР представляются Китаю весьма плодотворными, особенно на более ранних этапах, скажем, в 60-е годы. Так, Китай начал развивать систему, наряду с основными, краткосрочных факультетов, а также краткосрочных узкопрофилированных вузов типа колледжей. Быстро распространяется профессионально-техническое обучение (там насчитывается уже 46,7% от общего количества учащихся 10-12-х классов) хотя в Китае осознают, что индустриальные страны уже прошли пик его развития и ныне озабочены укреплением общеобразовательной школы, а КНР еще предстоит завершить формирование мощной системы профессионально-технического образования.

Не все "заморские" семена удачно проросли на китайской почве. Так, в начале 80-х годов школы под давлением общественного мнения, расценившего эти эксперименты как антидемократические, отказались от разделения учащихся на потоки в зависимости от способностей. К середине прошлого десятилетия выявились трудности с использованием системы баллов (зачетов) в вузах. Введя ее в качестве эксперимента, работники просвещения в КНР пытались эту систему сочетать с обучением по семестрам (т. е. баллы набирались не за весь курс, а по годам обучения). Однако в условиях планового распределения система баллов теряет часть своей эффективности. Постоянно расширяя использование факультативов (в новых учебных программах они составляют около 10% в неполных и 25% в полных средних школах), Китай в отличие от ряда западных стран счел необходимым наряду с выборными ввести и обязательные факультативы.

Отдельные, хотя и весьма существенные, стороны современного образования сталкиваются с определенными трудностями в КНР. Речь идет прежде всего о демократизации, которая в широком понимании подразумевает кроме равных шансов на образование и расширение прав и автономии учебных заведений, активное участие и контроль общественности за их деятельностью. Но уже сегодня наиболее дальновидные китайские теоретики осознают, что "воспитать в учащихся такие политические качества, как независимость, дух равенства, свободы, гражданственности" можно лишь через "демократизацию образования (его содержания, системы, методов)"¹⁷. Именно эта сторона модернизации - демократизация - чаще всего связывается в Китае с негативно воспринимаемой "вестернизацией". Так обстоит дело с центральным, пожалуй, признаком современного образования - ориентацией педагогики на воспитание личности, раскрытие индивидуальности. Лучшие умы Китая на протяжении столетия пытались прорастить этот цветок на китайской почве. Напомним, что если в период Синьхайской революции передовая часть китайского общества боролась за "права народа" (миньцюань), то к 20-м годам был выдвинут тезис о "правах личности" (жэньцюань)* - так оценивают тенденцию сегодня¹⁸. Однако после 1949 г., считают китайские ученые, из-за существования различных уклонов Китаю так и не удалось "своевременно перейти от педагогики передачи знаний к педагогике удовлетворения потребностей человека и общества"¹⁹.

80-е годы дали в Китае небывалый взлет индивидуализации обучения. Тут и известные на Западе пути отбора и поощрения талантов, и факультативы, и разделение учащихся в старших классах на потоки - гуманитарный и естественно-научный и т.п. Особенно ярко дифференцированный подход практиковался в вузах - это и индивидуальные учебные планы, и свободное посещение занятий, и уже упоминавшаяся система зачетов.

Однако именно пересорентация учебного процесса на личность вызвала жесткую борьбу мнений. К концу 80-х годов она вылилась в дискуссию между сторонниками дальнейшей индивидуализации обучения как актуального для

---

* В 1924 г. выдающийся деятель просвещения Цзян Мэйлин писал: "Современный китаец есть личность и гражданин, а не просто член семьи"²⁰.

всех стран требования времени и теми, кто углядел в этом процессе "штучки западной буржуазии". Профессор Гу Минъюань писал по этому поводу: "Некоторые смешивают развитие индивидуальности с ростом индивидуализма, это большая ошибка"²¹. Безусловно верна его мысль о том, что китайская школа с ее прежней ориентацией, где "индивидуальность убивалась, талант подавлялся", не сможет подготовить кадры для товарной экономики и научно-технического прогресса, ибо для этого нужны не послушные исполнители чужой воли, а люди гибкого ума, с творческой жилкой, дерзновенные, способные на нестандартные решения, имеющие чувство индивидуальной ответственности, не боящиеся риска, организованные, упорные. Если некоторые из этих качеств традиционно присутствуют в характере китайца, то других либо недостает, либо они прямо противоположны²². Таков сегодня ответ на извечный вопрос, как сформировать "современного китайца", не раз обсуждавшийся в стране на протяжении века, - напомним требование Лян Цицао воспитывать людей реформаторского мышления, и Чэнь Хэцина, одной из примет "современного китайца" считавшего деятельную натуру, - как видим, круг замкнулся.

Китайские противники индивидуализации, как правило, ссылаются на негативные стороны западного образа жизни и культуры индустриального общества - эгоцентризм, отчуждение - и подчеркивают, что на всех международных педагогических конгрессах звучат призывы к преодолению индивидуализма и воспитанию гражданского ответственности, иными словами, наблюдается процесс движения от личного к общественному. Однако необходимо учитывать, что в Европе и Америке в силу различия в культурно-философской традиции и уровнях экономического развития путь вычленения личности из массы уже пройден и необходим новый виток спирали - преодоление крайних форм индивидуализма с помощью воспитания. Перед Китаем же сегодня стоит иная задача, он еще далеко не прошел путь утверждения индивидуальности, были лишь отдельные попытки на протяжении всего XX в., Поэтому некорректна терминологическая путаница "индивидуальности" с "индивидуализмом", сознательно или нет допускаемая некоторыми китайскими учеными, а кроме того, в этом споре необходим исторический подход.

Изначальная несовместимость европейских и дальневосточных философских учений, казалось бы, должна смягчаться в современном мире, однако именно гуманитарный аспект порождает в Китае наиболее ожесточенные споры "западников" и "почвенников". Существуют крайние позиции: одни изображают традиционные этические учения в виде чудовищ, "способных лишь заглотнуть плоды товарной экономики и всей современной цивилизации" и похоронить их в своем чреве²³. На другом полюсе - те, кто видит причину всех провалов в области образования в отрыве от двух "славных вершин" - традиционного и революционного образования, в основании которых лежали такие добродетели, как "трудолюбие", "упорство в преодолении трудностей", "преданность государству", "сыновнее послушание", "безразличие к славе и богатству", а также "забвение личного во имя общественного".

Иными словами, опять проблема взаимоотношения человека и государства, "прав человека". В официальной позиции социалистической характер образования и национальная культура выставляются как щит против "буржуазной либерализации". Образно говоря, открывая окно во внешний мир, многие в Китае предлагают, как сформулировал заместитель председателя Государственного комитета по образованию Хо Дунчан²⁴, завешивать его сеткой от мух и москитов. Пожалуй, самой большой "мухой" казалась идея независимой суверенной личности.

Защита от проникновения "чуждой" идеологии в ходе модернизации вставала и перед другими традиционными обществами Востока, в частности Тайванем, Южной Кореей, которые в качестве нравственного щита выставляли конфуцианство. КНР уповает помимо традиционных ценностей на "социалистическую нравственность". Однако сегодня КНР не собирается повторять ситуацию, когда все, что в социалистическом образовании было общим с буржуазным, критиковали, уничтожали, в результате чего оно фактически смыкалось со старым, т.е. традиционным образованием. Как

представляется, упоминающий об этом педагог-теоретик Чэн Юсин здраво оговаривает, что современное образование в полном значении этого термина может появиться лишь в высокоразвитом обществе, поскольку неразрывно связано с такими понятиями, как рыночная экономика, НТР, демократия, правовое государство²⁵. Именно последние два показателя внушают одним тревогу, а другим надежду. Китай, находясь на "начальном этапе строительства социализма", в 80-е годы лишь приступил к "современному образованию".

Итак, грозит ли Китаю в ходе модернизации образования его вестернизация? Думается, что нет, если расценивать последнюю как слепое следование западным образцам. И еще раз нет, если вести речь о системе ценностей западной педагогики, ориентированной на личность, - тут Китаю предстоит долгий путь. Ученые ряда стран отмечают, что современное образование носит интернациональный характер, хотя склонны считать, что в основе его лежат черты школы индустриальных стран Запада, которые ушли вперед по пути научно-технического прогресса.

В то же время некоторые философы и педагоги разных стран, в том числе и китайские, например специалист в области философии образования Сан Синминь, высказывают мнение о том, что западная цивилизация в целом, особенно культура и образование, прошли вершины своего развития и клонятся к закату, и вот тут-то животворным источником для них могут стать восточные традиции и учения, для педагогики, в частности, - теория познания²⁶. Китаю еще предстоит диалектически оценить свою систему традиционного воспитания и обучения, такие ее черты, как дух коллективизма, прочный союз учителя и ученика, и прочее. Педагогические традиции Востока, синтезируясь с идеями западной педагогики, несомненно, дадут ценнейший сплав, который обогатит педагогическую мысль XXI в., поэтому стоит поразмыслить, не ждет ли западную педагогику "истернизация". Впрочем, это уже другая тема.

---

1. China's education and the Industrialized World. - N.Y./L. 1989. - P. 5.

2. Op. cit. - P. 8.

3. Цзяоюй пукань. - 1984. - N 3. - С. 62.

4. Чжунго цзяоюй ши (История китайского образования). - Пекин. - 1987. - С. 383.

5. China's education... - P. 109.

6. Фу Баочэнь. Сельское начальное образование. // Вестник Азии. - Харбин, 1926. - Кн. 53. - С. 1.

7. Там же. - С. 28.

8. China's education.... - P.10.

9. Цзяоюй яньцзю. - 1992. - N 1. - С. 3-5.

10. Ли Исчнь. Сяньдай цзяоюй-ды юаньли (Принципы современного образования). - Пекин, 1989.

11. Жэньминь жибао. - 1992. - 14 октября.

12. Цзяоюй яньцзю. - 1992. - N 4. - С. 3-8.

13. Жэньминь жибао - 1993. - 27 февраля.

14. R.Наухо. China's Universities and Western Academic Models. In: "From Independence to Autonomy. The Development of Asian Universities". Kluwer, 1989, p. 31.

15. Цзяоюй яньцзю. - 1992. - N 2. - С. 73-76.

16. R.Наухо. Op. cit. P. 53.

17. Цзяоюй яньцзю. - 1989. - N 8. - С. 9.

18. Цзяоюй яньцзю. - 1989. - N 6. - С. 6.

19. Гуанмин жибао. - 1989. - 16 января.

20. Цит. по: М.П.Ершов. Современный Китай и европейская культура. - Харбин. - 1931. - С. 10.

21. Цзяоюй яньцзю. - 1989. - N 6. - С. 5.

22. Там же. - 1992. - N 2. - С. 76.

23. Там же. - 1989. - N 8. - С. 9.

24. "Ляоан" (зарубежное издание), N 34, 21.08.1989, С. 15.

25. Цзяоюй яньцзю. - 1988. - N 5. - С. 17.

26. Гаодэн шифань яньцзю. - 1990. - N 3. - С. 7.

Экология литературного героя (Ван Мэн, Цань Сюэ, Те Нин)

© 1993

С. Торонцев

Природа и город, две огромные сферы человеческого существования, весьма часто соприкасаются в современной китайской литературе. Это не удивительно, если вспомнить о традиционном китайском мышлении; человек и мир его бытия неделимы, лишь условно разграничены сферы единой цельности всего сущего. Классическая поэзия дает обилие примеров даосско-буддийского взаимопроникновения человека и природы, несколько реже - человека и города, символически обозначившего всю рукотворную цивилизацию, в идеале стремившуюся гармонизироваться с нерукотворной. Естественный и урбанизированный ландшафты должны были через человека соединяться в цельность мироздания.

В современной прозе, создающейся в активно урбанизирующемся, наступающем на природу мире, природа и город оказываются в таком противопоставлении, которое достигает уровня столкновения двух враждебных друг другу цивилизаций, а между ними мечется человек, то угнетенно маленький, то гипертрофированно огромный, в зависимости от субъективной авторской задачи или "социального заказа". Он чужд и городу, и природе.

Жажда природы

Ощущая свою раздвоенность, нарушенную цельность, предельность, современный :удожественный персонаж ищет в природе восстановления гармонии и бесконечности. Рассказ "Слушая море" Ван Мэн начинается прямым авторским обращением к читателям, суетному городу ("знаю, знаю, как замоганы мои читатели. Будильник поднимает вас в шесть..."), противопоставляя ему душевное отдохновение на природе - в "несусветной дали", "где-то за морями-небесами".

Лишь там раскрывается личность, если, конечно, она сформировалась или сохранилась. Намек на это писатель дает употребляя множественное число, когда говорит о горожанах, и единственное, когда из безликого городского муравейника выделяет индивида, еще не утратившего способность воспринимать натуральную гармонию.

Это качество дано не всем. Рисую постояльцев прибрежного пансионата, иронически переходя с этажа на этаж, из номера в номер, автор (персонализированный в статусе "Я") лишь своего главного героя наделяет рудиментарной способностью "слушать мошек" (они "звякают, будто махонький колокольчик у ворот...", каждая мошка тянет свое, на что-то надеясь, о чем-то печалась"), "слушать волны" ("будто он вновь, запеленутый, лежит в люльке"), ощущать свет луны ("легкое прикосновение, сдержанное возбуждение, пробегающее по телу, даже какое-то давление - словно бы лунного луча").

Ощущения эти даны слепому старику, который противопоставлен суетным картежникам, упоенным собой влюбленным, беспечным выпивохам и обжорам, самовлюбленным пловцам. Лишь у этого слепца, своим недугом вырванного из агрессивной урбанистической цивилизации, которая угнетает его, в итоге общения с природой "распрямылись морщины души". Слепец - изгой города, он как бы сливается с естеством предвечного, тогда как социально полноценный человек отъединен от природы и связан с ней лишь своей деятельностью. Но этого в тексте как раз и нет: природа выступает только в созерцательном качестве.

Торонцев Сергей Аркадьевич - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Высокопоставленный номенклатурщик из повести Ван Мэна "Гладь озера", пережив смерть жены, собственную болезнь, операцию, драматический уход на пенсию, пытается утишить внутренние бури на берегах прекрасного озера Сиху, но жизнь постоянно втягивает его в мелкую суетность бытия. Ему, было, показалось, что посреди хаотической социальности он осознал предельность существования, которое может быть заполнено лишь обретением Шести гармоний (подъемом на знаменитую пагоду с таким названием), что означает в данном случае соприкосновение не с конкретным (и конечным) творением человеческих рук, а с вечным, лишь проявленным через человека. Увы - "мир вокруг него то погружался во тьму, то высветлялся, расплывался и вновь возникал", и он очнулся уже в госпитале, вернувшись мыслью в привычную урбаничность.

Невозможность природы

Герой "Глади озера", не достигший гармонии на пленере, не одинок в современной китайской прозе. Гибельное воздействие города, маргинализирующее человека, столь глубоко, что лишь наиболее цельные натуры сохраняют в этой ситуации первозданную чистоту и гармонию. Основная же масса людей утрачивает связь с природой и остается один на один с наступающим безжалостным городом, лишь мечтая о покое, но не достигая его даже на умиротворяющем ландшафте, ибо несет город в себе.

Довольно откровенно эта мысль реализуется в двух рассказах Ван Мэна - "Грезы о море" и, чуть менее отчетливо, в "Весенних голосах". Они воспринимаются как две части целого - некой короткой повести.

В "Весенних голосах" герой едет в поезде из города в провинциальные места детства; в "Грезах о море" он выходит на перрон отдаленной станции. Поезд несет в себе суетность города, его рациональные связи, утомительную логичность, подчиняющую ритуальность. Это ощущается в рассказе через общее настроение samozамкнутости вагона и передается чисто стилистическими средствами, например, назывным перечислением предметов и событий, внешне оторванных одно от другого, но связанных логикой цивилизационной принадлежности: "Свободный рынок. Универмаг. ...Пампушки с бараниной. Омлет с рисом... Производственные задания по группам. Заготовка лука..." Это - то, чем город без разбора наполняет человека, вытесняя и минимизируя его природную сущность.

Само движение подчеркнуто оппозиционно покою, как дисгармония, отгороженность, бессвязность, разрушающие цельности. Связь с окружающими - функциональна (пассажиры одного вагона), бессистемна и, как кажется, легко может быть разорвана. Юэ Чжифэн постепенно настраивается на обретение покоя на "родном северо-западном плато". В его воспоминаниях - природные объекты или те, что в природу органично вписаны: огромный куст сирени на серой черепице крыши ("словно снег, словно яшма, словно вспененная волна"), изумрудный листок ивы, свистулька, вспугивающая "двух крохотулк - желтеньких иволг".

И все же горожанину уже не раствориться полностью в природе, какая-то частица Юэ Чжифэна навсегда остается в уходящем по непреложным рельсам поезде.

Прямо об этом - вторая часть "короткой повести" - рассказ "Грезы о море". Его герой из "духоты, суеты, бестолковости купе" попадает в свежесть, покой, аромат изумрудной хвои, дарующий душе чистоту и возвышенность. Он приехал в приморский пансионат, чтобы отойти от трагизма только что завершившейся "культурной революции", замкнувшей его в тюрьму, лишив голубого неба. Вся жизнь он мечтал о свободной стихии моря. Но оказалось, что город произвел в нем необратимые изменения, и он уже недостоин моря. "Такого огромного, распахнувшего ему объятия, такого преданного, так горячо встретившего его. При-ди, при-ди - зывали волны, накатываясь на песчаный берег...И тогда он решил: пора уезжать".

Нет, Мяо Кэань не разочаровался в стихии. Он просто понял, что опоздал. Море прекрасно, но - лишь для тех, чья душа еще гармонизирована природой. "А что там за звуки? Шлеп-шлеп... Не волна, не прибой, похоже, руки бьют по воде... Ого, гляди-ка, эти двое уплыли довольно далеко, они плывут к той светлой линии, где смыкаются вода и небо, - он сам не раз устремлялся к ней, но так и не отважился достичь". Его идеология ориентирована на иные базисные ценности.

Апокалиптическая природа

Ван Мэн осознает недостижимость идеала и все же, отдавая дань романтизированным устремлениям юности (50-е годы), оставляет какую-то, пусть призрачную, пусть "за кадром", но надежду на некий переворот, который вдруг материализует грезу. Писатели же типа Цань Сюэ смотрят на мир, можно сказать, эсхатологически.

В прозе Цань Сюэ "за кадром" оказывается наоборот сам город: его нет как фона действия. Но он - всюду. Он заполнил душу человека. Все разрушено, разорвано, из нагромождения обломков не выбраться, и даже природа, в которой пребывают персонажи Цань Сюэ, отделена от них, не раскрывает умиротворяющих объятий, наоборот, пронизана апокалиптическими настроениями.

Проза Цань Сюэ - сновидческая. Четкой грани, однако, нет, и чаще всего трудно, невозможно определить, что есть действительность, что есть сон, существует ли вообще действительность, не есть ли она лишь сон. Но ясно одно: лирическое "Я" (в этом статусе выступает героиня прозы Цань Сюэ) и природная гармония находятся в разных плоскостях. И там, где пребывает "Я", нет гармонии, а там, где гармония есть (или видится, грезится), там "Я" отсутствует и, вероятно, никогда туда не попадет. Все эти цветущие дуга, синие небеса, сиюющие осы и даже ослепительные льды (покой белизны) - все это в итоге оказывается призраком, видением. Пусть даже мы назовем это действительностью - на самом деле это мираж.

Там же, где находится "Я", - там засуха, "земля постепенно лишается зеленого", трескается почва, колеблется под ногами, исходит угрожающими пузырями. Засуха, переходящая из рассказа в рассказ, - это уже художественная деталь, нагруженная определенным, ярко выраженным символическим смыслом. Так в реальной китайской истории из года в год повторялись засухи и наводнения, дестабилизируя климат и общество. "Засуха" Цань Сюэ символизирует грубо отчужденную среду, которая отторгает от себя человека, не желает сливаться с ним в гармоническом единстве, порождает "засуху" в истомленной душе.

Ситуации в прозе Цань Сюэ экстремальны. Человек находится на пределе сил, терпения, ожидания, в нем еще не угасли воспоминания-видения о колодцах, наполненных водой, он еще выходит на поиск пчел, хотя уже понимает, что "это бред", что колодец завален камнями, с гор ринулся яростный сель; он еще грезит лижиной меж корней шелковицы, но уже начинает осознавать, что давняя, ушедшая греза стала недостижимой. Преображению души мог бы помочь аромат клубероз, но "они растут в местах, которых не существует".

Герои ("Я" и "Ты") разрываются между покоем, которого жаждут, и движением, к которому их влечет неведомая сила. Покой - принадлежность природы, движение - сущность города. Эти два состояния взаимоуничтожающе противопоставлены друг другу, как гармония и дисгармония, как цельность и раздробленность, как жизнь и смерть. Цель героев - встреча друг с другом, то есть соединение разорванного, и обрести это возможно лишь длительным, упорным ожиданием на одном месте, которое подразумевается, как точка соединения двух линий движения, - она прекращает это движение, превращая его в покой. О своем ожидании они все время говорят, как о чем-то реальном, уже умевшем место в прошлом, но на самом деле это миф, поскольку ирреальны, выдуманы все встречи созданием "Я". В раздробленной душе не

существует гармонии, и поэтому "Я" безостановочно движется, безуспешно пытаюсь соединить разрозненное, найти Его (себя, свое второе "Я", утраченную половину, которой недостает для цельности), устранить губительное двойничество, понять, что "ты и есть он, а я - та женщина на берегу, на маяке, в лодке, на отмели, разморенной полуденным зноем, в сумеречной роще пахучих дерев гуйхуа". Кстати, всему апокалиптическому настрою созвучна символика цвета. В реальности, где происходят основные действия, практически отсутствует свет, белый цвет. Это преимущественно ночь, тьма, затемненная или плохо освещенная комната. Видения же залиты солнцем, слепящим глаза, они выстраиваются из сверкающего льда, в них присутствует яркое небо, отсвечивающая вода, разнообразные источники света. А ведь в китайской традиционной символике белый цвет апеллирует к "пустоте", - той труднодостижимой целостности, путь к которой лежит лишь через гармонизацию внутреннего состояния человека, что невозможно в ночи, атомизирующей предметы.

Эсхатология города

Оппозиция город-природа может рассматриваться и в категориях конечного-вечного, где дискретен именно город, тяготеющий к рационализированной логике, нарушая привычную сенсорику, но даже и логику прерывающий абсурдными разрывами смысла, совершенно дегармонизирующими и дегуманизирующими бытие.

У Ван Мэна в рассказе "Взгляд в ночь" (в московском сборнике "Современная китайская проза", 1988, ему дан произвольный заголовок "Ночью в большом городе", уничтожающий авторскую символику) присутствует как раз этот тезис. Рассказ начинается с разом вспыхивающих фонарей, которые, "как два сверкающих потока", озаряют улицы города, куда в командировку прибывает Чэнь Гао. Несколькоими страницами позже выясняется, что такая освещенность - не более, чем декорация; чуть в сторонке герой окунается во тьму, которую не в силах прорезать одинокая лампочка на покосившемся столбе ("кроваво-красный глаз отвратительного чудовища"), и он, спотыкаясь, падает в грязную канаву. Все то же самое, что и в его отдаленной провинции, где на улицах "зажигался едва каждый третий фонарь, да и то лишь на несколько вечеров в месяц".

В таких местах руки у человека становятся холодными и жесткими, глаза - "плоскими желтоватыми стекляшками", а сам он отторгается от среды путем превращений (человек - крыса), не фиксирующих какой-то один постоянный облик. Здесь я имею в виду уже Цань Сюэ, где встречается урбанизированный ландшафт, начисто убивающий чувство как основу целостного непосредственного восприятия. Даже дом, который привычно считать прибежищем человека, у Цань Сюэ дробит мир, в нем возведены преградостены, и лишь в проемы окон и дверей порой являются мистифицированные "промельки", как, например, гипертрофированно громадный Буйвол, обозначаемый местоимением, не приложимым к живым существам (по-русски приблизительно "Оно"). Это что-то вроде Несбывшегося А.Грина, которое где-то проносится недостижимое.

У Ван Мэна, менее апокалиптического, чем Цань Сюэ, дом еще наполняется коврами и диванами, создающими уют, точнее, его видимость (на телеэкране), но уже за стенами дома жизнь дробится на куски (сюжеты телехроники, которые видит герой рассказа "Зимние пересуды"). Город, хотя и не столь губелен для человека, не пожирает, но надвигается угрожающе и выталкивает его. "Отказался город от нее, шестнадцатилетней", - цитирую рассказ "Воздушный змей и лента". Мечты летят над городом в виде воздушного змея в сневидении; он отряхнул прах города и воспарил над ним. Именно с этим символом связано обретение героями-влюбленными друг друга, их духовное единение (воссоздание цельности), тогда как в среде улиц и домов их постоянно подстерегают неприятные сюрпризы.

В особых отношениях с городом находится "культурная революция", феномен отнюдь не природный, а порожденный урбанистической цивилизацией - той ее частью, которая ориентирована на разрушение, разрыв связей, крушение целостности, дегармонизацию и дегуманизацию. Это не просто неприродное явление, но - антиприродное. "Культурная революция" несет гибель, разрушение, и это - функция города, его неотторжимая эсхатологичность как для себя самого, так и для обреченной природы, как для личности, так и для группы, нивелирующей личность.

В повести Ван Мэна "Компривет" индивид пытается противостоять насилию группы, саморазрушающей на составляющие ее частицы. В другой его повести "Чалый" счетовод Цао Цяньли, репрессированный "культурной революцией", обретает себя, лишь поднявшись в горы от поселения у их подножия, где переживает гражданскую смерть и лишь огромным усилием воли избегает личностного распада. Урбанистическая цивилизация "подножия" лихорадит время, обрывает его, останавливает; в нетронутых же горах время течет плавно и беспредельно. Поселение - грозный знак грядущей гибели той цивилизационной целостности, которая еще сохранилась в горах, где обитают люди, слившиеся с естественной Землей.

Цао Цяньли не спасается в горах, а лишь навещает их на время и затем спускается обратно вниз. Он вынужден так поступить в силу определенных социально-политических условий. Наличие выбора еще не гарантирует свободы выбора. Он предопределен; социализированный индивид вынужден делать его в пользу города, губящего его.

Город иллюзий

Иным встает город в прозе Те Нин - "долженствующий" город иллюзий, внешне обрисованный вполне в духе "исполнения социального заказа", даже не навязанного, а искреннего, личного.

В рассказе "По улицам и переулкам" город продуманно выверен, его улицы "не слишком просторные, но и не узкие", дома с приятными для глаза красноватыми стенами, ворота с мелодичными звонками, а за воротами - тихие дворики. Одна беда - обитатели этих домов оторваны друг от друга. Но беда эта поправима, ибо существуют априорно проложенные каналы связи - улицы, по которым ежедневно мчится на своем старом мотоцикле разносчик телеграмм Ню Сяоу. Он "начинал осознавать, что занимает в этом большом городе, центре провинции, место, значение которого принизить невозможно: тысячько нитей накрепко связан он с согражданами".

Функция Ню Сяоу - оптимизировать человеческое сообщество города, устанавливать связи между обитателями, гармонизировать всю эту массу, создавать и поддерживать целостность. В "бытийность" каждой семьи он вносит общую для всех ритуальность, соединяет разорванные элементы в единое коммуникативное пространство, частные временные измерения, различающиеся у его клиентов, вводит в общегосударственное время.

К финалу рассказа идеал достигает наивысшей точки развития. Если в начале повествования Ню Сяоу видел в своих клиентах безликую массу, лишенную индивидуального содержания (они отличались лишь знаками его маршрута, но не своими имманентными качествами, то в заключительном эпизоде задумывается о них уже, как о личностях - вне связи со своей функцией. В общем для всех пространстве, обретя общее время, каждый из них оказывается наполненным все же локальным содержанием, своим бытием. Это идеальный вариант гармонии человеческой природы с ее культурным оформлением в урбанизированном ландшафте.

Такой иллюзорный город, однако, не характерен для той части современной китайской литературы, в которой пейзаж - девственный или урбанизированный - не только фон действия, а наделяется активными по отношению к герою психологическими характеристиками.

Единство человека и среды, к которому традиционно стремится китайский менталитет, в современных условиях, как показывает литература КНР, труднодостижимо, а, может быть, и недостижимо вовсе. Отделение же человека от среды оказывает губительное воздействие на его душевное состояние, лишая воцеленной целостности и покоя. Нравственность "природного человека" формируется гармоничностью природных отношений, отрыв от естественности деформирует нравственность.

Экология человека в современном Китае, судя по национальной художественной прозе, апокалиптична.

Портретная идеализация в культурах Запада и Востока

© 1993

О. Городецкая

Такое явление, как идеализированный портрет, встречается во многих культурах. Естественно желание человека - запечатлеть себя лучше, чем на самом деле. И, кстати, часто случается, что художник не стремится препарировать людские пороки, а игнорирует их, изображает людей совершенными.

Идеализация в портрете всегда связана с отображением внешности более благоприятной, нежели в натуре. Однако вопрос о том, что в человеческом облике связывать с понятием благоприятности в разных культурах решался по-разному. Говорить о портрете в данном случае мы будем очень узко: лишь о том, в котором наиболее значимым элементом является лицо. Именно так представляет этот жанр европейское искусствознание¹.

Наши культурные праотцы греки в отличие от нас не питали особого почтения к человеческому лицу, не наделяли его какой-либо сверхприродой и не связывали с ним понятие идеала. В классических греческих статуях лицо или, вернее, голова трактовалась как равноправная пластическая единица фигуры в целом. И даже так называемые портретные гермы с начертанными именами изображенных (по форме - голова на постаменте, причем голова, в которой все части правильны и гармонично соразмерны) нельзя называть идеализированными портретами. Они были условными обозначениями конкретных людей и принципиально не имели никакого отношения к их реальной внешности и к тому же занимали очень небольшое место в классическом греческом искусстве, настолько, что многие фундаментальные исследования даже не касаются их проблематики.

Лишь в эллинизме, а затем в римской культуре в качестве результата индивидуалистического мировосприятия возник портрет и стал одним из основных видов искусства. Однако римские художники никогда не идеализировали лица своих современников. Сейчас, глядя на бюсты Тиберия, Каракаллы, Юлии Домны, Требония Галла и др., мы удивляемся не скрытой художниками жестокости, подозрительности, сластолюбия, самодовольства и даже порой дегенеративности "божественных", сами же римляне об этом не думали. Понятие индивидуальной души, стремящейся к внутреннему самосовершенствованию, к освобождению от греховных начал с целью приобщения к божественной сущности, понимание лица как откровения души возникли позже. К тому же римским цезарям для утверждения своей божественности не нужно было маскироваться в кротких благодетелей. Ничто, кроме дворцовых интриг и проявлений Судьбы, не мешало их свосволию. Поэтому и в задачу портретиста также не входило сокрытие душевных пороков; наоборот, целью было максимально приблизить копию к божественному оригиналу.

Хотя в Риме был немало развит индивидуальный портрет - бюст, тем не менее, как и в Греции, преклонения перед лицом человеческим не было. Культивировалось тело - тело сильное, молодое, с идеальными пропорциями - божественное. Уподобить богу значило представить в облики божественного тела. Сочетание почти натуралистически вылепленного лица с обнаженным, иногда драпированным, телом Аполлона, Зевса и Геракла - таков идеализирующий, обожеествляющий портрет Великой Империи. Понятие благоприятной внешности в нем связывалось не с лицом, но с телом.

В эпоху неоклассицизма пытались и в Европе создавать подобные статуи, например статуя императора Наполеона, но они выглядели дико и не смогли прижиться в условиях нашей культуры, построенной на христианстве, ибо, согласно христианской догматике, тело обладает отнюдь не божественным, а исключительно греховным, низменным началом. Лицо же, будучи отражением божественной природы, ему противопоставлено.

Такое понимание более всего отразилось на искусстве восточно-христианского мира: византийском, сербском, болгарском, русском. Под портретом здесь следует понимать не только изображения императорских семей, которые иногда встречаются в соборах (Юстиниан, Лев X - в Константинопольской Софии, Ярослав Мудрый - в Софии Киевской и т.д.), но и по сути весь комплекс восточно-христианской живописи. Изображения отцов церкви, святых мучеников, апостолов и пророков, да и самого Сына Божия обладают портретной индивидуальностью и вполне могут быть рассмотрены в качестве своего рода исторических или фантастических идеальных портретов, в которых главным является лицо. Не случайно в медиевистике принято, описывая восточно-христианский образ, разделять его на лицо и доличности. Кстати, эти термины с тем же успехом применяются и в описаниях русских светских портретов XVII - начала XVIII вв., так называемых парсунов.

По христианской религии лицо не только выражает духовную сущность, бога в душе, но и само божественно по природе. Изображенный лик божий принято считать его воплощением, знаком присутствия. Поэтому личное письмо в христианстве обладает большим сакральным смыслом. Благоприятным же принято считать то лицо, которое отражает душу кроткую, но сильную в вере, сосредоточившуюся помыслами на делах небесных, на спасении, несущую миру свет святого милосердия и праведного смирения.

Оригинальным было отношение к человеческому лицу и телу в предтече восточно-христианской культуры - в культуре Древнего Египта, и, в первую очередь, Древнего Мемфиса (XXVIII - XXIII вв. до н.э.) Предложенное Г.Масперо деление целостной культуры Египта на две субкультуры - мемфисскую и фиванскую представляется весьма рациональным¹. Египетские статуи изначально применялись наряду с мумиями в качестве пластических двойников человеческого тела, предназначенных для вечной жизни в царстве Осириса. Они замуровывались в гробницы и были сокрыты от людских глаз. Портрет человека, а статуи были портретны, предназначался для него самого, для его бессмертной ипостаси "Ка" - двойник, "я", увиденное извне, зрительное впечатление от человека, изображение. Согласно концепции, "Ка" не могло полноценно существовать, не имея телесного пристанища (изображения). Поэтому лишить человека гробницы и разбить статую было страшнее, чем убить его самого. Работа же скульптора была по существу священнодействием. Если бог Пта, воплощая воспринятую им из хаоса идею вечной вселенной, создал тела богов "по желанию их сердца", "из всякого дерева, из всякого камня, из всякой глины"⁴, то скульптор создавал каменные и деревянные тела людей, долженствующих переселиться в божественный мир вечности.

Поскольку "Ка" нуждалось в полноценном теле, человек всегда изображался целиком, и ни одна из частей по существу не имела особой привилегии, в том числе и лицо, однако оно, будучи оптимальным носителем внешней индивидуальности, служило ориентиром для опознания "Ка". (Другим таким ориентиром служило имя - "рен" - также бессмертная субстанция души). Кроме того, сакральным смыслом наделялись глаза любого изображения, ибо через них вселялась душа-"Ба" - в отличие от "Ка" - это "я сам", мои мысли, моя суть. Глаза открывали путь человеку в вечность, оказывались связующими звеньями между жизнью, смертью и "западным" загробным воскрешением.

Создавая статую, предназначенную для благоденствия в ином мире, художник не просто копировал тело, но изменял его, корректировал, улучшал для вечности, согласуясь с желаниями прообраза, при этом немало внимание уделялось и лицу. Поэтому мемфисский портрет также можно считать условно одним из вариантов идеализированного портрета. Понятие благоприятной внешности в нем связывалось с приспособленностью для бытия "Ка" и для вечного благоденствия человека в царстве Осириса. Правда, сами египтяне по отношению к своим изображениям не применяли термина "идеализация". Это было конструирование на вечные времена.

Древнемемфисский портрет - явление совсем иное, нежели портрет средиземноморской античности.

Во-первых, будучи сокрыт от глаз людских, он не выполнял репрезентативной функции, не стремился наглядно утвердить человека перед обществом. В Египте в отличие от Рима вся репрезентация была направлена на мир инобытия.

Во-вторых, римский портрет как явление светского искусства создавался в связи с конкретной исторической ситуацией, в расчете на современного заказчика. Мемфисский же создавался вне времени, как независимая вечная форма.

В-третьих, любое портретное произведение по существу есть расширение границ индивидуального бытия во времени и пространстве. С этой точки зрения, для римлянина первичным было пространство - достижение прижизненной славы, дабы знали о нем во всех уголках Великой Империи. Портреты цезарей в виде бюстов, камей, отчеканенные на монетах, распространялись широко за пределами физического бытования изображенных, однако нередко разбивались и переплавлялись почти сразу после гибели "божественного", особенно в тех случаях, когда он не удавалось такого титула. Для египтянина, если он не бог и не фараон, что есть одно, пространство бытия его портретов, иногда даже единственного, могло быть ограничено тесной погребальной камерой, и весь пафос направлен не вширь, но в вечность, на преодоление границ не тела, но времени.

Эрвин Панофский, подойдя к данной проблеме с иных позиций, не акцентируя внимания на проблеме портретности, произвел анализ древних образов скульптуры, связанных с заупокойным культом, и метко определил египетское погребальное искусство как направленное жить в будущем в отличие от греческого, повествующего о жизни прошлой.

И, наконец, последнее отличие: античный портрет человека изображал, египетский - служил ему двойником, мыслился как полноценное воплощение. Статуя и живой человек по существу идентичны.

Впрочем, в иных случаях римские портретные статуи тоже играли роль воплощения: перед ними свершали жертвоприношения в честь их прообраза, или же, наоборот, свергали их, громили, мстя, стремясь уничтожить всякую тень и всякую память.

К совсем иному результату приводит сопоставление древнемемфисского портрета и восточно-христианского. Несмотря на различные истоки, у них немало общего.

Во-первых, в Египте "Ка" существовало в конкретном облике и ему были знакомы чувственные начала плоти, оно принимало пищу с жертвенного стола и было во многом подобно земному человеку. Поэтому статуи "Ка" пластичны и жизненны. Египетский мастер отнюдь не был лишен способности чувственного восприятия природы, в основном лица, но иногда и тела (искусство периода У династии Древнего царства - XXVI - XXV вв. до н.э.). Однако статуя предназначалась для жизни сакральной и вечной, поэтому земное и конкретное сочеталось с отвлеченным и возвышенным, чувственное и эмоциональное трансформировалось в духовное. Мимика, настроения, эмоции - явления временные, а житель Западного (загробного) мира уже вне времени, он неизменен. Аналогично и византийское искусство, будучи преемником римского, никогда до конца не отказывалось от чувственной пластичности, однако стремилось ее одухотворить и возвысить, переплавить земное в небесное, духовное и надличностное.

Во-вторых, в восточно-христианском, и древнемемфисском искусства просветленные, это язык культур, нашедших выход, спасение от сумрака земного мира.

И, наконец, в-третьих: древнеегипетская статуя по идее есть живой организм, созданный для жизни, и он обладает немалой внутренней энергией, которая с наибольшей силой воплощена в глазах. Великой сверхъестественной энергией светятся лики христианских святых, ибо лик есть дух, знак присутствия.

Однако есть одно принципиальное отличие: энергия египетских статуй не выплескивается вовне, а сосредоточивается внутри, она предназначена не для

живущих людей, но лишь для самого себя, умершего. Христианские лики созданы специально для живущих, они изливают божественный свет на молящихся. Согласно египетской вере, дух входит в глаза, даруя вечное бытие индивидуальному "я", а по христианской - он струится из глаз, изливается вовне, наделяя божественным знанием все человечество.

Несколько иным становится портрет на следующем, более длительном этапе развития египетской цивилизации - фиванском. Функции нетленного тела в основном отошли к мумии, портретные же статуи, а также бурно развивающиеся рельеф и живопись расширили свое предназначение.

Рождство египетской и христианской культур имеет глубинные исторические корни и в плане религиозно-философской преемственности, и в плане прямых заимствований различных форм искусства. Так, например, предтечей византийской иконы считается позднеегипетский так называемый фаюмский портрет.

В египетской и в исшедших из Египта иудейской и христианской цивилизациях человек есть или, как в первой и последней из перечисленных, образ Бога, проявление Его, или, как во второй и в последней - существо, созданное по образу и подобию Всевышнего. Христианство, признав Сына Человеческого Иисуса Христа живым воплощением Бога, как бы совместило исходное древнеегипетское и исшедшее древнееврейское представления.

Культура Западной Европы нового времени в своем отношении к личности, к лицу и телу совмещает, в свою очередь, христианский подход с античным. Это непосредственно отражается в языковых терминах. Для обозначения человеческой индивидуальности применяются слова "персона", генетически восходящее к понятию лица, а также "фигура", т. е. форма тела. Однако, если слово "персона" (или русское "личность") может употребляться для обозначения человеческой индивидуальности одинаково и в рассуждениях окружающих, и в собственных размышлениях человека о себе, иными словами, оно применимо и для описания человека снаружи, и для самовыражения изнутри, то термин "фигура" соответствует лишь восприятию человеческой сущности со стороны - окружающими людьми, обществом: "крупная", "значительная", "яркая", "страшная фигура" и т.п. Таким образом, если слово "лицо", или "персона", универсально и может описывать как общественную значимость, так и внутреннюю сущность человека, то слово "фигура" способно выражать только общественную значимость или его в восприятии общества. Такая дифференциация понятий практически напрямую отразилась на европейском портретном искусстве: официальный парадный портрет чаще представлял человека в рост целиком, а интимный и психологический - в основном ограничивался изображением лица.

Идеализированный западно-европейский портрет в отличие от восточно-христианского или египетского, по своему характеру светский, связан не с религией, а с проблемой репрезентации человека перед обществом. Благоприятная внешность для европейца - это обаяние, привлекательность для окружающих, следование светской моде, принятым в обществе эстетическим идеалам, у которых нет единой четкой цели и которые поэтому переменчивы. Переменчивым становится и характер портретных изображений. Неизменным остается лишь принцип создания идеализированных форм, основывающийся на категориях внешнего.

Не менее, чем в Европе, светский идеализированный портрет был развит в Китае, но при этом он был не столь переменчив, а, скорее наоборот, - каноничен, подобно тому, как это было в Византии или Египте. К тому же китайский идеализированный светский портрет преследовал совершенно иные цели и опирался на иное, зеркальное по отношению к европейскому, понимание личности, лица и тела. Человеческая индивидуальность как таковая в Китае обозначалась словом "шэнь" - тело, или, согласно определению А.И.Козева, организм со всеми его физическими, физиологическими и психологическими особенностями⁶, а общественная значимость индивида оценивалась словом "мянь" - лицо. Если в европейском понимании "фигура" объединяет, классифицирует людей по определенным характерам и типажам (фигура может

быть гениальной, трагической, однозной, но не может быть неповторимой), то китайское "шэнь" - это "я сам", оно фиксирует именно единичного человека. Лицо для европейца - это то, что выделяет индивидуум из массы других, выявляет его глубинную особенность, а для китайца оно - "поверхность" (таково второе значение иероглифа "мянь") и призвано скрывать внутреннюю сущность "я", заменяя "я" индивидуальное общественным, "соответствующим долгу", "соответствующим рангу" и т.п. Если для европейца "потерять лицо" значит утратить свою исключительность, затеряться в толпе, то для китайца - лишиться достойной репутации и выпасть из определенной общественной структуры.

Китайская концепция "лица" явилась основой для создания в эпоху Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.) официального конфуцианского портрета, назначение которого было не выделять одиночного человека из всего общественного окружения, но, наоборот, вписывать его, назначать ему определенное место в системе государственной, Поднебесной иерархии.

С понятием "лица" изначально были связаны изображения благородных сановников. Однако они не сразу стали истинными идеализированными портретами, имеющими свою полноценную концепцию. На первом этапе целью было изобразить личность, соответствующую сану, максимально перевоплотившуюся в свое "социальное лицо", т.е. изображали не человека, а его государственную функцию. Для этого не нужно было прибегать к физиономическим характеристикам, достаточно было представить некую фигуру, облаченную в соответствующее одеяние. Так оно, видимо, и было. (К сожалению, помимо хронологических перечней и случайных разбросанных упоминаний, никакими конкретными описаниями или археологическими находками мы не располагаем.) Говоря языком медиевистики, в таком портрете "доличности" были важнее, чем лицо.

В Позднюю Хань (I-III вв. н.э.) понятие благородного чиновника начинают связывать не просто с его местом в государственном аппарате, а с принципами конфуцианской морали, которым необходимо следовать, не взирая на внешние перипетии типа смены монархов, возвышение ничтожных. Служить следует лишь достойному владыке и избегать ласканий порочных узурпаторов - таков вывод, сделанный официальным конфуцианством после сумятицы переходного периода от Ранней к Поздней Хань (6-27 гг. н.э.), бунтов и захватов власти.

Параллельно, в те же века, развивается физиогномическая наука, целью которой было установить точное соотношение между "поверхностью", "мянь" - внешними особенностями лица и внутренними душевными качествами сердца - "синь", а также судьбой человека - "мин".

Происходит крайне интересный процесс: лицо, исходно не будучи связано с личностью, становится выразителем ее сущности. Минуя "индивидуальность" - "шэнь", оно через физиогномику - "сян мянь шу" буквально, "техника рассмотрения лица" оказывается соотносено с душой - сердцем ("синь"), которое в китайском дуализме противопоставлено телесной "шэнь" (подобно "ян" - "инь") и мыслится как Небесное начало с человеческой природой ("синь" буквально - врожденное, субстантивированное сердце) и с Небесными веляниями Владыки Судеб.

Результатом пересечения двух указанных процессов примерно в III-IV вв. н.э. явилось то, что Е.В. Завадская определила как портрет-личину⁷, который скрывал истинную человеческую сущность, заменяя ее маской по-конфуциански моральных качеств, выстроенной на основе законов физиогномики.

Дальнейшее развитие портрета-личины привело к тому, что мы вправе называть конфуцианским идеализированным портретом. При его создании художник одновременно решал две задачи: первая - это изображение "лица", соответствующего этическим нормам, и вторая - это передача истинного облика человека. В таком портрете понятие благоприятной внешности связывалось с высокими внутренними качествами и благим предопределением судьбы.

Светский идеализированный портрет в Китае по своим устремлениям и по мировоззренческим истокам был во многом противоположен светскому идеализированному портрету в Западной Европе нового времени. Если

европейский художник, изменяя в портрете облик своей модели, стремился сделать ее красивее, то китайский такой задачи перед собой не ставил. Это было и потому, что в Китае традиционно красавицами представлялись древние злодеи, но не только и даже не столько поэтому. Создавая портрет, художник-конфуцианец вообще не мыслил категориями внешнего и телесного. Разумеется, и у конфуцианских художников средством идеализации была корректировка человеческой наружности (изобразительное искусство вообще не может использовать иных средств, кроме зрительно изобразимых), однако сама идеализация происходила на совершенно ином уровне.

Разница европейского и китайского подходов к проблеме портретной идеализации привела к созданию крайне несхожих между собой художественных произведений: европейский художник избегал в идеализированном портрете нарочитой характерности, выправлял черты лица, разглаживал морщины, скрывал пятна и неровности кожи; китайский - наоборот, характерные черты, морщины и пятна подчеркивал, выделял и нередко усиливал, но лишь те, что могли свидетельствовать о добрых "сине" и "мин". В результате китайский идеализированный портрет (аналогично и корейский) конкретен, ибо оперирует точными знаковыми формулами, европейский обобщен, ибо отражает приблизительные неточные образные представления. Характеризуя европейский идеализированный портрет, часто можно сказать, что художник стремился создать атмосферу подвига, величия или лирического раздумья, влюбленности. При характеристике конфуцианского подобные размытые определения неуместны. К этому следует прибавить еще одну особенность: в Европе область искусства, которая была связана с заказами государственных деятелей, - искусство придворное (или то, что стремилось ему следовать) было, как правило, пышным. В Китае же, согласно принципам конфуцианской морали, в художественных произведениях вовсе не должно быть внешнего блеска красоты, яркости, всего внешне намеренного и показного. Скромность программно провозглашалась конфуцианской Академией Живописи. Поэтому в идеализированном конфуцианском портрете должно было быть представлено "лицо", "свидетельствующее о благородной сущности, а не самолюбующееся "тело", оно же личность.

Конечно, в отличие от светского европейского светское китайское портретное искусство более ритуализировано и связано с большим пластом магических знаний. В своей каноничности, в ориентировке на универсальное и внеплотское оно сближается с религиозным. По воспитательной функции сравнимо с портретом восточно-христианским, однако, в отличие от последнего, оно не приобщало к потусторонней святости, а диктовало моральные устои, предлагая конкретные земные примеры для подражания. Это искусство полностью рационально. Его язык - язык этики, а не божественных откровений.

Интересно также сравнить китайский портрет с византийским с точки зрения их стилистики. И в Византии, и в Китае человека изображали плоско - лик, форма, лишенная телесной пластичности. Но византийский лик обобщен, световые линии, положенные на лицо, служат не выявлению формы, но, наоборот, ее разрушению, растворению в божественном свете. В конфуцианском портрете линии, организующие, формирующие структуру лица, четко выявлены. Причина этого кроется в принципиально различном уровне проникновения в материально-телесное человека. Если вспомнить Грецию и Рим, то там основой для изображения человека была пластика, т.е. мышечная плоть, мясо. Византийцы сохранили в своем искусстве чувственную поверхность этой плоти, условно говоря, кожу. Китайцы же стремились передать остоу человека - его костное строение. "Метод костей" (этот метод был подробно исследован Тохио Нагахиро) т.е. тщательное изучение скелета и создание изображений именно на основе этого изучения, существовал в Китае с древнейших времен⁸. Первым китайским "портретом" было ритуальное воплощение предка - двойник ("чун"), который состоял из скелета, сделанного из бамбука и одежды покойного. Блистательные знания в области строения черепов различных народностей демонстрирует знаменитая "застывшая армия" Цинь Ши-хуана (III в. до н.э.). Теоретически в качестве одного из

основополагающих законов живописи "костный метод" был утвержден в VI в. н.э. в знаменитом трактате Се Хэ. И еще одно утверждение он получил во френологической науке, которая, подобно физиогномике, связывала с костным строением человека его сущность и судьбу.

Еще одну параллель можно провести между китайским идеализированным портретом и древнеегипетским. Человек на египетской статуе, равно как и на китайском свитке, существует вне времени. Художники в человеческом облике стремились опустить все преходящее и непостоянное, однако происходило это по разным причинам. В Египте все это было связано с тем, что созданная статуя в своем законченном виде должна была существовать в вечности, не меняясь. В Китае же отсутствие временных житейских характеристик диктовалось пониманием глубинной сущности человеческого сердца, которая не проявляет себя в сиюминутных настроениях, а наоборот, прячется за ними. "Если человек приходит в ярость, грустит, скорбит или сильно страдает, то все это не отражает его подлинной души подобно тому, как нестерпимая жара или страшная стужа, или ураган, или ливень не отражают обычного состояния природы." - Шэнь Цзечжоу. "Заметки о портрете". XVIII в.9

Изымая из своего изображения все временное, египтянин выбирал в том числе и привнесенные временем морщины. Существовать в вечности он предпочитал молодым и сильным. Мемфисский портрет всегда представлял человека в идеальном возрасте. Не исключено, что генетически понятие идеального возраста было связано с так называемыми кеб-седными верованиями, которые уходят своими корнями в глубочайшую древность: в IV тыс. до н.э., в практику первобытных обрядов, связанных с культом плодородия. Египтяне считали, что стареющий правитель лишает страну благополучия и поэтому, подобно тому, как это бывает и у некоторых животных, живущих стаями, ослабевшего вождя убивали. В эпоху Раннего царства (XXX-XXIX вв. до н.э.) убийство правителя заменилось ритуалом погребения его статуи. Этот обычай и получил название "кеб-сед". Таким образом, идеальный возраст, который был избран для Ка, напрямую связывался с физическими возможностями человека.

В Китае тоже существовало понятие не идеального, но оптимального возраста. И связывалось оно с иными параметрами человеческой жизни: с накопленным опытом, преодоленными желаниями, с пришедшей мудростью. Морщины и пятна кожи воспринимались не как нечто привнесенное извне и потому несвоебразное, но наоборот, как самое важное, как вышедшие вовне и зримо оформившиеся качества человека, как знак реализованной сущности. Также и специалисты в области физиогномики считали, что человеческое лицо приобретает законченный вид не ранее, чем в 60 лет. Цифра 60 соответствует полному циклу 12 созвездий и 5 первоэлементов. В день шестидесятилетия человек вновь попадает в день по всем характеристикам равный дню его появления в мире.

И напоследок еще одна любопытная деталь: согласно египетскому, восточно-христианскому, западноевропейскому и другим представлениям в теле главное - лицо, а в лице - глаза. Китайские художники тоже придавали глазам большое значение. "Свет духовной сущности сосредотачивается именно в глазах" - слова, приписываемые "непревзойденному" Гу Кайчжи (III-IV вв. н.э.)¹⁰. Однако конкретно в концепции "лица" глаза не играли главенствующей роли, и в портретных изображениях, связанных с "лицом", они выступали лишь как часть целого, внося свою долю физиогномических характеристик изображенного, немалую, но вполне сопоставимую с долями других частей.

В китайском портрете почти столь же значимым, как и глаза, оказывается, например, нос. Нос для китайцев вообще объект очень важный, вернее даже субъект, ибо он выступает в качестве определителя человеческой самости. Исходной пиктограммой иероглифа "цзы"- "я-сам" является изображение ноздрей, иногда с подчеркнутым процессом дыхания. Идея дыхания как основы индивидуальной жизни и носа как "ворот сердца" ("синь-мэнь") традиционна в рамках данной цивилизации.

Кроме того, не менее важным для китайца и уши, обладающие высокой физиогномической информативностью. Ухо на конфуцианском портрете всегда

вырисовано очень четко. Для этого в домонгольскую эпоху (до XIII в.) голову поворачивали на 5/6 или в 3/4, а в эпоху Мин (XV-XVII вв.) одно ухо выворачивали перпендикулярно лицу, изображенному в фас.

Не только в китайских науках уши почитались специфически важным органом, но и в древнеегипетских погребальных верованиях. Отдельно их изображения нередко встречаются на пригробничных стелах. Связано это было с тем, что человек, умирая, якобы теряет зрение и лишь благодаря слуху способен ориентироваться при переходе из Восточного мира жизни в Западный загробный, и лишь ушами воспринимает он все происходящее вплоть до свершения над ним обряда отверзания уст и очей и вкушения пищи загробного мира, после которого собственно и начинается инобытие. (Любопытно совпадение данных верований с современными научными исследованиями, согласно которым слуховой аппарат у умершего отключается последним.)

Заканчивая размышления о проблемах идеализации в портретном искусстве различных цивилизаций, можно сделать два основных вывода. Во-первых, что многовариантность реальных воплощений идеи усовершенствования человеческого облика в портрете объясняется не столько разногласиями культур в области этического или эстетического понимания совершенной личности, сколько различными целями, которые преследовались при создании подобных изображений и различным пониманием существа человеческой индивидуальности, взаимосвязей тела, лица, личности и души.

Во-вторых, что разные культурные задачи решаются порой с помощью сходных художественных приемов, и это неожиданным образом способно сближать далекие, почти противоположные миропонимания.

-
1. А.Г.Цирс. Язык портретного изображения // Искусство портрета. - М., 1928.
  2. Г.И.Соколов. Римский скульптурный портрет III в. - М., 1933.
  3. G.Maspero. Egypte. - Paris, 1912.
  4. М.Э.Матье. Древнеегипетские мифы. - М. - Л., 1956.
  5. E.Panofsky. Tomb Sculpture. - N.Y., sd.
  6. А.И.Кобзев. Учение Ван Янмина и традиционная китайская философия. - М., 1983.
  7. Е.В.Завадская. Лицо как лик и как личина в китайском портретном искусстве // VI научная конференция "Общество и государство в Китае". - М., 1975. - Вып. 1.
  8. T.Nagahiro. The Representational art of the Han Dynasty. - Tokyo, 1965.
  9. Слово о живописи из сада с горничное зерно / Пер. и коммент. Е.В.Завадской. - М., 1969.
  10. Л.Е.Бежин. Под знаком ветра и потока. - М., 1982.

"Свет ночника в полдень" (Загадка адмирала Ёнаи)

© 1993

В. Молодяков

*...И тех, что еще скрыты в завес веков
В. Брюсов*

Адмирал Мицумаса Ёнаи (1880-1948 гг.) производил на современников - а затем, как оказалось, и на потомков - в высшей степени обманчивое впечатление. Настолько странное и обманчивое, что многие "проглядели" его вовсе, а суждения остальных отличаются какой-то бледностью и невыразительностью. Ёнаи трудно отнести к числу забытых, а тем более неизвестных исторических персонажей. Но создается впечатление, что его замалчивают. О нем практически ничего не смогла сказать ни японская историография, ни англо-американская, ни русская. Случайно ли это? Смеею думать, что нет.

Японцы чтут Ёнаи как одного из трех великих японских адмиралов наряду с героями Цусимы Хэйхатиро Тогэ и Перл-Харбора Исороку Ямамото. Ёнаи не выиграл ни одного морского сражения и вообще почти не принимал участия в сколько-нибудь серьезных военных действиях, но слава его, конечно же, не случайна. Именно под его непосредственным руководством был создан тот флот, на который пала вся тяжесть Тихоокеанской войны. Ёнаи был не столько флотоводцем, сколько организатором - этот труд малозаметен, но тем не менее его вклад в строительство флота был оценен по достоинству. Одного этого уже достаточно для пристального внимания к личности адмирала. Но он был не только военным, но и политическим деятелем. Именно он сыграл решающую

Молодяков Василий Элигархович, Международный институт геополитики

роль в ускорении принятия решения о капитуляции Японии в августе сорок пятого, когда война уже была заведомо проиграна. Наконец, именно Ёнаи, как можно считать, возглавлял своего рода русофильское лобби в Токио и не допустил принятия высшим руководством Японии решения о нападении на СССР.

Внешне жизнь адмирала была небогата событиями. Парадные фотографии 30-40-х годов запечатлели высокого, стройного мужчину плотного сложения с неизменно мягкой, доброжелательной улыбкой, контрастирующей с нарочитой суровостью лиц сухопутных генералов. Сын бывшего самурая, Ёнаи выбрал морское училище в Этадзима, которое благополучно окончил в 1901 г. В те годы в военно-морские, а также артиллерийские училища отбирали наиболее способных молодых людей, которым суждено было составить техническую и интеллектуальную элиту армии. Пехотные же училища пополнялись главным образом детьми крестьян и бедных горожан. Разумеется, речь идет не о разности интеллектуального уровня, хотя подготовка морских офицеров была более сложной. Речь о разных типах мышления и разных ценностных ориентациях, что в конечном итоге привело к затяжному конфликту армии и флота в Японии. И армейские, и флотские офицеры в равной мере были патриотами и империалистами, но для последних характерны были больший прагматизм и более адекватное восприятие конкретной военно-политической ситуации. А генералов сухопутных войск своеобразный самурайский романтизм заставлял по малейшему поводу хвататься за сабли. Именно в среде сухопутных войск зародилось этнократическое и экстремистское движение "молодых офицеров", лидером которого стал военный министр генерал Садао Араки, а идеологом - публицист и философ Сьюэй Окава. Однако реальная активность движения свелась к двум кровавым офицерским путчам 1932 и 1936 гг., в то время как прагматики и армии, и флота сообща трудились над созданием великой японской империи.

Ёнаи не был ни этнократом, ни экстремистом. По геополитической ориентации он был типичным свразийцем, т. е. отстаивал примат "почвы" над "кровью", империи над этносом, государственных ценностей над национальными, политическими или религиозными. В некоторых западных исследованиях его называют англофилом, но это чистейшее недоразумение. "Англофильство" Ёнаи сводилось исключительно к заимствованию всего передового из английского и американского флота, а результаты этого "англофильства" союзники в полной мере ощутили в первые месяцы войны на Тихом океане. Он был против укрепления военного союза с Германией, но только потому, что опасался скорой войны, к которой Япония была еще недостаточно готова. Вообще он явно предпочитал военным действиям военное строительство: разработку операций, испытания новых кораблей, маневры. В бытность его военно-морским министром подчиненные прозвали его "министром золотых рыбок" и "светом ночника в полдень" за тихий, выдержанный характер и умение не только командовать, но и слушать. Но так ли уж тих и мягок был этот "либерал"?

Карьера Ёнаи шла плавно и в общем ordinarily: дальние плавания, преподавание в военно-морском училище, военно-морская академия, штабная работа. В 1915 г. тридцатипятилетний Ёнаи назначается военно-морским атташе в Петроград, и это назначение, как можно предположить, круто ломает течение его жизни. Готовясь к новой службе, он изучает русский язык, историю и культуру России, которую за 2 года жизни в ней сумел полюбить настоящей любовью. Прекрасно владея не только письменным, но и разговорным языком, именно он осуществлял основные внешние контакты японской миссии - прежде всего, видимо, со своими коллегами из русской военной разведки. Где-то в ее архивах хранится (если еще хранится) капитальное досье на "капитана Ионай" - так долгое время писалась у нас его фамилия, - которое может раскрыть многие тайны и подтвердить или опровергнуть многие догадки. Мы знаем достоверно о его любви к России и к русскому языку, о сохранившейся до конца жизни страсти к чтению русских книг в оригинале, наконец, о вывезенной из России способности очень много пить и не пьянеть, что удивляло не только

японцев, но и "крепких" европейцев. В остальном ограничусь предположениями о контактах Ёнаи с тайными структурами орденового типа внутри русской военной разведки, имевшими не столько национальный, сколько наднациональный, континентально-евразийский характер³. Разумеется, никаким "русским шпионом" Ёнаи не был и быть не мог, но уже в те предреволюционные годы в Петрограде он в полной мере осознал единство геополитических и геостратегических интересов Японии и России.

По возвращении в Японию Ёнаи получает назначение в Генеральный штаб ВМФ, с декабря 1925 г. возглавляет штаб Второго флота, а с декабря 1928 г. командует флотилией на реке Янцзы. Как Хирота, Коноэ и другие японские евразийцы, Ёнаи считал Китай главным и преимущественным направлением внешней японской экспансии, причем настаивал на интеграции и объединении территорий, а не просто на их завоевании и ограблении. В 1930 г. Ёнаи - участник японской делегации на Лондонской военно-морской конференции, правда, еще на вторых ролях. В декабре того же года он произведен в вице-адмиралы, а еще 4 года спустя назначен командующим Вторым флотом. С этого момента начинается его стремительное восхождение по служебной лестнице, подготовленное долгими годами успешной оперативной и организаторской работы. Затем - руководство традиционно наиболее важной военно-морской базой Ёкосука с приписанным к ней флотом, который сыграл не последнюю роль в скорейшем подавлении кровавой авантюры "молодых офицеров" в конце февраля 1926 г., угрожавшей политической и социальной стабильности Японии в целом⁴.

После естественной в таких случаях смены кабинета к власти пришло евразийски ориентированное правительство Хироты, а сам Ёнаи получил в конце года долгожданное назначение на должность главнокомандующего Объединенным флотом и одновременно Первым флотом. Началась высшая оперативная и организаторская работа, о которой он мечтал. Ёнаи как нельзя лучше подходил для нее, отличаясь исключительной восприимчивостью ко всему новому и стремясь перенимать полезный опыт не только у союзников, но и у потенциальных противников. Он за несколько лет сумел превратить японский флот в грозную силу мирового масштаба, завершив эту работу уже на посту военно-морского министра.

В феврале 1937 г. отставной генерал Хаяси, формируя новый кабинет, остановился на кандидатуре Ёнаи как наиболее подходящей на пост военно-морского министра. Однако вице-адмирала (с 1937 г. адмирал) эта радужная, казалось бы, перспектива не очень-то устраивала. Он принял предложение с явной неохотой - отказываться не в японской традиции, - заявив в частной беседе: "Нет ничего хуже, как покинуть флот, чтобы стать сухопутным чиновником"⁵. Однако о том, как работал "сухопутный чиновник" Ёнаи говорит то, что при всей "текучести кадров", столь характерной для высшего эшелона власти в предвоенной Японии он занимал этот пост в течение 2,5 лет без перерыва соответственно в правительствах Хаяси, принца Коноэ (первый кабинет) и Хиранума. Следует отметить, что все эти годы Ёнаи работал вместе с Исороку Ямамото, занимавшим пост вице-министра. При всей своей мягкости, доброжелательности и кажущейся уступчивости Ёнаи никому не позволял влиять на себя; может быть, за исключением волевого Ямамото, некоторая романтичность которого органично сочеталась с прагматизмом Ёнаи и его неспособностью к интригам и недомолвкам. Между ними установились довольно близкие, можно сказать, дружеские отношения, однако Ямамото как младший по должности и возрасту не позволял себе никакого ланибратства и даже с глазу на глаз разговаривал с ним в министерстве только стоя. Ёнаи развивал и поддерживал многие идеи своего заместителя, например о решающей роли авиации в морских сражениях будущей войны, что блестяще подтвердила как победа при Перл Харборе, так и поражение при Мидуэе. Можно сказать, что в эти 2,5 года военно-морским министерством руководил самый сильный и способный тандем за всю новейшую историю Японии. Их устранение тоже стало итогом "сухопутных" событий и интриг.

Заключение советско-германского пакта о ненападении в 1939 г., готовившегося втайне от Японии, вызвало в Токио сильнейший политический шок. Его результатом стала нерядовая смена главы кабинета и перестановки в нем: никто из членов правительства Хиранума не вошел в следующий кабинет генерала Абэ Нобуюки. Ёнаи и Ямамото расстались со своими постами, но если последний получил назначение на должность командующего Объединенным флотом, то Ёнаи оказался не у дел. Впрочем правительство Абэ просуществовало лишь до января следующего года.

И тут произошел беспрецедентный в новейшей истории Японии случай - в решение вопроса о новом главе правительства вмешался император. "А что если следующим будет Ёнаи?" - сказал он лорду-хранителю печати Юяса. Монаршья воля, хоть и с неохотой, но была принята, хотя среди кандидатов назывались такие влиятельные фигуры, как принц Коноэ (он сменил Ёнаи на этом посту полгода спустя) и даже генерал Араки. Достаточно неожиданным было назначение и для самого адмирала, которому пришлось формировать кабинет в условиях жесткого противодействия со стороны враждебного ему командования сухопутных войск. Ёнаи включил в правительство представителей всех четырех крупных политических партий, стремясь сделать кабинет дееспособным и достаточно мобильным. Тогдашний английский посол в Токио Роберт Крейги назвал его "одним из наиболее однородных и наилучшим образом сбалансированных кабинетов последнего времени", объясняя это именно стремлением Ёнаи достичь максимально возможного консенсуса политических сил.

Ёнаи добился назначения свразийца Хатино Арита на пост министра иностранных дел, предоставил пост морского министра осторожному педанту Дзэнго Ёсида, что можно рассматривать как успех, несмотря на то, что Ёнаи не смог добиться назначения на этот пост Ямамото. Для Ёнаи хуже было то, что он вынужден был примириться с фельдмаршалом Хата в качестве военного министра.

Российские исследователи, в первую очередь И.А.Латышев, настойчиво подчеркивали, правда уже в послевоенные годы, "неустойчивость" кабинета Ёнаи, его "неспособность... разрядить напряженную обстановку внутри страны и сгладить противоречия в правящих кругах"⁸. Интересно, что к таким же выводам уже летом сорокового года пришел заместитель военного министра генерал Анами, один из наиболее экстремистски настроенных лидеров военного министерства, потребовав от могущественного лорда-хранителя печати маркиза Кидо смещения Ёнаи, дабы не допустить "смертельно опасного опоздания"⁹. Анами имел в виду заключение военного союза с Германией, чему настойчиво сопротивлялся премьер.

Действительно, Ёнаи вступил в неравную борьбу с экстремистами, стремившимися к скорейшей войне как средству разрешения всех внутри- и внешнеполитических конфликтов по принципу "война все спишет". Ёнаи лучше, чем кто бы то ни было, понимал неготовность Японии к длительной войне, тем более на два, а то и на три фронта - Китай, США, СССР. Он вовсе не отказывался от союза с Германией, но предпочитал видеть его политическим, а не военным, в отличие от решительных милитаристов-этнократов вроде Муто или Койсо. Одновременно он не желал обострения отношений с США и Англией, считая это преждевременным. Ёнаи занял выжидательную позицию, считая, что гитлеровская Германия одержит верх в Европе без участия или помощи Японии. В это же время экстремистские, антиевразийские силы явно возобладали и в Берлине. Отставка Ёнаи фактически была предreshена генералитетами обеих союзных держав, но, как показали последующие события, никто из последних не выиграл.

На посту премьера Ёнаи был смещен принцем Коноэ, который пользовался поддержкой армии и был сторонником скорейшего союза с Германией. Он же объявил о реализации двух великих геостратегических проектов - "новой структуры" для Японии и "сферы процветания Великой Восточной Азии", которым так и суждено было остаться на бумаге. И единение нации на платформе общности национальных интересов и их примата над всеми

прочими, и создание великой континентальной империи в Азии фактически оказались в руках тех, кто был менее всего в этом заинтересован - воинственного генералитета и хищных "новых концернов". Наш разговор о Ёнаи, и здесь не место подробно говорить о личной и политической трагедии принца Коноэ, не изменившего своим свразийским убеждениям, но поставившего явно не на ту силу в непримиримой борьбе¹¹. Идея "новой структуры" была вовсе не чужда Ёнаи, но он выступил против ее реализации теми силами и теми средствами, которые пытались навязать Коноэ милитаристские круги. Что же касается концепции "сферы сопроцветания Великой Восточной Азии", то одним из ее авторов должен быть по праву назван Арита¹², человек из ближайшего политического окружения Ёнаи.

На радость милитаристам из военного министерства Ёнаи удалился на покой. Уже упоминавшийся выше английский посол в Токио Роберт Крейги расценил это как то, что "Япония выбрала неверный путь"¹³. Адмирал был уже не в состоянии остановить надвигающуюся войну с США, но в отличие от Коноэ был не готов или просто не способен к компромиссам. Он становится членом Высшего военного совета, а 9 августа 1941 г. получает рану "дзюнсин" (старший советник), присваивавшийся бывшим премьерам. Однако его авторитет во флоте по-прежнему исключительно высок. Недовольный компромиссами Коноэ и засильем в министерстве интриганов, адмирал Ямамото в январе 1941 г. настойчиво предлагал назначить Ёнаи начальником Генерального штаба ВМФ или командующим Объединенным флотом во время очередной плановой ротации высшего командного состава¹⁴. Однако армейские круги заморозили этот план, а ставший министром в кабинете Тодзио адмирал Симада всеми силами удерживал своего более сильного и способного соперника Ямамото подальше от Токио (обычно командующим Объединенным флотом менялись каждые 2 года).

Однако Ёнаи еще суждено было вернуться в "большую политику". В июле 1944 г. генерал Тодзио, спасая свой кабинет от неизбежного краха, обратился именно к нему - своему давнему врагу - с предложением занять пост морского министра для "укрепления" правительства. Ёнаи отказался, потому что конференция "дзюнсин" постановила не иметь дела с Тодзио как полностью скомпрометировавшим себя. Небуэки Абэ предложил Ёнаи снова сформировать кабинет, но адмирал отказался брать на себя ответственность за чужие грехи. 22 июля того же года он наконец согласился войти в кабинет генерала Койсо, в прошлом связанного с "молодыми офицерами", но все же более умеренного и трезвомыслящего, нежели Тодзио, в качестве морского министра и вице-премьера¹⁵. Ёнаи направил свои усилия на прекращение зверств на занятых территориях, а в перспективе - на скорейший и наиболее безболезненный выход Японии из уже проигранной войны. Он по-прежнему конфликтовал с военными, что и вынудило его уйти в отставку 4 апреля 1945 г. Кабинет Койсо автоматически пал с отставкой вице-премьера. Конференция "старших советников" решила избрать новым премьером человека, "не имевшего никаких обязательств в прошлом", т.е. максимально нейтрального и не несущего прямой ответственности за события последних лет. Таковым оказался 78-летний отставной адмирал Кантаро Судзуки, герой русско-японской войны и самый старый из японских премьеров¹⁶. Ключевые посты в новом кабинете получили Ёнаи, исполнивший также обязанности вице-премьера¹⁷, и министр иностранных дел, германофилл и свразиец Сигэнори Того. Той же ориентации придерживался и секретарь кабинета Хисацуно Сакомидзу. Именно они подготовили и "протокнули" императорский рескрипт о капитуляции, неприемлемый для самурайского самодлюбия, но необходимый для физического спасения нации. До последнего им противостояли военный министр Анами (главный враг Ёнаи) и начальники Генеральных штабов армии и флота Есидзиро Умэдзу и Соэму Тодэма. Дело решилось только вмешательством императора.

История "самого длинного дня Японии" и роль Ёнаи в принятии решения о капитуляции требует отдельного исследования¹⁸. Скажу лишь, что именно Ёнаи и Того принадлежат главная роль в этом деле и именно они были мишенью последнего офицерского путча, устроенного в Токио группой фанатиков накануне радиообращения императора к нации. На рассвете этого

дня - 15 августа 1945 г. генерал Анами покончил жизнь ритуальным самоубийством, сказав незадолго до того одному из своих родственников: "Убей Ёнаи". Адмирал остался цел и невредим. Приехав отдать последний долг сослуживцу-врагу, он пробыл несколько минут в скорбном молчании в одиночестве у его тела, а потом сказал адъютанту: "Мы потеряли бесценного человека". Ёнаи оказался сильнее Анами, став в эти трагические месяцы и дни безоговорочным лидером малочисленной, но не сдающей группы японских евразийцев вместо окончательно сломавшегося Коноэ.

Добавлю, что именно Ёнаи 12 мая 1945 г. предложил обратиться к посредничеству СССР для обеспечения принятия японских условий капитуляции, а в июне выступил одним из инициаторов так и не состоявшейся миссии Коноэ в Москву для непосредственных переговоров со Сталиным. Не желая уходить от ответственности, он продолжал занимать пост морского министра в переходном правительстве принца Хигасикуни (вместе с лидером атлантистов Сигэмицу Мамору в качестве министра иностранных дел и принцем Коноэ на посту министра без портфеля) и даже в первом оккупационном правительстве Сидохара, пока его пост не был упразднен американцами. Несдавшийся и непредавшийся Ёнаи покинул капитанский мостик последним.

Он не попал на скамью подсудимых Токийского процесса, что до сих пор вызывает удивление американских историков¹⁸. Отечественные предпочитают об этом умалчивать, потому что именно советская сторона спасла его от процесса, как американская настойчиво спасала от виселицы Сигэмицу. Давая неизбежные свидетельские показания, Ёнаи предпочитал "забывать" самые очевидные вещи - только не повредить сидевшим на скамье подсудимых. А там рядом с друзьями сидели и его враги. Но в отличие от генерала Рюкити Танака, говорившего все и обо всех, от маркиза Кидо, предоставившего судьям свои дневники, Ёнаи вел себя с исключительным достоинством, вызывая гнев судей, особенно председателя Вебба¹⁹. Он мог быть обижен на многих из своих бывших сослуживцев - за интриги, за угрозы убить, наконец за то, что так и не получил звание адмирала флота, которого был удостоен интриган и царедворец Симата. Примечательная деталь: Ямамото получил его только посмертно - в качестве венка на могилу.

Последние годы жизни Ёнаи провел уединенно, на досуге каллиграфически переписывая императорский рескрипт о капитуляции, для принятия которого он сделал так много. С журналистами он не встречался и мемуаров не написал. Похоронен адмирал в городе Мориока на севере Хонсю в храме Ёнкодзи²⁰.

Прошло 45 лет со дня смерти адмирала Ёнаи, но завеса некоей тайны все еще лежит на его имени. Пора воздать должное этому истинному рыцарю и воину, исполненному благородства и любви к Отечеству. Да и в России, которую он, без преувеличения можно сказать, уважал и любил, его имя не должно быть забыто.

1. Большинство биографических данных о Ёнаи взято из его лучшей, на мой взгляд, биографии: Агава Хироюки. Ёнаи Мицумаса. - Токио, 1982. Ссылки на нее ввиду их многочисленности в дальнейшем опущены.
2. Среди многочисленных работ о "молодых офицерах" и их роли в политической жизни отмечу главу "Убийство как инструмент политики" в кн. Craigie R. Behind the Japanese Mask. - London, 1945; главы "Пугчи один за другим", "Инцидент 26 февраля" в кн. Исаму Канадзи. Сева тэнно-но годзинтоку - Добродетель императора Сева. - Токио, 1989.
3. О тайных структурах орденского типа в русской военной разведке предреволюционных лет см.: Дугин А. Конспирология. М., 1993. (в печати).
4. Agawa Hiroyuki. The Reluctant Admiral. Yamamoto and the Imperial Navy. - Tokyo, 1990. - P. 97.
5. Там же. - P. 121.
6. Этой теме посвящена специальная монография: Такаги Сокиги. Ямамото Исороку то Ёнаи Мицумаса-Ямамото Исороку и Ёнаи Мицумаса. - Токио, 1992.
7. Craigie R. Behind the Japanese Mask. - P. 81-83.
8. Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1931-1941. - М., 1955. - С. 73.
9. Там же. - С. 87.
10. Эта проблема подробно исследована в моей статье "Геостратегические проекты принца Коноэ": Сб. Проблемы геостратегии. - М., 1993 (в печати).

11. См. ноту Арита голландскому посланнику в Токио Пабсту от 15 апреля 1940 (*Contemporary Japan*. - 1940. - N 5) и его выступление по радио 29 июня 1940 (*Домэй дзидзи нэнкан*. - Токио, 1940).
12. Craigie R. *Behind the Japanese Mask*. - P. 87.
13. Agawa Hiroyuki. *The Reluctant Admiral*. - P. 209-211.
14. Изложение этих переговоров см.: *Shirayama Saburo. War Criminal. The Life and Death of Hirota Koki*. - Tokyo, 1990. - P. 215-217.
15. См. показания Кидо Коити на Токийском процессе и фрагменты протокола конференции "старших советников" от 5 апреля 1945 г. в кн.: Смирнов Л.И., Зайцев Е.Б. *Суд в Токио*. - М., 1980. - С. 438-444.
16. Официально Енаи не был назначен на этот пост, но подписывал все документы непосредственно вслед за премьер-министром и стоял вторым по старшинству на всех официальных фотографиях, что тоже принципиально важно.
17. События 14-15 августа 1945 г. излагаются без дополнительных ссылок по хронике Общества исследования Тихоокеанской войны "Самый длинный день Японии" (первое японское издание - 1965). Использовано также богато иллюстрированное последнее английское издание: *Japan's Longest Day*. - *Tokyo War Crimes Trial*. - Tokyo, 1984. - P. 105-107. Отмечу, что Хатино Арита также не был предан суду.
18. Richard H. Minear. *Victors Justice. The Tokyo War Crimes Trial*. - Tokyo, 1984. - Pp. 105-107. Отмечу, что Хатино Арита также не был предан суду.
19. Там же. - P. 84. См. также: Маруяма Масао. *Гэндай сэйдзи-но сисо то кодо - Идеи и действия современной политики*. - Токио, 1963. - С. 103.
20. Эти данные любезно сообщил автору известный общественный деятель М. Судзукава в августе 1992 г.

На страницах русских харбинских изданий 20-30-х годов не раз приходилось встречаться с автором научных трудов по вопросам экономики Китая Е.Е.Яшновым. Этим именем подписаны также статьи и на другие, самые разнообразные темы. Им написан, например, очерк "Евгенизм" в литературном сборнике "Сунгарийские вечера" (Харбин, 1923). Е.Е.Яшнов еще и автор книг "В Каменном городе" и "Голоса молодости", вышедших в Санкт-Петербурге до революции. Есть свидетельства, что он был знаком со многими людьми из петроградских литературных кругов - знал Вячеслава Иванова, Федора Соллогуба, встречался с Блоком, стихи которого высоко ценил и любил до самой смерти. С его литературной деятельностью был знаком М.Горький.

Попавший ко мне недавно сборник стихов Е.Е.Яшнова (издан посмертно в Шанхае в 1947 г.) неожиданно раскрыл новые страницы жизни этого интересного человека. К тому же мне посчастливилось услышать живые свидетельства людей, знавших его лично в 30-40-х годах, а главное познакомиться с его необычной биографией, написанной человеком, который несомненно знал о нем больше, чем кто-либо другой, - его женой Любовью Георгиевной Яшновой.

Думается, что эти материалы представляют интерес для специалистов, знакомых с его работами по китайской экономике и статистике.

Какова же история жизни этого интеллигентного русского человека, обаятельного собеседника, литератора и ученого, оказавшегося в Китае в 20-х годах?

Евгений Евгеньевич Яшнов родился в 1881 г. на Норской мануфактуре под Ярославлем. Отец его, крестьянин по происхождению, умер, когда мальчику было всего 4 года. Мать - из ярославских мещан, проявила незаурядную энергию и самопожертвование, чтобы дать образование своему единственному сыну. Е.Яшнов окончил городское училище в 1897 г. Продолжить образование помешал недостаток средств и юношеские "политические передраги" (несколько раз был арестован - с 1899 по 1904 г.; с 1902 г. по 1904 г. жил в ссылке в Вологде). С 1899 г. работал корректором и литературным сотрудником в "Северном Крае", "Самарской газете", "Самарском курьере", "Нижегородском листке" и других изданиях. В 1905 г. Евгений Евгеньевич переезжает в Петербург и пишет в "Новостях жизни", "Товарище", "Голосе", "Волне" и других газетах. За эти годы написал несколько десятков рассказов и стихотворений. В качестве корреспондента побывал за рубежом - в Италии, Австрии и Германии, некоторое время жил в Финляндии.

В 1907 г. Е.Е.Яшнов уезжает в Туркестан, работает в Управлении переселенческим делом в Сыр-Дарьинском районе, главным образом выполняя поручения по учету и исследованию местных хозяйств. С 1912 г. занимается статистикой в Оценочном бюро самарского губернского земства. В 1913 г. проводит статистическое обследование хозяйств русских переселенцев в Северной Персии. Приходится скитаться по знойной степи большей частью верхом и терпеть физические лишения. Его жизнь не раз подвергалась опасности.

В начале 1915 г. Е.Е.Яшнов был откомандирован в Петроград, в Управление делами особого совещания по продовольствию. До конца 1917 г. работает сельскохозяйственным статистиком Министерства продовольствия, а затем - в Омске по продовольственной и кооперативной статистике. В конце 1919 г. Е.Е.Яшнов переехал во Владивосток, где был консультантом и секретарем Ведомства финансов при правительстве Антонова.

С 1921 г. Е.Е.Яшнов - в Харбине. Он являлся сотрудником Экономического бюро КВЖД до самой продажи дороги в 1935 г. После этого покинул Харбин, был в Тяньцзине и Пекине. В 1938 г. переехал в Шанхай, где 50 лет тому назад, в 1943 г., и оборвалась его жизнь.

Невольно думается: более половины жизни этого человека прошло в скитаниях по дорогам, еще в ранней юности то пешком, а то и на плотах и баржах ходил от Ярославля до Астрахани, и позже, когда, занимаясь статистической работой, пересезжал верхом из одного аула в другой, из одного кочевья в другое.

С 1912 по 1913 г. Евгений Евгеньевич проел в обследованиях крестьянских и помещичьих хозяйств России, где познакомился с бытом дореволюционной деревни. Тяжелы были его впечатления от российской жизни, от изверившихся во всем русских крестьян. Эти впечатления он описал в очерках "У истоков", в ряде рассказов и в циклах стихов "По Руси", "Степные ночлеги", "Туркестан", "На пути в Афганистан" и др. В поездках Яшнов часто жил в степи, под открытым звездным небом. Не это ли уединение побуждало изливать душу, восхищаясь дивным миром природы? Стихи этих циклов читаешь, как дневник, - в них видно движение души автора. Евгений Евгеньевич уставал от тягот кочевой жизни, от ухабов бездорожья, но, попадая в город, вновь тосковал о ночлегах в степи, о "безвестных травах восточных", о дремотном ритме седла степного".

Последние 20 с лишним лет его жизни прошли за рубежами Родины, но ему удавалось побывать в России в командировках (в 1923 г. - в Москве, в конце 20-х годов - в Хабаровске, на съезде научных работников по изучению Дальнего Востока).

В Китае Яшнов много работал по специальности в Экономическом бюро Управления КВЖД, изучая материалы по экономике края, анализируя и обобщая статистические данные. В результате этого кропотливого труда им написаны книги: "Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии", 1926; "Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы", 1928; "Население и крестьянское хозяйство Китая", 1928; "Сельское хозяйство Китая в цифрах", 1933; "Особенности истории и хозяйства Китая", 1933; "Очерки китайского крестьянского хозяйства", 1935. За работу "Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии" в 1928 г. Е.Е.Яшнову была присуждена медаль Государственным Российским географическим обществом.

Его труды были в свое время известны китайским и японским специалистам; встречаются, как известно, и ссылки на них в современных отечественных исследованиях. Однако, как мало мы знали об истории жизни этого удивительного человека, который сам сделал из себя ученого, интеллигента, несмотря на трудности, порожденные и эпохой, и его личной судьбой, и скитаниями по дорогам жизни.

Есть еще один поразительный факт в его судьбе: по имеющимся сведениям, вдова Е.Е.Яшнова, Любовь Георгиевна, приехав на Родину вскоре после окончания второй мировой войны из Шанхая, привезла и захоронила его прах в Екатеринбурге. Так замкнулся круг жизни Е.Е.Яшнова.

---

¹ См.: переписку М.Горького с В.Миролюбовым (Литературный Архив, т. III, М.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 91, 95, 96).

Культ предков в Китае

© 1993

В. Сидихменов

В древнем Китае верили: живой человек имеет душу, а после смерти становится духом, обладающим сознанием и всеми человеческими потребностями. В китайском народе говорили: "Живущий - человек, мертвый - дух". Это означало, что со смертью человек не исчезал бесследно, а становился духом и на том свете сохранял человеческий облик. Следовательно, смерть человека означала, во-первых, отделение его души от тела; во-вторых, трансформацию души в духа. Если душа присуща живому человеку, то дух присущ усопшему. Чтобы спасти умирающего, надо не допустить выхода души из тела; а если душа покинула тело, то надо добиться ее возвращения. Ребенок потерял сознание. Это означало, что его душа покинула тело и не возвращается. Тогда мать, стоя у двери, или взобравшись на крышу дома, призывала душу ребенка вернуться обратно. Если наступала смерть, это означало, что душа ребенка навсегда покинула его тело.

Со смертью душа, превращаясь в духа, продолжала свою самостоятельную жизнь. Пусть тело спит вечным сном, дух живет при мертвом теле как сознательное и самостоятельное существо со всеми потребностями живого человека.

На чем основывалась вера в потустороннюю жизнь человека? На сновидении! Сын во сне увидел своего покойного отца, который разговаривал с ним, за что-то хвалил и за что-то укорял. Проснувшийся сын, осмысливая виденное во сне, делал вывод: значит, существует какая-то потусторонняя жизнь, где обитают духи умерших. Эта вера росла и укреплялась многие столетия именно потому, что люди во сне видели своих родителей, которые ушли из жизни, но не исчезли бесследно, а превратились в духов.

В китайском народном сознании духи были подобно людям, имели свои потребности, сохраняли свои привычки и страсти. Когда они испытывали голод, следовало сделать им приношения (жертвы): выставить нишу и сладости. Иногда они нуждались в деньгах и одежде. Духи любили воскурения, совершаемые в их честь. Таким путем можно было их умилостивить, отвратить от гнева и избежать дурных последствий от их раздражения.

Живые родственники были убеждены, что дух усопшего в потустороннем мире живет самостоятельной жизнью, обладает сознанием, нуждается в земных потребностях, как и при земной жизни требует к себе внимания.

В далекие времена жертвы усопшим, особенно правителям, были натуральными: вместе с усопшим правителем хоронили живой скот, натуральные предметы быта и даже живых жен, рабов и наложниц. Со временем этот варварский обычай изжил себя. Вместо натуральных предметов стали хоронить сделанную из дерева, картона и бумаги бутафорию, которую предавали огню на могиле усопшего: в дымообразном виде она достигала обитель духов предков. Съестные жертвы не сжигались: духи воспринимали их обонянием.

Кто же в семье отвечал за жертвоприношения? Только мужчина и прежде всего старший сын покойного родителя. Дочь вырастет, выйдет замуж и муж возьмет ее в семью своих родителей. Останутся только мальчики и среди них главным будет старший по возрасту. Так старший сын приобретал

исключительное право приносить жертвы своим усопшим родителям.

Чтобы обеспечить себе спокойное посмертное существование, глава семьи должен был заботиться о непрерывности своего рода. Ему необходимо иметь сына, желательно при жизни видеть его женатым и даже имеющим своих детей, и даже правнуков.

Отец мечтал иметь мужское потомство, которое должно позаботиться в будущем о его посмертном существовании. В китайских молитвах, обращенных к божествам, присутствовали такие слова: "Дай мне долгую жизнь, счастье, богатство, хотя бы одного сына и тысячу внуков".

Культ предков обязывал заботиться о том, чтобы в семье иметь мужское потомство, а поэтому в глазах китайцев брак - выше безбрачия, обилие детей - благо, бесплодие - несчастье. Женщина, не имевшая детей, не пользовалась никаким уважением мужа и его родителей, а бесплодие жены считалось законным поводом для развода.

Кто жил одиноком на земле, тот не мог пользоваться спокойствием и довольством по смерти. Такие люди после смерти могли стать "блуждающими духами" (ю-хунь), или "сиротствующими духами" (гу-хунь). Отсюда понятным становится то значение, какое имел в глазах суеверных китайцев брак, обеспечивающий непрерывность рода, а вместе с тем и блаженство усопших предков.

Кто умирал бездетным, тот лишал не только самого себя, но и своих ранее умерших предков полагающихся им жертв и обречал их на голод. Духи людей, не оставивших потомства, скитались бесприютными и голодными призраками. Озлобленные, они старались нанести вред живым.

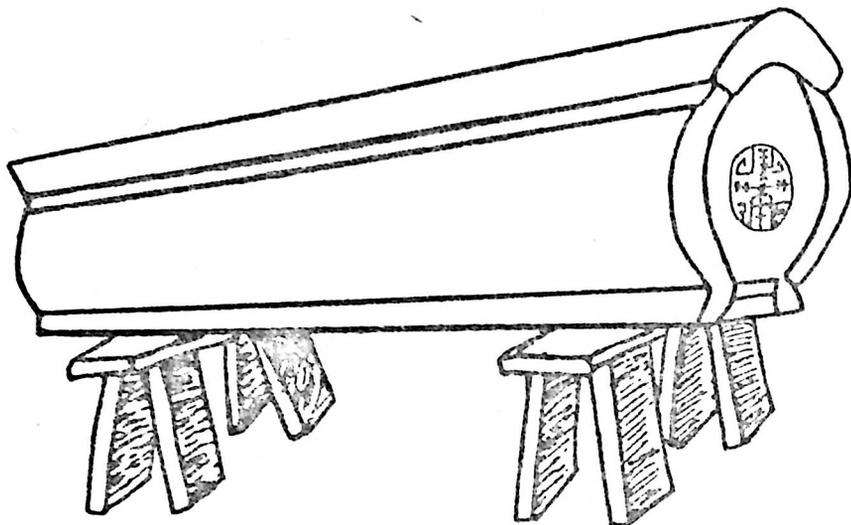
Почитание предков, прежде всего отца семейства, берет свое начало с традиции отношений между родителями и детьми, где отцовская власть обладала неограниченной силой. И хотя номинально китаец в возрасте 20 лет становился совершеннолетним, однако на самом деле он становился совершеннолетним лишь со смертью отца. Пока отец жив, он имел неограниченную власть над своими детьми. Поэтому почтение детей к живым родителям переходило к почитанию их останков. Это благодарность умершим, которым живые обязаны своим рождением и существованием: не было бы предков - не было бы и ныне живущих.

Уважение к усопшим сложилось в Китае в нравственную потребность под влиянием тесного общения между поколениями, сознания прочности связей между живущими и умершими, глубокой верой в бессмертие духа. Будучи независимым от тела, дух мог существовать самостоятельно, отдельно от тела, которое его питает. Забота о духе после смерти человека становилась обязанностью ближайших родственников. Покойному отцу приносил жертвы его старший сын, а последнему, равно как и всем восходящим членам рода, - внук, правнук и т.д. Через посредство жертвоприносителей умерший сносился со всеми своими родственниками и знакомыми. Ритуал похорон, посещение могил для поминовения, молитвы в домашнем алтаре - все имело целью связать живущих с умершими.

Сразу же после смерти главы семьи с ним общались словно с живым. Перед тем как его положить в гроб, старший сын произносил такие слова:

"Твой сын, находясь в большом трауре, осмеливается выразить скорбные чувства перед прахом своего отца. Избыток сделанных мною несправедливых дел разразился несчастьем на тебе, моем родителе. Обязанный тебе рождением, воспитанием и бесчисленными благодеяниями, я вдруг лишился тебя навеки. И вот теперь предстоит совершить над тобой обряд возложения в гроб. Уже не услышу больше твоих отеческих наставлений и не увижу тебя. Почему ты так внезапно был доведен до крайнего несчастья? О чем с благоговением сообщают".

Приблизившись к гробу, старший сын становился на колени перед покойником, брал рюмку с вином и трижды предлагал ее усопшему в качестве жертвоприношения. Затем брал с помощью палочек лапшу из чашки и трижды подносил ее ко рту усопшего. Таким же путем трижды преподносился вареный рис.

Китайский гроб

Возле дома состоятельного покойника ставили миниатюрный бумажный паланкин с носильщиками: пусть усопший отправится на тот свет не пешком, а в паланкине. Четырем носильщикам давали по рюмке вина: это было "вознаграждение" за их труд на том свете. У гроба ставили бумажные фигурки мальчиков и девочки: они должны были ухаживать в загробном мире за покойником. Вся эта бутафория предавалась огню под монотонные молитвы монахов и под резкие звуки ударных инструментов. Здесь же раскладывали различные яства, которые покойный при жизни любил отведать.

В древние времена китайцы смотрели на могилу как на место, где усопший покоился телом вместе с его духом. И если могила была постоянным прибежищем усопшего, то его дух обладал свободой "передвижения". Родственники, каждый раз навещая могилу, приносили жертвы. Дух усопшего временно покидал могилу, направлялся для получения жертв в кумирню - алтарь, сложенный в виде маленькой примитивной пагоды перед могильным курганом. Если родственники по бедности не имели кумирни, они раскладывали жертвы прямо возле могилы.

Усопший должен прожить в могиле не день, не два, а навсегда остаться в ней, поэтому предоставленная покойнику собственность постепенно истощалась: кушанья будут съедены, вино выпито, одежда износится, утварь и мебель испортится и сломается. В конце концов усопший рисковал остаться без всего.

Родственники усопшего не могли допустить, чтобы дух предка терпел лишения. Отсюда появлялась необходимость могильных жертвоприношений - доставлялись предметы, который служили усопшему, облегчали его "жизнь" в потустороннем мире.

Наиболее важным ритуалом считалось жертвоприношение предкам в ночь накануне Нового года. В течение примерно двух недель духи предков "получали" еду и питье, им давали полотенца, смоченные горячей водой, для того, чтобы обтереть их лица. На стол выставлялись пять видов кушаний, пять чашек вина и пять чашек чая и десять палочек для еды. Все делалось так, чтобы предки пяти поколений могли вместе с живыми провести новогодний праздник.

Духи предков символически насыщались запахом пищи, оставляя для живых ее материальное воплощение. После этого члены семьи принимались за трапезу. Обычай запрещал на таких трапезах присутствовать знакомым, даже самым близким друзьям, кроме членов семьи.

Почести предкам не только служили выражением уважения к усопшим, но и должны были положить конец ссорам в семье, сплотить их под эгидой старшего. Если предков не приглашали разделить трапезы на Новый год, то это расценивалось как грубое нарушение благочестия - позор ложился на всю семью позабывшую ради своего удовольствия усопших предков.

Глава семьи трижды простирался перед алтарем предков и ставил в курильницу зажженные благовонные палочки. Предков чествовали различными подношениями: если на юге страны главным жертвенным блюдом был вареный рис то на севере таким блюдом считалось просо. Жертвенные блюда затем съедали - так живые соединялись с духами умерших в совместной трапезе. Для духов предков сжигали особые жертвенные деньги, а также записки с пожеланиями для них блаженства в потустороннем мире.

Этот ритуал соединял живущих членов семьи с их предками. Так духи предков "навещали" живых родственников и встречали вместе с ними Новый год.

В конце марта и начале апреля в Китае отмечался Праздник поминовения. Наступала весна, солнечные лучи согревали землю, вскрывались реки зеленели деревья, появлялась трава. Пришло теплое время, когда люди навещали могилы предков, поэтому этот праздник называли Праздником могил. Его называли также "бай-шань" (поклонение горам). Такое название связано с тем, что китайцы всегда предпочитали хоронить своих покойников в горах. Этот праздник называли также "сю фэньди" что означало "приведение в порядок могильных курганов".

Если на Новый год духи мертвых "навещали" живых, то в Праздник поминовения живые навещали духов мертвых.

Во время Праздника поминовения семья направлялась навещать могилы предков. Отец семейства брал с собой мотыгу или лопату, чтобы подровнять могилу, жена же несла корзину с пищей как для принесения жертв духам усопших, так и для собственной трапезы тут же на могиле. Путники трогались в путь очень рано, чтобы не позже полудня быть уже на месте захоронения.

Достигнув могилы предков, семья принималась за работу. Отец начинал окапывать ее, выравнивая и исправляя все повреждения, причиненные дождями и ветрами. В то время как он приводил в порядок могилу своего отца, стараясь придать насыпи прежнюю форму, жена и дети раскладывали перед могилкой пищу, принесенную с собой для насыщения голодного духа умершего. Когда все приготовления были окончены, отец, как главный жрец семьи, становился на колени перед могилкой и, подняв сложенные вместе руки, обращался к духу покойного с такими словами: "Твои дети явились сегодня к тебе с приношением. Мы бедны и потому не можем принести более изысканных кушаний. Приди, не гнушайся тем, что мы принесли тебе, и раздели с нами нашу трапезу. Покажи нам, что ты любишь нас, как любил раньше, пока не ушел от нас в иной мир". После этого переходили к рассказу о домашних делах: "В этом году наши дела шли неважно. В семье многие хворали, и мы кое-как сводим концы с концами, хотя все много работаем и соблюдаем во всем величайшую экономню. Просим тебя, не оставляй нас своими заботами. Вспомни нашу родственную любовь и воспользуйся своей силой - ниспосли благосостояние нашему дому. Отнесись благосклонно к этой молитве, наш дорогой родитель, и возроди надежду на улучшение участи тех, кого ты еще любишь". Тексты молитв предавались огню под резкие звуки взрывающихся хлопушек.

Обращаясь на могилках к покойным предкам, потомки иной раз произносили молитвы, имеющие эмоциональное содержание, вроде: "Предки нашей семьи, снизойдите, чтобы даровать нам ваше покровительство. Все, что мы имеем - это ваш дар; и все, что мы знаем, - это знания, переданные вами своему потомству - о законах жизни и смерти; о том, что следует делать и чего следует избегать; о том, как сделать жизнь менее мучительной, чем этого хотела

Моление перед табличками духов предков

Табличка духа предка

бы природа, о добре и зле, печали и несчастье, об ошибках честолюбия, о мудрости доброты, о необходимости жертв. Это вам, основателям наших семейств, мы, недостойные, приносим свою благодарность".

Духов предков торжественно уведомляли обо всех самых важных событиях в жизни каждого члена семьи: о рождении, совершеннолети, вступлении в брак, об успехах по службе, повышении в чинах, смерти и т.д. Умерший якобы принимал деятельное участие в радостях и горестях оставшихся в живых потомков.

После обращения к духам предков все угощения, приготовленные для них, съедала проголодавшаяся семья.

Важно было, чтобы жертвоприношения совершались перед заходом солнца, так как духи предков, которые являлись и проводили время с потомками, должны были успеть вернуться в могилу до того, как на ночь закрывали городские ворота.

Верили, что над могильным холмом витают различные местные духи. Для них недалеко от могилы прямо на землю ставили две свечи и три благовоющие палочки, расставляли три чашки риса, три рюмки вина и разбрасывали "жертвенные деньги". Свечи и благовоющие палочки зажигались, а "жертвенные деньги" под звуки взрывающихся хлопушек предавались огню.

Затем жертвы приносили духам нищих, тяжелобольных и другим несчастным. Им подносили мучные сладости, вареный рис, имитированную одежду и "жертвенные деньги". "Одежда" и "деньги" сжигались и в виде дыма достигали мира духов. На могилу клали длинные желтые полоски бумаги и придавливали их землей или камнями (так подтверждалось право на нее родственников), возливали вино.

Обычай требовал навещать могилы предков не менее одного раза в год, что означало "возобновление" права на землю, где возвышался могильный курган. Неубранная, не приведенная в порядок могила означала, что потомки

усопшего скончались или выехали в отдаленное место. Такая могила считалась заброшенной и могильный холм сравнивался с окружавшей его землей.

При возвращении домой члены семьи вновь взрывали хлопушки, брали с собой ветки ели или другого дерева, которые в вазе ставили на семейном алтаре. Одновременно зажигали свечи и благовонные палочки и раскладывали у алтаря жертвоприношения: вареный рис, мясо, овощи. В этот день обычно у главного входа во двор дома приклепляли ветки ивы, раскладывали их внутри дома.

Китай издавна был страной земледельческой. Китайский крестьянин имел собственный клочок земли, или арендовал ее у помещика, и там же из поколения в поколение хоронил своих предков. Так появились могилы усопших предков на земле их потомков. В древнейшие времена при малочисленном населении и сравнительно большом количестве свободной земли крестьянская семья имела возможность иметь родовое кладбище.

Если при долговременном пребывании семьи на одном месте можно было приносить жертвы духам предков близ их могил, то в дальнейшем при развитии колонизации посещение могил стало затруднительным, а иногда просто невозможным, когда сельский житель переезжал на жительство в другое место. Для переселившейся китайской семьи вставала дилемма: или отказаться от культа усопшим предкам, или прибегать к иной форме культа. Совсем отказаться от поклонения усопшим предкам считалось большим грехом.

Сперва дух предка вызывался из могилы каждый раз, когда его следовало чествовать жертвами и молитвами. Он являлся на приглашение, удовлетворял свои потребности и, испослав свое благословение жертвующим, возвращался в свое жилище - в могилу. Если дух предка мог из могилы подходить к кумирне для получения жертв, то почему бы ему для собственного удобства и для удобства родственников не остаться навсегда в семейном алтаре. Но тогда надо было незидный образ духа воплотить в материальный предмет. Так возник обычай воплощения духа покойного в поминальной табличке, которая представляла собой дощечку длиной до 30 и шириной около 10 сантиметров.

Покойнику давали посмертное имя, которое писали на внешней стороне таблички. После его смерти нельзя было произносить имя, которое он имел при жизни. На внутренней стороне писали настоящее имя усопшего, число, месяц, год рождения и смерти, а также место погребения. Такую табличку писали во время погребения или в доме умершего еще до его погребения. Ее устанавливали в домашнем алтаре.

Каким же образом дух покойника "вселялся" в поминальную табличку? Ее клали на крышку гроба. Старший сын, став на колени, громко восклицал: "Отец, вставай!" Эти слова, по убеждению суеверных, побуждали духа усопшего воплотиться в табличку. Существовал и такой ритуал. Во время жертвоприношений на могиле выставляли на видном месте табличку духа покойника - ей поклонялись плакальщики, а старший сын, опустившись на колени, несколько раз повторял: "Пусть кости и мясо покойного останутся в Земле, а его дух воплотится в табличку".

Старший сын произносил и такие слова перед табличкой покойного отца: "Сегодня я предал погребению твой прах. Благоговейно перенесенную с кладбища табличку твоего духа я поместил на особом духовном седалище и предлагаю ей настоящие жертвы. Передавая эти жертвы, я исполнен грустного сомнения относительно того, будет ли дух твой наслаждаться в нашем доме вечным спокойствием и будет ли с радостью взирать на приносимые ему жертвы. Прошу осенить меня свыше счастьем".

После того, как табличка духа предка была установлена в семейном алтаре, дважды в год - в день его рождения и в день смерти - совершались жертвоприношения. Перед табличкой духов предков выставляли несколько тарелок с мясом, вареным рисом, рюмки с вином, свечи, благовонные палочки и "жертвенные деньги". К табличке духа предков родственники относились так, словно это был живой человек.

Духам предков говорили о всех важных событиях, которые происходили в семье. Вот, например, что, сообщали о бракосочетании детей. Хозяин семьи извлекал из ящика таблички духов предков, расставлял их на алтаре, возжигал

благовонные палочки, возливал вино, делал четыре поясных и четыре земных поклона. Сзади него стояли сын с молодой женой. Отец сообщал духам предков о бракосочетании в таких словах:

"Такого-то года, месяца и числа, такой-то сын осмеливается донести умершему предку о важном обряде брачного союза, ставшем единственным источником для поддержания потомства. Мой родной сын вступил такого-то числа в законный брак. Его молодую жену осмеливаюсь представить при сем для обозрения предкам. Благоговейно умоляю обратить на нее милостивое внимание и благословить ее счастьем и долгожительством, хранить ее дом и родственников, благословить ее на многочисленное потомство. О чем смиренно доношу".

В течение примерно двух недель духи предков "получали" еду и питье, горячие влажные полдотенца для того, чтобы отберечь их призрачные лица. Как на новый год на стол выставляли пять видов кушаний, пять чашек вина, пять чашек чая и десять палочек для еды. Все делалось так, чтобы предки пяти поколений могли воспользоваться жертвоприношениями.

Духи предков символически насыщались запахом пищи, оставляя для живых ее материальное зоплощение. После того, как считалось, что духи предков насытились, члены семьи принимались за трапезу. Обычай запрещал на таких трапезах присутствовать кому-либо, кроме членов семьи, даже самым близким друзьям.

Табличка духа предка имела особое преимущество: если крестьянин переезжал из деревни в город, или из одной деревни в другую, то брал с собой табличку духа предка и устанавливал ее на новом месте в своем семейном алтаре. Так, живя вдали от могилы покойного отца, он не порывал связи с его духом.

В семейном алтаре хранились таблички духов предков четырех поколений: прапрадеда, прадеда, деда и отца, а иной раз духов пяти поколений. Но вот вышел срок "пробы" духа предка в семейном алтаре. Перед тем как изъять такую табличку, старший сын произносил примерно такие слова:

"Такого-то года, месяца и числа почтительный правнук осмеливается сообщить духу родоначальника пятого рода такому-то: древние определили нам правила для руководства при жертвах. По этим правилам в домашних алтарях таблички духа предков хранятся только до четырех старших родоначальников. Моя сердечная преданность к вам беспредельна, но при распределении табличек я обязан придерживаться известных правил. Ваша табличка духа в настоящее время должна быть исключена из алтаря предков. При сем сознаю, что испытываю невыразимую скорбь. Сообщаю вам о перемещении вашей таблички. Прошу осенить меня счастьем".

Изъятая из алтаря табличка духа предка зарывалась в землю возле его могилы. Чаще всего такие таблички сжигались на могиле предка, а пепел от нее или зарывался рядом с могилкой, или сохранялся в специальном сосуде.

Культ предков - плод своеобразного мышления и богатой фантазии китайского народа, соединения реального бытия и незаурядного воображения. И как бы ни повышался его культурный уровень, как бы разум ни вытеснял суеверия, культ предков останется в сознании китайцев как прекрасная традиция, как волшебная сказка, наполненная очарованием, как благодарная память живых о мертвых.

Мингэй - народные промыслы японцев

© 1993

Э. Молодякова

Народное искусство любой страны - это эмоциональное реагирование людей на окружающий их мир, исходящее из внутренних творческих переживаний. Оно представляет собой живую, развивающуюся традицию, своего рода летопись самых разнообразных изменений, происшедших за века и даже тысячелетия истории человечества и нашедших отражение в предметах материальной культуры. Как вполне справедливо замечает итальянский ученый Фоско Маранни, "искусство в основе своей отражает физические, расовые и социальные характеристики, приметы одежды, положения труда, церемонии, игры. Но в то же время происходит и обратный процесс... Само искусство становится неисчерпаемым источником вдохновения для всех людей во всех сферах общества"¹.

Особенно это верно в отношении народного искусства, которое является как бы квинтэссенцией культуры народа, его художественного творчества. Именно в народном искусстве наиболее полно отражены социопсихологические особенности этноса и его национальный характер. Это оказывает существенное влияние на развитие, содержание и формы искусства, удовлетворяющего эмоционально-эстетические потребности каждого этноса.

В национальном характере японцев, сложившемся в результате взаимодействия национальной религии синто (путь богов), и пришедших из Китая и Кореи буддизма и конфуцианства, сочетаются трудолюбие и чувство природы, обостренное восприятие прекрасного, приверженность традициям и стремление к заимствованию, любознательность, терпение, выносливость, природный оптимизм и одновременно способность подчиняться силе, не ломаясь при этом.

На народное искусство японцев, как впрочем, и на большинство сфер их духовной жизни, огромное влияние оказывает природа. В значительной степени под воздействием любви и почтения японцев к природе сложилась одна из двух составляющих синто, а именно обожествление природы, восприятие ее как щедрого, но непостижимого источника жизни, оделяющего людей своими дарами. Согласно синто, мир населен мириадами богов - kami. Ими могут быть как мифологические или исторические герои и мудрецы, так и животные, насекомые, растения и даже гром, гроза, эхо в горах. Именно такое отношение к природе, черпание в ней вдохновения достаточно отчетливо проявляется в народном японском искусстве.

В нем находит отражение не только необыкновенная привязанность народа к своей земле, но и редкое разнообразие географических условий здесь. Очарование природы связано не только с разнообразием, но и с большой контрастностью сезонов. На японских островах много влаги, но нет испепеляющей жары и жгучего холода, поэтому можно спокойно любоваться природой во все времена года. При этом каждый сезон имеет свою специфику для любования - снег зимой, цветы весной, луна осенью. Это породило характерное выражение на японском языке для обозначения красоты времени года - "Снег-луна-цветы".

Такое восприятие природы способствовало формированию у японцев тонкого, изящного изобразительного стиля. Отличительной чертой его является сохранение природной красоты изображаемого предмета. Например, воссоздавая цветок, японец старается передать его таким, как он есть, не стилизуя и не модернизируя до неузнаваемости. Этому способствует и использование, подчас весьма изобретательное, самых разнообразных природных материалов - дерева, бамбука, соломы, бумаги, ракушек, глины, металла. Эти простые на вид

Молодякова Эльсена Васильевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН

материалы в искусных руках превращаются в изящные предметы повседневной жизни, игрушки для детей, украшения для дома, атрибуты домашних алтарей и храмов. Способность японцев не только чутко воспринимать особенности материала, но и мастерски воплощать их в художественные изделия в не меньшей степени содействовала высокому развитию ручных художественных ремесел по всей стране.

Несомненно, что определенное очарование предметам народных промыслов придает своего рода аура некоей таинственности, глубинной связи с прошлым, полным поверий, легенд, сказок. Со многими изделиями художественных ремесел связаны необыкновенные истории, мифы, религиозные сюжеты. В японской культуре, художественной традиции тесно сплетены в единое целое национальные самобытные элементы и иностранные заимствования. В первую очередь это касается ближайшего континентального соседа - Китая. Японцы, заимствовав его художественные образцы, переработали и приспособили к своему образу жизни, к своей национальной традиции.

Одно из важнейших проявлений традиции - народное искусство мингэй (мин - народ, гэй - искусство). Это понятие ввел в обиход в конце 30-х годов крупнейший специалист в этой области проф. Соэцу Янаги. Вместе с другими энтузиастами он создал в Токио первый и крупнейший музей народного творчества - "Мингэйкан", обладающий уникальной коллекцией произведений художественных промыслов из всех префектур страны.

Однако мингэй имеет и еще одно толкование. Так называют одно из направлений традиционного прикладного искусства, связанное с местными народными промыслами и ремеслами. Характерной чертой их была привязанность к определенной географической точке с давней традицией. При таком толковании мингэй - это та часть прикладного искусства, которая ориентируется на спрос довольно ограниченного числа местного населения, а также те сельские ремесла, которые изготавливают предметы повседневного быта. Мастера этих направлений стремятся не к пышности и декоративности, а к изящной простоте и удобству в использовании. Можно сказать, что произведения мингэй ориентированы на "крестьянскую" культуру в отличие от основных произведений прикладного искусства, опирающихся на городскую культуру, с подъемом которой со второй половины XVII в связан расцвет этого искусства.

Традиции мингэй не потерялись в динамичной жизни современного японского общества. Они нашли свою нишу и в сельских районах, и в больших городах. До настоящего времени сохранилась не одна сотня разнообразных видов мингэй. Большая часть их имеет четко обозначенное место производства, а некоторые, такие как национальная обувь гэта, украшения для поясов кимоно, амулеты, статуэтки богов, отдельные популярные народные игрушки, изготавливаются повсеместно.

Безусловно, сохранение и поддержание мингэй - задача достаточно сложная, прежде всего в экономическом плане. Как бы то ни было, а рынок сбыта для них не так уж велик. Это привело к уходу в небытие многих ремесел, а некоторые умирают буквально на глазах. В последнее время эта тенденция несколько приостановлена целенаправленной деятельностью муниципальных властей, направленной на возрождение народных промыслов, и расцветом внутреннего туризма. Однако ориентация на туристов (что, конечно, лучше, чем ничего), в определенной степени коммерциализация промыслов постепенно может привести к потере художественных достоинств. Примечательно, что в последнее время наблюдается коллекционный бум произведений народного творчества среди туристов, принадлежащих к так называемому среднему классу. Этому немало способствует прекрасная реклама лучших произведений мингэй на страницах популярных журналов и на телевидении.

Государство также заботится о сохранении мингэй. Специальным законом об охране культурных ценностей некоторые промыслы, известные оригинальностью, мастерством производства, признаны "духовными национальными культурными ценностями", а мастера, изготавлиющие

высокохудожественные образцы народного творчества, получают звание "национальное сокровище".

Размышляя обо всем этом, я невольно смотрю на любимые мингэй, окружающие меня. На книжном шкафу около письменного стола стоит дарума. Это большая, около 40 сантиметров в диаметре ярко-красная, шарообразная игрушка, сделанная из папье-маше, изображает божество буддийского пантеона - жреца Дхарма. Она имеет только лицо, на котором белеют огромные глазницы, и туловище без ног и рук. Легенда рассказывает, что путешествуя по Индии и Китаю, Дхарма много проповедывал и учил людей, когда же он убедился, что император срединной империи не внял его учению, то удалился в один из горных монастырей и в течение 9 лет предавался там медитации, не сходя с места. Когда же он попытался встать, то ноги не повиновались ему. Поэтому дарума изображают без ног, как бы имитируя позу лотоса. А руки не видны потому, что скрыты складками красного одеяния, которое обычно носили индийские монахи.

Отсутствие глаз на лице дарума объясняется, в частности, тем, что во время долгой медитации он учился смотреть, познавать мир, устремляя взор в себя. Считается, что дарума приносит удачу, вселяя в его владельца уверенность и решимость, т. е. те качества, которые проявило божество во время медитации. Дарума также символ стойкости - ведь как бы его ни наклоняли из стороны в сторону, он все равно поднимается. Его называют еще непопадающим монахом - своеобразный эквивалент ваньки-встаньки. О нем говорят - "семь падений - восемь подъемов", что значит преодоление превратностей судьбы негибким дарумой.

Считается, что дарума может помочь в исполнении желания. Покупая его, следует загадать желание и закрасить одну из пустых глазниц. Обычно это делается во время праздников, чаще всего на Новый год. Когда же желание исполняется, закрашивают второй глаз. Отныне божество поселится в Вашем доме. Если же надежды не сбылись, то дарума просто выбрасывают или же оставляют до следующего праздника, когда вновь можно обратиться к нему за помощью. Покупают дарума обычно на специальных ярмарках, где их многие тысячи, размером от яйца до огромных, ростом до метров. Мой дарума привезен сыном из Токио. Купив его под новый год., он, конечно, закрасил один глаз. Я смотрю на этого дарума с надеждой. Сбудется желание, или нет, мы с ним не расстанемся.

Подоконник, около которого стоит письменный стол, застелен хана-годза, дословно "цветочная циновка". Это дивной красоты многоцветная циновка, достаточно сложного рисунка, сотканная, именно сотканная, из специальной травы со звучным названием игуса. Поля этой травы с высокими, тонкими, но очень упругими стеблями - характерная примета пейзажа преф. Окаяма на побережье Внутреннего японского моря. После того как трава скошена, стебли ее отбеливают, размягчают и окрашивают в различные цвета. Затем они попадают в руки искусственных ткачей. Традиция изготовления соломенных циновок - одна из самых древних в стране. Они производились даже раньше, чем татами, которые мы привыкли видеть повсюду в Японии. Но искусство ткачества хана-годза возникло лишь тогда, когда люди научились делать сложный рисунок из игуса и использовать широкую цветовую гамму ее окрашенных стеблей. Изделия ткачей хача-годза чрезвычайно популярны. Мастера ткют большие циновки для пола, покрывки на столы, подставки под стаканы, различные кошельки, демонстрируя широкие возможности материала.

С недавних пор у меня на столе лежат кумадэ, дословно "медвежья лапа". Это талисман на счастье, который очень популярен у японцев. Кумадэ сделаны из бамбука и по форме похожи на грабли, у которых от поперечной планки всером расходятся тонкие пластинки с загнутыми концами. Размером кумадэ бывают от 10 см до полутора метров. Подчас они очень богато декорированы различными символами благополучия и удачи. Кумадэ держат дома или на работе как талисман на счастье. В одном небольшом ресторанчике в Киото я увидела довольно большие кумадэ, висящие на стене рядом с документом в красивой раме, свидетельствующим о том, что этот ресторанчик

образцового содержания. Спутники-японцы сразу же обратили мое внимание на этот амулет, сказав, что японцы очень любят его. Считается, что подобно тому, как человек сгребает зерно, так он будет "загрывать" и счастье.

Валерий Брюсов назвал японию "страной вееров". Так она воспринималась иностранцами в начале века, но даже сейчас ее трудно представить себе без этого традиционного спутника японцев. У меня в комнате на стене висит десяток складных вееров - оги. Все они не бытового назначения, а декоративные. Их производство насчитывает более чем тысячелетнюю историю, так же как и другого типа - утива - плоского, круглого, нескладывающегося веера с бамбуковой ручкой. Практически с каждой страницы древнейших придворных хроник и поэтических антологий до нас доносится легкое дуновение, вызываемое помахиванием вееров. По справедливому замечанию специалистов по японским традиционным ремеслам Кацудзиро Ватанабэ, "веера родились вместе с японцами". Они соединили в себе два наиболее популярных в стране материала - бамбук и бумагу ручной выработки. Конструкция их оказалась столь рациональной, что почти не претерпела изменений по сей день.

В старину, когда веера были привилегией лишь аристократов, они использовались помимо основного предназначения для написания стихов и писем, переписки сутр, для исполнения рисунков, как атрибут в придворных, синтоистских и буддийских церемониях, как украшение или священный амулет на праздниках. Веера во все времена считались хорошим подарком по торжественному случаю - на свадьбу, в день рождения, на празднике.

В средние века очень популярными среди воинского сословия были так называемые военные веера, использовавшиеся во время боя для подачи команд. Во многих случаях на них изображались солнце или луна. Позже их стали делать из металла или кожи, и они уже играли роль щитов. Напоминанием о таком применении вееров служит для меня маленький металлический веер с изображением большого Будды из Камакура, стоящий за стеклом на одной из книжных полок. Позже такие военные веера трансформировались в ритуальные у рефери во время борьбы сумо. Об этом свидетельствует их японское название - гумбай утива, которое переводится как "веер полководца" и "веер судьбы в сумо".

С XV-XVI вв. веера входят в повседневную жизнь горожан. Особенно любимыми у женщин становятся утива с красивыми картинками, изображающими цветы, актеров. На одном из моих вееров нарисована маска актера театра Но. Изобретение в XVIII в. техники цветной гравюры на дереве способствовало и созданию прекрасных образцов утива. Излюбленным сюжетом японских гравюр стали красавицы, держащие утива. В моей коллекции есть несколько вееров, на которые перенесены гравюры Хиросигэ из серии "53 станции Токайдо".

Особую популярность складным веерам придает и скрытый в них сакральный смысл. Считается, что раскрытый веер, имеющий форму полукруга символизирует удачу, которая разворачивается перед человеком, подобно тому, как разворачивается веер из сложенного состояния. Складной веер имеет еще название суэхиро, обозначающее "постепенный расцвет" или "устремление в будущее".

В наши дни кондиционеры и вентиляторы потеснили веера в повседневной жизни японцев, но они остались в традиционном театре, в танцах, в религиозных ритуалах, на праздниках и торжественных мероприятиях. По-прежнему они желанный подарок. Веера как посланцы далекого прошлого не утрают своего магического очарования, пока их будут делать из бамбука и бумаги.

Кстати, сейчас очень широко используются ремесленные поделки в виде утива для разного рода рекламы. Они изготавливаются из довольно некачественной бумаги с пластмассовыми ручками, зато с броскими рисунками. Такие веера есть и у меня, но они, конечно, отражают совсем иную эпоху и иную культуру.

Велико желание описать еще многие прелестные образцы мингэй, но хочу закончить рассказом о лисицах, верных помощниках и покровителях многих поколений японцев-рисоводов. Нередко у входов в синтоистские храмы сидит на пьедестале пара лисиц - знак посвящения храма божеству Инари, которое помогает крестьянам получить богатый урожай. Первый храм в честь этого божества был основан в VIII в. в местечке Фусима, около Киото и тогда же здесь "поселились" лисицы - посланцы Инари на земле. Они очень усердно просили божество доверить им эту честь. Пришли они парой - белый лис и коричневатая лисица. С тех пор "расселились" они во всех больших и малых храмах Инари-сама, великое множество которых разбросано по всей стране. По сей день в этих храмах стоят статуэтки зверьков, большей частью любовно вырезанные из камня, встречаются старинные изящные образцы из дерева, и даже большие фарфоровые, покрытые эмалью. Здесь же можно купить фигурки лисиц, сделанные из панье-маше или глины. Такие есть и у меня дома. Делаются статуэтки различных размеров, в зависимости от величины храма или кумирни, и изображения их несколько варьируются. В некоторых парах лис держит во рту ключ - символ изобильного урожая, а лисица - драгоценный камень, обещающий богатство.

Испокон века широкая популярность среди населения изделий народных ремесел, особенно изготовляющих предметы быта, не в малой степени способствовала формированию у японцев тонкого эстетического вкуса. Об этом в первую очередь может свидетельствовать керамическая и фарфоровая посуда, изготовление которой имеет богатую традицию в стране. Особенности сервировки японской кухни требуют чрезвычайного разнообразия подносов, тарелок, блюдец, мисочек, кувшинчиков, чайничков, ибо для каждого блюда предназначена своя посуда определенной формы и размера. Например, до сих пор считается лучше всего подавать любимое почти всеми японцами блюдо, лапшу из соба (гречишной муки), которую едят в горячем и холодном виде в зависимости от сезона, в фарфоровых мисках. Эти миски уже не один век производят в местечке Арита преф. Сага. Простой, но элегантной формы так называемые соба-тёко богато украшены кобальтовым орнаментом снаружи и скромно декорированы по ободку внутри и на донышке. Популярность соба может служить гарантией того, что народный промысел производства для ее сервировки посуды в преф. Сага будет, вероятно, жить еще очень долго.

То же можно сказать и о популярном промысле из преф. Кагосима, мастера которого производят традиционные по форме, доставляющие истинное эстетическое удовольствие чайнички для заварки зеленого чая. Их называют черные чайнички Сацума (по имени господствовавшего здесь клана), поскольку они полностью покрыты черной глазурью. Изящная ручка выполнена из сплетенного бамбука. Еще одним очень популярным образцом этого же промысла являются сосуды для сётю (низкосортная крепкая водка). Простой круглой формы с гладким и ровным черным покрытием, но с контрастирующей к форме замысловатой ручкой, с маленькими ножками, чтобы сосуд устойчиво удерживался на огне и жидкость лучше циркулировала в нем, этот функциональный по своему дизайну сосуд является истинным представителем народного промысла из Кагосима.

По сей день в повседневной жизни японцев даже самая простая вещь отличается красотой, изяществом, простотой. Можно сказать, что в быту японцев нет некрасивых вещей и в этом есть несомненная заслуга мингэй.

---

1. Фоско Маранини. Япония. Образцы и традиции. - М., 1980. - С. 67.

Во многих произведениях китайской исторической и художественной литературы действует особая социальная группа людей, которая получила название "ся", что можно перевести как "удальцы" (рыцари)¹. Они упоминаются в произведениях Хуэй Наньцзы и Хань Фэйцзы, им посвящены "Жизнеописание мстителей" и "Жизнеописание странствующих удальцов" Сыма Цяня. Эти герои встречаются в танских новеллах, сказах Эпох Сун, Юань, Мин, поэтическом собрании "юэфу" и авторской поэзии (например, в стихотворениях Ли Бо, Лу Ю, Тао Юаньмина и др.). О них идет речь в романах "Речные заводи" Ши Найяня и "Последующее повествование о речных заводах" Чэнь Чэня, новеллах Пу Сунлина, а также в авантюрных и исторических романах более позднего времени, таких как: "История усмирения бандитов" Юй Ваньчуна, "Трое храбрых, пятеро справедливых" Ши Юйкуня, "Повествование о героях и героинях" Вэнь Кана и многих других. Возникнув впервые в период Борющихся царств (403-202 гг. до н.э.), удальцы - "ся" со временем начинают играть заметную роль в социальной жизни, а их образ соответственно появляется в литературных произведениях разных эпох. И если из официальной историографии в силу своей деструктивной общественной роли "ся" как бы просто выпадают (исключением, которое лишь подтверждает это правило, являются "Жизнеописания" Сыма Цяня), то литературные произведения, особенно те из них, в которых получили отражение социальные конфликты, вполне могут служить источником реконструкции духовного мира этого своеобразного слоя "отверженных" китайского общества древности и средневековья.

В настоящей статье предпринята попытка исследования духовного мира странствующих удальцов, этого своеобразного рыцарского сословия на материале "Жизнеописаний"² Сыма Цяня (род. 135 или 145 г. до н.э.), первом достаточно развернутом упоминании об этой социальной группе китайского общества, прослеживается развитие идеалов удальцов - "ся" посредством анализа мировоззрения соответствующих героев средневекового классического романа Ши Найяня "Речные заводи"³ и его наиболее известного продолжения - "Последующее повествование о речных заводах" Чэнь Чэня⁴, в котором идеалы удальцов положены в основу оригинальной утопической теории "государства справедливости".

Со времен древности эти герои прозывались "юся" - странствующие удальцы или "цзыкэ" - мстители (дословно гость-мститель)⁵. Позже появляются синонимы понятия "ся": "ися" - благородный удалец, "цзянься" - удалец-меченосец (аналог бретера), "цзаося" - отважный удалец, "уся" - удалец-воитель, а также эвфемизмы: "люлинчжи хао" - удалец из зеленых лесов, "хаокэ" - удалец (дословно удалый гость), "хаохань" - аналог доброго молодца, а также "уши" - воитель, "чжуанши" - отважный воин и др.

Прежде всего возникает вопрос о социальной сущности явления: кем были удальцы-"ся", какое место они занимали в структуре китайского общества? Китайский ученый Фэн Юлань предполагает, что "ся" - это разорившиеся крестьяне и ремесленники, которые пополняли ряды профессиональных воинов. Аналогичную точку зрения поддерживает и тайваньский ученый Лао Кань. Тао Сишэн считает, что в эту социальную группу входили представители разных, а не только низших сословий. Сходного взгляда придерживается Дж. Лю и наш историк Фомина Н.И. Ученый Ян Лешэн считает, что "ся" были "промежуточным классом между аристократией и рабами, классом, который соответствовал рыцарству в средневековой Европе". Существуют и другие точки зрения на эту проблему.

Воскресенский Алексей Дмитриевич, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Китайские удальцы в отличие от европейского рыцарства или самураев, служилого военно-феодалного дворянства Японии, не имели четко очерченных сословных границ. Они занимали особое место в структуре китайского общества, но в самом низу социальной лестницы. Они были отвергнуты официальным миром, подобно рониным - японским самураям, лишившимся вассальной зависимости и испытывающим гонения со стороны властей⁶. Положение удальцов не было закреплено сословно (юридически, если говорить современным языком), и они не были отделены от других слоев определенными традициями (как, например, самурайство), хотя таковые и имели место. Не представляя четкого социального сословия, своеобразное содружество удальцов было открыто как для выходцев из низов, так и для привилегированных слоев - как правило, обиженных или недовольных существующими порядками. Обычно в группу "ся" входили те, кто по той или иной причине не нашел своего места в официальной структуре государства или был выброшен из нее.

Известный итальянский историк Франко Кардини, автор классического труда, посвященного типологии средневекового рыцарства, удачно сформулировал "расширительное" определение рыцарства. Он считает, что "соединение особого образа жизни и профессионализма с этической миссией и социальной программой и превращало воина в средневекового рыцаря⁷. Поясняя эту мысль, Ф.Кардини пишет: "Повторим, речь идет вовсе не о каком-то социальном классе, не о юридической категории. Рыцарство в конце X - начале XI в. - это своего рода некая общность образа жизни. И этот его образ жизни характеризовался прежде всего правилами поведения в группе вооруженных мужчин, применения оружия и, главное, наличием у коллектива как правовых, так и фактических привилегий, наконец, особым менталитетом⁸. По его мнению, формирование рыцарства как социального явления было связано со "стабилизированием" "культуры и самосознания профессионалов ратного дела"⁹.

Таким образом, возникающие аналогии между китайским удальцом "ся", европейским рыцарством и японским самурайством отнюдь не случайны, если отвлечься от того факта, что классический рыцарь и самурай были основным опорным звеном феодальной системы соответствующих государств¹⁰, а удалец "ся" нередко стремился к разрушению этой системы. Более четкую социальную аналогию даст сравнение с японским ронином, рыцарем позднего средневековья или его своеобразным аналогом - "рыцарем с большой дороги", социальный статус которых приближался к социальному статусу китайского удальца "ся". Нравственный же кодекс их представителей (учитывая временную корректировку) в значительной степени совпадал, впитав активную часть некоей универсальной системы представлений обиженных и угнетенных о справедливости и долге.

Китайские удальцы "ся" были своего рода изгоями общества. Но они не были уstraшены или повергнуты в отчаяние царившей несправедливостью. Отринутые официальным миром и зачастую им гонимые (из-за бедности, несогласия с существующими порядками или разных конфликтов, личных и социальных), они пытались с помощью нравственно-этических представлений создать свою, своеобразную "модель" общества, основанного на чувствах человеколюбия и справедливости, противопоставить его официальному миру и найти выход своим духовным силам и потребностям¹¹. Чэнь Чэнь, к примеру, в XVII веке писал о своих героях так: "Хотя были они удальцами-разбойниками, но в сердцах их была верность и справедливость, были они людьми прямыми и бескорыстными. Все они испытали притеснения со стороны алчных чиновников и не могли найти применения своим силам¹². Обладание личным авторитетом - своеобразная реальная сила удальцов "ся" - воспринималось в официальном чиновном обществе как зло. Поэтому нередко они подвергались гонениям как "инакомыслящие" - по сути, как мятежники и бунтари.

Но многие отнoсились к удальцам "ся" с уважением. В их среде действовали свои порядки и правила. В значительной степени это было "общество", основанное на узлах братства и дружбы - своеобразное "общество побратимов". (Заметим, что это было распространено и среди западноевропейского, например, французского рыцарства¹³). Такое содружество

стало прообразом лагеря повстанцев на горе Ляншаньбо в романе Ши Найяня и того чисто вымышленного общества, которое возникло на острове Золотой черепахи в последних главах романа Чэнь Чэня¹⁴. Уход героев этого романа "за море" в другие страны воспринимается как отчаянная попытка создать такое содружество в жизни и является отражением реально существующих в китайском обществе XVII в. тенденций¹⁵.

В "Жизнеописаниях" Сыма Цяня мы видим противопоставление, или точнее - соположение, двух миров: официального и неофициального. Историкограф Сыма Цяня интересовали известные чиновники и полководцы - мир благородных мужей и традиционных героев (См., к примеру, жизнеописания Гуань Чжуна, Янь Ина, Сыма Жанцзюя и др.¹⁶). Но параллельно ему историк выписывает неофициальный мир удальцов-"ся", мир людей, которые очернились и преследовались. Сыма Цянь стремится оправдать право этих людей на существование, чтобы запечатлеть их судьбы в своем труде. В его "Жизнеописаниях" мы видим постепенную смену этико-эстетического идеала человека, отступление от этического кодекса классического конфуцианства.

Герои Сыма Цяня в своем нравственном кодексе несут две системы. Одна из них традиционна для китайского общества того времени, а другая является новой и несвойственной ему¹⁷. Традиционный нравственный кодекс - это система, нормы которой были священны для всех "благородных мужей" (цзюньцзы)¹⁸. Общественное начало в этом традиционном кодексе сводит на нет начало личное, чисто человеческие мысли, чувства, стремления. И благородный муж мыслится прежде всего гражданином, совершающим свои подвиги на благо государства. Такая трактовка этического кодекса вполне соответствует конфуцианскому идеалу человека-гражданина, и гражданина по преимуществу¹⁹.

Традиционная трактовка благородного мужа предполагала четко закрепленное сословное разделение общества. Обладая твердо обусловленным и устоявшимся набором качеств, "цзюньцзы" совершал свои благородные поступки, приобретая имя в Поднебесной и признание со стороны потомков. Традиционный "цзюньцзы" выступал как сословный идеал, абстрактно-обобщенная фигура благородного мужа. С некоторой оговоркой к этой категории Сыма Цянь относит и мстителей "цзюэ".

В образах "цзюэ" и "юся" привлекает внимание тот факт, что многие из них изображены беспутными, проводящими жизнь в пирах и веселье, в описаниях (особенно у Сыма Цяня), так как в средние века в описаниях и по внешнему облику "ся" становится неотличим от истинного благородного мужа (официальной традиции) подчеркивается, что они - люди маленького роста, невзрачные, тогда как у благородного мужа по конфуцианским канонам и внешность должна соответствовать выдающимся внутренним качествам. Однако исключительное, если исходить из традиционной этической системы мышления, поведение и невзрачная внешность удальцов-"ся" подчеркиваются так нарочито, что не вызывают доверия читателя. Нарочитая "испорченность" или несдержанность нрава (здесь чувствуется влияние даосской традиции) несут определенную смысловую нагрузку: направляют внимание на единство восприятия жизни у этих людей и одновременно как бы противопоставляют их окружающему официальному миру добропорядочных "цзюньцзы". Новый этический кодекс, с его углубленным вниманием к частной жизни человека, выдвигает на первое место понятие дружбы и в то же время показывает, что основным для дружеских связей оказывается не сходство общественных устремлений, а совершенно противоположное - личные симпатии. Друг-единомышленник ("тунчжи") становится близким другом - "чжицичжэ", - то есть познавшим душу, сущность другого человека. Такие отношения связывают, к примеру, Ян Чжуна и Не Чжэна в "Жизнеописании мстителей" Сыма Цяня²⁰.

Удальцов и беспутников, которых, казалось, объединяет лишь неприятие окружающего их мира, связывает еще одна важная черта, которая подчеркивается историком в жизнеописании - это готовность помочь в беде²¹, отдать свою жизнь ради людей.

В изображении жизненного пути нового героя - "удальца-"ся" историк проводит традиционную линию: благородный муж, обладающий определенным набором качеств, совершает подвиг, за который прославляется потомками. Изменилось содержание понятий - сущность героя, но осталась неприкосновенной основная схема образа. Номинально качества благородного мужа и удальца-"ся" у Сыма Цяня совпадают и тем самым нравственный кодекс "ся" по внешним признакам оказывается тождественным традиционному этническому кодексу "цзюньцзы". Это отчетливо видно в жизнеописаниях мстителей "сыкэ": Цао Куя, Чжуань Чжу, Цзин Кэ и странствующих удальцов "юся": Чжу Цзя Тянь Чжуна, Ван Гуна, Цзюй Мэна и др.²²

Другими словами, странствующий удалец "ся" тот же благородный "цзюньцзы", но как бы отраженный в зеркале восприятий Сыма Цяня, где понятие благородного мужа имеет иное значение, чем в традиционном миропонимании. Отринутые обществом удальцы-"ся" сосредотачиваются на частных интересах, на жизни для друзей. Таким образом, личное становится общественным, а общественное - личным. Частная (с точки зрения конфуцианских норм) жизнь героев у Сыма Цяня оказывается одновременно вариантом истинно гражданской жизни, а у Ши Найяня и в еще большей степени у Чэнь Чэня, фактически, и единственным вариантом истинно гражданского существования.

Для удальца-"ся" нет жизни вне своих единомышленников, друзей, и в то же время жизнь каждого из них становится достоянием. Однако, чтобы достигнуть слияния общественного и личного начал, герои Сыма Цяня должны уйти от общественной жизни государства в частную жизнь и попытаться поднять ее до высот жизни гражданской. Жизнеописания удальцов-"ся" Сыма Цяня показывают тщетность этих попыток. В то же время развитие этой тенденции к концу средних веков привело к отчетливой попытке формирования Чэнь Чэнем нравственных устоев своего утопического общества на основе идеалов удальцов-"ся".

Вышеуказанные моменты определяют и схему построения жизнеописаний мстителей "цэке". О первом герое Цао Куе говорится, что он действовал на благо государства, но с помощью силы ("ли"), что не соответствовало повседневному традиционному благородного мужа в конфуцианской традиции. Следующий герой Чжуань Чжу - совершает благородные поступки в служении своему господину, наследнику Гуану. Биография же Не Чжэна четко противопоставлена предшествующим. Не Чжэн умирает за своего господина, который одновременно является "познавшим его /душу/ другом" ("чжицзицжэ"). Не Чжэн и сам воспринимает его скорее не как господина, а как друга, восклицая: "Не Чжэн предоставляет себя в распоряжение познавшего его /душу/ друга ("чжи цзицзицжэ")²³, и не колеблясь идет на мучения ради достижения поставленной цели.

Жизнь удальцов "юся" в описании Сыма Цяня в отличие от мстителей "цэке" полностью прорастает в сфере неофициальных отношений - это, пожалуй, единственное более или менее существенное отличие между ними. Их качества нередко скрыты, они действуют тайком, их дела не укладываются "в русло правильной справедливости" ("чжэн и")²⁴ (в этом смысле они весьма напоминают японских ниндзя или монахов-воителей ямабуси в цзэн-буддизме и сян-даосизме)²⁵.

Первая часть параллели в "Жизнеописании странствующих удальцов" Сыма Цяня - образы Цзи Цы и Юань Сяна (учеников Конфуция) - дает возможность на основе соположения развернуть характеристику странствующих удальцов и подвести читателя к мысли, что эти люди тоже достойны славы. Они не служили государству, не служили своему господину, но служили просто людям, правда, преступая при этом законы официального общества (именно в этом смысле их поступки не укладывались в русло "правильной справедливости"), а потому они преследовались и подвергались гонениям.

Конечно же, странствующие удальцы обладали определенным влиянием в официальном мире, на них рассчитывал и использовал их силы определенный круг людей. Но эта сила заключалась не в официальной власти, а во власти

моральной - в их нравственном авторитете и, к примеру, дела "какого-то" странствующего удальца Го Се у Сыма Цяня обсуждают известные полководцы, столичный прокурор и даже сам император. Аналогичные сцены мы видим у Ши Найяня, Чэнь Чэня и других более поздних авторов. Именно эта моральная сила, своеобразное влияние, направленные, в основном, на отрицание традиционного общества, и вызвали ответную реакцию официального мира, который отринул удальцов-"ся", но все же не мог не считаться с ними. Дела и поступки странствующих удальцов отличались решительностью исполнения, но не имели применения в официальной системе координат, а сами "ся" подвергались целенаправленным преследованиям. Сыма Цянь в этой связи писал: "Если говорить об удальцах из захолустий ..., если заслуги их очевидны, поступки достойны доверия, то как же можно пренебречь достоинствами удальцов?"²⁶.

Непрестанно проводимое противопоставление двух миров: официального мира благородного "цзюньцзы" и неофициального мира странствующих удальцов-"ся", оправдание прав последнего на существование, приводит читателя жизнеописаний Сыма Цяня, к мысли о том, что идеалы "ся" имеют свой самостоятельный смысл, свое внутреннее содержание, а значит - становятся новым по своей сущности явлением. Не словесный, а общечеловеческий идеал Сыма Цяня несет в себе ростки будущего, получившие развитие в средние века в романах Ши Найяня и Чэнь Чэня и других произведениях.

Законы и правила, установленные героями-"ся" (как это видно у Сыма Цяня, Ши Найяня или у Чэнь Чэня) - их кодекс социального поведения. Это были качества, свойственные конфуцианскому благородному мужу "цзюньцзы", но во многом переосмысленные. Это - долг, справедливость (и), доблесть (юнгань), отвага (юнь), добродетель (дэ), гуманность (жэнь), иногда мудрость (сянь) и т.д. Своеобразную формулировку этого кодекса можно видеть в словах Ху Чэна, одного из героев романа Чэнь Чэня, который говорит о "ся" с горы Дэньюньшань так: "Я даже не знал, что все они прекрасные парни, равных им не сыщешь ни на небе, ни на земле. Они презирают богатство, знатность, ценят чувство долга, если встретят на пути какую-то несправедливость, то не остановятся ни перед чем. Жизнь отдадут свою ради друга"²⁷. Этот "кодекс чести", в общем, почти полностью совпадает с кодексом европейского рыцаря или японского самурая. Однако сами понятия "кодекса" китайских удальцов в средние века в отличие от древности уже не являлись самоподавляющими, и даже основополагающее - чувство долга, верности²⁸, к примеру, не было лишено элемента "свободной индивидуальной самостоятельности" (в терминологии Гегеля). Верность в понимании "ся" уже не подразумевала обязательного принесения в жертву убеждений героя. В случае возникновения конфликта с человеком, которому он служил, удалец-"ся", как правило, покидал его (как и западноевропейский рыцарь). Заметим, что японский самурай, если ему не удавалось уговорить своего сюзерена, кончал жизнь самоубийством.

В основе конфликтов удальцов-"ся" с обществом (как и у героев произведений) часто лежит несоответствие представлений общества и удальцов-"ся" о принципах их нравственного кодекса. Так, правительственные чиновники не признают наличие "чести" у удальцов-"ся". Между тем последние постоянно стремятся к такому признанию, поскольку оно для них - основополагающее.

Всеобъемлющее понятие долга (и) в этом "кодексе" подразумевает комплекс таких понятий, как верность (чжун) своему покровителю, т.е. побратиму или старшему брату (дагэ), государю, отчеству, исполнение обязанностей, накладываемых обществом удальцов-"ся" на членов этого своеобразного содружества. И возникающие конфликты мыслятся как несоответствие понятия верности и субъективных чувств (например, обиды героев) или же как несоответствие осмысления этого понятия героем и тем, кому он служит (своеобразный выбор между различными пониманиями верности).

В понятие долга у удальцов-"ся" из романов Ши Найяня и Чэнь Чэня входит чувство доверия или веры (синь), оправдывающее подчинение старшему из побратимов, а следовательно, и дисциплину в стане мятежников. В "Речных

заводах" это выражалось, в частности, в безусловном, почти слепом, доверии всех к воле и планам одного (часто герои даже не знают в чем они состоят), то есть в возможности руководства разнородным по составу лагерем повстанцев, как одним целым. Подобные ситуации встречаются и в "Шуйху Хоучжуань", но заметим, что чувство безусловного доверия здесь подкрепляется знанием ситуации и стремлением как-то предусмотреть неожиданный ход противника²⁹. Например, в эпизоде поимки полководца Луань Тинъюя, Ху Чэн, придумавший хитрый план, не раскрывает его своим побратимам - повстанцам, предлагая во всем положиться на него. Такая ситуация являлась распространенной для сюжетного построения "Речных заводов". Но Чэн Чэн не ограничивается только этим. Он рассказывает о военном совете, на котором один из побратимов заявил: "План-то планом, но давайте все же получше подготовимся", и приводит описание сцен укрепления лагеря, создания запасов продовольствия и боевых припасов, обучения повстанцев. Эти сцены, как правило, лишены подробностей, они только намечены, но все же свидетельствуют об определенных изменениях в характерах героев, о развитии понятий своеобразного кодекса удальцов-"ся" в романе Чэн Чэня по сравнению с его первоосновой - романом Ши Найяня, отражают стремление автора придать изображенному действию достоверность, приблизить его к реальности³⁰.

В дальнейшем чувство доверия (синь) становится основой этического кодекса своеобразного утопического общества, "созданного" бунтарями-"ся" в романах Ши Найяня и Чэн Чэня. Это содружество строится и развивается, опираясь на него, основным оно является и при выборе своего, "справедливого" монарха, которым становится, к примеру, в романе Чэн Чэня один из представителей "ся" Ли Цзюнь.

Идея практического воплощения идеалов удальцов-"ся" является важным моментом социальной мысли Китая в XVI-XVII вв., на пороге нового времени. Эти люди, по мысли средневековых авторов, с их высокими нравственными качествами и идеалами способны создать новый социальный порядок, изменить существующую действительность. Об этом говорит, в частности, концовка романа Чэн Чэня, в которой герои, покинув страну, пытаются "за морем" создать новое правление, основанное на принципах справедливости и чести, отличных от тех, которые существовали в официальном обществе. Это была утопическая идея, но идея, характерная для китайской культуры того времени. Весьма характерно также, что она отнюдь не теряется, а получает дальнейшее развитие и в новейшее время, теперь уже как одна из составляющих традиционной культуры, а идеалы, воплощаемые удальцами-"ся", вливаются вполне органичной составной частью в общую концепцию преобразования общества на основах идеалов гуманизма.

-
- 1 В западных исследованиях термин "ся" обычно переводится словом "knight" (рыцарь). Поскольку эти явления все же, по нашему мнению, однопорядковые, но не тождественные, мы при переводе используем слово "удалец".
  - 2 Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки). - Пекин, 1975. - Т. 8, 10. Сыма Цянь. Избранное. - М., 1956; Китайская классическая проза в переводах академика В.М.Алексеева. - М., 1958.
  - 3 Ши Найянь. И бай эрши хуэйди "Шуйху" (Сто двадцатипятиглавый роман "Речные заводы"). - Пекин, 1957; Ши Найянь. Речные заводы. - М., 1955.
  - 4 Чэн Чэн. Шуйху хоучжуань (Последующее повествование о речных заводах). - Шанхай, 1956, 1981.
  - 5 И в русском языке "гостями зовут ради шуток или вежливости недобрых людей, незваных посетителей, особенно грабителей..." В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1981. - Т. 1. - С. 386.
  - 6 Спесивковский А.Б. Самурай - военное сословие Японии. - М., 1981. - С. 10-20.
  - 7 Ф.Кардини. Истоки средневекового рыцарства. - М., 1987. - С. 369.
  - 8 Там же. - С. 358.
  - 9 Там же. - С. 356.
  - 10 Так В.И.Уколова считает, что рыцарство являлось особым слоем средневекового общества Западной Европы, военно-аристократическим сословием, возникновение и развитие которого было вызвано укреплением феодализма и возвышением новой служилой знати и дворянства.

- (В.И.Уколова. Рыцарство и его предыстория / Вступительная статья к книге Ф.Кардини. Указ. соч. - С. 13-14).
- 11 Впоследствии это способствовало проникновению идей чайнь-буддизма в военные искусства и философские теории удаальцов-"ся". См. Абелев Н.В. О некоторых философско-психологических основах чайньских (цзяньских) военно-прикладных искусств. ИКОГК. - М., 1981. Также: А.Долгин. Легендарный монастырь, или Традиции ушу. - ПДВ. - 1988. - N 4,5,6; ПДВ. - 1989. - N 1,2,3.
  - 12 Чайнь Чэнь. Указ. соч. - С. 4.
  - 13 Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. - М., 1976. - С. 273.
  - 14 Подробнее см. Воскресенский А.Д. Социально-утопические мотивы в романе Чайнь Чэня "Шуйху хуочжуань". Теоретические проблемы изучения литератур стран Дальнего Востока (Далее: ТПДВ), - М., 1982.
  - 15 О различных "вариантах" китайской утопии см.: Китайские социальные утопии. - М. - 1987. Также: Л.С.Переломов. Социальная утопия в политической культуре Китая. ПДВ. - 1989. - N 1.
  - 16 Сыма Цянь. Избранное. - С. 52,60.
  - 17 Подробно эти вопросы рассмотрены Померанцевой Л.Е. См., к примеру: Померанцева Л.Е. Диалогическая природа "Жизнеописаний Сыма Цяня"/ТПДВ. - М., 1980.
  - 18 Аналог добродетельного гражданина *vir bonus* в римском обществе. См. Шталь П.В. Понятие "дружба" и эволюция эстетического идеала человека в римской литературе I в. до н.э. / Вопросы античной литературы и классической филологии. - М., 1960.
  - 19 Подробно эти вопросы раскрыты в соб. "Этика и ритуал в традиционном Китае". - М. - 1988.
  - 20 Сыма Цянь. Избранное. - С. 202-205.
  - 21 Даже само графическое изображение иероглифа "ся" подчеркивает эту идею - помощи, взаимной поддержки двух людей. "Шуэнь". - Пекин, 1979. - С. 214.
  - 22 Сыма Цянь. Шцизи. - Т. 8. - С. 2515-2538; Т. 10. - С. 3181-3189.
  - 23 Сыма Цянь. Шцизи. - Т. 8. - С. 2523.
  - 24 Сыма Цянь. Шцизи. - Т. 10. - С. 3181.
  - 25 Долин А. Ниндзя - шпионы средневековья. / Азия и Африка сегодня. - 1983. N 7.
  - 26 Сыма Цянь, Шцизи. - Т. 10. - С. 3183.
  - 27 Чайнь Чэнь. Указ. соч. - С. 35.
  - 28 Гегель Г. Эстетика. - М., 1962 - Т. 2, - Гл. 2 ("Рыцарство"). Иная трактовка у Гердера. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. - М., 1977. - С. 583-590.
  - 29 Чайнь Чэнь. Указ. соч. - Гл. 3,10.
  - 30 Чайнь Чэнь. Указ. соч. - Гл. 3.

"Именем Неба восстановим справедливость!" (русские архивные материалы о начале тайпинского восстания в Китае)

© 1993

А.Ипатова

"Не хочу пророчествовать и боюсь сделать это невольно. Но в Китае готовится что-нибудь важное. Уже в прошлых годах осенью были в разных местах бунты и весьма значительные.

Вероятно, что они повторятся и ныне при сборе оброка и будут повторяться до тех пор, пока весь Китай не взбунтуется". (Из письма начальника 12-й миссии архимандрита Поликарпа (П.Тугаринова) вице-директору Азиатского департамента МИД России Н.И.Любимову от 26 июля 1846 г.)¹

В начале XVIII в. в столице Цинской империи Пекине волею двух императоров - Петра I и Сюань Е (девиз правления Канси) - была основана Российская духовная миссия. Ее деятельность, ее судьба - особая, еще не прочитанная исследователями до конца страница российской истории. Отметим лишь, что это было уникальное учреждение, на протяжении 150 лет (до 1864 г.) выполнявшее, и весьма успешно, роль неофициального дипломатического представительства России в цинском Китае. Такой статус миссии объясняет то обстоятельство, что между Азиатским департаментом МИД России и Пекинской миссией существовала регулярная почтовая связь, и российское правительство всегда располагало достоверной информацией о положении дел в Китае.

Одной из важнейших сторон деятельности миссии было научное изучение Китая, подготовка первоклассных кадров китаеведов - ученых и дипломатов. Одним из наиболее ярких представителей пекинской плеяды российских китаеведов был архимандрит Палладий, автор публикуемых нами донесений.

Несколько слов о нем. Палладий, в миру Петр Иванович Кафаров (1817-1878), - известный русский востоковед, проведший в Китае в общей сложности почти 30 лет. Происходил он из духовного сословия, окончил духовное училище, Казанскую семинарию и Петербургскую духовную академию. В 1839 г. был включен в состав 12-й миссии и пробыл в Пекине с 1840 по 1847 г. Затем по рекомендации архимандрита Поликарпа был отозван в Петербург как кандидат на пост начальника следующей миссии. В 1848 г. возведен в сан архимандрита и назначен начальником 13-й миссии (1850-1859). Вторично возглавил Пекинскую миссию (15-ю) в 1865-1878 гг. В 1878 г. П.И.Кафаров серьезно заболел и по совету врачей срочно выехал в Россию морским путем через Европу. Однако, не доехав до России, 6 декабря 1878 г. скончался в Марселе от разрыва сердца. Похоронен в Ницце.

Многочисленные труды П.И.Кафарова, основанные на великолепном знании китайского языка и Китая, и по сей день не утратили своей научной ценности. Главным китаеведным трудом всей его научной деятельности стал двухтомный "Китайско-русский словарь", работу над которым завершил уже после кончины Кафарова П.С.Попов, издавший словарь в Пекине в 1888 г. на кредиты, специально для этого выделенные Министерством иностранных дел России.

Ипатова Аида Семеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Вторая встреча П.Кафарова с Китаем, куда он приехал как начальник 13-й миссии, пришлось на смутное время: в стране царил политическая нестабильность, вызванная внезапной смертью императора и неопытностью молодого преемника, борьба группировок при дворе, нарастание экономического кризиса. Положение усугублялось длительными и сильными землетрясениями осени 1850 г., не прекращавшимися крестьянскими волнениями, особенно сильными и массовыми на Юге Китая. Апофеозом природных и социальных катаклизмов стало мощное крестьянское восстание тайпинов.

Тайпинское восстание - одна из крупнейших крестьянских войн в истории человечества. Тайпины не только выдвинули лозунги, собравшие под их знамена огромные, хорошо организованные армии повстанцев, привлекли на свою сторону миллионы сочувствующих, но и, овладев значительной территорией Китая, создали там свою государственность - "Тайпин тяньго" ("Небесное государство великого спокойствия"), выработали программные документы, приняли законы, которые с той или иной долей успеха пытались претворить в жизнь.

Прекрасно сознавая важность происходивших в Китае событий, Палладий регулярно направлял в МИД России информацию о ходе восстания, уделяя этой теме значительную часть донесения, а чаще - специальное приложение к очередному донесению (например, публикуемый ниже док. No 3).

Будучи уже сложившимся китаеведом, в совершенстве владевшим китайским языком, хорошо знакомым с историей и культурой страны пребывания, Палладий в официальных донесениях и письмах весьма квалифицированно прослеживал ход военных действий, анализируя при этом позиции противоборствующих лагерей - тайпинов и Цинов.

Объектами пристального внимания Палладия были действия иностранных держав в Китае, особенно Англии и Франции, воспользовавшихся кризисной ситуацией и развязавших вторую опиумную войну (1856-1860) для усиления своих позиций в этой стране. В первую очередь его беспокоила опасность распространения влияния западных держав на северные районы Китая, расположенные в непосредственной близости от русско-китайской границы.

Донесения архимандрита Палладия и по сей день не утратили своей научной ценности как исторические свидетельства современника, в определенном смысле очевидца событий, на протяжении полутора десятков лет сотрясавших цинский Китай. Это был взгляд представителя православного духовенства, русского ученого, дипломата-практика, волею судьбы оказавшегося в китайской столице в грозовой атмосфере сильнейших внутренних потрясений и колониальных вторжений капиталистических держав.

Информацию о ходе восстания и положений в Китае Палладий черпал из императорских указов, докладов императору с мест событий, из газеты "Цзинбао", из бесед с чиновниками Трибунала внешних сношений (Лифанюаня) и другими столичными чинами, из разговоров со знакомыми пекинцами и приезжими китайцами, а также из всевозможных слухов и толков, многие из которых затем подтверждались более достоверными и надежными источниками. Тем не менее, судя по содержанию донесений, основу их все-таки составляли официальные источники, отнюдь не всегда объективные, грешившие односторонностью и тенденциозностью. Это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на содержание и еще в большей степени на стиль донесений. Так, наряду с "инсургентами", "повстанцами", "мятежниками" в донесениях Палладия тайпины именуются "разбойниками", "разбойничьими шайками", "бандитами", а руководители восстания - "атаманами", "вожаками", "главарями" и т.п.

Особую настороженность и, видимо, внутреннее недоверие вызывали у Палладия цифровые данные, сообщаемые в докладах чиновников. Размеры потерь повстанцев, их общая численность, как правило, бывали завышенными. Нередко он оговаривается, что не ручается за цифровые данные и трактовку событий. С еще большей осторожностью оперирует он слухами, устными сообщениями. Однако, не доверяя такого рода информации, он тем не менее считал возможным упомянуть о ней, а иногда и изложить более подробно.

И еще один штрих к портрету автора донесений, характеризующий его отношение к повстанцам. Несмотря на официальный характер документов, очевидную непопулярность в правительственных кругах России всего революционного, бунтарского, Палладий не скрывал своего уважения, а порою и восхищения мужеством, отвагой, героизмом и стойкостью тайпинов, их высокой дисциплинированностью и организованностью, в чем они превосходят, - и это Палладий не раз подчеркивал, - правительственные цинские содействия.

Публикуемые ниже три документа - это самые ранние донесения начальника 13-й миссии о восстаниях на Юге Китая. Донесения от 12 января и 21 августа 1850 г. посвящены еще не тайпинам, а предшествовавшим им крестьянским восстаниям, кратковременным и быстро подавленным. Но, реально оценивая ситуацию в Китае, предвидя надвигающиеся потрясения, а возможно и радикальные перемены, он счел необходимым сообщить об этих событиях российскому Министерству иностранных дел. В основном речь шла о наиболее крупном провозвестнике крестьянской войны тайпинов, восстании под руководством Ли Юаньфа. Начавшись в ноябре 1849 г. в уезде Синьнин провинции Хунань, оно вскоре распространилось на весьма обширную пограничную территорию на стыках провинций Хунань - Гуанси и Хунань - Гуандун. Непосредственной причиной этого восстания, по словам самого Ли Юаньфа, послужило бедственное положение крестьян, вызванное резким вздорожанием зерна вследствие сильного наводнения. Однако местные власти не приняли мер для снижения цен и не открыли склады для продажи хлеба по доступным ценам. Воспользовавшись критической ситуацией, местные шэньши предоставили беднякам зерно в долг, но после сбора урожая потребовали за него высокие проценты. Те не могли выполнить требования богатеев. Ли Юаньфа поднял бедноту на бунт. Создали тайное общество. Наиболее популярные лозунги таких восстаний ("Отобрать у богатых, помочь бедным!", "Именем Неба восстановим справедливость!") привлекли в ряды восставших многих крестьян-бедняков. Весной 1850 г. восстание охватило 10 уездов северной Гуанси и граничившие с ним уезды Хунани и Гуйчжоу. Всего полгода продержались повстанцы. В мае 1850 г. объединенные силы войск трех провинций нанесли поражение восстанию под предводительством Ли Юаньфа. Из донесений Палладия ясно, что причины и цели этого, равно как и многих других восстаний, цинское правительство тщательно скрывало, представляя повстанцев как шайки разбойников, которых в те годы в Китае и особенно на юге его было великое множество, и от которых народ терпел нескончаемое бедствие.

Первые два документа - это фрагменты из донесений в той части, которая посвящена крестьянским восстаниям на Юге Китая. Текст донесения от 31 мая 1851 г. публикуется полностью, т.к. он целиком посвящен тайпинскому восстанию. Это первое из известных нам сообщений архимандрита Палладия в Петербург о начале крестьянской войны тайпинов.

Шли годы, все более и более отдаляя от нас этот грандиозный взрыв революционных потенций китайского крестьянства. Мировая наука накопила многие сотни томов трудов, исследующих исторический феномен Тайпин тяньго. В мировом Китаеведении сложилось целое направление - тайпиноведение. В 50-х годах XX в. в КНР была опубликована серия документальных сборников по истории тайпинов, в том числе 8-томное издание "Тайпин тяньго", организованы специальные научные экспедиции по маршруту восстания, прежде всего в Гуанси, для сбора уцелевших материальных памятников, проведены устные опросы старожилов тех мест для записи народных преданий о восстании и его участниках. Одним из направлений отечественного тайпиноведения также были источниковедение, публикация документов и материалов как китайских, так и русских. Это прежде всего сборник документов "Тайпинское восстание. 1850-1864 гг." (М., 1960), подготовленный к изданию В.П.Илюшечкиным и О.Г.Соловьевым, а также дневник члена 13-й миссии К.А.Скачкова "Пекин в дни тайпинского восстания. Записки очевидца" (М., 1960), хранящийся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки, обнаруженный там и подготовленный к публикации П.Е.Скачковым и В.С.Мясниковым.

Казалось бы, все уже разыскано, описано, исследовано, тем не менее интерес ученых, журналистов, писателей, поэтов, живописцев, кинематографистов к истории тайпинов не ослабевает. Появляются новые находки, новые публикации, новые трактовки; словом, источниковая база тайпиноведения продолжает пополняться и развиваться. И настоящую публикацию мы рассматриваем как продолжение поисков, находок и введения в научный оборот новых материалов. Все три публикуемые донесения архимандрита Палладия хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД РФ, бывшем АВПР.

В публикуемых текстах сохранена орфография документов за исключением китайских имен собственных, написание которых унифицировано в соответствии с современными правилами; пунктуация приведена в соответствии с нормами современного русского языка.

Из донесения начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия в Азиатский департамент МИД России от 12 января 1850 г.

№ 2

В Азиатский департамент
Архимандрита Палладия

ДОНЕСЕНИЕ

л.41 /.../ Из Гуанси, самой южной губернии Китая, получены довольно важныя донесения. Прошедшею осенью шайка разбойников, или мятежников, произвела в тех местах сильныя волнения; местныя власти с отрядом солдат напали на них, и с пушками преследовали их вдоль по реке, вытекающей из помянутой губернии в Кантонскую. Мятежники отступили по словам донесения, и постоянно теряли по несколько человек убитыми; убитых всего было более 200 человек. Достигши границы Кантонской губернии, где местность не представляла для отряда солдат никакой выгоды, мятежники ускользнули от преследования и скрылись в разные стороны. Несмотря на оборот дела, по-видимому благоприятный, оно еще не кончилось. Мятежники появлялись в разных местах, где не было охранной стражи; (л.41об.) дан приказ из Гуанси и Кантонской губернии отправить отряды солдат, для занятия важных пунктов, где мятежники могут иметь пристанище. Дальнейших известий не было.

24-го Ноября, вскоре после вышеописанного события, вспыхнул мятеж в Хунаньской губернии. "Атаман мятежников Ли [Юаньфа], - сказано в донесении, - с своими сообщниками двинулся к уездному городу Синьнинсяню. Правитель тамошняго областного города Баоцинфу, при первом известии об этом, двинулся с отрядом солдат и настиг бунтовщиков около Синьнинсяня. После схватки с солдатами мятежники принуждены были отступить, кинулись в город и заперлись в нем, потеряв убитыми более 300 человек, живых взято в плен семь человек; кроме того отнято несколько ружей и пушек. На другой день, 25 Ноября, мятежники высыпали из северных ворот города в надежде скрыться от осаждающих, но снова были оттеснены и вогнаны в город, оставив на месте убитыми до 300 человек. В плен взято 15 человек; ружей и другого оружия огнято до десяти штук. Эти известия получены были Государем 10 и 11-го прошедшаго Декабря. Дальнейших известий, равно причин всех этих волнений, не было обнаружено. За достоверность сведения и числе убитых мятежников не ручаюсь /.../.

АВПРИ, СПб., Главный архив 1-5, 1823, оп.4, д.1, п.51, л.41-41 об.
Текст рукописный. Полный текст донесения: л.39-43.

Получено в МИД России 20 марта 1850 г.

ДОНЕСЕНИЕ

л. 112 /.../ Мятеж на юге, начавшийся в Декабре прошедшего года, в один месяц так усилился, что местные власти ничего не могли сделать к утишению его. Хунаньский губернатор Пинь Дэсин принял было военные меры и двинул на мятежников губернский гарнизон, но, положившись на ложные донесения своих подчиненных, которые уверили его, будто мятежники при осаде и взятии города Синьпина разбиты на голову и сам атаман их остался в числе убитых, он удовольствовался тем, отвел назад отряд солдат и донес Государю об усмирении мятежа. Но когда донесение его оказалось /л. 112 об./ ложным, мятеж остался в прежней силе и зачинщик его, Ли Юаньфа, оставшийся в живых, ходил по селам и городам, возмущая жителей их, и наконец явился во главе нескольких тысяч приверженцев, то Государь в негодовании на Пинь Дэсиня предал его суэу и, согласно решению Уголовной Палаты, повелел отправить его в ссылку в Иля, а дело усмирения мятежа поручил Юй Дая, Хугуанскому* Генерал-Губернатору, повелел местным властям соседних губерний содействовать ему. Юй Дай по прибытию на место действия и, сообразив условия местности, решился воспользоваться любимым правилом китайской тактики: так называемым рогатым обходом, т.е. окружить неприятеля со всех сторон и мало помалу стеснять его в небольшой круг, из которого ему трудно будет ускользнуть. С этой целью он приказал вспомогательным отрядам соседних губерний занять все важнейшие пункты кругом пространства, на котором действовал Ли Юаньфа, и потом, по его приказанию, мало помалу сходиться к нему в данном направлении. Между тем сам Юй Дай напал на мятежников, разбил их и принудил броситься Ли Юаньфа, будучи не в силах бороться с превосходящими силами, бросился сначала на юго-восток, в Кантонскую губернию, но, встретив там кантонский отряд, уклонился на северо-запад в губернию Гуйчжоу. Но и здесь ждал его отряд. Ли Юаньфа бежал оттуда прямо на восток в окрестности Синьпина и отряд, в центре цепи, которой окружил его Юй Дай. План Юй Дая удался. Со всех сторон отряды начали сблажаться к этому пункту. У Ли Юаньфа осталось не более 900 соумышленников. О сопротивлении на открытом поле нечего было думать. Оставалось спасаться бегством или скрывается в тамошних диких горах. Часть мятежников бросилась к реке, отделяющей Кантонскую губернию от Хунаньской, и на судах пустилась вниз по течению; но, предвидя подобное покушение, верстах в 15 ниже, при крутом повороте реки, поставили сильный караул. Мятежники, достигшие того места, попали прямо под пушечный и ружейный огонь засады; суда их были разбиты и разсеяны; сами они частью потоплены, частью схвачены живыми; вероятно, что остатки их присоединились к главной шайке. Эти дела происходили в половине мая нынешнего года. С 17-го того же месяца, Ли Юаньфа, теснимый отрядами Юй Дая, уклонялся к горному хребту Цзюньфыншань, находящемуся недалеко от Синьпина на востоке. Этот хребт частью покрыт густым лесом /л.113 об./, частью представляет недоступные вершины и крутые стремнины. На полугоре стояла кумирня; мятежники поспешили овладеть этой кумирней и укрывались в ней; но солдаты Юй Дая, следившие их по пятам, осадили их и подожгли здание кумирни. Мятежники защищались с остервенением, погибая в пламени, но не уступая осаждавшим; наконец, они успели отступить к задней части кумирни, примыкавшей к лесистому скату горы, и бросились вверх, с невероятными

* Хугуан - провинции Хунань и Хубей.

трусами пролагая себе путь сквозь дебри и лесную труппу. Достигши значительного возвышения, они срубили деревья и устроили наскоро ограду, в которой и скрылись в ожидании нападения. Юй Дай, однако ж, не решился преследовать их по опасным горным скалам, тем более что пошел дождь, почва сделалась скользкою, туман скрывал самые близкие предметы, и ружейные фитили промокли. Неприятная погода продолжалась с 20 по 23 Мая и не позволяла Юй Даю действовать. Наконец 24-го Мая, с наступлением ясной погоды, Юй Дай осадил горсть мятежников в последнем их убежище. Разделив свое войско на три отряда, он приказал им подниматься на гору тремя дорогами, и поставил дозор на другой стороне горы, в скрытом месте. Мятежники, видя себя осажденными с трех сторон, решились защищаться до последней крайности; они отстреливались ружьями, бросали камни и деревья в осаждавших. Однако ж принуждены были уступить силе; часть их положена на месте, часть схвачена живыми; Ли Юаньфа бросился по задней стороне вниз и, упавши в одну рытвину, попался в руки скрывавшагося в этом месте отряда. Атаман был схвачен, связан и представлен Юй Даю. В тот же день Юй Дай отправил гонца в Пекин с донесением Государю об этом счастливом событии, положившем конец смутам и военным движениям в тамошнем крае. 4-го июня оно уже получено было в Пекине. В манифесте, изданном по сему случаю, Государь в лестных выражениях отзывается о действиях Юй Даю и поручает ему придумать и привести в исполнение меры в воцарении мира и тишины в тамошнем крае, возмущенном мятежом. Что касается до Ли Юаньфа, повелено отправить его в столицу для торжественной казни.

Ни причины, ни цели возстания Ли Юаньфа положительно не известны; но, судя по поведению этого мятежника, можно было подозревать в нем опасные замыслы, не открытые публике, но, вероятно, известные Китайскому /л.114 об./ Правительству. Во время своей силы, начальствуя над несколькими тысячами человек, он ввел в свою дружину правильную организацию, в некоторых подробностях напоминавшую устройство маньчжурских войск. Он разделил свое войско на пять полков, носивших названия переднего, заднего, правого, левого и среднего лагерей, и поставил командирами их своих приближенных, из коих Чэн Эркунь сделался более других известным необыкновенным мужеством и отважностью. Командиры пяти полков носили название Дагэ (братьев, товарищей). Ли Юаньфа, начальствуя над всеми пятью полками, именовался Цзундагэ, или Главным Братом. Он постоянно находился в заднем полку. В полках были офицеры и другие низшие чины; полк разделен был на роты по 100 с лишним человек; рота состояла из ружейников, копейщиков, мечников, стрельцов и проч. Офицеры, в знак своей власти, носили железные жезлы различной величины, смотря по чину. Каждый полк имел свое знамя особаго цвета: синяго, краснаго, желтаго, белаго или чернаго; пред палаткою Начальника войска было предводительское знамя, условным движением котораго передаваемы были приказания полкам. На флаге этаго знамени, поддерживавшагося руками нескольких человек, начертаны были слова: сань цзюнь сы мин, т.е. повелевающее тремя войсками (пехотой, конницей и артиллерией). Кроме того, было еще одно общее знамя, надпись на нем, служившая, быть может, девизом для мятежников, гласила: це фу цзи пинь, т.е. грабеж богатым, помощь или спасение, бедным! Ли Юаньфа учредил почетные титулы: Даван (великаго князя), Цзюньши (военачальника) и сяньшен (почтеннаго). Сам он, в отличие своего звания, а может быть в воспоминание прежних обычаев Китая, отпустил себе волосы и одевался в платье особаго рода..

АВПРИ, ф.СПб., Главный архив 1-5, 1823, оп.4, д.1, п.51, л.112-115.
Рукописный текст. Полный текст донесения: л.112-1213 об.

О волнениях в Южном Китае.

Мятеж вспыхнул в Южном Китае еще в прошедшем году, вскоре после укрощения Хуаньского возмущения, несколько отдельных партий мятежников явились в одно время в разных местах тамошнего края: на всем протяжении Гуансийской губернии и частью в Кантонской, начиная от Тонкинских границ до Индзюаньских гор. Главные силы их действовали до сих пор в 5-ти пунктах: в Тайпинфусских горах, сопредельных с Тонкинским Государством; в Линшаньских горах, на границах Гуанси и Гуандуна, против Хайнаньского острова; в Индзюаньских горах - в середине Кантонской Губернии, по бассейну р.Бэйцзына, впадающей в Кантонский залив; в Хойсяньских горах - близ границы, отделяющей Гуансийскую Губернию от Кантонской, и наконец в Циньчжоуской области, в самой середине Гуанси. Тайпин /л.267 об./ фусская партия, состоящая из нескольких шаек, боролась с войсками Правительства с переменным счастьем с Августа месяца до конца прошедшего года. После того часть ее скрылась в горах, другая перешла в Северные области. По известиям от 7 марта, отряд Китайских войск в схватке с этими мятежниками потерпел значительный урон. Известия о Линшаньской партии начинаются с 31-го Декабря прошедшего года и оканчиваются 18-м Апреля нынешняго. Во все это время отряд солдат, если верить донесениям, действовал против мятежников довольно успешно. Но глазная шайка продолжает ускользать от поисков их. Индзюаньские мятежники, по донесениям из Кантона, усмирены совершенно. Кантонские отряды окружили их в горах и с конца прошедшего до 4 Апреля текущего года успели совершенно освободить страну от их хищничества. Часть мятежников, спасшихся от преследований, бежала в пределы Цзянсийской Губернии, но судьба их доселе не /л.268/ известна. Хойсяньская партия состоит из мятежников Гуансийских и частью Кантонских, бежавших сюда из Индзюаньских гор. Войску Правительства предстало много труда в борьбе с этой партией; с начала нынешняго года по 25 Марта уже неоднократно оно терпело от нея поражения. Циньчжоуские мятежники, по видимому, самые многочисленные, с начала нынешняго года до Марта месяца несколько раз были рассеиваемы, и снова являлись перед строем Китайских войск. Они давно уже приблизились к Усюаню*, главной квартире военачальников, а по последним известиям, подвинулись далее на Юг, не взирая на значительное число Китайских войск в этом месте. Мятежники разделены на 13 особых шаек, из коих у каждой есть особый Атаман. Числительную силу всех партий, взятых вместе, трудно определить; приблизительно полагают ее в 20 000 человек. Шайки мятежников представляют смесь правильного устройства с навыками хищнической вольницы. Каждая из них имеет своего /л.268 об./ атамана и несколько низших начальников, командующих отрядами в 20-50 человек. В отличие от простых ратников начальники носят платье красного цвета. Шайки разделяются на 5 частей: переднюю, заднюю, правую, левую и среднюю, из коих каждая имеет особое цветное знамя. Материальные средства мятежников никогда не оскудевают; они владеют всеми воинскими снарядами, употребляемыми в регулярных Китайских войсках: пушками, ружьями, огнеметными стрелами, гранатными банками и пр. Для хранения пороха и провианта они устроили секретные магазины в разных местах Гуанси. Отдельные шайки в 2000, 1000 или несколько сот человек безнаказанно переходят из одного места в другое, куда влечет их надежда добычи, или где предвидится случай разделаться с постановленными властями. Минувя селения и жилища крестьян, они нападают на города и, овладев ими, прежде всего спешат разрушить Присутственные места, забрать казну, оружие и порох, разрушить тюрьмы и житницы и умертвить

* Усюань, уезд и уездный город в пров. Гуанси.

всех городских начальников с семействами их, если они не успели заблаговременно спастись бегством. На другой или на третий день они оставляют расхищенный город и переходят к другому, где повторяют то же самое. На открытом поле они укрепляются лагерями, избирая для того возвышенности и пригорья. Эти пристанища их весьма опасны и губельны для осаждающих, потому что в окрестных оврагах непременно они искусно скрывают засады, против которых регулярные войска до сих пор не могут принять мер предусмотрительности. Впрочем, мятежники никогда не отказываются от битвы и бросаются в неприятельские ряды с таким остервенением и отвагою, что Китайския войска теперь боятся вступать в рукопашный бой с ними и предпочитают действовать издали пушками. В случае поражения мятежники тотчас исчезают в лабиринте лесистых гор, которыми усеяны Южные пределы Китая. С той и другой стороны пощады нет. Пленных предают смертной казни пред строем. Сколько погибло со стороны войск Правительства, об этом донесения выражаются темно и неопределенно; но мятежники, если верить этим донесениям, падают от огня артиллерии и попадают в плен целыми сотнями. Кантонский Генерал-Губернатор, описывая подвиги Кантонского отряда в преследовании Индзшаньских мятежников, замечает, что при укрощении одной этой партии убито и предано смертной казни было 6.000 человек. Щадят только женщины, которых часто попадают в плен при взятии мужей-мятежников.

Хотя партии мятежников разделены дальним пространством и действуют независимо одна от другой, но образ их действий и внутренний состав совершенно одинаковы. Это обстоятельство давно подало мысль, что и вероятные цели их одинаковы, цели, в которых теперь никто уже не обманывается. Военачальники несколько раз пытались узнать от пленных о намерениях мятежников, но ни истязания, ни неизбежная смерть не могли вынудить от них никаких признаний; они хранили упорное молчание. Военачальники заметили только одно, по-видимому маловажное (л.270) обстоятельство, о котором однако ж они поспешили донести Государю. Мятежники носят особый костюм и отрастили на голове волосы, как было во времена прежних Китайских национальных династий.

Правительство хорошо понимает всю опасность подобнаго положения дел; всякий новый шаг мятежников с Юга на Север возбуждает в нем горесть и досаду, которую оно изливает на неосмотрительных вождей и начальников тамошняго края. Действующий в Гуанси корпус с каждым месяцем увеличивается вновь прибывающими вспомогательными отрядами, надобно полагать, что в настоящее время, в Гуанси далеко более 10.000 регулярнаго войска; кроме того, столько же милиции. Но, несмотря на относительное превосходство войска пред разьединенными партиями мятежников, оно действует почти наудачу; гористое положение края и неопределенныя и быстрыя движения мятежников разрушают стратегические соображения военачальников и не позволяют им вести правильную войну. Полномочный из главной квартиры своей рассылает распоряжения и командирует отряды из резерва в места, где открывают присутствие мятежников (л. 270 об.), или где оказывается нужда в помощи, но, пока делаются эти распоряжения, мятежники успевают совершить набег, или скрыться в глубине гор. Иногда они внезапно являються там, где их вовсе не ожидали. Так, 21 Февраля они появились около одного города; местныя власти успели набрать более 6000 человек милиции и простых жителей и выступили против шайки мятежников в полной уверенности, что при одном виде их они оставят город в покое. Но мятежники, в числе нескольких сотен, не оробели и отважно кинулись на эту толпу, которая тотчас и разбежалась. Вот другой пример, характеризующий способ войны и доказывающий, между прочим, что и Китайское войско не без храбрых. Выписываю его из донесений от последних чисел марта: "В начале ныншняго года в Гуаннинском уезде (Кантонской Губернии - близ границ Гуанси) появилось несколько сот мятежников с явным намерением чинить обычныя грабительства. По получении об этом известия помощник военачальника (цаньцзян) Цзо Синь, Начальник Чжаоцинфусской области и

начальник Гуаннинского уезда двинулись [л.271] на них с отрядами солдат и настигли их в местечке Цзянчу. Мятежники укрепились на одном возвышении и со всех сторон устроили лагерь пушками. Китайский отряд долго не смел приступить к ним, пока наконец, по настоятельному приказанию высших властей, он должен был идти на приступ. Когда они начали приближаться к мятежникам, последние открыли огонь, зажгли лагерь и, подняв шлюзы (ворота в траншеях), бежали через ближайший пограничный хребет в Гуанси, в уезд Хуайцзи. Цзо Синь пустился за ними в погоню, а областной начальник поспешил в Кайцзинь известить о том квартировавшего в этом городе Генерала (фуцзяна) Чжай Цинъю. Последний, опасаясь, чтобы мятежники по дороге не увеличились и не нанесли поражения Цзо Синю, тотчас отправился туда же с 1050 человек охранного корпуса. Мятежники бежали по направлению к городу Хосяню, в главное убежище свое Лисун. По прибытии Кантонского отряда в Хосянь здешняя власть предложили ему вместе с квартировавшим здесь Гуансийским отрядом, напасть на Лисун и разорить это [л. 271 об.] опасное гнездо. С этой целью в первых числах 3 луны (в 20-х Марта) соединенные отряды двинулись к Лисуну и прежде всего овладели сторожевым укреплением мятежников на возвышенности Даницзянской. Мятежники принуждены были уступить и бежали в беспорядке. Вскоре затем из Лисуна выступило несколько сот человек с намерением отнять у Китайского отряда этот важный пункт. Однако же они отражены были с помощью артиллерии и обратились назад к Лисуну. Пользуясь этим, Чжай Цинъю и Цзо Синь с отрядом солдат пустились за ними в погоню и достигли уже Лисунского ущелья, убивая отстававших беглецов, как вдруг по сторонам их раздались выстрелы и из ближайших оврагов выступила засада. Будучи окружены со всех сторон, Китайские военачальники бросились на осаждавшую их толпу и своим примером и словами поощряли солдат. Нижние чины умоляли их стать несколько поодаль, но они не хотели ничего слушать и с громким воплем продолжали бой с мятежниками. Тогда офицеры и солдаты, видя отвагу своих вождей [л.272 об.], сами храбро бросались вперед; но по мере того, как враги падали под их ударами, число их увеличивалось более и более, пока наконец весь отряд сжат был в тесный круг. В плечо Чжай Цинъю вонзилась горящая стрела; вырвав ее из своего тела, он свирепо бросился в густую толпу мятежников и убил одного знаменосца, как вдруг меч его переломился и в то же самое время в тело его вонзились три копья, в голову ударили пять мечей, и он пал мертвый с раздробленным черепом. Цзо Синь успел убить четырех человек, но, обессилев, схвачен был мятежниками. Но и взятый он свалил ногами двоих из них и, когда не переставал поносить их громким голосом, мятежники вонзили ему мечи в зубы, в щеки, в горло и копы в левую ногу. Схватив трупы Чжай Цинъю и Цзо Синя, мятежники опалили их на свертке пороха. Один из офицеров, по имени Го Вэйбао, проткнут был копьем в живот, так что внутренности его вывалились на землю. Несмотря на то, он громко носил мятежников, пока они не разрубили ему череп и не пересекли горла. Ка [л. 272 об.] питан Лю Эньси во время падения Чжай Цинъю хотел закрыть собой Цзо Синя, но последний приказал ему не смотреть на него и делать свое дело. Лю Эньси бросился прощипать себе дорогу пикой и уже два раза выбивался из толпы, как вдруг явился пред ним разбойник с лицом, покрытым кровью, и проткнул ему пикой шею насквозь. Лю Эньси пал мертвый. Китайские солдаты падали один за другим и умирали на месте. По окончании этого побоища, когда мятежники удалились, отыскивали тела павших Чжай Цинъю и Цзо Синя и перенесли их в город. Хотя трупы их обезображены, но в лицах их сохранилось гневное выражение и впечатлены были сознание долга и верноподданические чувства. При внесении их в город народ встретил их с плачем, поклонами и курениями.

Когда Ли Синъюань, назначенный вместо покойного Линь Цзесюань Полномочным для усмирения Гуансийского мятежа, прибыл на место действия, быстрым успехи Сян Жуня, начальника Хунаньского отряда, в преследо [л.273 об.] ании мятежников, деятельность Чжоу Тяньцзюе - Гуансийского Губернатора и расположение вспомогательных отрядов,

окруживших мятежников со всех сторон, вселили в него надежду скоро положить конец тамошним смутам, поэтому первые донесения его были успокоительны. Но по мере того, как опыт доказывал ему, что мятежники не смирились пред Китайским оружием и обманывали стратегических соображения военачальников, эта надежда его мало помалу ослабевала. К тому присоединились другие обстоятельства, делавшие положение Полномочного сначала щекотливым, а под конец невыносимым. Государь отправил его в Гуанси, надеясь, что он также успешно будет действовать в Гуанси, как действовал, подобно Линь Цзюэсюю, в делах с Татарами в Юньнани, где он был некогда Генерал-Губернатором; но вместе с тем предписал ему принимать и приводить в исполнение меры не иначе, как по соглашению с Чжоу Тяньцзюе и Сян Жуном. Ли Синъюань был сановник усердный, но крайне мнительный /л.273об./ и осторожный; Чжоу Тяньцзюе - человек решительный, но непреклонный в своих мнениях; Сян Жун - храбрый военачальник. При первом же столкновении противоположных характеров Ли Синъюаня и Чжоу Тяньцзюе (на стороне последнего, по-видимому, был и Сян Жун) произошли между ними разногласия и несогласия. Чжоу Тяньцзюе, чувствуя воинское рвение, не хотел и слушать опасливых возражений и замечаний Полномочного и распорядился делами сам, как умел, предводя лично отряды против мятежников и презирая опасность. В совещаниях с Полномочным он требовал спешных мер и пожертвований, на которых Ли Синъюань должен был соглашаться, связанный обязательствами своей инструкции. Двор был не безызвестен о несогласии этих двух сановников, однако ж оказывал явное благоволение к Чжоу Тяньцзюе и Сян Жуну во внимание к их воинским подвигам. Это обстоятельство еще более укрепило Чжоу Тяньцзюе в его притязаниях. Дело дошло до того, что каждый из них, вопреки обычаю, отправлял Государю особое донесение. /л.274/ Наконец, Ли Синъюань вынужден был просить Государя, о назначении в Гуанси другого Полномочного лица, с неограниченною властью. Потом, не дожидаясь решения Государя, сдал печать Полномочного Чжоу Тяньцзюе, заболел и пал под бременем забот и огорчений. Вот как доносит об этом событии Чжоу Тяньцзюе:

"Ли Синъюань, находясь еще в Лючжоу (прежней резиденции Полномочного), известил меня (от 15. Апреля), что, занимаясь в тот день письмом, он почувствовал головокружение и едва не упал в обморок. Отправившись немного, он переехал из Лючжоу в Вусюань (22. Апреля).

Здесь я увиделся с ним и заметил в нем крайнюю слабость телесных и душевных сил. Напрасно я утешал и обнадеживал его, представляя ему настоящее положение дел в благоприятном виде и возбуждая в нем энергию духа. Тяжелые думы не оставляли его, и он с каждым днем делался слабее и слабее. Врачи объявили, что болезнь его есть следствие крайнего истощения умственных сил и влияния злокачественных /л.274 об./ паров Гуанси. 4-й луны 12 числа (30. Апреля), когда я посетил его, он уже не мог говорить и, увидев меня, поднял руку вверх, потом приложил ее к своему сердцу. Я понял, что он хотел выразить чувства преданности престолу и заботу о судьбе престарелой его матери.; В 2 часа пополудни он скончался. Покойный, замечает Чжоу Тяньцзюе в заключение своего донесения, слишком огорчался требованиями настоящего положения дел. Так, напр., когда дело шло об усилении действующего корпуса, он стонал и горевал, находя подобную меру тягостною для бедного народа, который должен выполнять военные расходы. В этом случае я был совершенно другого мнения. Вообще мнительность не в моем характере; скорая сообразительность в советах, решительность и отвага пред рядами неприятелей - вот мое неизменное правило. Что касается до здоровья душевного и телесного, оно - в деятельной службе".

Утешая больного Ли Синъюаня, /л.275/ Чжоу Тяньцзюе, между прочим, говорил ему, что дела с мятежниками готовы принять счастливый оборот, и что они теперь, как рыбы в котле. Это выражение обещало многое и давало уразуметь, что мятежники находятся в руках Чжоу Тяньцзюе. Но пока он составлял это донесение и отправлял курьера из Вусюаня, мятежники,

обману обдительность Китайских военачальников, беспрепятственно обошли главную квартиру их с тыла и овладели городом Сянчжоу. В то же время они нанесли поражение Китайскому отряду в Южной части Гуанси и осадили город Юйлин. Государь, получив известие обо всех этих обстоятельствах, в негодование лишил Чжоу Тяньцзюе воинских должностей и объявил во всенародное сведение, что он возлагает всю надежду на нового Полномочного.

Первый Министр назначен Полномочным в Гуанси еще в конце Марта, когда получена была просьба Ли Синъюаня [л.275 об.], обнаружившая несогласие его с Чжоу Тяньцзюе. Правительство спешило поправить свою ошибку, уполномочив Сайшангъ³ неограниченной властью. С ним вместе повелено отправиться Дахун и нескольким другим Генералам, лично известным Государю. 25-го Апреля Сайшангъ оставил столицу в сопровождении небольшого отряда гвардии. Трехтысячный отряд Сычуаньских солдат, славящихся храбростью и искусством в войне с горцами, должен ожидать Полномочного в Хуаньском городе Юнчжоу. На покрытие военных расходов отпущено Сайшангъ 2 000 000 лан серебра (более 4 миллионов рублей серебром). До сих пор израсходовано на этот же предмет уже более помянутой суммы). По расчету, этой суммы будет пока достаточно до Ноября месяца. Рассказывают, на основании слов Секретаря Сайшангъ, что по предначертанному плану, предполагено стеснить мятежников к восточной части Гуанси, - к границам Кантонской [л.276] губернии, где встретит их Кантонский Генерал-губернатор, - что Сайшангъ поручено, между прочим, наблюдать за положением умов в народе и видеть на опыте искусство войска. Есть люди, которые смотрят на назначение Сайшангъ с сомнением и недоверием. Но вероятно, что, если не его опытность, то настойчивыя усилия действующих в Гуанси войск, рано или поздно укротят мятеж, бедственный для края и опасный для Правительства при нынешних обстоятельствах.

Архимандрит Палладий
31 мая 1851 г.
к No 20
Пекин.

1. Российский государственный исторический архив (РГИА) ф.796. Канцелярия Синода, оп.448, ед.хр.6, Л.135 об.
2. Линь Цзэсуй (1785-1850) - видный цинский сановник, ученый. Лидер движения за строгое запрещение опиума в Китае (конец 30-х годов), а во время первой опиумной войны (1840-1842) - политики решительного сопротивления агрессии Англии. В начале войны, когда при цинском дворе одержала верх группировка кантулянтов, Линь Цзэсуй был смещен со всех значительных постов, в том числе - императорского комиссара, и в 1842 г. был отправлен в ссылку в Илийский край. Затем после помилования в августе 1845 г. занимал последовательно посты наместника Шаньси - Ганьсу, губернатора Шаньси, в 1847-1849 гг. - наместника Юньнани и Гуйчжоу. Осенью 1849 г. из-за болезни подал в отставку и вернулся в родную провинцию Фуцзянь. Однако осенью 1850 г. молодой император Синьфэн назначил его императорским комиссаром для борьбы с гуансийскими мятежниками (тайпинами), но по дороге Линь скончался.
3. Сай Шангъ (ум. в 1875 г.) - цинский сановник. В 1851 - был назначен императорским комиссаром по подавлению тайпинского восстания в Гуанси. Но после безуспешных действий, в 1853 г. был снят со всех постов и предан суду.

История Дальнего Востока в фондах военного архива

© 1993

Л. Двойных

Документы по истории Дальнего Востока отложились в самых различных фондах Российского государственного военного архива (РГВА). В первую очередь, необходимо отметить фонды органов центрального военного управления: Управления делами Наркомвоена (ф. 1), Управления делами НКО (бывш. Управления делами РВСР-РВС СССР) (ф. 4), Секретариатов председателя РВСР-РВС СССР и его заместителей (фф. 33987, 33988, 33989), Полевого штаба РВСР (ф. 6), Всероссийского главного штаба (ф. 11), Штаба РККА (ф. 7), Главного управления Красной Армии (ф. 54), Управления кадров Красной Армии (ф. 37837), Всероссийского бюро военных комиссаров (ф. 8), Политического управления Красной Армии (ф. 9) и др.

Самый значительный по объему комплекс документов по данной тематике отложился в фондах фронтовых, армейских, военно-окружных управлений и штабов, действовавших на Дальнем Востоке. За годы гражданской войны - это фонды штаба войск Сибири (ф. 16, 2305 д.), управлений 5-й отдельной армии (ф. 185, 5693 д.) и Восточно-Сибирского ВО (ф. 25866, 170 д.). 20-е годы нашли отражение в документах 5-й Краснознаменной армии (ф. 186, 1367 д.), штаба войск Охотско-Камчатского края (ф. 28075, 43 д.), управления Сибирского ВО (ф. 25893, 1378 д.). Большая группа документов представляет 30-е годы: управления Дальневосточного фронта (бывш. ОКДВА) (ф. 33879, 1543 д.) и Дальневосточного фронта (2-е форм.) (ф. 34725, 600 д.), Читинской (ф. 30577, 51 д.), Забайкальской (ф. 32114, 93 д.) и Приморской (ф. 36393, 81 д.) групп войск, 1-й Краснознаменной (бывш. 1-й отдельной Краснознаменной) (ф. 37299, 462 д.), 2-й отдельной Краснознаменной (ф. 37462, 978 д.), 2-й Краснознаменной (Благовещенской) (ф. 30738, 50 д.), 15-й (Сунгарийской) (ф. 33961, 80 д.), 16-й (Борзинской) (ф. 35081, 1 д.) и 17-й (ф. 32114, 699 д.) армий, Забайкальского ВО (ф. 25871, 1665 д.). Документы о боевых действиях в районе озера Хасан составили отдельную коллекцию (ф. 35083, 112 д.).

Также в отдельную группу обычно выделяют документы Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Это, в первую очередь, фонды Военного министерства ДВР (ф. 25853, 164 д.), Управления Народно-революционной армии и флота (ф. 221, 1775 д.), Восточного (ф. 117, 65 д.) и Восточно-Забайкальского (ф. 118, 106 д.) фронтов, 2-й Амурской армии (ф. 170, 284 д.), окружных (областных) воинских управлений - Восточно-Байкальского (ф. 25865, 30 д.), Приамурского (ф. 25890, 117 д.), Прибайкальского (ф. 28099, 40 д.) и др.

Определенный интерес представляют документы управлений корпусов, дивизий и бригад, частей, учреждений и заведений, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке. Как правило, они дополняют и конкретизируют документы центральных, фронтовых, армейских, окружных управлений и штабов.

Документы этих фондов подробно освещают историю создания вооруженных сил в данном регионе, их боевой состав, структуру, численность, вопросы дислокации снабжения и обеспечения войск, их комплектования, обучения и боевой подготовки, политической и культурно-просветительной работы, другие стороны жизни армии. В документах отражено участие войск в гражданской войне на Дальнем Востоке и в "малых" войнах: конфликте на КВЖД, событиях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, в борьбе с повстанческим движением, в подавлении крестьянских и иных выступлений. Эти документы позволяют создать достаточно полное представление о силах и действиях противоборствующих сторон.

Из числа наиболее характерных документов следует указать на разнообразные директивные документы высшего, фронтового, армейского

командования; оперативные, разведывательные, информационные и иные сводки штабов; доклады, донесения, отчеты как по организационным, так и по оперативным вопросам; описания, схемы и карты боевых действий. В фондах хранится большой массив разведывательных документов, в том числе агентурного характера.

Содержание документов не ограничивается чисто военными вопросами. Они также подробно отражают экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь края за период от Октябрьской революции до начала Отечественной войны. За 20-30-е годы, когда армия играла важнейшую роль в развитии края, документы содержат, в частности, обширные сведения об оборонном строительстве на Дальнем Востоке, прокладке железных и шоссейных дорог, строительстве аэродромов и промышленных предприятий, организации военных колхозов силами специальных воинских частей.

В документах подробное внимание уделяется военно-политическому и экономическому положению соседних с русским Дальним Востоком стран, других государств азиатско-тихоокеанского региона, описанию возможных театров военных действий, обзору иностранной прессы. Наибольшее внимание, безусловно, привлекали вооруженные силы соседних государств, сведения о которых собирались как по официальным каналам, так и иными путями.

Особую группу составляют документы формирования белой армии, создававшихся и действовавших на Дальнем Востоке. Это фонды штаба главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины и походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала (ф. 39532, 87 д.), штабов отдельной Восточно-Сибирской (ф. 40138, 12 д.) и Дальневосточной (ф. 39729, 32 д.) армий (атаман Семенов); штаба сухопутных и морских сил Приморского района и крепости Владивосток (ф. 40294, 16 д.), управления начальника снабжения сил Приморского района и крепости Владивосток (ф. 40287, 7 д.), комиссии по эвакуации бывших каппелевских и семеновских войск (ф. 40295, 3 д.) (Приморская земская управа); штаба (ф. 40189, 17 д.) и управления начальника снабжения (ф. 40261, 15 д.) войск Приамурского временного правительства (вп. Земской Рати); штабов Забайкальского (бывш. Читинского) (ф. 39533, 33 д.), Иркутского (ф. 39515, 457 д.), Приамурского (ф. 39506, 13 д.; ф. 39507, 131 д.) военных округов; войсковых штабов и правлений казачьих войск - Амурского (ф. 40193, 10 д.), Забайкальского (ф. 40417, 84 д.), Уссурийского (ф. 39596, 72 д.), а также управлений и штабов военных районов, групп войск, отрядов, корпусов, дивизий и бригад, действовавших на Дальнем Востоке. Документы по этому региону отложились также в фондах центральных военных органов Временного Всероссийского правительства, штабов Сибирской (ф. 39617) и отдельной Восточно-Сибирской (ф. 40836) армий. Эти фонды, как правило, малообъемны, сохранившиеся документы носят фрагментарный характер, однако в целом они позволяют создать достаточно полную картину истории белого движения на Дальнем Востоке. Следует отметить, что отложившиеся в этих фондах сводки, информации, сообщения, обзоры отечественной и зарубежной печати, ряд других документов подробно освещают не только военные, но и политические, экономические, социальные вопросы как внутри России, так и за ее пределами.

Даже краткий обзор научно-справочного аппарата РГВА показывает, что документы по Дальнему Востоку, хранящиеся в архиве, содержат разнообразнейшую информацию практически обо всех сторонах жизни этого региона в 1918-1940 гг.

Москва, 1938 г. Комментарий к свидетельству очевидца (Сандзо Носака)

© 1993

Ю.Георгиев

Речь ниже пойдет о политическом деятеле, некоторые факты из прошлого которого, ставшие известными в 1992 г., наделали много шума в Японии. Это - Сандзо Носака, ветеран коммунистического движения в Японии, которому в конце марта нынешнего года исполнился 101 год. До декабря 1992 г. он был почетным председателем КПЯ.

В апреле 1931 г. С.Носака нелегально эмигрировал в СССР, тайно переправившись через советско-маньчжурскую границу на станции Гродеково под Владивостоком. В Москве под именем Сусуму Окано он стал представителем КПЯ при исполкоме Коминтерна (ИККИ). Работал под непосредственным руководством О.В.Куусинена. Через некоторое время после того, как в ноябре 1933 г. умер Сэн Катаяма, С.Носака избирают членом ИККИ и он входит в высший эшелон руководства Коминтерна.

В отличие от Сэн Катаяма, который был лично знаком с В.Лениным и Л.Троцким и ими приглашен на работу в Коминтерн, С.Носака являлся представителем следующего поколения руководящих кадров Коминтерна, воспитанных системой сталинизма и воспринявших все ее "родимые пятна". Поэтому портрет С.Носака, как можно считать, это еще одна иллюстрация "ценностей" сталинизма.

Из Москвы С.Носака дважды в 1934-1935 и 1936-1938 гг. выезжал в нелегальные командировки в США, где занимался изданием и пересылкой антивоенной и антифашистской литературы в Японию.

Сначала приведем перевод отрывка из воспоминаний С.Носака, относящихся к концу лета 1938 г., когда он неожиданно был отозван из США в Москву.

Москва, конец лета 1938 года

После получения визы в Париже я благополучно вылетел в Москву. В аэропорту меня встретил представитель Коминтерна. Без всяких формальностей я сел в ожидавшую меня машину и вскоре был уже в гостинице "Люкс"².

Там меня с нетерпением ждала моя жена Рю. Я переодевался с дороги, собираясь рассказать ей о своих двухмесячных мытарствах с визой, но Рю сама начала разговор. Она рассказала мне о "чистке" в Советском Союзе, о том, как Сталин попрали социалистическую законность.

Я узнал, что после моего отъезда в Москве начали исчезать работники партийного руководства, правительства, Коминтерна. Из тех, кого мы знали близко, исчезли Кэндзо Ямамото, Тэйдо Кунидаки, Янсон из Профинтерна, ветеран Коминтерна Пятницкий, почти все сотрудники бывшего Восточного секретариата. Из старых известных руководителей Коминтерна остались только Димитров, Мануильский, Куусинен.

Жена Ямамото - Мацуко Сэки не была арестована, но она находилась в

Георгиев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем.

полном неведении о своем будущем. Рю рассказала мне также, что из Советского Союза фактически выслали семью театрального деятеля Хидзиката и деятеля культуры Сэки Сано.

Но и это было не все. Рю сама провела два месяца в заключении. При воспоминании об этом у нее на глазах выступили слезы. Правда, ее освободили и принесли извинения за необоснованный арест. Но вместе с тем посоветовали ей держать язык за зубами и никому не рассказывать ни об аресте, ни о том, что она видела и слышала в тюрьме. А там, по ее словам, творились невероятные для социалистической страны вещи: арестованных пытали и их крики доносились до ее камеры.

Я был ошеломлен рассказом Рю. В голове не укладывалось услышанное. Рю сказала мне, что уже писала об этом в письме, отправленном в Америку, правда намеками. Я вспомнил, что, действительно, получил от нее одно единственное письмо и многое в нем не понял. Теперь я был поражен, как она не побоялась написать о таких важных делах.

Выслушав Рю, я понял, что не ошибался, когда связывал задержку с выдачей мне визы с газетными статьями о "чистке" в СССР. Позже я узнал, что организовывавшие мою поездку в Америку ответственные сотрудники Отдела международных связей (ОМС), а в их числе знакомый мне Абрамов, были арестованы, и это на какое-то время парализовало международные связи. Я решил, что должен немедленно побывать в Коминтерне, выяснить там обстановку и обдумать, как мне поставить вопрос о Ямамото...

На следующее утро на небольшом автобусе вместе с несколькими сотрудниками Коминтерна я направился в новое здание ИККИ. За время, которое я провел в Америке, штаб Коминтерна дважды менял свой адрес. Когда я уезжал из Москвы, он располагался в центре города в старом здании, приспособленном из жилого дома царских времен. Оно выглядело бедновато для штаба мирового коммунистического движения и к тому же было очень неудобным. Уже тогда существовали планы подыскать для Коминтерна какое-нибудь другое здание. И вот теперь был построен новый корпус в северном пригороде столицы. Адреса не было, имелся только почтовый индекс. Это здание Коминтерн занимал вплоть до своего роспуска.

Когда автобус подъехал к высокому кирпичному забору, из-за которого виднелось роскошное по тем временам пятиэтажное здание серого цвета, я был просто изумлен. Внутри здания располагались прекрасно оборудованные кабинеты. Мой кабинет также был просторным и современно обставленным, имелась комната для секретаря.

Прежде всего я зашел в секретариат Куусинена, но, к сожалению, не увидел там привычных лиц Мифа⁴ и Мадьяра, руководивших при мне работой Восточного секретариата⁵, не было и ответственного за Японию Волка⁶, с которым мы долгое время проработали вместе. Кругом были новые незнакомые лица. Только в коридорах я встретил нескольких иностранных представителей и сотрудников, которых видел раньше.

Для замены старых выбывших кадров сталинское руководство направило в Коминтерн свою молодежь. Среди нее выделялся Борис Пономарев (входивший до XXVII съезда КПСС в высший орган партии).

В первый же день я увиделся с Куусиненом в его кабинете. Он встретил меня с приветливой улыбкой, однако мне показалось, что выглядел он уставшим и постаревшим.

Когда я расположился в кресле, он через переводчика кратко поприветствовал меня и затем с беспокойством заговорил о японской партии, которая оказалась в то время в очень трудном положении. Затем лицо его помрачнело и он высказался в том плане, что приносит мне свои извинения за то, что не смог воспрепятствовать неправомерному аресту органами безопасности моей жены. У меня не возникло желания в чем-либо упрекать его. Воспользовавшись моментом, я спросил Куусинена о судьбе Ямамото и Кунидзаки. Он, смешавшись, ответил, что ничего не знает о их судьбе. Я решил, что бесполезно задавать ему дополнительные вопросы.

Затем Куусинен, сменив тему, коснулся причины моего вызова из Америки. Он сказал, что в Коминтерне не осталось никого, кто мог бы серьезно анализировать обстановку в Японии, и он хотел бы поручить эту работу мне. Кроме того, он считал, что пребывание в Америке стало неэффективным из-за того, что, по информации, которой располагал Коминтерн, компартии в Японии нанесены сокрушительные удары, жестоким репрессиям подвергаются легальные левые партии, рабочие организации, широкое демократическое движение. Возможности для печатной пропаганды, которую мы вели из Америки, резко сократились.

Я сам много размышлял в Америке о том, как работать дальше, особенно после арестов, связанных с "делом народного фронта" в 1937 г., роспуском пролетарских партий и левого профобъединения "Дзэнхё". Да и в самом Коминтерне, как я понял прибыв в Москву, произошли большие перемены. Поэтому я принял к сведению сказанное Куусиненем и согласился приступить к работе.

Вернувшись в гостиницу "Люкс", я все время думал о том, как же мне подступиться к делу Ямамото и Кунидаки, и настроение у меня было скверное.

Я не был особенно знаком с Кунидаки, немного общался с ним в середине 20-х годов в Центре по изучению промышленности и труда в Токио. Я знал, что он был серьезным ученым. Находясь в Германии на стажировке по вопросам медицины, вступил в КПП. Когда к власти там пришли фашисты, переехал в СССР.

Иное дело Ямамото. Я познакомился с ним еще в 1917-1918 гг., когда он был простым металлистом в Токио. Мы вместе вступили в только что созданную КПЯ. Ямамото одно время жил в доме моих родителей. Словом - мы близко сошлись друг с другом на протяжении тех 20 лет, пока я не уехал в СССР, чтобы работать в Коминтерне. Наверное, у него были какие-то теоретические ошибки или промахи в работе, но я никогда не мог себе представить, чтобы он был арестован и бесследно исчез в социалистической стране. Что бы он ни натворил, мое сердце буквально разрывалось, когда я думал о том, где он очутился с его здоровьем, подорванным туберкулезом. Так думала и Рю. К тому же она очень близко к сердцу восприняла и беду Кунидаки, вместе с которым работала в СССР над переводами в издательстве "Иностранный рабочий".

Все обдумав и взвесив, мы решили поставить вопрос перед Димитровым и попросить его, если возможно, принять меры. Мы исходили из того, что мы были здесь иностранцами и обращение к нему было единственным способом оказать помощь товарищам. Мы думали, что Димитров, который был Генеральным секретарем Коминтерна и пользовался международным авторитетом, наверняка имел возможность знать то, чего не знал Куусинен, и мог принять меры, которые были не под силу последнему.

Поэтому я попросил встречи у Димитрова и получил ответ, что могу зайти к нему в любое время.

Димитров не особенно изменился со времени VII конгресса Коминтерна три года назад, когда я видел его в последний раз. Он был такой же полноватый, с хорошим цветом лица, так же черны были его волосы, так же ярко блестели глаза. Вместе с тем я отметил про себя, что он уже не производил того неотразимого впечатления, как во время конгресса.

Встретив меня, Димитров поблагодарил за работу в Америке и немного поговорил о трудностях японской компартии. Когда эта тема была исчерпана, я поставил вопрос об арестах Ямамото и Кунидаки. Я сказал, что хотел бы знать, почему их арестовали, где они находятся и каково состояние их здоровья. Если это неизвестно, я попросил навести справки. Мотивировал просьбу тем, что дружил с Ямамото с юношеских лет.

Димитров внимательно выслушал меня, долго не отвечал, и в нашем разговоре возникла пауза. Наконец, он, медленно выговаривая слова, ответил, что ничего не знает и не может знать по этому вопросу. Я чувствовал, что эти слова дались ему с трудом.

Ответ Димитрова и особенно то, как он был дан, вновь заставил меня ощутить всю серьезность ситуации. Что же такое происходит в Советском

Союзе, подумал я, если по таким вопросам находится в неведении человек, являющийся высшим руководителем в мировом коммунистическом движении? Это никак не укладывалось в моей голове. В тот момент я решил больше не терзать Димитрова, но через два-три дня я написал ему специальное заявление, в котором официально просил разобраться в делах Ямамото и Кунидзаки. Однако ответа от него я так и не получил.

В Москве я и Рю заботились о Мисаго, дочери одного из довоенных руководителей нашей партии Ёсимити Ивата. Она жила в Советском Союзе в мопровском детдоме. Я узнал от нее некоторые подробности об аресте Рю, которые сама жена мне не рассказывала.

Когда Мисаго приехала к нам в Москву на летние каникулы в 1937 г., то обнаружила, что не было ни меня (я находился в Америке), ни Рю. Ей пришлось жить у Ямамото. В следующие каникулы, а это было зимой с 1937 на 1938 гг., оказалось, что куда-то девалась семья Ямамото, но вернулась моя жена.

Рю давно страдала от затяжных плевритов. Болезнь обострилась у нее во время заключения, и после освобождения ей пришлось пройти курс лечения.

Чтобы угостить Мисаго, Рю купила курицу и положила ее между рамами окна. К несчастью, когда она доставала курицу, то упала со стула, на который ей пришлось лечь. Это вновь обострило болезнь, и она лечилась несколько недель. Именно тогда она и рассказала Мисаго о своей жизни в тюрьме.

А все дело было в том, что Рю подверглась там жестоким допросам. Однако у нее был опыт подобных допросов в японской полиции и она держалась стойко и добилась освобождения...

Хочу сказать и о следующем. Я знаю о статье в одном из номеров журнала "Огонек" за 1989 г., в которой рассказывалось о том, как был объявлен шпионом японского генерального штаба и расстрелян Рёкити Сугимото, перешедший в Советский Союз из Японии в январе 1938 г. Когда я после войны возвратился в Японию, мне задавали о нем много вопросов. Однако я никогда не слышал о Сугимото во время работы в Коминтерне, а ведь японские коммунисты направили его в СССР для установления связи с Коминтерном. К сожалению, миссия Сугимото закончилась неудачей. Я понимаю, что в тот момент, когда Сугимото перешел в СССР, я еще находился в Америке, но уже в конце лета я вернулся в Москву.

Из статьи в "Огоньке" я узнал, что допросы Сугимото продолжались полтора года, значит, было достаточно времени, чтобы навести о нем справки в Коминтерне. Правда, я тогда ничего не знал о Сугимото, но думаю, что, встретившись с ним, сумел бы выяснить, являлся ли он членом партии. В этой связи я припоминаю случай, который произошел во время моей работы в Яньанич. Тогда с передовыми частями 8-й китайской армии, находившейся под руководством КПК, установил связь Бункити Окада. В то время японская армия пыталась засылать к нам своих агентов, и мы были вынуждены поддерживать высокую бдительность. Тем не менее у меня состоялась беседа с Окада и я смог определить, что он был человеком КПЯ. К слову, после войны Окада стал членом ЦК КПЯ.

Но в случае с Сугимото советские органы с самого начала стремились сделать из него шпиона, поэтому у них даже не возникла мысль о том, чтобы связаться со мной.

Я хотел бы добавить еще, что в отличие от Сугимото, с которым я не был знаком, советская сторона хорошо знала о моих дружеских отношениях с Ямамото. Однако и в этом случае она не проявила желания выяснить у меня что-либо в отношении Ямамото...

Итак, столкнувшись с фактом исчезновения многих активистов, я еще не смог тогда правильно осмыслить причины происшедшего. Я думал, что, может быть, случилось что-то очень важное, чего я не знаю; что, может быть, такие меры были необходимы для защиты социализма, находившегося в окружении империалистических держав; что, может быть, тут произошли какие-то ошибки, как в случае с неоправданным арестом Рю. Рассуждая таким образом, я исходил из того, что Советский Союз внес огромный вклад в срыв планов мирового

господства, вынашивавшихся странами фашистской оси - Германией, Японией и Италией. Я не мог избавиться от таких представлений и в послевоенное время вплоть до 1956 г., когда открыто прозвучала известная критика Сталина.

Комментарий к свидетельству очевидца

1. Чего не знал С.Носака в Америке.

В своих воспоминаниях С.Носака пишет, что читал в прессе о "большой чистке" в СССР. Кроме того, он получил письмо из Москвы от жены, в котором затрагивалась эта тема. Поэтому можно считать, что он представлял в общих чертах сложившуюся ситуацию, знал, очевидно, и об аресте своего товарища К.Ямамото (Танака), который стал представителем КПЯ в ИККИ после отъезда С.Носака в Америку в 1936 г. Догадывался он, очевидно, и о том, что внезапный вызов в Москву не сулил ему ничего хорошего.

Но вот о чем он не мог знать тогда достоверно, так это то, что НКВД уже вплотную занялось его разработкой и начало готовить его персональное "дело". Для этого была использована группа японцев, прибывших в СССР из США по линии МОПРа.

Все они были членами КП США и действовали под руководством Японской секции партии, работавшей в 30-е годы среди японцев, приезжавших на заработки в США. Из их числа в американскую компартию вступило тогда около сотни человек и несколько сотен считались сочувствовавшими.

15 января 1932 г. в г.Лонг-Бич на западном побережье США полиция разогнала как "незаконное сборище" собрание американских коммунистов. Было задержано 45 человек, в том числе 9 японцев. Их передали эмиграционным властям для депортации на родину в качестве нежелательных элементов.

Отделение МОПРа в Лос-Анджелесе немедленно опротестовало решение о высылке и в конце-концов добилась так называемого свободного возвращения. Это означало, что обвинявшиеся сами могли выбирать себе страну, в которую они хотели бы уехать (естественно, при условии согласия этой страны принять их), а также должны сами оплатить свой проезд. Все 9 выбрали Советский Союз.

Через МОПР были получены советские визы и собраны деньги на оплату проезда. 29 декабря 1932 г. 10 японцев (к одному из них присоединилась жена) выехали из Нью-Йорка в Гамбург. В январе 1933 г. они благополучно прибыли в Москву.

Через некоторое время они получили советское гражданство и новые имена. Под этими именами они прошли краткое обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), где изучали, в частности, русский язык, а затем большая часть их, также группой, была направлена на работу преподавателями японского языка в Московский институт востоковедения имени Нариманова. Работа этой группы проходила под контролем представителей Японии в Коминтерне и Профинтерне С.Носака и К.Ямамото.

В ноябре 1937 г. был арестован К.Ямамото. До сих пор неизвестны его показания на следствии, но, несомненно, что его арест "спровоцировал" и аресты среди японской группы, куратором которой он был. Так или иначе шестеро из десяти 22 марта 1938 г. были арестованы органами НКВД в Москве и после короткого следствия также в один день - 29 мая того же года расстреляны по обвинению в шпионаже. Двое из них дали на следствии показания о том, что занимались в СССР шпионажем в пользу Японии под руководством Окано (т.е. С.Носака). Это были Юку Николай Петрович (М.Сима) и Ким Григорий Степанович (Н.Ёсиока, он же Н.Ямасита).

Эти данные обнародованы японской телевизионной компанией "Фудзи-тэрэби", которая осенью 1991 г. получила дела шестерых японцев в московском областном управлении бывшего КГБ. В еженедельнике "Сюкан синтё" от 7 ноября 1991 г. был опубликован комментарий по содержанию дел.

В делах имеются документы о том, что в апреле 1989 г. Н.Ямасита (он же Н.Ёсиока) и М.Сима были посмертно реабилитированы, что можно

расценивать как свидетельство того, что их показания против С.Носака были наговором.

Еженедельник "Сюкан синтё" привел мнения двух японцев в отношении указанного "дела". Один из них - Карл Ёнода (86 лет), живший тогда в Сан-Франциско. Он известен как историк, написавший несколько книг об общественной и политической деятельности японцев в США. В 30-х годах он помогал "группе Носака" в подготовке и отправке пропагандистской литературы из США в Японию. Он лично знал всех шестерых.

Ознакомившись с материалами НКВД, К.Ёнода заявил корреспонденту еженедельника: "Я не верю, что упомянутые люди занимались шпионской деятельностью... Они совершенно не владели ни русским, ни английским языками, поэтому там (в СССР - Ю.Г.) максимум, что они могли делать, это быть преподавателями японского языка. Они никак не могли заниматься такой сложной работой, как шпионаж. Я думаю, что скорее всего свои показания в НКВД они дали под пытками"¹².

Второй японец - Такаси Татибана, написавший нашумевшую в свое время работу "Исследование КПЯ" - заявил: "Если показания соответствуют действительности, то Носака был шпионом; однако я думаю, что это были сфабрикованные показания. В то время Коминтерн был захлестнут сталинскими репрессиями, тогдашнее руководство многих компартий обвинялось в шпионаже и репрессировалось. Сегодня стало ясно, что это не подтверждается фактами. Это - один из сильных аргументов в пользу того, что показания были сфабрикованы. Однако встает вопрос, почему остался в живых Носака, который изображался в них, как руководитель шпионской группы. Ведь появление имени Носака в показаниях означало, что НКВД целилось в него. И тем не менее остался в живых один Носака. Почему это произошло? В этом самая большая загадка?"¹³.

Действительно, это - загадка, и она еще ждет решения от будущих исследователей.

Сегодня же бесспорно одно. Знакомство с делами шести осужденных и расстрелянных японских эмигрантов наглядно демонстрирует действие того механизма тотальных репрессий в СССР (он распространялся и на аппарат Коминтерна), который был создан в период сталинской диктатуры.

Вся "вина" шестерых японцев заключалась в том, что им была уготовлена участь "свидетелей", с помощью которых подручные Сталина "завели дело" на С.Носака, чтобы, очевидно, получить возможность свободно манипулировать последним в своих интересах.

2. Версия С.Носака и реальная действительность.

Итак, документально установлено, что в марте 1938 г. НКВД завело "дело" на С.Носака. Именно тогда же он получил через генсека КП США Э.Браудера, который курировал его работу в Америке, указание срочно вернуться в Москву.

Так что приводимая в "Воспоминаниях" С.Носака причина его возвращения из Америки (в ИККИ не осталось работников, способных анализировать ситуацию в Японии, что соответствовало действительности из-за массовых арестов) была верна лишь отчасти. Главное, очевидно, заключалось в том, С.Носака должен был объясниться с НКВД.

Из воспоминаний дочери С.Катаяма Ясу, хорошо знакомой с жизнью японцев, работавших в ИККИ, известно, что по возвращении в Москву С.Носака вызывали на Лубянку, но этот визит остался без последствий. Можно только строить догадки о том, почему или на каких условиях "делу" С.Носака не был дан ход. Ясно только одно - описывая свои первые недели пребывания в Москве, С.Носака говорил лишь часть правды. Судя по всему ситуация была значительно сложнее, да и сам С.Носака думал в те годы по-иному.

Характерным в этом плане было его заявление в Интернациональную контрольную комиссию в связи с обсуждением там поведения Мацуко Сэки - жены К.Ямамото, отказавшейся признать обвинения в адрес ее мужа.

Заявление было написано 21 ноября 1938 г. В нем, в частности, говорилось: "Ввиду того, что Танака (Ямамото - Ю.Г.) была его женой 14 лет и его личной политической помощницей все это время и не только не смогла сообщить нам никакого говорящего против него факта, но даже произвела на меня впечатление, будто она его защищает, я считаю, что у нее нет той политической бдительности, которой должен обладать каждый член партии. Я вполне согласен с ее исключением из КП Японии".

В свете этих фактов заявления С.Носака о том, что он пытался добиться освобождения К.Ямамото не выглядят достаточно убедительными. Тем более что в архивах Коминтерна не удалось обнаружить письма Г.Димитрову, о котором С.Носака рассказывает в своих воспоминаниях. Зато независимый японский журналист Акира Като, проводивший свое самостоятельное расследование деятельности С.Носака в Коминтерне, розыскал в Москве и опубликовал в еженедельнике "Сюкан бунсюн" другое письмо С.Носака генеральному секретарю ИККИ, касающееся К.Ямамото, которое было датировано 22 февраля 1939 г. Именно оно и произвело в Японии эффект разорвавшейся бомбы.

Поскольку на русском языке документ не публиковался, расскажем о нем подробнее.

"В течение всего периода моих отношений с Танака я никогда не подозревал его серьезно, - писал С.Носака Г.Димитрову. - Однако когда в 1937 г. я узнал о преступной деятельности троцкистов, бухаринцев, японских шпионов и т.п., я понял, что моим долгом является сообщить Вам о всех фактах, которые в большей или меньшей степени бросали подозрение на Танака, так как я думал, что это могло бы помочь Вам в деле проверки кадров и очищения аппарата ИККИ от всех сомнительных элементов"4.

Как видно из текста документа, у С.Носака не было прямых улик или достоверных фактов в отношении К.Ямамото. Однако он чувствовал, по его словам, "какую-то неясность", поэтому он и характеризовал его как "сомнительного элемента". "В этом моя ошибка, - каялся он, - что я не принимал все это более серьезно, независимо от того, были на это причины или нет".

С.Носака приводил в письме девять "неясностей", которые, по его мнению, следовало бы дополнительно расследовать. Вот только вопрос - кем. Речь шла о фактах, когда в Японии арестовывали буквально всех участников того или иного мероприятия коммунистов, кроме К.Ямамото. Или, например, о провалах активистов, проходивших под руководством К.Ямамото подготовку в Москве и отправленных в Японию и т.п.

А.Като, а также его соавтор С.Кобаяси, охарактеризовали в еженедельнике "Сюкан бунсюн" это письмо С.Носака как "донос", сыгравший роковую роль в судьбе К.Ямамото. Они писали: "Ямамото был расстрелян 10 марта 1939 г. За две недели до этого, 22 февраля, Носака написал свой донос. Что стоит за таким близким совпадением дат? Конечно, для расстрела Ямамото были и другие причины, однако вряд ли письмо не имело к расстрелу никакого отношения"5.

Нам известно сегодня, что свой приговор по делу К.Ямамото военная коллегия Верховного суда СССР вынесла 10 марта 1939 г. К.Ямамото был признан виновным в том, что с 1924 г. являлся агентом японской разведки, что по ее заданию занимался провокаторской и шпионской деятельностью, а в самом Коминтерне поддерживал связи с некоей антисоветской правотроцкистской террористической организацией.

Эти обвинения были предъявлены ему на основании показаний ранее арестованных Кан Дзё (Т.Маэсима), выпускника КУТВ, и Такуэти, работавшего в издательстве "Иностранный рабочий" в Москве, а также П.А.Мифа, заместителя заведующего Восточного секретариата ИККИ, а затем помощника Г.Димитрова, и Е.П.Тарновской, бывшей в те годы референтом Восточного секретариата.

Известно также, что сам К.Ямамото на заседании военной коллегии не признал себя виновным и отказался от своих показаний на предварительном

следствии, заявив, что они были сделаны по принуждению. Так же поступил и Каи Дээ.

С учетом этих обстоятельств можно считать, что полученное накануне заседания весной коллегии письмо С.Носака, вновь поставившее вопрос о "сомнительных" моментах в биографии К.Ямамото, оказало значительную услугу органам. Оно вполне вписывалось в представление о той "политической бдительности" члена партии, о которой С.Носака писал в своем заявлении в Интернациональную контрольную комиссию по поводу М.Сэки. Или - еще хуже - такое письмо, возможно, было частью той платы, которую должен был внести С.Носака, чтобы НКВД пошло на попятку его "дело".

Что же касается К.Ямамото, то 23 мая 1956 г. он был посмертно реабилитирован.

3. Неожиданный итог.

Письмо С.Носака генеральному секретарю ИККИ, датированное 22 февраля, было зарегистрировано в ИККИ на следующий день. Однако непосредственно к Г.Димитрову оно попало только в мае. Можно лишь догадываться, где оно гуляло март и апрель. Одна из версий. В октябре 1935 г. руководство ИККИ произвело упорядочение структуры своего аппарата, в частности, были ликвидированы так называемые ландерсекретариаты, курировавшие работу компартий по географическим регионам. Одним из результатов этого упорядочения явилось расширение связей между Коминтерном и НКВД, прежде всего его внешней разведкой.

Вместо репрессированного О.Пятницкого, который занимался международными связями Коминтерна со времени его основания, в секретариат ИККИ пришел М.Москвин. Он отвечал за секретный отдел, финансы и административный аппарат, а также курировал компартии Польши и Прибалтики. Настоящее имя М.Москвина - Меер Абрамович Трилессер. В 1921 г. он был заведующим Дальневосточным отделом ИККИ, затем ушел на работу в ВЧК. Стал начальником иностранного отдела ОГПУ, с 1926 по 1929 гг. был заместителем председателя ОГПУ. После этого он работал в Рабоче-крестьянской инспекции и Комитете советского контроля. В сентябре 1935 г. его снова вернули в Коминтерн. Судя по всему, он и был тем человеком, через которого осуществлялась связь между Коминтерном и НКВД.

Правда, к тому времени, когда С.Носака написал свое письмо к Г.Димитрову, М.Москвина уже не было в Коминтерне, в конце 1938 г. его самого репрессировали, но отлаженная система осталась. Поэтому можно предположить, что письмо С.Носака было направлено сначала в органы и передано Г.Димитрову только тогда, когда оно вернулось оттуда.

Получив документ, генсек Коминтерна принял неожиданное решение: он наложил резолюцию с предложением разобраться не с К.Ямамото, а с самим С.Носака. Это был опасный поворот в карьере С.Носака, фактически поставивший крест на его работе в центральном аппарате Коминтерна, хотя сам он формально и продолжал оставаться членом ИККИ.

Дальнейшие события подтверждают правоту такой оценки. 27 сентября 1938 г. С.Носака отчитывался на секретариате ИККИ о работе в Америке. Отчет прошел нормально, но в тот момент Г.Димитров был в отпуске. С.Носака слушал заменявший Г.Димитрова триумvirат - Д.Мануильский, О.Куусинен и М.Москвин. Было принято предложение О.Куусинена на ближайшее время оставить С.Носака при ИККИ в Москве.

5 ноября 1939 г. уже с участием Г.Димитрова секретариат еще раз заслушал отчет о деятельности С.Носака и постановил "считать работу Окано как представителя КПЯ при ИККИ неудовлетворительной". Было решено для организации связи с Японией "направить тов. Окано за рубеж"». Было определено и направление - Китай. С.Носака подключили к обсуждению китайских проблем в Коминтерне. А 14 марта 1940 г. состоялось формальное решение президиума ИККИ о его откомандировании в Китай.

В апреле 1940 г. вместе с миссией Чжоу Эньля С.Носака выехал через Алма-Ату и Сиань в Яньань и начал работу там с мая 1940 г. С.Носака пробыл

там вплоть до капитуляции Японии в сентябре 1945 г. На родину вернулся через Маньчжурию и Корею в январе 1946 г.

Любопытно отметить, что весной 1942 г., когда С.Носака получил указание подобрать 3-4 японцев из военнопленных в Яньани для работы в качестве переводчиков в СССР, он попросил вернуть его в Москву, но ему отказали¹⁷.

4. Послесловие.

После публикации в еженедельнике "Сюкан бунсюн" материала А.Като и С. Кобаяси "Сандзо Носака: Письмо-донос, предавшее товарища" руководство КПЯ вынесло вопрос о С.Носака на пленум ЦК, состоявшийся 15-17 сентября 1992 г. Пленум констатировал, что в своем письме С.Носака без оснований охарактеризовал К.Ямамото как "человека, которого можно подозревать в связях с японской полицией". Его поступок был расценен как "предательство", лишшающее его права занимать пост почетного председателя КПЯ¹⁸.

Сместив С.Носака с этого поста, руководство партии направило в Москву специальную исследовательскую группу для того, чтобы самостоятельно провести расследование всех обстоятельств этого дела. Группа работала два месяца в архивах Москвы. Результаты ее работы обсудил 27 декабря 1992 г. экстренный пленум ЦК КПЯ.

Группа подтвердила справедливость оценки действий С.Носака, как предательства в отношении к К.Ямамото. Более того, она выяснила, что С.Носака не только скрыл от партии факт расстрела К.Ямамото органами НКВД, но и добился, чтобы КПСС сообщила заведомо ложную дату смерти К.Ямамото (1942 г.). Он также сфабриковал фальшивую версию его смерти. Были и другие факты недостойного поведения С.Носака, что дало основание охарактеризовать его как человека с "двойным лицом", не заботящимся о соблюдении партийной дисциплины и независимой линии партии. В итоге пленум исключил С.Носака из рядов КПЯ. Сам С.Носака вынужден был признать, что "у него нет другого выбора, как принять вынесенное решение, так как обвинения справедливы"¹⁹.

Таков бесславный финал политической карьеры человека, воспитанного системой сталинизма и действовавшего по ее правилам. Эта система не выдержала испытания историей и закономерно привела к краху и одного из своих верных адептов.

¹ Сандзо Носака, "Сквозь снежный буран" ("Фусэцу-но аюми"). - Токио, 1989 г., - Т. 8.

² За оброненными вскользь С.Носака словами "без всяких формальностей" стоит целая система нелегальных поездок работников Коминтерна за рубеж. Например, в Америку в мае 1936г. С.Носака выехал по японскому паспорту на имя Эдзиро Судзуки. За разрешением на это Отдел кадров ИККИ обращался непосредственно в ЦК ВКП(б) к секретарию ЦК Н.Ежову. По линии НКВД в пограничный Тирасполь (С.Носака ехал в Америку через Румынию и Францию) пошла шифрограмма не досматривать багаж Е.Судзуки, но и не выделять его среди других иностранцев, чтобы не привлекать к нему внимание. По архивным документам возвратился С.Носака в Москву в августе 1938 г. и не самолетом, как он пишет в воспоминаниях, а поездом через Великие Луки по американскому паспорту на имя Цунэхико Гарольда Оно. (Здесь и далее прим. автора).

³ Действительно, решение о переезде в новое здание на нынешней улице В.Пика было принято секретариатом ИККИ 13 февраля 1938 г. Однако это здание строилось не для Коминтерна, а для Международной ленинской школы.

⁴ Миф Павел Александрович (1901-1938). Учился в Коммунистическом университете имени Свердлова. В 1925-28 гг. - проректор и ректор Коммунистического университета трудящихся Китая. В 1928-1935 гг. - заместитель заведующего Восточного секретариата ИККИ, помощник Г.Дмитрова по Китаю. В 1936 г. - ректор Коммунистического университета трудящихся Востока, в 1937г. - директор НИИИКП. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁵ Восточный секретариат ИККИ был образован в 1920 г., как дальневосточный секретариат. В 1921-1922 гг. он именовался Дальневосточным отделом. В 1923-1926гг. - Восточным отделом. С 1927 г. - Восточный секретариат. Был расформирован в 1935 г. После этого Японию курировал секретариат О.Куусинена.

⁶ Волк Яков Ильич (1896-1937) - референт Восточного секретариата ИККИ и секретариата О.Куусинена в 1929-1937 гг. Учился в Коммунистическом университете имени Свердлова, но не закончил его. В 1927-1929 гг. работал преподавателем в Коммунистическом университете

- трудящихся Китая. В Восточном секретариате специализировался по Японии. Был арестован и расстрелян в 1937 г.
- 7 15 декабря 1937 г. по приказу министра внутренних дел Суэцугу были проведены полицейские облавы и арестовано около 500 коммунистов. Через 19 дней запрещены Японская пролетарская партия и левый профцентр Дзэнкё. Было арестовано 400 человек, имевших отношение к этим организациям.
  - 8 Тэйдо Кунидзаки был известен в Германии и СССР под именем Александра Кона. В Москве работал заведующим японской секцией издательства "Иностранный рабочий". Был арестован в августе 1937 г. и расстрелян в декабре того же года.
  - 9 Мисаго Ивата, дочь видного японского коммуниста Есимити Ивата, 1923 г.р. Приехала в СССР вместе с женой К.Ямамото - Мацуко Сэки в 1931 г. Закончила среднюю школу в 1941 г. В 1941-1943 гг. работала в аппарате ИККИ, затем училась на японском отделении Института востоковедения. В 1946 г. вернулась на родину вместе с женой С.Носака - Рю Носака.
  - 10 Первый интердом имени Стасовой в Иваново.
  - 11 В 1940-1945 гг. С.Носака (под фамилией Сусуму Окано) находился в Китае с целью организации антивоенной пропаганды в японской армии.
  - 12 "Сюжан синтё". - 7 ноября 1991 г. - С. 47.
  - 13 Там же.
  - 14 Письмо С.Носака воспроизводится по публикации в "Сюжан Бунсюн", 3 сентября 1992 г., с. 41.
  - 15 Там же, с. 47.
  - 16 РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 18, д. 1296, л. 339.
  - 17 Там же, ф. 495, оп. 74, д. 622.
  - 18 "Акахата", 21 сентября 1992 г.
  - 19 "Джапан таймс", 29 декабря 1992 г.

Присуждение звания "Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН" профессору Ким Хан Гю (Республика Корея)

27 августа 1993 года на торжественном заседании Ученого Совета ИДВ РАН присуждено звание "Почетного доктора ИДВ РАН" видному государственному и общественному деятелю Республики Корея, крупному ученому, доктору философии Ким Хан Гю. С представлением выступил директор Института Дальнего Востока РАН, доктор философских наук, М.Л.Титаренко. Он сказал:

Глубокоуважаемый профессор Ким Хан Гю!
Глубокоуважаемый господин Посол Ким Сук Кю!
Дорогой друг профессор Чан Ян Бан!
Уважаемые коллеги, члены Ученого Совета!
Дорогие гости!

Сегодняшнее заседание Ученого Совета посвящено вручению Диплома "Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН" видному государственному и общественному деятелю Республики Корея, выдающемуся политику и ученому, доктору философии профессору Ким Хан Гю. Это признание Вашего вклада в развитие гуманитарных наук, то есть прежде всего науки о человеке, о его благоденствии. Мы горячо приветствуем г-на Ким Хан Гю и прибывших вместе с ним в Москву корейских политических деятелей, ученых и журналистов.

Позвольте коротко напомнить биографию г-на Ким Хан Гю и основные этапы его деятельности.

Г-н Ким Хан Гю принадлежит к влиятельному в Корее среднему поколению политических и общественных деятелей. Он родился 1 декабря 1940 года. Окончил Калифорнийский Университет, затем совершенствовал свое образование в известных Инсеемском и Сеульском университетах. В 1980 году г-н Ким Хан Гю был приглашен на работу в качестве эксперта Законодательной Ассамблеи. В это же время он начал развертывать активную работу в социальной сфере, уделяя особое внимание теории и практике благотворительной деятельности и ее роли в обеспечении благосостояния народа, особенно детей, сирот, инвалидов и одиноких престарелых граждан.

Именно в это время г-н Ким Хан Гю, следуя конфуцианским принципам гуманности, долга и справедливости и учения об обществе всеобщего благоденствия, начинает исследовать проблему роли современного государства в создании всеобщего благосостояния. Его глубоко интересуют и волнуют идеи о социальной справедливости, о возможности построения государства всеобщего благосостояния, об образе государства всеобщего благосостояния. Эти идеи были изложены им в трех фундаментальных монографиях: "Предтеча реализации идеи государства всеобщего благосостояния", "Кредитование препаствий", "Образ государства всеобщего благосостояния 2000 года", которые вышли в 80-х и начале 90-х годов. За эти исследования г-ну Ким Хан Гю было присвоено звание профессора философии. В последней названной работе проф. Ким Хан Гю конкретизируется в различных аспектах общества всеобщего достатка (сяокан), ликвидации бедности. Эти работы и обобщенный в них опыт заслуживают глубокого внимания со стороны российской общественности. Мы надеемся, что в недалеком будущем сборник его трудов увидит свет на русском языке.

Особо следует отметить, что профессор Ким Хан Гю - это человек чрезвычайно многогранных талантов и многосторонней и весьма напряженной практической деятельности, в которой он стремится реализовать свои идеи служения обществу, делу процветания и объединения корейской нации.

Общественность Кореи и коллеги по партии давно обратили внимание на выдающиеся интеллектуальные, организаторские и человеческие качества г-на Ким Хан Гю. Об этом говорит тот факт, что в 1981-1988 годах г-н Ким Хан Гю избирался Председателем детской попечительской организации. В 1985 г. он становится членом Совета по разработке политики мирного объединения Кореи. В 1986 г. г-н Ким Хан Гю выдвигается на весьма ответственный и престижный пост вице-президента Оргкомитета по проведению в Сеуле международных Игр для инвалидов.

В 1988 году в политической биографии г-на Ким Хан Гю происходит новый скачок - он избирается членом парламента Республики Корея от Демократической партии справедливости, а затем от Демократической либеральной партии (ДЛП). В 1990 году, став близким соратником нынешнего президента РК Ким Ен Сама, г-н Ким Хан Гю избирается заместителем председателя Политического комитета ДЛП. С 1992 года он вновь становится депутатом парламента от ДЛП.

Особо следует отметить, что, пользуясь широкой известностью среди общественности и в политических кругах страны, г-н Ким Хан Гю внес и вносит значительный вклад в демократизацию корейского общества, много сделал для установления и развития отношений между нашей страной и Республикой Корея.

Учитывая выдающиеся заслуги профессора Ким Хан Гю в международной общественной и благотворительной деятельности, большой личный вклад в укрепление взаимопонимания и дружбы между народами, в развитии научных, культурных, спортивных и деловых связей Республики Корея и России, Ученый Совет ИДВ РАН на своем заседании 14 мая с.г. единогласно принял решение присвоить профессору Ким Хан Гю звание "Почетный доктор ИДВ РАН".

Мы рассматриваем присуждение этому Почетного звания г-ну Ким Хан Гю как скромный вклад в дело развития и укрепления отношений дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между Россией и Республикой Корея, между общественностью и учеными двух стран. Пользуясь случаем, хотел бы

подчеркнуть, что общественность России придает особое значение развитию и укреплению взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами.

Встречи на высшем уровне лидеров двух стран, как мы надеемся, "закрыли прошлое и открыли будущее" в наших отношениях. Во всяком случае мы с уверенностью и оптимизмом смотрим на будущее наших отношений, высоко оцениваем пока слабо используемый обеими сторонами огромный потенциал сотрудничества. Мы уверены, что профессор Ким Хан Гю, став Почетным доктором ИДВ РАН, внесет новый вклад в дальнейшее развитие сотрудничества не только наших стран, но и нашего Института с соответствующими институтами и университетами Республики Корея.

Мы от всей души поздравляем профессора Ким Хан Гю с присуждением ему звания Почетного доктора ИДВ РАН и желаем ему новых успехов в его многогранной и плодотворной государственной работе, в его научных изысканиях на благо процветания корейского народа. Мы желаем ему внести новый важный вклад в теорию и практику создания государства всеобщего благосостояния - идеала всех великих мыслителей с древности до наших дней. Мы желаем так же Вам, г-н Ким Хан Гю и всем вашим коллегам крепкого здоровья, счастья и благополучия.

Затем с научным докладом выступил доктор Ким Хан Гю.

Основные направления политики социального развития Республики Корея

Уважаемый председатель Ученого Совета, профессор Титаренко!

Уважаемые члены Ученого Совета!

Дамы и господа!

Позвольте мне прежде всего выразить глубокую благодарность господину Титаренко, а также всем членам Ученого Совета Института Дальнего Востока - высшего российского центра исследований по данному региону, за любезное приглашение приехать в Вашу страну и высокую честь выступить перед Вами по случаю вручения мне диплома "Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН"

Дамы и господа!

На пороге истории XXI век. Маленькая деревня под названием Человечество находится в ожидании многих перемен. Все мы пристально пытаемся определить направление развития цивилизации, изменений межгосударственных отношений, которые призваны обеспечить всеобщее процветание человечества.

И наша страна, Республика Корея, под руководством нового президента Ким Ен Сама настойчиво ищет пути создания обновленного общества для того, чтобы внести свою лепту в дружественный миропорядок в качестве достойного члена Мирового сообщества.

Признавая необходимость того, что только совместными усилиями человечество сможет реализовать свою благородную миссию - реально обеспечить благосостояние людей на Земле, я попытаюсь сжато изложить свои взгляды на основные направления политики социального развития Республики Корея.

Наша страна предприняла чрезвычайные усилия, чтобы сбросить ярмо тысячелетней азиатской бедности. В соответствии с разработанным планом экономического развития, корейский народ ценой сверхограниченного потребления неустанно трудился над созданием национальной промышленности, особенно тех отраслей легкой промышленности, которые наращивали экспортное производство и увеличивали приток иностранного капитала. В результате этих усилий нами был пройден этап первичного накопления и достигнуто интенсивное экономическое развитие.

В настоящее время в нашей стране создана промышленность, имеющая самую передовую технологию, промышленность, способная гибко и в больших масштабах модифицировать производство в соответствии с изменяющимися потребностями общества.

Параллельно экономическим преобразованиям формировалось новое экономическое самосознание населения, получившее название "движение к новому сообществу", которое обеспечивало существенную реформу в образе мышления. Эти изменения способствовали развитию демократизации национальной политики.

Так, в 60-х годах была разработана политическая стратегия развития социального благополучия населения, в 70-х годах пришло время ее практической реализации экономическими возросшими средствами, что нашло свое отражение в 4-ом пятилетнем плане, который был успешно выполнен.

В начале 80-х годов дело обеспечения социального благосостояния населения было превращено в общегосударственную политику, главной целью которой было покончить с бедностью населения. При выполнении 6-го пятилетнего плана социально-экономического развития страны (1987-1991) все население было охвачено системой страхового медицинского обслуживания, а к 1988 году в общегражданском масштабе было введено пенсионное обеспечение.

Можно и нужно отмечать плоды усилий в создании основ социального благосостояния, однако наступающий XXI-й век предъявит новые требования в соответствии с новой ситуацией. Прежде всего страна столкнется с такими проблемами, как сокращение рождаемости и старение населения, увеличится опасность влияния ряда неблагоприятных последствий социального развития, таких как загрязнение окружающей среды, окажут свое влияние изменения во взаимоотношениях между "Югом" и "Севером". Надо полагать, что последнее обстоятельство будет иметь возрастающую силу влияния на характер тех или иных направлений социального развития, на определение стратегии управления этим процессом.

Демографическая ситуация в Республике Корея изменится в связи с ростом численности населения, увеличением средней продолжительности жизни, а также в результате старения населения. Так, к 2000-му году доля населения старше 65 лет составит 6,8 процента, а к 2021-му году эта цифра будет равна 13,1 процента. Страна превратится в общество пожилых. Соответственно возрастет общий объем затрат по обеспечению охраны здоровья, культурных запросов; возникнут новые проблемы здравоохранения и жизнеобеспечения пожилых людей.

По мере роста промышленности и урбанизации увеличится количество несчастных случаев на производстве и в быту, повысится опасность загрязнения окружающей среды, изменится структура заболеваемости и смертности. Соответственно возрастут требования населения к системе социального обеспечения, что повлечет за собой увеличение затрат на ее осуществление в масштабе всего общества в целом.

Реалия такова, что Корейский полуостров до настоящего времени разделен на "Юг" и "Север", однако в будущем, можно ожидать снижения напряженности между двумя государствами, появления перспективы их объединения и, как результат этих процессов, существенное сокращение бремени расходов на оборонные нужды, и, следовательно, увеличение госбюджета на социальные программы.

Казалось бы это хорошие перспективы. Однако последствия такого развития для финансового положения "Юга" могут оказаться чрезвычайно тяжелыми, ибо среди многих других проблем, которые потребуют своего решения после объединения, нам придется выравнивать огромную разницу между системами социального обеспечения, поднимать уровень и изменять способы финансирования социальных программ на "Севере".

Новое правительство Республики Корея продолжит гибкое реагирование на изменения во внутреннем и внешнем окружении с целью более эффективного осуществления политики социального развития. Запланированная государственная программа под названием "новое социальное благополучие"

предусматривает в качестве первоочередных задач ослабление социальной напряженности среди различных экономических групп, минимизацию факторов, затрудняющих экономический рост, равномерное распределение плодов экономического развития среди всех слоев населения и, как результат, повышение "качества жизни".

В будущем в Корее будут существовать все основные системы социального страхования, доступные для всего населения и, если говорить несколько обобщенно, задача заключается в том, чтобы создать единый "дом для людей" (People's Home). Нам предстоит заложить основы такого общества, контуры которого мы уже монтируем, в котором люди будут жить на новом качественном уровне и в котором высокий уровень жизни станет нормой общего прогресса.

Мы понимаем, что такие факторы социальной политики, как обеспечение стабильности жизни людей, интеграция в общее развитие общества самых низких слоев и групп населения, отброшенных конкуренцией до борьбы за выживание, стремление к социальной справедливости в распределении доходов, использование фонда социального развития в качестве источника долгосрочного финансирования промышленности будут укреплять инфраструктуру общества, которая в свою очередь будет улучшать продуктивность и международную конкурентоспособность национальной экономики и, следовательно, обусловят устойчивое экономическое развитие. Система социального обеспечения в Корее будет совершенствоваться в направлении достижения баланса между социальным благополучием и экономикой в форме взаимной поддержки.

Для того, чтобы избежать кризиса высокоразвитых государств, с которыми они столкнулись в настоящее время, важно не только повысить ответственность со стороны правительства, крайне необходимо также добиться понимания происходящих изменений и осознанного участия в них со стороны всего населения. Другими словами, сами люди должны быть вооружены общественно направленным сознанием, основанном на усердии и самоверии каждого члена общества, ясном понимании ответственности и обязанностей, чувстве общности и сдерживании исключительности.

Для достижения этих политических целей необходимо осуществить следующие тактические задачи:

Во-первых, в слой населения с низкими доходами будут переходить семьи, доход которых не достигает минимального прожиточного уровня. После тщательного изучения их материального состояния правительство будет предоставлять систематическую финансовую помощь для удержания их над минимальным уровнем жизни. Эти усилия должны сопровождаться программами стимулирования самоподдержки и самоверия посредством профессионального обучения и помощи в приобретении жилья.

Во-вторых, необходимо реорганизовать систему профессионального обучения всех трудоспособных на базе социологических рекомендаций: чему и как учить, кого и куда направить по окончании обучения; все это должно быть осуществлено на индивидуальной основе с учетом способностей и желания каждого обучаемого.

В-третьих, слоям населения со средними доходами необходимо также предоставить возможность укрепить и расширить свою долю социальной поддержки.

Для того, чтобы противостоять многочисленным потенциальным опасностям, с которыми столкнется общество, будут внедряться различные системы социального страхования, увеличится их объем и качество. Частный сектор будет привлекаться к этой области для того, чтобы дополнить те программы социального страхования, которые финансируются правительством. Мы будем усиливать планирование, управление и контроль систем социального страхования параллельно с постепенным расширением их для того, чтобы охватить все население.

С другой стороны, для того, чтобы обеспечить финансирование программ медицинского страхования на местах, нам необходимо контролировать правильное установление сумм выплат и эффективность их использования.

Более того, в систему будут включены новые методы распределения бремени расходов на случаи заболеваний, требующие значительных выплат, и достигнуть такого уровня экономики, при котором система будет оставаться оправданной с финансовой точки зрения.

В-четвертых, необходимо неуклонно совершенствовать все виды услуг по социальному обеспечению.

Социальная политика, все еще остающаяся селективной и сконцентрированной на краткосрочных мерах социальной помощи, будет расширяться и охватывать все население при более высоком качестве обслуживания. Реализация социальных программ будет осуществляться многочисленными организациями, а именно, национальным правительством, местными агентствами, частными организациями и отдельными семьями; будут четко определены области их ответственности и роли. Участие частного сектора будет поощряться с помощью налогового механизма.

Будут введены новые законы, стимулирующие благотворительность и поощряющая добровольная общественная деятельность по осуществлению социальных программ.

Сильные стороны традиционных семейных систем и деятельности организаций по социальной поддержке будут сохранены и получают дальнейшее развитие.

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть, что уровень жизни народа Республики Корея значительно повысился благодаря устойчивому экономическому росту. Таким же образом возросло ожидание того, что дивиденды от быстрого экономического развития будут проявляться в форме более высокого уровня социального благополучия для населения. Мы отдаем себе отчет также в том, что потребности людей в области социального обеспечения в дальнейшем будут диверсифицироваться и в целом возрастать, поскольку демографическая картина будет изменяться в сторону увеличения доли пожилого населения, с одновременными переменами в структуре семей.

Чтобы удовлетворить потребности народных масс, ориентировочно, к 2000 году, социальная политика должна развиваться в следующих направлениях.

Первое. Обеспечить низшие слои населения прожиточным минимумом в питании и жилье, обеспечить им врачебное обслуживание и обучение на таком уровне, который позволит им начать самостоятельную трудовую жизнь.

Второе. Добиться к 2000 году общественного благополучия, ввести всеобщее пенсионное обеспечение, страхование всех наемных работников, ввести страхование имущества предпринимателей, начиная с предприятий со штатом 5 и более работников, установить эру социального страхования всего народа.

Третье. Для того, чтобы расширить приходную часть социального обеспечения, мы должны избавиться от имеющейся в настоящее время практики использования в основном краткосрочных мер социальной помощи малому населению. В будущем мы будем стремиться к расширению области применения социальной поддержки, разнообразию осуществляющих ее агентств и источников финансирования.

Я попытался кратко представить настоящую ситуацию в области практики социального развития в Республике Корея, ее направления и цели. Достижение социального благополучия представляет собой задачу, которую общество обязано решить прежде всего, чтобы создать условия, в которых человек мог бы жить с достоинством и уверенностью в том, что каждый родившийся на нашей планете имеет право на счастливую жизнь.

Китайская цивилизация: общее и особенное

Центр изучения духовной культуры Восточной Азии провел заседание "круглого стола" по теме "Мировой цивилизационный процесс и национальная специфика духовной культуры Китая".

Во вступительном слове директора Института Дальнего Востока РАН, доктора философских наук М.Л.Титаренко были сформулированы в кратком виде некоторые основные исследовательские задачи Центра и установки для данного обсуждения. Задача достижения взаимопонимания между Востоком и Западом - это уже многовековая проблема, связанная с интенсификацией взаимных контактов. Создание мирового сообщества наций, необходимость глобального расширения информационного пространства ведут к усилению взаимодействия между цивилизационными единицами и ставят вопрос об их интеграции в единую всемирную систему. Рационалистические подходы к этой проблеме, сформированные в первой половине века, подразумевающие достижение культурно-хозяйственной и духовной интернациональной интеграции, вошли сейчас в противоречие с тем огромным позитивным опытом, который был достигнут каждой из цивилизаций в процессе их историко-культурного развития и внутренней консолидации, обусловленной оптимальной адаптацией каждого цивилизационного единства к региональным уникальным условиям среды, выработкой особых соотношений между материальной и духовной сферами в рамках каждого цивилизационного пространства. Формулирование интеграционных установок с позиций Запада нашло свое наиболее яркое выражение в выработке кодекса "прав человека". Однако в Китае эта система правовых норм в некоторых своих положениях оказалась неприемлемой. И тут решающую роль играют не столько несоответствия сегодняшнего дня в уровне материального благосостояния и духовного потенциала Китая и Запада, но и исторически сложившиеся культурные и этнические нормы, регламентирующие казалось бы, одни и те же общечеловеческие принципы взаимоотношений: человека с окружающей средой, индивидуума и коллектива, отношений к труду, собственности, к коллективной и индивидуальной ответственности человека перед законом и т.д. Само понимание социальных законов, законов общежития оказалось различным. Выявить исторические основы и пути сложения этих противоречий, которые особенно ярко проявились в духовном фундаменте цивилизаций - это очевидный перспективный путь достижения и укрепления будущего взаимопонимания. Первые опыты в этом направлении, формулирование отдельных кардинальных специфических особенностей исторического пути китайской цивилизации в сравнении с аналогичными процессами на Западе, мы и хотели здесь предложить вниманию читателей.

Проблеме соотношения интеграционных тенденций в развитии мировой цивилизации и стремления к сохранению и укреплению национальной самобытности в локальных цивилизациях посвятил свое выступление заведующий сектором идеологии Центра, кандидат исторических наук В.Ф.Феоктистов:

Одной из центральных проблем современности является интеграция народов и стран в новую единую мировую цивилизацию.

Главное в рассмотрении этого процесса - это соотношение локальных цивилизаций и глобальной интеграции этих цивилизаций, культур в единое мировое сообщество. Мировая пресса призывает все страны стать, наконец, цивилизованными. Здесь понятие "цивилизации" подразумевает, что мир должен жить и развиваться по нормам и принципам Запада. Критерии также не вызывают сомнений: следует достичь уровня экономического, социального, политического и духовного развития ведущих стран Запада, их образа жизни. Такие призывы не объективны, ибо признают критерием прогресса человечества только западные материальные и духовные ценности. Конечно, научно-технические достижения наиболее развитых стран Запада составляют достойные всего человечества и могут служить ориентиром в экономическом развитии

других стран. Духовная же сфера жизни общества, его нравственные и культурные ценности, политическая культура, выявляет сложную картину сосуществования многообразных этно-культурных сообществ, которые нельзя механически свести к единой мировой цивилизации.

Следовательно, решая общие, глобальные проблемы человечества, прежде всего проблемы его выживания, необходимо учитывать национальную, этнокультурную специфику исторического развития отдельных стран и регионов, цивилизаций.

Потому значимы непредвзятые оценки концепций синтеза культур Востока и Запада, высказанные в 30-40-е гг. известными китайскими философами Фэн Юланем, Хэ Линем и Лян Шуминем. История подтвердила предвидение Хэ Линя о том, что конфуцианство, в силу его восприимчивости к новым веяниям, можно модернизировать с помощью достижений современной науки и культуры.

В принципе необходимо установить - а на какой основе происходит и должно происходить интегрирование цивилизаций? На основе каких ценностей? Что значит для данного этно-культурного региона понятие общечеловеческих ценностей? Ведь в основе этих представлений лежат конкретные нормы жизни и мироощущения, выработанные каждым конкретным народом, каждой этнической общностью в процессе длительного исторического развития. В ходе этого развития, конечно, вырабатывались и общие, присущие всем людям принципы жизни, отражающие общность человечества, как биологического вида. Но их проявление в каждой этнической общности имеет специфический, национально-культурный характер, чем обусловлено постепенное сближение различных культур, цивилизаций, выработка на равноправной основе понимания общности судеб всего человечества, независимо от этнических, исторических и культурных особенностей его народов.

Значение этно-психологических и социо-культурных особенностей развития различных народов история особенно наглядно продемонстрировала в последнюю четверть XX века. Появление на Востоке новых индустриальных стран - так называемых "4-х малых драконов" - не в последнюю очередь связано с этно-культурными особенностями народов этих стран, верно схваченными и умело использованными их политическим руководством. Это говорит о том, что наряду с мощным потоком интеграционных процессов сближения локальных цивилизаций, выработки общечеловеческих норм мирового общежития в мире существуют и тенденции к сохранению каждым народом, каждой этнической общностью своих национальных ценностей, национальной специфики.

Примером тому может служить современный Китай, где более десяти лет назад осознана необходимость реформирования социально-экономических отношений и политической структуры в стране. И пути к этому были намечены двоякого характера: с одной стороны, открытость внешнему миру, восприятие всего передового и полезного для Китая, привлечение передовой технологии и иностранного капитала западного мира, а с другой - сохранение при этом самобытности китайского общества, китайского образа жизни, китайского пути модернизации. Не все в этой самобытности вписывается в понятие "западной цивилизации", не все может быть ею принято, - но не считаться с особенностями китайской цивилизации сейчас было бы не реалистично.

Напомним, что и "4 малых дракона", и Китай - страны конфуцианского арсала, конфуцианской культуры, этические нормы которой сформировали своеобразные ценностные ориентации, стереотипы массового сознания - чувство долга, патриотизм, приоритет общественного перед личным, человеколюбие, культ знания и др. - которые в определенных социальных условиях могут стать важным позитивным фактором общественного прогресса.

Таким образом, для стран традиционалистского типа, - а к ним можно отнести не только Китай, но и Японию, Южную Корею, большинство стран исламской культуры - проблема сохранения культурной самобытности не менее важна, чем вопрос их модернизации.

О роли традиционной китайской философии в современном Китае сделал сообщение руководитель Центра, доктор исторических наук Л.С.Передомов.

Главным объектом исследования традиционной китайской философии изначально стали человек, общество, государство, законы природы, поиски модели оптимального соотношения интересов государства, общества и человека. Расцвет этико-политических школ китайской философии, шестой-третий века до нашей эры, это - золотой век становления юридической мысли. Эпоха противоборствующих царств (Чжаньго), постоянная борьба внутри политической элиты царств за верховную власть способствовали выработке оптимальных моделей управления. Их создавали свободные интеллектуалы "ши" (книжники).

Императорская система и последовавшие за ней государственные структуры реализовывали лишь те идеи и концепции, которые нужны были им для успешного и долговременного функционирования. Таким образом Китай обладает ценной национальной кладовой, духовные и интеллектуальные потенции которой еще далеко не исчерпаны.

Из этико-политических и философских школ древности наибольшее воздействие на становление и функционирование политической культуры страны оказали две: конфуцианство и легизм. Они как бы символизировали два начала - светлое (ян) и темное (инь). Легисты более чем за тысячу лет до Маккиавелли первыми во всемирной истории разработали и претворили в жизнь совершенную модель тоталитарного правления на обширной территории - в пределах империи Цинь (221-209 гг. до н.э.). Конфуцианцы создали модель управления, умело сочетавшую политику с моралью, возвысившую, в отличие от легистов, бюрократию над законом, что обеспечило им верховенство в стране вплоть до начала XX века.

Непосредственное воздействие традиционной китайской философии на культуру политического мышления руководителей страны, будь то император, президент или генеральный секретарь КПК, осуществляется через традиционный институт: "история - политика".

Решающим аргументом любой этико-политической школы, включая легистскую и конфуцианскую, всегда была ссылка на "гу" (древность). Политические задачи требовали все новых аргументов, поэтому расширение рамок "древности" продолжалось столетиями. "Древность" прочно вошла в политическую культуру страны, и именно как институт (политическая традиция) в значении "политика-история".

Этому способствовала и одна из характерных национальных черт китайцев - относительно высокий уровень исторического самосознания. Когда тот или иной политик при общении с народом обращался к аргументации историческими фактами, аналогиями или концепциями древних философов, он всегда встречал подготовленную аудиторию.

Приступая к реализации своей программы модернизации страны, Дэн Сяопин провозгласил в 1979 г., что "целью социализма с китайской спецификой является достижение к 2000 году уровня общества "сяо кан" ("сяокан шуй пин"). Он пояснял, что под "сяо кан" понимает достижение "среднезажиточного уровня" и связал это с построением "могучего государства". Это был талантливый ход, но как мудрый политик Дэн Сяопин действовал осторожно, не раскрывая всех карт перед Западом. У нас, тогда еще в Советском Союзе, многие, в том числе и ведущие синологи, восприняли именно такое объяснение и не увидели ничего неожиданного.

Несмотря на то, что Дэн Сяопин ограничился лишь экономическим аспектом, для лидеров и интеллектуалов конфуцианского культурного региона и образованных хуа цяо это значило очень многое. С континента (Далу) поступил сигнал - я возвращаю страну в ваш, а ныне наш общий, конфуцианский культурный регион. Неважно, что я там строю - это будет "сяо кан". Он не взял "Да тун" "Общество великого единения" - вторую социальную утопию Конфуция, ибо к "Да тун" обращались и Кан Ю вэй и Сунь Ятсен (о чем подробно написал проф. Р.Фельбер). К "Да тун" обращался и Мао Цзэдун. Дэн Сяопин взял первую социальную утопию Учителя - "общество малого благоденствия" ("сяо кан"), то есть взвалил на себя и КПК огромное бремя

ответственности и одновременно бросил открытый вызов своему давнему оппоненту Чан Кайши, который уже построил свой "сяо кан" на Тайване. Но перед Дэн Сяопином стоит более сложная задача.

В стране открылся многослойный процесс реанимации традиционных ценностей на самых различных уровнях: экономическом, политическом, идеологическом, научном.

Страна стала активно восстанавливать свои позиции в некогда порожденном ею культурном регионе. Поскольку в экономическом плане Китай отстает, то он стал успешно развивать компенсаторную роль конфуцианской культуры. Именно в этой плоскости следует рассматривать задачи и работу Фонда Конфуция.

Мне кажется, что внутри самой КПК наблюдается возрождение традиции, заложенной Лю Шаоци, когда он брал образ "благородного мужа" (цзюнь цзы) в качестве модели для кадрового работника (гань бу). Выступая в 1989 г. на симпозиуме в связи с 2540 годовщиной со дня рождения Конфуция Цзян Цзэминь говорил о значении его идей для нравственного воспитания подлинных строителей социализма. Процесс инкорпорации ценностных ориентиров Учителя в новую, формирующуюся государственную доктрину набирает темпы. В качестве конкретного примера приведу часть текста статьи 6 постановления Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины "Относительно партийных дисциплинарных наказаний членов КПК, нарушивших социалистическую мораль" от 28 декабря 1989 г.: "Лица, жестокое обращение которых с членами семьи носит сравнительно серьезный характер, или отказавшиеся от членов семьи, наказываются смешением со всех постов в партии или же испытательным сроком в партии; при серьезных обстоятельствах исключаются из партии".

Я думаю, что та дискуссия, которая началась ныне в Китае о "совокупной мощи государства" (цунхэголи), где одной из составных частей названы "качество людей", "качество руководства", неизбежно приведет к еще более активной реанимации морально-этических ценностей конфуцианства.

События в нашей стране не могли не повлиять на политику китайского руководства. В последние годы больше всего говорят о стабильности. Ученые КНР считают, что принципиальные проблемы экономической реформы нужно рассматривать в контексте развития трех основных компонентов: "стабильность-реформа-развитие".

Принципиальной формулой для разрешения внутренних противоречий в стране является, по их мнению, задача - "с помощью реформы стимулировать стабильность, в условиях стабильности обеспечивать развитие"². Некоторые в связи с этим обращаются к традиционной философии, утверждая, что там всегда в качестве политических ценностей на первый план ставился порядок и осуждалась смута³. По сути, реализуется концепция Конфуция об определяющем значении стабильности. Характерно, что Конфуций 15 раз говорил о смуте, хаосе, (луань). Приведу лишь одно его суждение: "В государстве, где царит хаос, люди не могут жить" ("Луань бан бу цзю" "Луньюй" 8.13).

Свою точку зрения на экономические и политические особенности китайской цивилизации выразил доктор исторических наук А.С. Мугрузин

Исторической основой китайской цивилизации в материальной культуре явилась традиционная система земледелия и обусловленная ею система трудовых традиций; в духовной области основным стало особое положение китайской государственности и порождение этим традиции взаимоотношений личности и государства, личности и группы, коллектива, взаимоотношений социальных общностей и государства. Наиболее значима (по массовости и влиянию) - китайская система земледелия. Наличия крайне многочисленного населения и недостаток пахотной земли вынуждали "экономить" землю, порождали стремление выжать максимум даже путем расточительного применения труда. На Западе главное направление прогресса происходило путем экономии труда за счет применения машин. На этой основе возникло и укрепилось представление, что машина сама способна поднять человека на новую, более высокую ступень, что она - первичный фактор экономического и

социального прогресса. На Востоке до сих пор применение машин, экономящих труд, зачастую рассматривается как ненужная роскошь. Здесь максимально используется живой труд.

Трудонитенсивность - важное качественное отличие китайского традиционного производства от западной модели. По мнению Е.Е.Яшнова, Китай - "представитель трудонитенсивного хозяйственного типа" характеризовался такими чертами (вкратце): господством ручного труда; незаметным техническим прогрессом; большой нагрузкой труда и потребляющего населения на единицу засеваемой площади; отсюда - массовая бедность и отсутствие запасов хлеба в стране; преобладание земледелия, его узко продовольственный наклон и неразвитость животноводства; мелкие размеры хозяйств и слабая способность к территориальному расширению; малоподвижность продукции и потребления; малоподвижность потребления и распределения между классами, следовательно, стабильность классов, их численности и их экономического веса" (См. Е.Е.Яшнов. Особенности истории и хозяйства Китая. - Харбин, 1933. - С. 72-73; о нем см. "Народы Азии и Африки". - 1984. - № 3.

На основе трудонитенсивного хозяйствования китайские крестьяне разработали и освоили десятки (если не сотни) плодосменных систем, изощренные методы обработки посевов, методы ухода за каждым отдельным растением, приготовления и внесения удобрения и пр. Казалось бы, чисто технологические особенности китайской традиционной системы земледелия оказали большое (если не определяющее) влияние на сам национальный характер китайского народа, выработав в нем колоссальное трудолюбие, упорство, внимание к природным явлениям, наблюдательность и использование своих наблюдений в практике. В результате ими выработано бесчисленное количество приемов обработки материалов. Известна фанатичная любовь китайских крестьян к земле, стремление выжать из нее максимум продукции; китаец "вгрызался" в землю намертво.

Но конечно, характер нации и форму цивилизации определяла вся сумма условий и исторических обстоятельств. Китай всегда граничил со степью и угрозой благополучию и жизни постоянно исходила от кочевников. "Бэй хуань" - угроза с Севера в историческое время (а оно огромно) всегда была главной. В борьбе с этой угрозой сформировалась китайская государственность и сложилось в нерушимую традицию отношение к государственной власти. На северных границах империи постоянно располагались огромные армии, там же находилась и столица государства. Границы были защищены колоссальными оборонительными сооружениями - знаменитой Китайской стеной.

Необходимость централизации всех ресурсов способствовала складыванию абсолютной монархии, которая стала восточной деспотией. Крайняя централизация власти была необходима для оперативного управления армией. Для содержания армий необходимы были обременительные налоги. Для сбора налогов формировалась целая армия чиновников, образовывавшая централизованную подконтрольную систему, иначе не избежать было большой беды ("луань" - внутренних волнений), за которыми могут последовать внешние беды - нашествия кочевников и крушение империи. Ирригация - всегда была важной заботой государства, но не она была ведущим фактором в генезисе китайской государственности.

Мощная единая государственность препятствовала внутренним смутам, создавала заслон от нападений кочевников, обеспечивая наиболее благоприятные условия для существования китайского общества и возрастания численности китайского этноса.

В иные периоды преобладали центробежные тенденции, что приводило к раздробленности Китая, ослабляло его силы и, рано или поздно, делало его добычей "варваров". Социальные бедствия, сопровождавшие нашествия извне, заставляли китайцев искать спасение в воссоздании централизованного государства. Видимо поэтому центристремительные тенденции всегда в конце концов одерживали верх и приводили к объединению страны под властью новой династии. Как ни тяжелы повинности и налоги монархии, все же ее власть была истинным благом по сравнению с бедствиями разделенной страны.

Появление и длительное существование китайской государственности в форме восточной деспотии породили особые традиции взаимоотношений индивида (личности) и власти. Смысл этих традиций - безусловный примат интересов государства перед интересами личности или группы. Следствия чрезвычайной важности: а) специфические формы собственности (неполная форма собственности, препятствия на пути становления частной собственности); б) приниженное положение всех социальных институтов перед государством, крайняя обедненность социальной жизни.

Все это весьма актуально для сегодняшнего дня. "Социализм" был принят китайцами как новейший вариант традиционной китайской государственности. Можно также сегодня говорить о "грузе прошлого" - нерешенных задачах экономического развития Китая, прежде всего о слабости сельскохозяйственной основы. Но можно говорить в положительном смысле о "феодальном наследстве" - положительном заряде колоссального трудолюбия, жизнестойкости, накопленного производственного опыта и пр. Самообытные традиционные технологические приемы сейчас с большой пользой могут быть использованы для успешного выступления на мировом рынке. Многие китайские товары не имеют аналогов, что обещает большую прибыль. Вопросы китайской государственности непосредственно перекликаются с проблемами демократизации власти и общества. Полное развитие всех способностей личности как в материальной, так и в духовной сфере мыслимо только в демократическом обществе. В этом смысле появление рано или поздно демократического режима в Китае неизбежно. Но не сейчас. Завалы прошлого столь велики, что демократию нельзя ввести указом. Китайское общества разнолико: одни слои (они малочисленны, но за ними будущее) уже доросли до демократии и ее требуют, другие (значительно более многочисленные) еще не созрели до понимания своих коренных интересов и смотрят на демократию как на синоним смуты ("луань"), угрожающий их спокойствию и благополучию. И в таком взгляде, отражающем их исторический опыт, есть своя правда.

В целом, по моему мнению, возможности произвести положительную работу для недемократического режима (тоталитарного и т.п.) тем выше, чем больше груз нерешенных задач, чем менее массовые слои общества подготовлены для демократии. Но для того чтобы выдвинуть такую исторически прогрессивную работу, режим должен быть демократически ориентированным. И второе важное условие - свобода рук - отсутствие социальной напряженности. Но все это вопросы, требующие специального рассмотрения.

Доктор исторических наук П.М.Кожин выступил по вопросу об участии китайской цивилизации в мировом интеграционном процессе.

Оценки соотношений значимости западной и китайской цивилизаций становятся актуальными с момента первого контакта западных миссионеров с населением Срединной империи (начало XVI века). В миссионерском периоде, до 40-х годов XIX века, оценка китайской цивилизации Западом складывалась двояким путем: 1) Китай рассматривался лишь как пространство для принудительной христианизации (доминиканско-францисканская модель христианизации, принятая в XVII веке ватиканской "Палатой ритуалов"); 2) Китай - страна своеобразной высокой культуры, для которой необходим особый путь христианизации (позиция иезуитов), а отдельные элементы этой культуры могут быть с пользой восприняты Западом (позиция ряда философов-просветителей и европейских политиков): единая ранговая иерархия; единообразие управления во всех частях абсолютной монархии; экзаменационная система в государственном масштабе, обеспечивающая административное и бюрократическое единообразие чиновничества, утверждающая политическую культуру страны, цементирующую ее территориальное и социальное унифицированное единство; недопущение резких конфликтных ситуаций (Вальтер); кооперация в крупных общественных работах; единые общегосударственные принципы налоговой и финансовой системы (заметки Тьюри и Кен). В колониальный период (до середины XX века) утверждаются принципы отношений, при которых политико-экономическое пространство Китая, как любой колонизируемой страны, призвано

обеспечивать определенные интересы западных колонизаторов, действия которых не затрагивают народную и духовную культуру страны, если она не противостоит колониальной политике. Иную акцентировку и даже назначение приобретает западный опыт в жизни и культуре зависимых и развивающихся стран в постколониальный период. Во-первых, в нем видят прямой показатель прогресса. Во-вторых, формируется набор условий достижения прогресса (республиканские, демократические формы правления; отказ от государственно-национального протекционизма промышленности и торговли; включение в мировые финансовые структуры; стандартизация на основе западных принципов всех систем законодательной, исполнительной и судебной власти и т.д.). В-третьих, априори признается отсутствие альтернативных путей развития. В-четвертых, моральные, этические, бытовые, поведенческие установки западного образа жизни определяются как обязательные для населения земли. В-пятых, рационалистический системный подход подразумевает, что в конечном итоге человечество должно прийти к единому вестернизированному облику демократии.

Однако, эта идеальная модель, связанная с представлением об интеграции на единой социально-демократической основе и с достижением унифицированного уровня культурно-экономического благосостояния за счет кооперации и информационно-координационного и коммуникационного единства в мировом масштабе, встречает ныне все более отчетливое духовное и материальное противодействие. Во-первых, сказывается региональная природно-географическая детерминированность, которой обусловлены традиционные политико-хозяйственные формы различного культурного развития крупных геополитических пространств, особых цивилизаций. Во-вторых, различия в религиозно-идеологических и национально-этнических приоритетах, их быстро возрастающая поляризация, ведущая к усилению разобщения и конфронтации регионов. В-третьих, низкий для современного технико-промышленного хозяйства производственный опыт населения (и политических руководителей) и варварско-потребительское отношение к природе ведут к быстрому и порою необратимому разрушению среды обитания, что уже выводит отдельные районы из нормального культурно-хозяйственного процесса, превращая их в зоны стихийных бедствий. В-четвертых, усиление хозяйственно-политической нестабильности в мировом масштабе влечет за собой рост численности человеческих групп, состоящих из лиц, утративших полностью или частично нравственную, духовную, религиозную, трудовую и национальную ориентацию, оценивающих все возможные человеческие качества лишь как источник извлечения дохода. Все эти факторы создают противодействие интеграционным процессам, превращая их в несбыточную утопию и делая все более шаткими возможности выживания человечества в следующем тысячелетии. Эти же обстоятельства реанимируют значение традиционных региональных ориентаций и утверждают не только право на существование китайской социальной и хозяйственной модели, но и выявляют в ней некоторые преимущества, закрепленные многократным традиционным повторением опыта, его большей стойкостью по сравнению с западной моделью. Для Китая сейчас невозможны последовательное усвоение западного опыта и интеграция в мировые демократические и хозяйственные процессы, которые находятся в противоречии с внутренней жизнью страны и не соответствуют уровню ее развития. Попытки в этом направлении могут породить нестабильность и хаос, аналогичные тому состоянию нации, региона и общества, которое уже имело место в 20-40-х годах нынешнего столетия, а теперь надвигается на Россию. Представляется, что только следование своим твердым независимым путем, основанным на традиционном опыте и ценностях и без непоследовательных оглядок на примеры Запада, может обеспечить стабильность в регионе и его самостоятельное национально-политическое выживание.

Выступление кандидата исторических наук Д.А.Смирнова касалось вопроса об историческом фундаменте модернизации КНР.

В традиционном опыте государственного строительства Китая просматривается сочетание двух начал: обеспечение государственного единства

китайской нации как залог ее исторического самосохранения через проведение реформ в важнейших сферах жизни общества, что в свою очередь объективно ведет к изменению сложившейся социально-политической структуры общества. В этом сочетании определяющим является "охранительное" начало, реформистское же носит подчиненный характер. Отсюда осмотрительный подход к заимствованию чужеземных общественно-политических учений и опыта социально-экономического развития, их обязательная "китаизация", облечение их в формы, соответствующие традиционному мировосприятию китайцев.

Если в основе Октябрьской революции 1917 г. и последующего коммунистического строительства в России лежала идея развертывания всемирной революции и превращения России в ее военно-экономический плацдарм, то в Китае идея социализма связывалась с освобождением родины от иностранной зависимости и последующим "самоусилением" государства, нацеленным на восстановление государственной мощи Китая, которая обеспечила бы гарантию его национальной независимости, подобающие роль и место в системе международных отношений, а также на установление в жизни китайского общества принципов социальной справедливости. Из анализа теоретических работ и политической практики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина ясно, что для них следование принципам социалистической теории не было самоцелью. Они сразу шли на пересмотр, даже отказ не только в практике, но и в теории, от тех положений марксистской идеологии, которые сдерживали реальное живое дело: при жизни Мао Цзэдуна - революционную борьбу за национальное освобождение китайского народа, при Дэн Сяопине - борьбу за превращение Китая в современное высокоразвитое государство. Представляется, что социалистическая идея в ее марксистско-ленинской трактовке в качестве основы официальной государственной идеологии в Китае в целом носит преходящий характер. Вместе с тем она обладает характерной чертой, которая воспринимается, может быть, как главное достоинство в условиях Китая. Это идея государственности, абсолютного приоритета интересов государства над всеми общественными интересами во имя торжества социальной справедливости. Идея государственности неразрывно связана с социализмом, под лозунгом которого КПК пришла к власти в 1949 г. Эта идея соответствует и традиционным учениям Китая об общественном прогрессе.

Социализм в качестве наиболее приемлемой на сегодня формы государственности, более или менее обеспечивающей политическую стабильность как важнейшую предпосылку экономических преобразований, будет, по-видимому, определять политический курс страны, хотя бы при жизни нынешнего поколения высшего китайского руководства. Но, отдавая дань теории марксизма-ленинизма, ведущей роли рабочего класса и т.д., лидеры Компартии Китая вынуждены по мере развития реформ и втягивания Китая в мирохозяйственные связи, развития сотрудничества с Тайванем, все больший крен делать в сторону национальной идеи, которая бы объединила все классы и слои китайского общества под единым лозунгом возрождения великого Китая. Именно национальная идея лежит в основе принятой в начале периода реформ платформы "строительства социализма с китайской спецификой". Скорее всего именно с национальной идеей связано канонизирование образа Мао Цзэдуна, несмотря на "ошибки и промахи" последних лет его правления, а также и всех видных руководящих деятелей КПК, включая Дэн Сяопина.

Представляется, что целью курса на "социалистическую модернизацию" является не спасение социалистической системы как таковой, а спасение и усиление того, что в китайской терминологии звучит как "комплексная государственная мощь", воплощенная в единстве государственного механизма, экономической базы, духовной культуры через использование существующей ныне политической структуры, отождествляемой с социалистическим идеалом. Очевидно, что инициаторами нынешней реформы осознается неизбежность ее вступления в противоречие с существующей формой государственной власти, эрозия которой является неизбежным результатом, а во многом - и условием успешного проведения реформы. Этим определяется компромиссный характер проводимой политики, на которую влияют и интересы многочисленного слоя

кадровых работников, наименее заинтересованных в переменах (хотя, как показывает практика Китая и других стран, проходящих период реформ, значительная часть из них сама активно втягивается в новые экономические отношения). Насколько хватит резервов для продолжения нынешней политики социально-политических компромиссов - это, по-видимому, будет в значительной мере зависеть от идущего на смену нынешнему следующему поколения китайских руководителей, от естественной логики самих реформ, состояния с производством и многих других факторов. Но политический кризис в мае-июне 1989 г. показал, что критическая точка, за которой "самосовершенствование" социализма путем реформ может перерасти в свою противоположность, возможно, уже недалеко. Наверное, нельзя исключить, что в предвидении будущего кризиса социалистической идеи в Китае руководители КПК (нынешние или будущие) могут, продолжая борьбу с явлениями так называемой "мирной эволюции", ускорить постепенную эволюцию самой идейно-теоретической платформы Компартии Китая по пути превращения ее в партию национал-либерального толка.

В выступлении кандидата исторических наук М.А.Аслановой рассматривается вопрос о системе местного самоуправления, выработанной в Китае многие столетия назад и служившей средством непосредственного воздействия государственной администрации и властей на массы. Коллективная ответственность перед властями, подразумеваемая этой системой, позволяла государству не только знать хозяйственное и социальное положение мельчайших общественных ячеек, но и направлять все коллективные и даже индивидуальные действия подконтрольного населения в желательное для властей русло. Официальная отмена этой системы в 1949 г. не уничтожила ее. В модифицированном виде она возродилась в деятельности уличных комитетов. В их компетенцию входит широкий круг вопросов, начиная с обеспечения общественного порядка и социального контроля и кончая целым рядом существенно важных и полезных для населения функций, а именно, соседская взаимопомощь, санитарное состояние улиц и дворов, примирение ссор и конфликтов между жителями, трудоустройство молодежи, организация столовых, медпунктов, детских и яслей, работа с детьми, молодежью, домохозяйками и пенсионерами. Совершенно новой задачей является организация квартальных мастерских и служб быта, что способствует трудоустройству безработных. Взаимопомощь, которая почти отсутствовала в старой системе баоцзя, на современном этапе выступает на передний план. Это и уход за одинокими стариками, и помощь работающим женщинам в работе по дому и присмотре за детьми, занятия со школьниками, разрешение различных социально-бытовых проблем на уровне своего квартала и своими силами. Конечно, временами эта деятельность может показаться несколько назойливой, но она - решение некоторых местных мелких проблем, которые могли бы поставить в тупик администрацию крупных городов в других странах.

Исследование политического механизма организаций по месту жительства в КНР позволяет прийти к выводу, что это модифицированная форма традиционной системы "баоцзя", которая имеет глубокие исторические корни и в то же время обладает перспективным будущим, и, несомненно, продуктивно применяется в нынешних условиях.

Тема "Коммуникация в системе китайской культуры" рассмотрена в выступлении доктора филологических наук М.В.Софронова: китайская культура явилась синтезом древних культур популяций бассейна Хуанхэ. Она действовала как ареальная культура наряду с локальными культурами того ареала, которые долго продолжали существовать. Законченное выражение китайская культура формативного периода получила в комплексе текстов конфуцианской классики. В действительности они составляли достойные китайской культуры в целом и были авторитетны для всех философских школ древнего Китая.

Китайская письменность была создана в середине II тысячелетия до н.э. Как и первые письменности западной части Евразии, она была неероглифической.

Иероглифическая письменность и древнекитайский язык были основными средствами письменной коммуникации средневекового Китая. Они предоставляли китайскому обществу того времени возможности наддиалектного общения и работы с текстами любого времени. Устное общение протекало в многочисленных диалектах. Каналы письменной и устной информации образовывали собственные сети, сообщающиеся в ограниченных масштабах и регламентированных формах.

Как во всякой традиционной культуре письменность в Китае обладала высоким престижем. Она относилась к высшим достижениям культуры и с нею отождествлялась. Столь же высокое место в шкале культурных ценностей занимал древнекитайский язык как регулярный код письменной информации. Тексты на разговорном языке всегда принадлежали низким жанрам литературы.

Рассматривая культуру как систему информации, можно выявить каналы ее распространения: 1) в пространстве она передается современникам. 2) во времени - от предшествующего последующим поколениям. Основу китайской традиционной культуры составили тексты китайских классиков. Они неизменны, но их толкование меняется от эпохи к эпохе. Идеиное истолкование было делом философов и политиков. Истолкование слов и фраз - предметом традиционной филологии. На изучении классического текста было построено традиционное образование, которое формировало личность в традиционном китайском обществе. В новое время реформа средств коммуникации коснулась лишь их кода: древнекитайский язык был заменен на современный. Реформа письменности ограничилась некоторым упрощением. Дальнейшие попытки упростить китайское письмо встретили активное сопротивление. Для большинства китайцев иероглифическая письменность по-прежнему представляется одним из основных признаков современной китайской культуры.

С отказом от древнекитайского языка как от языка культуры, он не прекратил своего существования. В новое время, когда Китай вступил в контакт с западной культурой, древнекитайский подобно латинскому и древнегреческому на Западе Евразии стал источником фразеологии высокого стиля и морфем для образования терминологии современной науки и культуры. Таким образом, пути развития традиционных средств коммуникации на Западе и Востоке Евразии в новое время оказываются одинаковыми.

Совершенно особый и специфический блок вопросов, касающихся литературы и искусства современного Китая и их традиционных основ, был освещен в ряде выступлений, заслуживающих самостоятельного рассмотрения вне рамок данного "Круглого стола". Это сообщения о традиционном и современном театре (кандидат искусствоведения И.В.Гайда), о китайской литературе (кандидат филологических наук А.Н.Желуховцев), о китайской кинематографии (доктор исторических наук С.А.Торопцев), о женском литературном творчестве в современном Китае (Н.Ю.Демидо).

© 1993

П.Кожин,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник ИДВ РАН.

1. См. Дэн Сюпин "Основные вопросы современного Китая". - М., 1988. - С. 96.
2. "Цзиньдзи янь цзю". - 1990. - N 7. - С. 4.
3. "Шэжуй кэ сюэ". - 1990. - N 8. - С. 5.
4. Подробнее см.: М.А.Асламова. Система бюрократии и ее трансформация в Современном Китае. - М., 1986 (Институт Дальнего Востока).

Проблемы аграрного сектора на российско-украинско-китайской конференции

В Институте Дальнего Востока РАН 26-27 мая 1993 г. прошла научная конференция по проблемам реформ в сельских районах СНГ и КНР. В работе конференции приняли участие ученые России, Украины и КНР. В состав китайской делегации* входили: главный научный сотрудник Академии общественных наук Китая Цинь Цимин - руководитель делегации, Лю Фуюань - главный научный сотрудник АОН Китая и ее ученый секретарь, Мэй Вэйбинь - главный научный сотрудник Института Восточной Европы и Центральной Азии, Цяо Мусэнь - ведущий научный сотрудник этого же Института (г.Пекин), Чжоу Фучунь - представитель администрации, сотрудник канцелярии г.Яньчэн пров. Цзянсу, Го Цзиньсун - работник отдела внешних связей АОН Китая. Делегация Украины состояла из двух человек: академика АН Украины Лукинова И.И. - директора Института экономики АН Украины и академика Онищенко А.М. - заведующего отделом этого Института. С российской стороны в конференции участвовали академик Никонов А.А. - член Президиума Отделения экономики РАН и сотрудники Института Дальнего Востока РАН.

На конференции обсуждались аграрные преобразования в России, Украине и КНР в 70-90-х годах опыт их проведения, итоги и проблемы, с которыми столкнулись эти страны в осуществлении реформ.

Несмотря на существенные различия условий, в которых проводятся реформы в аграрном секторе названных стран, прослеживается ряд общих проблем, общие методологические подходы к их решению, и, в конечном счете, общие цели, которые предполагается достичь.

Цель сельской реформы, как отмечалось в выступлениях, - создать эффективно функционирующий аграрно-промышленный комплекс путем радикального обновления социально-экономической системы и перехода к качественно новой модели хозяйствования. Основным объектом реформы в деревне должна стать вся аграрная структура и в первую очередь ее стержень - структура собственности, экономическая структура хозяйственных единиц. В ходе реформы осуществляется переход (в Китае это уже свершившийся факт) от хозяйств, основанных на общественной собственности, к многообразным по форме хозяйствам, базирующимся на различных формах собственности. Как отметил академик А.А.Никонов в докладе "О переходном периоде в аграрном секторе России", преобразования начались с земельной реформы еще в рамках СССР. К началу текущего года землю получили более 40 млн. семей, в среднем на семью по 0,5 га, восстанавливается слой фермерских хозяйств - их пока относительно немного - 250 тыс., в среднем на хозяйство приходится 42 га пашни. В некоторых районах северо-востока России восстановлено общинно-родовое земледелие. Осуществляется реорганизация колхозов и совхозов, примерно третья часть их осталась в своем прежнем качестве, остальные изменили свой экономический и правовой статус. На их базе организованы акционерные общества, ассоциации крестьянских хозяйств, сельскохозяйственные кооперативы и другие формы хозяйств.

Важнейший вопрос при изменении форм хозяйствования - вопрос о земле. При выделении земельного надела для фермерских хозяйств за основу берется среднеустановленный районный пай, который бесплатно получает каждый выходящий из колхоза или совхоза. Дополнительную землю можно получить за плату и уже не обязательно в границах данного хозяйства, а иногда и района. Как правило, в каждом районе создается определенный земельный фонд, предназначенный для продажи или сдачи в аренду. В распределении земельной площади между хозяйствами различных типов и форм существует еще много проблем, правовое регулирование этого процесса тоже далеко не совершено. Земельная реформа, выступающая частью реформы в аграрном секторе, продолжается. В ходе ее предполагается преодолеть высокую затратность хозяйств на производство продукции, преодолеть дефицит продовольствия, существующий в течение многих лет и в результате этого

сократить значительный импорт зерна и другой сельскохозяйственной продукции, что в существенной степени облегчит бремя расходов страны и пойдет на пользу всему народному хозяйству. Таким образом, решение продовольственной проблемы в России остается важнейшей целью аграрных преобразований в 90-е годы. От ее достижения во многом зависит и возможность повышения жизненного уровня крестьян и формирование благоприятной экологической среды в аграрной сфере.

Успешное решение этих проблем, как было отмечено в докладе А.А.Никонова, тесно связано с созданием благоприятных экономических условий на макроуровне, на нынешнем этапе наиболее болевой точкой для аграрного сектора является диспаритет цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства, а также разрыв экономических связей между регионами в связи с распадом СССР. Восстановление и развитие единого рынка поможет преодолеть многие трудности, с которыми сталкиваются хозяйства.

Постепенное завершение преобразований хозяйственно-организационной структуры должно выступить важнейшим фактором увеличения производства и решения социальных проблем деревни. В этой связи значительная роль отводится крестьянской кооперации, на которую возлагаются производственные и социальные функции, и главное, - защита крестьянина-производителя от коммерческой мафии, национальной и компрадорской буржуазии. Создание сети крестьянских кредитных банков было бы хорошим начинанием в этом деле. В основу деятельности действительно крестьянской кооперации могут быть положены принципы, принятые международным кооперативным Альянсом в 1962 г.

В докладе академика АН Украины Лукинова И.И. "Особенности аграрной реформы Украины в аспекте восточно-европейских преобразований" - было подчеркнуто, что весь процесс реформации происходит в направлении изменения форм собственности и форм хозяйствования. Взят курс на увеличение доли частного сектора хозяйства в агропромышленном комплексе. Для Украины, России и других стран СНГ характерно то, что осуществление аграрных реформ в них столкнулось с экономическими трудностями во всем народном хозяйстве. Во всех странах серьезной трансформации подверглась вся валютно-финансовая система. Правительствами этих стран проводится по существу инфляционная политика, причем в России, на Украине в отличие от восточно-европейских стран темп инфляции очень высокий, что оказывает серьезное негативное воздействие на аграрную сферу. Усилились диспропорции в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию: на Украине в начале 90-х годов, первые росли в 2,5 раза быстрее, чем вторые. Все типы хозяйств оказались в крайне трудном финансовом положении, возник кризис неплатежеспособности, что усугубило аграрный кризис. Почти во всех восточно-европейских странах был отмечен спад внутреннего сельскохозяйственного производства, в Венгрии, например, часть земель даже не была использована под посевы в 1993 г. На Украине объем сельскохозяйственной продукции сократился в 1992 г. на четверть по сравнению с 1991 г., особенно резко упало производство сахарной свеклы - почти наполовину. Продолжение реформы в аграрном секторе, по мнению докладчика, необходимо. Создание благоприятной макроэкономической среды для сельского хозяйства - важнейшая задача, без решения которой успешное функционирование аграрного сектора будет чрезвычайно затруднено. Подготовке условий для структурных изменений в области сельского хозяйства необходимо уделять пристальное внимание, и в этом отношении разработка научной системы управления новыми макро- и микроструктурами помогло бы придать стабильность процессу реформ.

Другой украинский ученый - академик Онищенко А.М. сконцентрировал внимание на концептуальном аспекте формирования земельных отношений при переходе к рыночной экономике на Украине. Сейчас там ведутся дискуссии по поводу форм собственности на землю в связи с разработкой и обсуждением проекта новой Конституции. В нем предусматривается существование только двух форм собственности: публичной, которая по существу является частной, и общественной, включающей государственную и муниципальную. Отсутствие

коллективной формы собственности в перечне форм собственности на землю вызвало возражение части общественных деятелей и ученых, к числу которых относится и докладчик. Он считает, что существование коллективной формы собственности имеет право быть закрепленным в Конституции наряду с государственной и частной формами собственности. Верховный Совет Украины фактически утвердил две концепции форм собственности на землю: одну - в проекте Конституции, другую - в Земельном кодексе. Первая основывается на том, что коллективной собственности быть не должно, вся земля сельскохозяйственного назначения должна быть приватизирована. При этом все взрослые жители имеют право на получение определенной площади сельскохозяйственных угодий, несколько менее 1 га, что и удостоверяется определенным свидетельством - боной. В случае, если человек не хочет брать земельный участок, он может обменять бону на любой другой приватизационный чек, или даже на жилую площадь. Такая система, как предполагается, создаст рынок земли и условия для формирования фермерских и иных хозяйств.

Автор возражает против такого подхода к распределению земли по ряду причин. Во-первых, землю должны получить те, кто ее обрабатывает. Это не исключает возможности получения земли теми, кто не имел ее, но кто хочет ее получить для ведения хозяйства. Главное требование - землю тому, кто умеет эффективно ее использовать. Во-вторых, существует очень разная землеобеспеченность по районам Украины, поэтому приватизация земли по единому нормативу не может быть проведена в республике.

В земельный кодекс заложена иная концепция формирования системы земельных отношений. Все земли, находящиеся в пользовании колхозов и совхозов, предусматривается разделить на две части: первая часть образует фонд приватизации земли членами трудового коллектива, примерно 67% площади сельхозугодий; вторая - государственный фонд земли - около 23% сельхозугодий. Он в свою очередь подразделяется на две части: а) земли запаса, под них выделяется 7-10% сельскохозяйственных угодий и б) резервный фонд земли. Из земель запаса выделяются земли для фермерских хозяйств (не членам колхозов и совхозов), коллективных садов и огородов и дачного строительства. Примерно 10% земли передается в частную собственность.

Земля, входящая в фонд приватизации, находится в коллективной собственности колхозов и совхозов и может быть разделена между работающими и пенсионерами данного хозяйства по нормативу, рассчитанному в этом хозяйстве. При желании земельный пай можно получить в частную собственность, продать его, но не ранее, чем по прошествии 6 лет. Шестилетний мораторий на продажу земли не распространяется на приусадебные и дачные участки, а также земли в коллективных садах и огородах. Коллективная собственность на землю в фонде приватизации выступает как коллективно-паевая и постепенно будет превращаться в разновидность частной собственности, однако на переходный к рыночной экономике период выделение этой формы собственности вполне оправдано и с экономической и с морально-психологической точек зрения.

В докладах китайских ученых был проанализирован опыт реформы в деревне в течение 14 с лишним лет, новые проблемы, вставшие перед сельским хозяйством в 90-е годы, пути совершенствования научно-технической базы отрасли. Лю Фуянь в докладе "Победы и поражения экономической реформы в китайской деревне за 14 лет" основное внимание сосредоточил на факторах, обеспечивших рост производства в первой половине 80-х годов., показав, что методы преобразований, выбор их объекта не всегда соответствовали объективно сложившимся условиям в деревне, что и привело к "топтанию на месте" сельского хозяйства во второй половине 80-х годов. Автор считает, что изменение экономической политики в деревне, которая была выбрана главным объектом реформы на первом этапе, обеспечило ее успех. Акценты в оценке этих изменений представляют особый интерес, поскольку они несколько смещены по сравнению с уже устоявшимся восприятием их в китайской и советской литературе.

Первое место в ряду этих изменений Лю Фуюань отводит разрешению в конце 70-х годов. производственным бригадам заниматься многоотраслевым хозяйством, упорядочению производственной структуры хозяйств, что дало крестьянам определенную самостоятельность в распоряжении средствами производства и рабочей силой, исправило одностороннюю ориентацию на производство зерна.

Вторым по важности автор считает повышение закупочных цен и другие изменения в области централизованных закупок и сбыта сельскохозяйственной продукции, значительное сокращение ножиц цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства. В 1979 г. цены на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции в среднем были повышены на 22,13% по сравнению с уровнем 1978 г., в 1985 г. они составляли уже 166,73%, а в 1990 г. - 281,37% от уровня 1978 г. Докладчик считает, что повышение цен и расширение прав крестьян по распоряжению произведенной продукцией явились решающими факторами роста их доходов. Его расчеты показывают, что ценовой фактор обеспечил на 89,46% повышение доходов крестьян, а рост их трудовой активности и улучшение материально-технических условий производства - на 10,54%. Третье изменение в политике в деревне, сыгравшее положительную роль в оживлении сельской экономики, - разрешение крестьянам уходить на заработки в города, четвертое - заниматься индивидуальной и частной предпринимательской деятельностью.

Основным объектом реформы выступали те направления политики в деревне, которые не способствовали развитию сельской экономики, целью ее было восстановление самостоятельности производителя, формирование рынка и рыночного механизма. Однако многочисленные официальные документы и интерпретация их на местном уровне сосредоточили основное внимание на преобразованиях на микроуровне - на уровне производственной бригады. При этом не только центр тяжести работы был выбран неправильно, но и методы были чрезвычайно упрощенными. При переходе к семейному подряду так же, как и во время кооперирования, действовали, образно говоря, одним махом. Тогда создали кооперативы, теперь разделили имущество производственных бригад, и коллективная ступень хозяйства в большинстве районов фактически перестала существовать. Как выразился докладчик, разрубили пути, связывавшие ноги, да так, что отрубили сами ноги. Восстановление мелкого производства в форме семейного подряда и ослабление экономического потенциала производственных бригад явилось основной причиной нестабильности в сельском хозяйстве во второй половине 80-х годов. и было по существу ошибочным. Основную задачу политики в деревне на нынешнем этапе докладчик видит в изменении допроизводственного и после производственного обслуживания крестьян по образцу предприятий, которые проводились бы в русле перехода к рыночной системе.

Цинь Цзинь в докладе "Сельское хозяйство Китая: проблемы высокой продуктивности, высокого качества и высокой эффективности" отметил, что эти проблемы существовали и раньше, но особое внимание им было уделено с весны 1992 г. Повышение продуктивности связывается с переходом от традиционного к современному сельскому хозяйству, от натурального хозяйства и самообеспечения к рыночному хозяйству.

Выступление представителя администрации г. Яньчэн (пров. Цзянсу) было посвящено рассмотрению особенностей и трудностей работы по распространению агротехники в пригородных районах г. Яньчэн.

В докладе "Путь развития сельского хозяйства состоит в изменении производственных отношений" Мэй Вэньбинь остановился на судьбе коллективной собственности в деревне. По его мнению, коллективную собственность, которая фактически выступала как государственная, сохранять не следует, а коллективную собственность, поддерживаемую крестьянами, целесообразно сохранить, при этом необходимо определить ее субъект, что для китайской деревни в настоящее время чрезвычайно актуально. Независимо от того, какая из форм собственности будет преобладающей в том или ином районе, главное внимание следует уделить созданию таких экономических

условий, при которых занятие сельским хозяйством было бы выгодно для крестьян.

Ряд докладов, посвященных проблемам сельской реформы как в китайской деревне, так и в российской, был сделан сотрудниками ИДВ РАН. С докладом "Социальные аспекты экономической реформы в китайской деревне (анализ возможностей использования китайского опыта в России и странах СНГ) выступил доктор экономических наук. Островский А.В., проблемам выбора приоритетных направлений при осуществлении сельской реформы в России и Китае был посвящен доклад кандидат экономических наук.э.н. Волковой Л.А., продовольственное положение в КНР и России, существующие проблемы и перспективы развития были рассмотрены доктор экономических наук. Наумовым И.Н. Развитие рыночной экономики в китайской деревне, положительные результаты и трудности этого процесса были проанализированы в докладе кандидат экономических наук. Бони Л.Д., кандидат экономических наук. Алексахина сосредоточила внимание на социально-экономических проблемах развития сельских экспериментальных районов в условиях реформы, доктор экономических наук. Мугрузин А.С. посвятил свой доклад анализу взаимосвязи системы традиций китайского крестьянства с проблемами модернизации сельского хозяйства.

Особый интерес вызвало обсуждение блока проблем, связанных с поиском путей выхода из кризиса сельского хозяйства России, с учетом международного опыта сельских реформ. Китайские ученые, опираясь на почти 15-летний опыт проведения реформы в своей стране, сочли возможным высказать свои соображения по вопросам оценки положения в сельском хозяйстве России. Доклад Цяо Мусэня был посвящен анализу путей выхода из кризиса сельского хозяйства России, эти проблемы освещались также в выступлениях советских и украинских ученых.

Было высказано единодушное мнение о том, что как в России, так и на Украине формирование фермерских хозяйств требует значительных финансовых и материальных средств, а также соответствующей перестройки имеющихся крупных хозяйств, каковыми являются колхозы и совхозы.

В Китае переход к семейной форме ведения хозяйства произошел сравнительно быстро и не потребовал от государства дополнительных капиталовложений по ряду причин. Прежде всего размеры семейных хозяйств в Китае очень незначительны: в среднем на сельского жителя приходится 0,08 га, а в южных районах - вдвое меньше - 0,04 га. Раздел значительной части имущества производственных бригад, как правило, не имевших крупной техники, опора на собственные силы крестьянской семьи при условии ее хозяйственной самостоятельности дали положительный экономический результат, обеспечив прирост производства и повышение доходов крестьян. Вместе с тем - ослабление в ходе реформы экономического потенциала производственных бригад, представляющих коллективную ступень хозяйства, китайские ученые относят к просчетам в ее осуществлении. Подчеркивался и такой факт, сыгравший немаловажную роль в успехе сельской реформы в Китае, как психологическая восприимчивость и подготовленность большинства крестьян к ведению хозяйства в рамках семьи, чего нельзя сказать о работниках агропромышленного комплекса России и Украины.

Следует учитывать, что общая экономическая ситуация в Китае в начале осуществления реформы в деревне была иной по сравнению с Россией и Украиной, где реформа столкнулась с трудностями макро-экономического характера. Валютно-финансовый кризис, охвативший экономику этих двух стран в начале 90-х годов, оказал серьезное отрицательное воздействие на аграрную сферу. Попав в инфляционный шок, она оказалась менее других защищенной от него, возрос диспаритет цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства. Усиление компонентов рыночного хозяйства в этих условиях вместо стимулирования сельскохозяйственного производства затормозило его развитие, а по ряду позиций привело к снижению имевшегося уровня, по животноводству - значительному. Производство для рынка оказалось

экономически невыгодным, наблюдается его сокращение до уровня внутренних потребностей хозяйства.

В выступлениях отмечалось, что практика продемонстрировала неприемлемость шоковой терапии в отношении сельского хозяйства, радикальные меры без подготовки соответствующих условий не дают в этой отрасли ожидаемого положительного эффекта.

В определении путей выхода сельского хозяйства из кризисной ситуации ученые трех стран были единодушны. Важнейшим условием была признана необходимость продолжения реформы в аграрном секторе. Под этим подразумеваются завершение преобразования структуры управления сельским хозяйством и формирование новой аграрной структуры, сочетающей разные формы собственности и различные типы хозяйства. Продолжать в соответствии с имеющимися условиями формирование фермерских хозяйств, реорганизацию колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий по мере необходимости, сохраняя и поддерживая эффективно работающие хозяйства. При этом свести до минимума вмешательство государства в производственную деятельность хозяйственных единиц, на деле обеспечив им статус самостоятельных товаропроизводителей. В русле реформы необходимо поддерживать развитие крестьянской кооперации, которая взяла бы на себя производственные и социальные функции, т.е. все виды производственной помощи крестьянам и их социальной защиты.

Пренебрежение ролью кооперации в начальный период реформы в китайской деревне считается одним из недостатков в ее проведении. В тех районах, которые в ходе реформы добивались осязаемых результатов, как правило, сохранялись кооперативные формы хозяйства.

Переход к частному фермерскому хозяйству, реорганизацию колхозов и совхозов рекомендуется осуществлять с учетом реальных условий и экономических возможностей, избегая поспешности и компанейщины. В Китае, например, переход к семейному подряду прошел стадию экспериментального осуществления в отдаленных и горных районах прежде, чем он был распространен на всю страну.

Продолжение земельной реформы выступает важнейшей составной частью аграрной реформы, необходимо совершенствование правового и экономического механизма регулирования земельных отношений. Закрепленное в Конституции РФ право частной собственности на землю подразумевает возможность ее купли-продажи, однако ученые России и Украины считают целесообразным на ближайшие годы установить мораторий на куплю-продажу земли.

Переход к системе рыночного хозяйства, отмечалось в выступлениях, должен в определенной мере сочетаться с элементами государственного регулирования. Одной из задач экономической политики в деревне, по мнению китайских ученых, является улучшение макроэкономической среды для сельского хозяйства.

Преодоление кризисной ситуации в области сельского хозяйства невозможно без финансовой поддержки его. В настоящее время требовать достаточной финансовой помощи сельскому хозяйству со стороны государства нереально, поэтому следует ориентировать хозяйства и крестьян на самостоятельное изыскание средств. Государство тем не менее должно оказать необходимую помощь аграрному сектору, которая включает следующие статьи: финансовую и материальную помощь фермерским хозяйствам, освобождение от налогов или снижение их, предоставление беспроцентных кредитов или кредитов по низким процентам, сокращение ножиц цен путем освобождения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, а также посредством снижения цен на промышленные товары сельскохозяйственного назначения, ликвидацию задолженности государства хозяйствам за закупки сельскохозяйственной продукции в 1990-1991 гг.

Ученые России и Украины подчеркнули важность восстановления и развития единого рынка для всех стран СНГ, без чего невозможно проведение реформы и преодоление кризисных явлений в аграрном секторе этих стран.

По мнению китайских ученых, существенную роль в решении многих проблем сельского хозяйства может сыграть развитие сельской промышленности, особенно предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и иного местного сырья, ремонту техники и т.п. В Китае в период реформы подобные предприятия оказали значительную финансовую помощь сельскому хозяйству, прежде всего земледелию, способствовали повышению доходов крестьян, трудоустройству избыточной рабочей силы и преобразованию социального облика деревни. В начале 90-х годов. часть прибыли предприятий волостей и поселков, направленная на развитие сельского хозяйства, превышала объем государственных капиталовложений в эту отрасль, эти предприятия обеспечивали примерно третью часть доходов крестьян и такую же долю объема экспорта, почти шестую часть всех налоговых поступлений в бюджет страны.

Участники конференции выразили уверенность в том, что сложные проблемы, которые стоят перед сельским хозяйством России, нельзя считать неразрешимыми.

© 1993

Волкова Л.А.,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Первая ступень к тайнам Востока

© 1993

К. Асмолов

Около двадцати лет назад при Институте стран Азии и Африки, ведущем учебном заведении в Москве, которое готовит специалистов-востоковедов, была создана Школа молодого востоковеда (ШМВ). Главной целью при этом ставилось найти среди стремящейся поступить в ИСАА молодежи тех, кто не только обладает общим высоким уровнем развития, но и интересом к будущей профессии, имеет и активно приобретает первоначальные востоковедные знания. Этим школа занимается и сейчас. Но не только этим. Руководство Школы предприняло несколько достаточно удачных попыток превратить ШМВ из просто страноведческого лектория в место для комплексной первоначальной подготовки востоковедов по духу, тех, для кого будущее обучение востоковедным специальностям - не средство сделать карьеру, а цель, ведущая к удовлетворению высокого и устойчивого интереса к Востоку. В связи с этим наряду с лекциями по страноведению в программу Школы включены спецкурсы, посвященные культуре Востока, духовно-философским учениям этого региона, неким общим дисциплинам, связанным с Востоком, как то - биоэнергетике, астрологии, науке о дыхании и т.п., которые дают как базовый уровень знаний, необходимых современному интеллигенту, так и закладывают фундамент правильного понимания Востока, учат взгляду на него не снаружи, а изнутри.

Для того, чтобы учащиеся Школы могли вжиться в их будущую специальность не только на уровне вербального знания, в ШМВ помимо лекционного курса существуют и практические занятия, целью которых является знакомство с различными аспектами культуры и духовной жизни Востока: это и прослушивание программ традиционной музыки, и обучение некоторым играм, например, игре в китайские шахматы, и практические занятия медитацией и боевыми искусствами, которые очень часто являются исходной точкой пробуждения интереса к Востоку у многих подростков, и совместные выезды на природу, посещение различных выставок, кинопросмотров и других культурных программ, связанных с тематикой Школы.

Учащиеся ШМВ активно участвуют в научной жизни института. В 1992 и 1993 гг. они, наравне со студентами ИСАА, выступали со своими докладами на Днях научного творчества студентов, и их сообщения получили высокую оценку жюри, отметившего самостоятельность изысканий и творческий подход к темам. Большинство бывших учащихся ШМВ, ставших студентами ИСАА, не порывают со Школой. Активно занимаясь научной работой и участвуя в научном студенческом обществе, они помогают в проведении семинаров и контрольных зачетов в Школе, руководство которой также состоит из бывших ее учеников.

Помимо преподавателей и аспирантов ИСАА, а также студентов-старшекурсников, образующих ядро лекторской группы Школы, ШМВ контактирует и с очень широким кругом специалистов-востоковедов и носителей культуры Востока. К примеру, уже более трех лет кандидат исторических наук А.А. Маслов, тоже, кстати, воспитанник ШМВ, сотрудник Института Дальнего Востока РАН, ведет в ШМВ спецкурс по духовно-философским основам воинских искусств. А с лекциями, посвященными различным направлениям буддизма, в ШМВ выступали лама, доктор богословия Игванг Джимба (Тибет) и один из руководителей ордена Ниппондзан Мэходзи, преподобный Дзюнсэй Тэрасава (Япония).

Даже в условиях растущей коммерциализации образования все формы обучения в ШМВ остаются бесплатными. Во всяком случае, так было до сих пор, и хочется надеяться, что будет и далее.

Сейчас в ШМВ занимается несколько десятков человек, многие из

которых уже студенты других факультетов МГУ или других вузов. Школа стремится дать базовые востоковедческие знания всем, чья душа стремится к Востоку.

Программа обучения в ШМВ рассчитана, в принципе, на один год, но, поскольку состав лекторов и содержание спецкурсов каждый год меняются, многие посещают Школу два-три года. Занимающиеся пишут рефераты по избранной ими проблематике. Наиболее интересные из этих рефератов обсуждаются на семинарах. В конце каждого учебного года желающие сдают итоговый зачет и получают удостоверения установленного образца.

Официальных льгот при поступлении в ИСАА Школа молодого востоковеда не дает. Однако, список окончивших Школу на "хорошо" и "отлично" передается в Приемную комиссию, и окончание ШМВ, при прочих равных условиях, может сыграть решающую роль при зачислении. Кроме того, окончившие ШМВ имеют гарантированное право выбора желаемой языковой группы в случае поступления в ИСАА, в то время, как для всех остальных поступивших распределение по языковым группам осуществляется по усмотрению администрации института.

Для поступления в ШМВ необходимо написать развернутое заявление на имя директора Школы, рассказав в нем о причинах своего интереса к Востоку, характере этого интереса, о своих предшествующих занятиях, так или иначе связанных с Востоком. Сдав заявление проходит собеседование.

Прием заявлений и собеседования проводятся в период с 1 по 20 сентября каждого года, начало занятий в Школе - с 1 октября. Занятия проводятся в помещении Института стран Азии и Африки два раза в неделю в вечернее время.

Е.Б.Поршнева. "Религиозные движения позднесредневекового Китая". - М., 1991.

Относительность локализации цивилизационной дихотомии "восток-запад" является истиной тривиальной. Для Китая, например, в течение тысячелетий Западом были пригималайские и трансгималайские страны, располагавшиеся по огромной дуге от Западного Края (Синюй), т.е. территории нынешнего Синьцзяна - до Индии. Причем не столько в географическом плане, сколько именно в этнокультурном. Межцивилизационный контакт охватывал самые различные сферы государственного строительства и общественного существования двух великих человеческих ойкумен. В позднем средневековье его действие проступало особенно рельефно в сфере религиозных движений в Китае. Осмыслить этот аспект религиозной жизни Китая помогает новая книга Е.Б.Поршневой.

Для своего исследования Екатерина Борисовна Поршнева избрала наимуднейший объект: идеологическое содержание деятельности религиозных сект в императорском Китае в период позднего средневековья. Монография является результатом более чем двадцатилетних непрерывных научных поисков автора. Я специально отмечаю это, чтобы подчеркнуть, что приоритет в данной области мировой синологии принадлежит представительнице отечественной науки. Фундаментальность рассматриваемой работы заключается в том, что она дает принципиально новые знания, на основе которых уже развивается самостоятельное научное направление - история религиозного сектантства в Китае.

Наконец, мы должны уснуть, что хотя объектом исследования стали идеи и вызванные ими к жизни события многовековой давности, однако они представляют острейший интерес для современной науки. Во-первых, это объясняется возрождением религии как важного компонента духовной жизни современного общества, что наблюдается и в нашей стране и за рубежом. Во-вторых, средства массовой информации уже кидают в общественное сознание эсхатологические семена. Приближение очередного тысячелетия связывается с мировыми катаклизмами. В этой ситуации потребность в глубоком историческом анализе резко возрастает, труд Е.Б.Поршневой как раз и удовлетворяет эту потребность.

Взаимоотношения власти и общества, составляющие сущность гражданской истории, строятся по трем основным каналам: взаимные интересы, взаимное принуждение к осуществлению этих интересов и, наконец, идеологическое оформление двух предыдущих форм связей. Разумеется, в реальной жизни эти каналы столь тесно сообщаются между собой, что происходит постоянный перелив и смешение их содержимого. Более того, власть предрасположена отнюдь не все удается канализировать в основные русла, в каждый исторический период река истории расщепляется тем или иным неформальным или антиформальным потоком различной силы и глубины. К ним принадлежат и диссидентские, т.е. принадлежащие не к тому вероисповеданию, которое господствует в стране, религиозные движения. В католическом мире к диссидентам относились православные и протестанты (лютеране и кальвинисты). Гораздо сложнее дело обстояло в истории Китая, где официально сосуществовали три мировоззрения: конфуцианство, буддизм и даосизм. Причем конфуцианство, будучи основой официальной доктрины миропорядка, не являлось религией в прямом значении этого термина. Анализ сущности религиозного инакомыслия, дававшего на китайской почве возможность произрастать различным сектам, является, таким образом, комплексной историко-философской проблемой, к решению которой принадлежат методы и достижения как собственно исторической науки, так и религиоведения. Обособленчество в условиях религиозного синкретизма - это одна сторона проблемы, другая - это уловить тончайшие грани между сектой и направлением религиозного развития.

Е.Б.Поршнева подчеркивает, что в китайском религиозном сектантстве преобладает буддийское влияние, которое "настолько отчетливо выражено в этом феномене, что дало возможность некоторым исследователям квалифицировать его как одно из течений китайского народного буддизма" (с.50). Но Е.Б.Поршнева не согласна с поверхностными наблюдениями своих коллег и доказывает, что начиная с Хуэй Юаня - основателя первой амиристской общины (402 г. н.э.) сектантство было явлением, оппозиционным и каноническому буддизму и ортодоксальному конфуцианству.

Это сложное положение работы дает богатую пищу для размышлений о средствах, формах и итогах межцивилизационных контактов. В данном конкретном случае контакта западной - индийской цивилизации, с восточной - китайской. Я согласен с тем положением монографии, что успешная адаптация буддизма в Китае была предопределена уже имевшейся религиозно-культурной традицией с одной стороны и определенными лакунами в этой традиции - с другой. Но при этом хочу отметить, что китайский этнокультурный комплекс не только воспринимал привнесенное религиозное учение, которое на всех уровнях "демонстрировало свою паразитическую жизнестойкость, способность к трансформации, теоретическому усвоению и одновременно к расширению, углублению китайских традиционных идеалов и установок" (с.51), но и в свою очередь активно китайизировал буддизм, придавая ему свою, необходимую Китаю специфику. Сектантство же лежало в иной плоскости, выходя из китайской системы координат, т.е. оно представляло собой перестройку китайской культурной традиции компонента буддизма.

Существенным достижением автора рассматриваемой монографии является разработка ею категориального аппарата, в ходе которой удалось решить задачу адекватности терминологии и скрывающихся за ней явлений. Так был положен рубеж между понятиями "тайные общества" и "религиозные секты". Следует сказать, что мировое Китаеведение шло к этому очень долгие годы. Сам объект исследования был окутан покровом тайны. Секты и общества действовали скрытно от властей, да плюс к этому sacramентальность, предназначавшаяся лишь для тех, кто был причастен к этому религиозно-политическому подполью, - все это по определению обеспечивало недоступность информации для непосвященных. Из прочного конгломерата религиозного синкретизма автору необходимо было выделить чистый продукт: буддийский компонент, даосские построения и соотнести их с конфуцианской философской традицией, вычленив при этом бытовой уровень каждой из религий, замешанный на народных приметах и суевериях. А после этого определить сущность ереси!

Совершенное владение инструментарием исследователя позволило Е.Б.Поршневой преодолеть указанные трудности. Высокая степень разработки источников, знание всей полифонии западных концепций, сравнительный анализ достижений китайских, японских и американских авторов обеспечивают надежность и убедительность выводов, содержащихся в рассматриваемой работе. Об истинности работы следует сказать особо: источники даны разобрано, проведен скрупулезный текстологический анализ, труднейшие тексты осмыслены и их авторский перевод свидетельствует о высочайшем профессионализме. Анализ такого произведения, как "Тайбинзин" (с. 71-76) или разбор баоцзюаней, чему посвящен специальный раздел главы 3, - все это выполнено в лучших традициях отечественного востоковедения.

Основу теологических построений Мао Цзынаоля, Ло Цина, других основателей сект составляло раскрепощение личности, освобождение ее от всех навязанных на нее государством обязанностей. Привносимые ими идеалы рисовали иные по сравнению с традиционными степени свободы, что находило отклик в обществе и собирало последователей. Но права и возможности личности приходили в таком случае в противоречие с интересами государства, которые на протяжении тысячелетий обеспечивали само существование китайской цивилизации.

Диалектика борьбы этих двух начал давала возможность развития каждому из них, но лидеры духовной оппозиции не смогли дать иной идеи, чем уход от общества в запустевшие сады Западного рая, где нет запретных плодов. Официальная же буддийская и конфуцианская ортодоксия строила духовный мир совершенного человека, равно удобного и земному обществу и той ююли, в которую он отправлялся после прекращения земного пути. Вероятно, ее идеи оказались богаче и плодотворнее, потому что ереси не смогли создать в Китае устойчивой диссидентской религиозной ветви.

Работа Е.Б.Поршневой раскрывает богатство и сложность духовной структуры китайского феодального общества, в котором даосизм и буддизм насаивались на конфуцианство, и, как при изготовлении изделий из лака способ многократных покрытий создает шедевр, так и китайский религиозный синкретизм всеми богатствами своей стратегической оплодотворил произведения китайских интеллектуалов, поэтов, художников. Сектанство же открывало новые горизонты для представителей всех слоев общества. Неортодоксальность всегда привлекательна. Лик Христа на Туринской плащанице поражает прежде всего несопадением его с привычной иконографией, этим обнажается неведомая доселе правда и создается эффект сопричастности к сокровенному. Основатели сект несли свою, неформализованную правду, которая была каким-то новым ракурсом видения мира. Власть оказывалась перед выбором: с одной стороны, их исклеки "геронтологические" изыскания даосов, сулящих возможности жить 800 и даже 1200 лет, а с другой - страшное знание (пусть даже псевдознание, с нашей точки зрения) о судьбах правящей династии, изыскавшееся с помощью "Ицзинга" из запретных книг вроде "Тубэйту" (с. 92-93).

Причем, это "знание" было запретным для народа, а отнюдь не для самих адептов власти. "Преступление" сектантов и заключалось в том, что они открывали несанкционированные властями "знание" народу. И в этом Восток не отличается от Запада, а позднее средневековье от развитого индустриального общества тоталитарного типа. Вспомним, что в нацистской Германии был создан секретный институт, где коллекционировались и даосские, и тибетские гороскопы, тайны жрецов племени Амазонки, все тексты различных школ хиромантии и астрологии. Любопытно и то, что мы сегодня отдаем дань уважения церкви и одновременно трещим против истинной религии, выслушивая астрологические прогнозы по телевидению и читая недельные гороскопы в газетах, но это уже выдвигается за некий симптом демократичности средств массовой информации, а в средневековом Китае такие деяния квалифицировались формулой "использование религии с целью введения в заблуждение человеческих сердец", за что и преследовали сектантов (с.104).

На наш взгляд, анализ баоцзюаней как особого религиозно-литературного жанра особенно удался Е.Б.Поршневой. Эти драгоценные свитки действительно могли "служить и средством религиозного самосовершенствования, обретения истинной набожности и благочестия, но одновременно это был священный текст, который давал божественную санкцию открытому вооруженному насилию" (с.127). На основе дальнейшего исследования трех основополагающих баоцзюаней, прослеживая их преемственность и специфику, автор монографии приходит к глубоко обоснованному и исключительно важному выводу о том, что "с конца эпохи Мин позднесредневековые секты перестали быть буддийскими, как это долгое время традиционно было принято считать" (с.149), религиозный синкретизм восторжествовал, а бы добавил, что очередную победу торжествовала китайская этнокультурная традиция.

Большой интерес представляет и конкретно-историческое исследование процесса перехода от "благочестия к мечу" в сектантских движениях. Автор рисует широкое полотно формирования сект, уделяя особое внимание харизматическим особенностям лидеров в подготовке сект к действию. Драматичным представляется путь преодоления заповеди "не убий" в буддизме и конкретно в сектантских "учениях", что было заложено в самой религиозной доктрине. Итоговый вывод автора о том, что "обязательное присутствие в сектантских верованиях в качестве основного идеологического ядра доктрины спасения, отвечавшей важнейшим экзистенциальным потребностям человека, обеспечило и сделало идеологией этих движений одним из главных компонентов духовной жизни Китая позднего средневековья" (с.180), представляется обоснованным и убедительным.

Вместе с тем не могу согласиться с интерпретацией автором некоторых политических реалий кризиса китайского общества в конце династии Мин. Так, тезис о том, что первый министр "...выражал интересы чиновничества и традиционно находился в некоторой оппозиции к монарху" (с.110-111) представляется несколько странным. В конфуцианском Китае бюрократия была опорой престола и ее высший чин не мог традиционно быть оппозиционером. Вернее было бы сказать о борьбе дворцовой камарильи за влияние на императора, причем важнейшую роль в этом, как свидетельствуют источники, играли свухи, составлявшие оппозицию чиновникам.

Наконец, на мой взгляд, китайский религиозный синкретизм нельзя сводить к сосуществованию лишь "трех религий": ислам играл существенную роль в жизни китайского общества, причем не только среди маргиналов на западных рубежах империи. Были ли здесь какие-то свои неортодоксальные движения? Можно ли проследить в идеологии известных сект и исламские мотивы? Будем надеяться, что на эти вопросы мы получим ответ в дальнейших публикациях Е.Б.Поршневой.

К.Огава. "Последняя целина (экономическая зона Японского моря)"
("Сайго-но ню-фурунтта. Кан-нихонкай кэйдзайкэн". -
Токио, 1993. - Дайити инсацусэ")

В феврале 1993 г. в Токио вышла в свет новая книга известного японского ученого-исследователя экономики России и стран Восточной Европы профессора Кадацуо Огава под названием "Последняя целина (экономическая зона Японского моря)". Работа посвящена проблемам экономической интеграции стран бассейна Японского моря, развитию торгово-экономических связей Японии с соседними государствами региона, вопросам реализации многосторонних проектов на Дальнем Востоке России.

К.Огава является одним из наиболее плодотворных японских авторов, пишущих о России. Из-под его пера в Японии вышли, в частности, такие работы, как "Развитие Сибири и Японии", "Реформы Горбачева", "Что происходит в Восточной Европе", "Пробуждающийся Дальний Восток", в которых детально, на богатом фактическом материале разбираются экономические проблемы бывшего СССР и России. К.Огава - заместитель директора Института исследований экономики России и Восточной Европы Японской ассоциации по торговле с Россией и Восточной Европой (РОТОВО), некоторое время он одновременно преподавал в университете Нингата. Он много раз бывал в России, причем не только в столице, но и практически во всех регионах, в первую очередь на Дальнем Востоке, который знает не только по кабинетным беседам, но и по впечатлениям от увиденного на местах.

Рецензируемая книга носит характер социально-экономического исследования и обращена к широкому кругу японских читателей, в том числе и не знакомым с реалиями российской экономики. Ленточный книги: исторические изменения, происшедшие в Советском Союзе и, позднее, в России во второй половине 80-х - начале 90-х годов привели к открытию Дальнего Востока России для иностранного капитала и опыта; в свою очередь экономические преобразования способствовали расширению участия в экономических связях с соседними странами региональных субъектов в лице местных администраций и предприятий. Другое дело, что инфраструктура для освоения этого, по мнению автора, целинного участка мирового хозяйства, отсутствует по причине многолетней изоляции Дальневосточного региона России от заграницы.

Автор отмечает, что в XIX веке регион Японского моря переживал период роста гуманитарных контактов: во Владивостоке проживало около 3000 японцев; между Владивостоком и японским портом Нагасаки курсировали почтовые и иные суда, а среди японцев бытовало выражение, что "дойти до Владивостока от Нагасаки можно не износив и одних гэта (традиционная японская обувь - Д.В.) - до того близко". Затем последовал почти вековой период застоя, основными этапами которого являются русско-японская война, Октябрьская революция, оккупация Японией Сибири, вторая мировая, корейская и "холодная" войны, замораживание на длительный период советско-китайских отношений. В настоящее же время, как отмечается, субъекты экономической зоны Японского моря, минуя период знакомства, выразившегося в проведении многочисленных симпозиумов и семинаров, начали реализовывать конкретные проекты.

Факторами, способствующими развитию экономической зоны, автор считает высокую технологию и капитал Японии, капитал и "технологии средней конкурентоспособности" Южной Кореи, территорию и природные ресурсы Дальнего Востока России, потенциал сельского хозяйства, легкой промышленности и трудовые ресурсы Северо-востока Китая, трудовые ресурсы и полевые ископаемые КНДР. Причем южнокорейская технология "среднего уровня" на сегодняшний день, как справедливо замечает автор, более необходима той же России, чем трудно осваиваемое японское супер-современное "ноу-хау".

В качестве методологической базы концепции экономической зоны Японского моря в книге называется теория "открытого регионализма", которая, применительно к району Японского моря, выражается в следующем: дифференциация факторов производства по странам региона; потенциал горизонтального разделения труда между странами бассейна Японского моря; открытость района для участия экономических агентов из других стран.

Особое внимание автор уделяет потенциалу сотрудничества в энергетическом комплексе, в частности, в разработке ресурсов континентального шельфа, российского Дальнего Востока - газа Якутии и Сахалина, угля Якутии и т.д.

К.Огава не проходит мимо даже небольших по значимости совместных проектов, иных примеров налаживания интеграции в регионе (проведение международных выставок на Дальнем Востоке, открытие воздушных линий, связывающих российский Дальний Восток с зарубежными городами, создание СП по рыбопереработке и др.), видя в этих явлениях подтверждение своих оптимистических взглядов на будущее экономической зоны Японского моря.

По мнению автора, тенденция к созданию экономических блоков в современном мировом хозяйстве является преобладающей. Так, только в АТР К.Огава насчитывает несколько оформившихся экономических блоков: в районах Желтого моря, Восточно-Китайского моря, Индокитая и т.д. Перспективы экономического сотрудничества стран бассейна Японского моря связаны с тем обстоятельством, что регион, а точнее его часть - Дальний Восток России - привлекает внимание зарубежных инвесторов и из других районов - США, Канады, Новой Зеландии и др.

К.Огава подробно останавливается на предпосылках включения в региональные процессы каждой из стран экономической зоны Японского моря. Так, говоря о целях, которые дает экономическая зона для Японии он пишет все же не столько о факторах экономической взаимозависимости, а о повышающейся параллельно с ростом экономического влияния страны ответственностью за экономический прогресс во всем мире. Это должно выразиться в повышении доли официальной помощи развитию в ВВП Японии (с нынешних 0,3% до 2% в 2010 г.), увеличении объема совокупного экспорта и зарубежных инвестиций, а одним из наиболее привлекательных направлений признается экономическая зона Японского моря.

Необходимо признать, что идея о якобы существующей экономической зависимости Японии от развития многосторонних контактов в регионе, в частности от уровня торговых связей с Россией, в книге практически не затрагивается и, думается, это справедливо. Состояние экономики и внешнеэкономических связей России, особенности Дальневосточного региона (крайне слабая социальная и производственная инфраструктура, местные социальные, производственные, энергетические проблемы, удаленность от центра) не позволяют в настоящее время говорить о сколь-нибудь серьезной зависимости Японии от России. Наряду с этим К.Огава пишет о заинтересованности промышленных, торговых, управленческих и прочих кругов префектур,

прилегающих к побережью Японского моря, в контактах с соседними регионами России. Приводятся и конкретные цифры, характеризующие наполнение отдельных статей префектуральных бюджетов, из которых финансируются мероприятия в рамках регионального обмена (в основном это исследования, семинары, обмены стажерами). Важно и стремление префектур, прилегающих к Японскому морю, пояснить степень своего участия в международном разделении труда за счет интенсификации региональных связей. До настоящего времени уровень такого участия был невысок относительно "тихоокеанских" префектур. Еще недавно по отношению к тем районам, которые прилегают к Японскому морю, в японском языке бытовало выражение "изнанка Японии". Сегодня же социально-экономический подъем испытывают как раз эти районы Японии.

Но, безусловно, основное внимание в работе уделено положению дел в реализации конкретных совместных, в том числе многосторонних проектов, которые и составляют понятие экономической зоны Японского моря. При их описании автор выстраивает некую цепь приоритетов, которые, думается, характеризуют в целом японский подход к данной проблеме. Важнейшими сферами названы разработка природного газа, нефти, угля, гидроресурсов; далее - строительство трубопроводов, добыча и обработка драгоценных камней; переработка морепродуктов, производство лесных товаров; туризм; сельское хозяйство; строительство объектов инфраструктуры (городские коммуникации, порты, аэропорты, железные дороги). Особое внимание автора привлекает многосторонний проект в районе Хасана, на стыке границ 3-х государств - России, Китая и КНДР, где предполагается построить порт, железную дорогу, дающую выход Китаю к Японскому морю, перерабатывающие предприятия на базе богатых местных ресурсов. Должна быть создана зона свободной торговли, к которой будет примыкать курортная зона в районе российского города Носет. Подобные планы имелись уже в 1990 г. Не обошлись стороной и имеющие долгую историю компенсационные соглашения между Россией и Японией (по углю, лесу), в частности, 4-е генеральное соглашение по лесу, подписанное в сентябре 1991 г., но работы по которому на момент написания книги так еще и не начались.

Интересна и такая мысль К.Огава: зона Японского моря может стать некоей "низовой зоной", где в качестве ведущей единицы внешнеторговых расчетов станет японская иена; здесь не последнюю роль играют взаиморасчеты в рамках прибрежной торговли с Дальним Востоком России, на территории которого позиции иены выглядят предпочтительнее по сравнению с другими валютами.

Книга должна заинтересовать специалистов по экономике и внешнеэкономическим связям Японии как пример сдержанно-оптимистического подхода японских деловых кругов к развитию экономической зоны Японского моря. Могут показаться спорными мысли автора об исторически быстром решении наших внутренних проблем, препятствующих сегодня быстрому росту многосторонних связей, с другой же стороны, полезно взглянуть глазами японского специалиста на специфику экономических связей с Дальним Востоком России, на внутрироссийские проблемы.

© 1993

Д.Воронцов,
кандидат экономических наук

Б.В.Поспелов "Отношения Японии со странами АТР: социально-идеологические аспекты". - М.: Наука, Издательская фирма "Восточная литература", 1993. - С. 287.

Ветеран российского японоведения, видный специалист по истории общественно-политической мысли и идеологическим течениям в современной Японии, главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук Борис Васильевич Поспелов отмечает в этом году свое 70-летие выходом ряда новых крупных научных трудов. Заметное место среди них занимает монография, посвященная социально-идеологическим аспектам отношений Японии со странами Азиатско-тихоокеанского региона.

Обращают на себя внимание как повизна самой, рассматриваемой автором темы, так и новые комплексные подходы к анализу межгосударственных отношений. До сих пор мы имели дело с работами, затрагивающими прежде всего политическую, военную и экономическую стороны отношений Японии с государствами АТР. Факторы же духовные, идейные, гуманистические не привлекались во внимание, оставались в тени. Исследование Б.В.Поспелова в определенной мере восполняет этот пробел.

Автор связывает региональные интеграционные процессы не только с хозяйственными потребностями и политической целесообразностью, но и с влиянием веками складывавшихся в странах региона традиций, с общностью глубоко укоренившихся и устойчивых этнокультурных факторов. Морально-этической базой внутренней стабильности и внешнего взаимодействия для целого ряда стран и районов стало конфуцианство. И не случайно среди государств и территорий, лидирующих в продвижении по пути экономического и научно-технического прогресса, наряду с Японией, мы видим азиатских "молодых драконов" - Южную Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Все они принадлежат к конфуцианскому культурному ареалу. К этому же ареалу в принципе относятся континентальный Китай и Северная Корея.

Между отдельными странами или группами стран ареала сейчас существует много проблем и пока не разрешенных противоречий. Они, видимо, полностью не будут преодолены и в будущем. Более того, к старым проблемам и противоречиям, наверняка, добавятся еще и новые. Но, учитывая усиливающиеся интеграционные тенденции, нельзя исключать, что в более или менее отдаленной перспективе эти страны, обладающие историко-культурной общностью, могут превратиться в ядро мощного регионального объединения.

Особенностью Азиатско-тихоокеанского региона является если не смешение, но во всяком случае близкое и тесное соседство различных цивилизаций, многих культур и религий. Это обстоятельство, как ни парадоксально, выполняет не разобщающую, а синтезирующую роль. Исследователь ссылаясь на утверждения японских теоретиков панasiatизма, согласно которым здравый жизненный смысл в Азии выбирает "не столько различие, сколько объединение", не столько "противостояние", сколько "гармонию". Именно поэтому приближается эпоха, когда "во всеулышание должна заявить о себе характерная для Азии плюралистическая формула сосуществования" (с. 24). И в этом процессе идеологи страны восходящего солнца отводят и отводят Японии ведущее, доминирующее место, мотивируя это как высоким уровнем и преобладающим весом японской экономики в регионе, так и тем, что Япония является "подлинной сокровищницей идей и культур Азии". Воплощение разнообразия культур в единое начало еще на рубеже XIX и XX веков считалось "великой прерогативой Японии" (с. 27).

Б.В.Поспелов указывает на такую особенность современных японских внешнеполитических доктрин, как сочетание в них восточного традиционализма с западным модернизмом, особенно с влиянием на нынешнем этапе американских взглядов на пути социального развития. В основе такого синтеза, по его мнению, лежит сходство социально-экономических структур США и Японии, их совместное продвижение в стадию постиндустриального общества, что позволяет предсказать имеющиеся тренды и противоречия между ними. Нельзя не увидеть в рассуждении японских аналитиков, - замечает автор, - и признания начавшегося в реальной жизни сближения западной и восточной моделей организации производства, мотивационных ценностей и самого образа человека, синтезирующего в себе представления о принципах трудовой морали Запада и Востока" (с. 33).

В книге раскрывается взаимосвязь усиления роли Японии в АТР с координацией ее действий с Вашингтоном в региональной стратегии. Б.В.Поспелов напоминает, что стратегическая линия опоры на мощного союзника всегда присутствовала во внешней политике Токио. На разных исторических этапах это были Великобритания, Германия и вот теперь США. Однако, как справедливо констатирует автор, японо-американские отношения далеки от гармонии. В Токио явно хотели бы по многим параметрам стать лидером, опередить США, потеснить американские монополии на мировых рынках, в том числе и в АТР, добиться определенного перераспределения ролей на международной арене.

Современные японские теоретики развивают мысли своих предшественников о роли Японии в АТР с поправками на исторический опыт. Стремление к достижению величия Японией военным путем, путем насилия и захвата чужих территорий обернулось для нее жестоким поражением и национальным позором. Страна лежала в руинах и именно это явилось первопричиной того, что японцы приобрели обостренное чувство отвращения к войне, неприятия войны. А трагедия Хиросимы и Нагасаки вызвала у них стойкую "ядерную алергию".

После поражения в войне Япония сделала ставку не на военную, а на экономическую мощь. В японских политологических кругах, делает вывод автор, стало преобладать мнение, что ныне "движущая сила мировой истории из военной сферы переместилась в экономическую" (с. 36). Экономические достижения страны породили такой социально-идеологический феномен, как "экономический национализм" (с. 274). Возрастание мощи Японии может вызвать соблазн мессианства и переделывания других по своему образу и подобию.

Правда, пока Япония в политическом плане, несмотря на экономическую мощь, не достигла статуса сверхдержавы. Ее поведение на международной арене все еще присуще определенному "провинциализму". В настоящее время на практике она ограничивается ролью региональной державы. Но влияние Токио не только в регионе, но и в мире в целом безусловно растет.

Росту международного авторитета Японии не в малой степени способствует ее мирная политика, закрепленная государственными и правительственными актами. Японский пацифизм институционализирован в антивоенной статье 9 Конституции 1947 г., в провозглашенных в 1968 г. "трех неядерных принципах" - не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие, в принятом в

1976 г. решении о том, чтобы военные расходы страны не превышали одного процента объема валового национального продукта. Хорошо известны настроения не только широкой японской общественности, но и представителей правящей элиты в пользу мира. Так что прежние, наработанные пропагандистскими установками наши стереотипы политики Японии как "антинародной", "реакционной" и "милитаристской" следует признать тенденциозными.

Производя переоценку наших подходов к Японии, конечно, не следует впадать в другую крайность - упрощать существо японской политики и тем более идеализировать или приукрашивать ее. Наиболее оправдана научная позиция, рассматривающая действительность такой, какой она есть - со всеми плюсами и минусами, с неоднозначными и довольно противоречивыми тенденциями. При этом важно избегать предвзятости и зашоренности, стремиться к максимальной объективности. Именно такую позицию, судя по книге, занимает Б.В.Поспелов. В своей работе он поднимает малоизвестные и слабоизученные пласты японо-американской проблематики, вводит в научный оборот массу новых, преимущественно японских, материалов и на этой основе делает соответствующие выводы.

Рецензируемый труд при его неоспоримых достоинствах не во всем безупречен. Что-то в нем изложено непално, что-то может вызвать сомнения и возражения. Например, подробно освещая отношения Японии с КНР, Тайванем, Республикой Корея, касаясь в ряде мест японо-американских взаимоотношений, автор лишь вскользь упоминает об отношениях Японии с СССР - Россией. Это вряд ли оправдано, учитывая что наша страна принадлежит к АТР. Трудно согласиться с тезисом, что "через Россию, - как пишет Б.В.Поспелов, - Япония включается в единое евразийское пространство, в строительство нового международного порядка и мировой цивилизационной общности" (с. 276). Во-первых, потому что единое евразийское пространство пока существует лишь в футурологических прогнозах (сама Россия еще не смогла стать "единым пространством"). Во-вторых, потому что Япония давно уже политически, экономически, идеологически, а частично и в военном отношении прикнула к Западу (к индустриально развитым странам Северной Америки и Западной Европы) и, следовательно, фактически уже вошла в будущее евразийское пространство (чего нельзя сказать о России). И, наконец, в-третьих, потому, что для связей с Европой Японии не так уж необходимо посредничество России. К тому же нынешнее состояние российско-японских отношений не очень этому благоприятствует. Скорее Япония со временем может сыграть роль посредницы в приобщении России к Западу, да и к Востоку тоже.

Что касается строительства нового международного порядка, то на данном этапе и в России, и в Японии, и в США, и в Китае, его понимают по-своему. А поскольку нет общего понимания, строить такой порядок непросто. И уж во всяком случае спорным представляется утверждение, что в строительстве нового международного порядка Япония исключается "через Россию".

Монография маститого ученого представляет особую ценность тем, что она наводит на размышления, меняет устаревшие представления о некоторых сторонах японской политики, способствует ее лучшему пониманию. Книга Б.В.Поспелова представляет интерес как для специалистов, так и для всех, кто хочет больше знать о мотивах и существе политики Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе.

© 1993

Б.А.Бородин,
кандидат исторических наук

Академику С.Л.Тихвинскому - 75 лет

Сергею Леонидовичу Тихвинскому исполнилось 75 лет. Академик Российской Академии наук, советник Президиума РАН, Председатель Национального комитета российских историков, Председатель Научного совета по истории внешней политики и международных отношений России, Почетный председатель Российской ассоциации китаеведов, Председатель Общества российско-китайской дружбы, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Таков перечень только официальных его должностей, ученых званий и рангов на сегодняшний день.

Академик С.Л.Тихвинский - один из авторитетнейших востоковедов современности, признанный глава отечественного китаеведения. В его активе свыше 300 опубликованных научных трудов. Вместе с тем С.Л.Тихвинский никогда не был сугубо кабинетным ученым. Творчество

исследователя он постоянно сочетал и по сей день сочетает с ответственной работой дипломата, организатора отечественной исторической науки, педагога и общественного деятеля.

Родился Сергей Леонидович в Петрограде 1 сентября 1918 г. в семье военного врача. В Ленинградском университете, куда студент Тихвинский перевелся после окончания первого курса Ленинградского института истории, философии и литературы, он вошел в мир большой науки. Прекрасный подбор педагогов, в числе которых были академики И.Ю.Крачковский, И.И.Мещанинов, В.В.Струве, В.М.Алексеев, неординарные способности студента Тихвинского, его живой интерес к избранной специальности обеспечили преемственность знаний, накопленных востоковедами предшествующих поколений. Его научный потенциал позволил в 1937/38 учебном году сдать экстерном экзамены за 4-й курс. Но закончить университет ему не пришлось: пятикурсник Тихвинский был направлен на дипломатическую работу в Наркомат иностранных дел СССР. Началась дипломатическая деятельность, увенчавшаяся в 1966 г. присвоением ему ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Уже в 1939 и 1940 гг. он выезжает в краткосрочные командировки в Китай. В 1946-1950 гг. снова Китай, сначала Чунцин, затем Пекин. Здесь в октябре 1949 г. С.Л.Тихвинский, будучи генеральным консулом в Пекине, принимал непосредственное участие в установлении дипломатических отношений с КНР.

Все эти годы, несмотря на большую загруженность на дипломатической работе, С.Л.Тихвинский не порывает связь с наукой: завершение учебы в вузе, учеба в аспирантуре (все экстерном), защита кандидатской (1945) и докторской (1953) диссертаций проходили без отрыва от практической работы. В 1953-56 гг. - он советник посольства СССР в Великобритании, в 1956-57 гг. - на дипломатической работе в Японии. По возвращении в Москву в 1957-60 гг.

С.Л.Тихвинский возглавлял отдел стран Азии Госкомитета по культурным связям с заграницей при Совете Министров СССР. В эти годы он пришел на работу в Академию наук: с 1959 г. он директор Института китайведения, затем зам. директора Института востоковедения, в 1964-66 гг. - зав. отделом истории Института экономики мировой социалистической системы.

В Институте китайведения он возглавил комплексную разработку одного из важнейших периодов китайской истории - новой истории, объединив вокруг себя научную молодежь, перед которой поставил задачу создания фундаментального коллективного исследования по новой истории Китая. В работе этой группы воплотилась одна из лучших традиций отечественного китайведения - преемственность научных знаний. Вышедшая в свет в 1972 г. коллективная монография "Новая история Китая", получила высокую оценку в мировой синологии. Завершали работу над монографией уже кандидаты и доктора наук. Сам руководитель группы, выступивший в роли ответственного редактора и автора двух крупнейших глав, в 1968 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Параллельно с работой над "Новой историей Китая" С.Л.Тихвинский издает две монографии, подготовленные на основе его диссертационных исследований - "Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй" (М., 1959) и "Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (из истории национально-освободительной борьбы китайского народа в 1885-1925 гг.)" (М., 1964). В эти годы С.Л.Тихвинский выступает также организатором, ответственным редактором и автором развернутых групповых статей серии сборников документов и статей, подготовленных в группе новой истории, таких как "Синьхайская революция. Сб. статей" (М., 1962), "Сунь Ятсен. Избранные произведения" (М., 1964; 2-е изд. в 1988 г.), "Суть Ятсен. 1866-1966. К 100-летию со дня рождения. Сб. статей, воспоминаний и материалов" (М., 1966, 2-е изд. к 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена. М., 1987), "Маньчжурское владычество в Китае. Сб. статей" (М., 1966), "Синьхайская революция. 1911-1913. Сб. документов и материалов" (М., 1966) и др.

Особое место в научной деятельности С.Л.Тихвинского занимает изучение буржуазно-демократического революционного движения в Китае во главе с Сунь Ятсеном конца XIX - первой четверти XX вв.

Разработке этой темы посвящены многие его труды. 120-летие со дня рождения Сунь Ятсена С.Л.Тихвинский отметил изданием монографии "Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов" (М., 1986). Это переработанный и дополненный вариант его первой монографии о Сунь Ятсене.

Важное значение Тихвинский-историк придает исследованию и публикации источников, будь то международные акты, межгосударственные и внутригосударственные документы, мемуары или эпистолярное наследие. Так, будучи членом Комиссии по изданию дипломатических документов МИД СССР (с 1963 г.) и начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР (1967-1980), С.Л.Тихвинский подготовил к публикации значительное количество документов по истории внешней политики дореволюционной России и СССР.

Особое место в научном творчестве С.Л.Тихвинского занимают публикации по истории взаимоотношений между Россией и Китаем. Под его руководством в течение последних десятилетий в ИДВ РАН ведется издание многотомной документальной серии "Русско-китайские отношения в XVII-нач. XX вв." Уже изданные 4 тома получили известность и широкое признание в нашей стране и за ее пределами.

В последние годы в центре научных интересов С.Л.Тихвинского появилась еще одна тема - жизнь и революционная деятельность первого премьера КНР и министра иностранных дел Чжоу Эньлая, с которым академик был лично знаком.

70-летие академика С.Л.Тихвинского было отмечено изданием его избранных произведений: "Китай и всемирная история" (М., 1988), в 1992 г.

вышла в свет книга его воспоминаний "Китай в моей жизни", журнальный вариант которой был опубликован в "ПДВ" (1989, NN 3 и 4; 1990, NN 4 и 5).

Академик Тихвинский С.Л. - иностранный член зарубежных академий, в том числе Флорентийской Академии дель арта дель десиньо (с 1980 г.). Будучи членом Исполнительного совета ЮНЕСКО (1968-1974) он много времени и сил посвятил организации спасения и реставрации уникальных памятников мировой культуры, таких, как Венеция, Мохенджодаро (Пакистан), Боробудур (Индонезия), памятников Нубии (АРЕ).

Важное место в научной деятельности С.Л.Тихвинского занимает научно-организационная работа: с 1975 г. он - заместитель академика-секретаря отделения истории АН СССР, с 1982 г. по 1988 г. - академик-секретарь этого отделения и член Президиума Академии, с 1980 г. возглавляет Национальный комитет советских историков (ныне российских). В 1981 г. он был избран действительным членом АН СССР.

С особой ответственностью относится Сергей Леонидович к подготовке молодых научных кадров: в течение нескольких лет он преподавал в МГИМО, где в 1959-63 гг. заведовал кафедрой, в 1980-1986 гг. - он ректор Дипломатической академии МИД СССР.

В наши дни широкую известность получил семинар академика С.Л.Тихвинского, который регулярно на протяжении нескольких лет он проводит в Институте Дальнего Востока РАН.

Свое 75-летие С.Л.Тихвинский встретил полным расцветом творческих сил: идет работа над монографией о Чжоу Эньлае, выходит в свет сборник статей "И не распалась связь времен. К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова", где он выступает в качестве ответственного редактора, на подходе очередной том "Русско-китайских отношений". Этот многолетний привычный ритм научной работы не нарушают даже юбилеи.

Коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция "ПДВ", поздравляя Сергея Леонидовича Тихвинского с 75-летием, желают ему здоровья и новых творческих успехов.

ПОПРАВКА:

В No 1 за 1993 г. на странице 114, 3-й абзац сверху, 1-я строка следует читать: "Чжоу Эньлай ответил, что если не учитывать..." и далее по тексту.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 18.08.93 г. Подписано к печати 08.10.93 г. Формат бумаги 70x100 1/16.
Офсетная печать. Услечл. 15,6 Услкр-отт 41,7 тыс. Уч-издл. 180 Бумл. 60
Тираж 2632 экз. Зак 382 Цена 100 руб.

Отпечатано в Московской типографии N2 ВО "Наука", 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.